

ДОСЬЕ БЕЗ РЕГУШИ

КОРНИЛОВ

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ДИКТАТОР

А. В. ШИШОВ

Москва
«ВЕЧЕ»
2004

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.
Акционерное общество «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече—НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18.

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться в интернете на сайте
www.100top.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рано или поздно история возвращает имена людей, «знаковых» для своего бурного времени.

Одной из таких великих личностей был Лавр Георгиевич Корнилов, сын сибирского казака-крестьянина, многолетней «беспорочной» службой выбившегося в хорунжий, и казашки из кочевого рода, окончивший Омское кадетское училище и Михайловское артиллерийское училище, ставший Верховным главнокомандующим России в Первой мировой войне. Он был ловким и бесстрашным разведчиком российского Генерального штаба в сопредельных с Туркестаном странах, героем русско-японской войны и кампании 1914 года на Русском фронте. Свидетельство тому и боевые ордена — Святого Георгия 3-й и 4-й степеней, Святого Владимира 2-й и 1-й степеней, Святого Александра Невского, другие отечественные и иностранные орденские награды, Золотое георгиевское оружие «За храбрость», прижизненная популярность в русской армии и обществе.

Корнилов-государственник стал именно той «знаковой» фигурой, которая своими действиями «помогла» России в конце 1917 года, уже после событий Октября, разделиться на два непримиримых во вражде лагеря: белый и красный. Генерал Корнилов стал первым военным вождем Белого движения, одним из главных зачинателей Гражданской войны. Под его командованием формировалась на Дону и начинала свой 1-й Кубанский «Ледяной» поход белая Добровольческая армия. Именно ему принадлежит знак «первопроходников» за № 1.

Для соратников по Белому движению «спорный» для историков генерал Л.Г. Корнилов был «народным героем». Человеком бесспорной офицерской чести и бескорыстности, верный солдатскому долгу, лично храбрый, умеющий повести за собой в бой тысячи и тысячи человек. Смело поднявший голос против надругательства над российской государственностью, развала русской армии и поругания фронтового офицерства.

Корнилов пытался восстать против сил, которые вели воюющую республиканскую Россию к катастрофе. Попытавшись установить военную диктатуру, он хотел остановить разложение внутри страны, восстановить боеспособность армии и Русского фронта. Историки спорят, «мог ли быть удачен августовский «мятеж», не измени Корнилову в последний миг его союзники» из Временного правительства Керенский и Савинков.

Для своих соратников по Белому движению генерал Корнилов был и остался военным вождем, пользовавшимся огромным авторитетом среди противников советской власти. Таким он был до своей гибели под Екатеринодаром.

Для красных генерал Корнилов был махровым контрреволюционером, в числе первых поднявшийся против власти Советов. Термином «корниловец» после августовского путча 1917 года и в годы Гражданской войны клеймили всех, кто с оружием в руках или без оружия стоял за старую Россию. Во многих случаях это было равнозначно смертному приговору.

О генерале Корнилове писали в своих мемуарах его соратники по Первой мировой и Гражданской войнам, по борьбе за Российскую державу А.И. Деникин и А.С. Лукомский, П.Н. Врангель и А.И. Гучков, Н.Н. Головин и П.Н. Милюков, Б.В. Савинков. По-иному говорят о нем его недоброжелатели — А.Ф. Керенский, Л.Д. Троцкий, А.И. Верховский и Е.И. Мартынов. В последние десятилетия вышли работы таких историков и писателей, как Г.М. Катков, Г.З. Иоффе, С.В. Волков, Н.П. Кузьмин и т.д.

Настоящий историко-документальный труд написан на основе широкой источниковой базы первых двух десятилетий XX века: архивных материалах, воспоминаниях участников Гражданской войны в России, как белоэмигрантов, так и красных, документах Добровольческой и Красной армий, материалах «Следственного дела по «корниловскому мятежу» и позднейших исследований. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей государства Российского на «изломе» его летописания.

Алексей Шишов

Часть I

СЛУЖЕНИЕ БОГУ, ЦАРЮ И ОТЕЧЕСТВУ

Глава 1

СЫН КАЗАКА-ХОРУНЖЕГО С ГОРЬКОЙ ЛИНИИ СИБИРИ. ПУТЬ В ОФИЦЕРЫ

Родословная военного вождя-зачинателя Белого движения в России генерала Лавра Георгиевича Корнилова не имеет ничего общего с контрреволюционной «классовой сословностью». Он, как говорили раньше, «вышел из трудового народа».

Родился Лавр Корнилов в семье отставного хорунжего станицы Каркаралинской (ныне город Каркаралинск Карагандинской области Казахстана) Сибирского казачьего войска 18 августа 1870 года в небольшом городке Усть-Каменогорске Семипалатинской области, расположенной в степных отрогах Алтайских гор (в современном Казахстане).

Однако историки называют и другое место его рождения. В «Полном послужном списке подпоручика туркестанской артиллерийской бригады Корнилова Лавра Егоровича», составленном в августе 1882 года, указано, что он родился тоже 18 августа 1870 года, также в станице Каркаралинской, но был сыном коллежского секретаря, уроженца Семипалатинской области, и казашки.

Его отец — Егор Корнилов был простым казаком с Горькой линии. Так в XVIII столетии называлась линия степных поселений сибирского казачества, построенных со времен Петра I по всему течению реки Иртыш. Начинаясь тогдашняя граница России — Горькая линия — на северо-востоке Киргизской (Казахской) степи с места впадения иртышских вод в Обь и кончалась озером Зайсан возле самой границы с китайским Туркестаном.

Глава многодетной корниловской семьи прослужил, охраняя Горькую линию, как надежный пограничный стражник, четверть века. Служил примерно и достойно, не раз отличаясь в делах против степных разбойников, занимавшихся «барантой», и вооруженных контрабандистов. Благодаря «беспорочности» воинской службы и своей грамотности (это обстоятельство играло тогда немалую роль) к концу своей строевой службы урядник Егор Корнилов сумел получить первый офицерский чин в казачьих войсках — хорунжего.

Следует заметить, что большинство обер-офицеров казачьих войск комплектовалось из урядников по выслуге лет. При этом путь к званию хорунжего для детей рядовых казаков составлял не менее 12 лет строевой службы. Все казачьи урядники производились в первый офицерский чин только по вакансии, по удостоению войскового начальства, но без экзамена. Естественно, неграмотные не могли быть произведены в офицеры.

Отслужив «честь по чести» положенный срок и выйдя в отставку, Корнилов-старший с семьей поселился в степном городке Каркаралинке. Там он устроился на гражданскую службу — писарем волостной управы. Выше десятого класса по табели о рангах государственных чиновников отставной казачий хорунжий подняться не сумел. К концу жизни он получил лишь чин коллежского секретаря волостной управы в Семипалатин-

ской области и состоятельным человеком, разумеется, быть просто не мог.

Мать Лавра Георгиевича была простой казашкой из кочевого рода, обитавшего на левобережье Иртыша по Горькой линии. Есть и другие сведения о ней. Так, считается, что она была казачкой Кокпектинской станицы. Или происходила из богатого рода, старейшины которого признали ее мужа только после того, как Егор Корнилов получил офицерские погоны. В семье Корниловых, помимо Лавра, было еще двое детей: сын Петр и дочь Анна. Известно, что мать часто брала старшего сына Лавра при поездках в родной аул, в родительский дом. Поэтому он знал казахский язык еще с детства.

Сильная кровь степных предков по матери сказалась на внешнем облике Корнилова характерными скулами и узким разрезом глаз. Восточный тип всегда загорелого лица внешне заметно выделял Лавра Георгиевича и в среде генералитета Российской императорской армии.

В первой книге о военном вожде Белого движения, изданной в Советском Союзе (Мартынов Е.И. «Корнилов. Попытка военного переворота». Москва. Штаб РККА, научно-уставной отдел, 1927 г.) о родословной Лавра Георгиевича и его раннем детстве рассказывается, естественно, с предвзятостью так:

«Что же представлял собой Корнилов, на которого буржуазия возлагала столько надежд?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо исправить и дополнить его биографию, искаженную беззастенчивой рекламой.

Корнилов родился 18 августа 1870 года в глуши Сибири.

В пятой графе его послужного списка сказано:

«Из какого звания происходит? — Сын коллежского секретаря».

«Какой губернии уроженец? — Уроженец Семипалатинской области».

Как известно, на эту графу при старом режиме обращали особое внимание, и она всегда заполнялась на основании метрического свидетельства или какого-нибудь другого бесспорного документа. Следовательно, Корнилов был сыном мелко чиновника, а совсем не сыном казака-крестьянина, каким

стал показывать себя впоследствии в своих воззваниях к народу и армии, каким выставляли его после гибели, называя «выходцем из буржуазии». Конечно, возможно, что его отец выслужился из простых казаков, но это уже не относится к разбираемому вопросу.

В Корнилове несомненно текла кровь сибирских инородцев, так как он отличался ярко выраженными чертами монгольского типа, делавшими его похожим на бурята. Детство Корнилова протекало на его родине — в Семипалатинской области, которая в то время была сплошь заселена киргизами-кочевниками...»

О простонародном происхождении белого генерала Корнилова лучше всего свидетельствует отчество — Егорович. В дворянских и состоятельных семьях старой России такое имя (Егор) было большой редкостью, не говоря уже об аристократических родах. Он и начинал свою офицерскую карьеру не как Лавр Георгиевич, а Лавр Егорович.

Отчество ему было изменено в силу следующих обстоятельств. Гораздо позднее, когда начался быстрый рост Корнилова по служебной лестнице, в «Послужном списке» офицера появилась более благозвучная «переименовка» отчества на «Георгиевича». Такое в то время вполне допускалось и чем-то необычным не считалось. Сам Лавр Георгиевич такому изменению в своем «написании», как известно, не воспротивился: он принял перемену отчества как должное.

Семья Корниловых была многодетной, и мальчику пришлось с детства познать нелегкий крестьянский труд, помогать родителям по дому. Любознательный казачонок с интересом посещал местную двухлетнюю церковно-приходскую школу. Но больше всего сын отставного хорунжего любил заниматься сам. В царской России в домах грамотных людей из низов книги не являлись редкостью.

Тяга к книжным знаниям сохранилась у Лавра Георгиевича на всю оставшуюся жизнь. Известно, что в самом раннем детстве, едва научившись читать, он познакомился с пушкинской «Полтавой», лермонтовским «Бородино», рылеевским «Иваном Сусаниным».

Корнилов-старший по своему положению не мог устроить смышленому сыну какую-либо протекцию. Но он сумел с боль-

шим трудом определить подросшего Лавра в Омский кадетский корпус. Учебные заведения подобного рода давали в то время хорошую общеобразовательную подготовку и, что самое главное, готовили юношей к поступлению в военные училища. А это давало возможность стать профессиональным военным.

В Омский кадетский корпус принимали, как правило, детей тех родителей, судьба которых была связана с Сибирью (в которую тогда входил и Дальний Восток) и Туркестаном. Может быть поэтому у местных кадетов кумирами были два человека, две выдающиеся в отечественной истории личности. Первым из них, естественно, являлся «белый генерал» М.Д. Скобелев, которого еще при жизни прочили «в Суворовы».

Вторым кумиром был земляк Лавра Корнилова воспитанник корпуса Чокан Валиханов, внук всесильного в Киргизской (Казахской) степи хана Аблая. Став офицером русской армии, он прославился дерзкими разведывательными экспедициями в Кашгар, в китайскую провинцию Нянью. Будучи причислен к корпусу офицеров Генерального штаба, Валиханов становится близким человеком известного отечественно-го путешественника-географа Семенова-Тян-Шанского.

Кадет Лавр Корнилов рано понял: если хочешь чего-нибудь добиться в будущей жизни, то надо быть первым, надо быть лучшим в учебе.

Годы учебы пролетели незаметно. Омский кадетский корпус (1-й Сибирский императора Александра I), который вел свое «старшинство» с 1813 года, потомственный сибирский казак закончил с наивысшим баллом. Теперь у него не было препятствий на пути к заветным офицерским эполетам. Более того, отличная учеба давала Корнилову-младшему право выбора военного училища.

В корпусе ожидали, что выходец из Киргизской степи, любивший лошадей и умевший обращаться с ними, выберет кавалерийское училище — столичное Николаевское или Тверское. Мог он пойти учиться и в казачьи военные училища — Новочеркасское или Оренбургское. Однако выбор кадета-отличника, к немалому удивлению преподавателей, однокашников и отца, пал на престижное Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Родители благословили сына,

и он отправился из степного Каркаралинска в далекий город на берегах Невы. В августе 1889 года Лавр Корнилов надевает алые юнкерские погоны.

Михайловское училище гордилось своей историей. Оно вело свою родословную с 25 ноября 1820 года, когда при столичной учебной артиллерийской бригаде было открыто Артиллерийское училище. Оно было рассчитано на 120 штатных и 28 сверхштатных учащихся и предусматривало 5-летний срок обучения. В училище тогда принимали только детей потомственных дворян в возрасте 14—18 лет (смотря по тому, в какой класс поступал абитуриент) после строгих экзаменов.

Из училища его питомцев выпускали по четырем разрядам. Окончившие по 1-му разряду производились в прапорщики и переводились в офицерские классы училища. По 2-му разряду... производились в прапорщики и направлялись в армейские войска. По 3-му разряду — оставались в училище еще на один год доучиваться. А выпускники 4-го разряда направлялись в армию юнкерами и должны были прослужить до производства в первый офицерский чин не менее двух лет.

Свое окончательное название — Михайловское артиллерийское — училище получило 19 сентября 1849 года при императоре Николае I. За первые 35 лет училище выпустило всего 375 офицеров. Затем штаты его заметно расширились, и оно стало более демократичным по составу своих воспитанников.

Михайловское училище обеспечивало только треть открывавшихся офицерских вакансий в артиллерийских частях полевой армии и крепостной артиллерии. Поэтому в 1894 году в столице появилось еще одно артиллерийское училище — Константиновское. А вслед за ним, но уже в начале Первой мировой войны, были созданы Сергиевское в Одессе и Николаевское в Киеве. Одесское училище сделало свой первый выпуск в 1915 году, Киевское — в следующем году.

Традиционно социальный состав артиллерийских училищ был более аристократичен, чем общевоинских, хотя при этом с 1859 года никаких социальных ограничений для поступления в артиллерийские училища не существовало. Основную массу их учеников составляли выпускники военных гимназий и кадетских корпусов, в большинстве своем дворянские дети,

имевшие склонность к точным наукам, такие, как Лавр Корнилов, с отличием окончивший Омский кадетский корпус.

Например, достаточно привести социальный состав училища за 1876 год. Из 163 юнкеров-михайловцев 127 были детьми потомственных дворян, 29 — детьми дворян, офицеров и чиновников (в их числе был Корнилов), два были из семей священников, один — сыном почетного гражданина, один купеческим сыном и три — «из прочих сословий».

Учебный план Михайловского артиллерийского училища предусматривал изучение Закона Божьего и иностранных языков, истории и военного законовещения, алгебры и аналитической геометрии, дифференциального и интегрального исчисления, механики и физики, химии и артиллерийского дела, общей тактики и тактики артиллерии, артиллерийского черчения и артиллерийской администрации, фортификации и топографии.

Уже одно перечисление этих учебных дисциплин свидетельствует о том, насколько серьезной была подготовка будущих офицеров в Михайловском артиллерийском училище. Организация учебного процесса отличалась тем, что поблажек юнкерам не давалось и требования к уровню их знаний всегда были высокими.

Учеба в Михайловском артиллерийском училище при всей ее многосложности давалась юнкеру Лавру Корнилову легко. Сказывались природная сообразительность, тяга к знаниям, начитанность и хорошая кадетская подготовка.

Через годы учебы в 1-м Сибирском кадетском корпусе в Омске и столичном Михайловском артиллерийском училище Лавр Корнилов пронес отцовский подарок. Это было известное в свое время «Собрание писем старого офицера своему сыну». Книга бережно хранилась в отцовской библиотеке и не раз перечитывалась маленьким Лавром, еще до поступления его в Омский кадетский корпус. На титульном листе отставной хорунжий Сибирского казачьего войска четко подписал напутственные слова сыну, выходявшему в офицеры: «Кому деньги дороже чести — тот отставь службу. Петр Великий».

Корнилов закончил Михайловское военное училище в 1892 году, успешно пройдя курс 4-летнего обучения. Он попал под

высочайший императорский указ 1885 года. Согласно этому указу все выпускники военно-учебных заведений должны были начинать службу с первого офицерского звания — подпоручика в пехоте, артиллерии и инженерных войсках, корнета — в кавалерии.

При этом все различия по качеству полученного образования сводились к преимуществам, связанным с определением разных сроков старшинства в этом чине (от чего зависел срок производства в следующие чины). Правила на этот счет для выпускников Михайловского артиллерийского училища были следующими. Его воспитанники получали два года старшинства, тогда как выпускники общевоинских училищ, имевшие склонность к артиллерийскому делу и по личному желанию выпускавшиеся служить в артиллерии гвардии, армии и крепостей, имели только один год старшинства.

По тому, с какими успехами юнкер Лавр Корнилов закончил учебу, он мог вполне реально рассчитывать на службу в артиллерии гвардии. Однако молодой, перспективный офицер в погонах подпоручика отказался от производства в гвардию и выразил твердое желание служить в родных местах, то есть в далекой провинции, какой являлся в ту эпоху Туркестан, всего лишь несколько десятилетий назад вошедший в состав Российской империи. И он получил назначение в Туркестанскую артиллерийскую бригаду.

Однако есть и другая версия того, как начинающий офицерскую карьеру Корнилов оказался в Туркестанском крае. На последнем курсе у него случился какой-то конфликт с училищным начальством, из-за которого он получил пониженную отметку за «дурное поведение». Однако, думается, вряд ли юнкер-отличник Лавр Корнилов отличался в стенах Михайловского артиллерийского училища личной недисциплинированностью. Скорее, все было совсем наоборот.

Для многих офицеров, направляемых служить в Туркестанский военный округ, пребывание там было равносильно пребыванию в тупике служебной карьеры. Воинские части там были чаще всего кадрированными, гарнизоны располагались в среднеазиатских городах, далеких от европейской цивилизации. К этому еще следует добавить сложнейшие климатические условия и «инородность» местного населения.

Время, когда русские офицеры рвались служить в Туркестанский край, уже миновало. Генерал Кауфман наконец-то сумел победно завершить последний Хивинский поход. Прорвавшись сквозь знойные пески, он нанес полное поражение местному хану и освободил большое число «белых» рабов, захваченных хивинцами во время разбойных набегов на Оренбургскую пограничную линию.

Хивинское ханство признало себя вассалом России, что было сродни знатной победе русского оружия на поле брани. Так же как и Бухарский эмират и Кокандское ханство. Правда, последнее, постоянно потрясаемое внутренними кровавыми распрями, в скором времени было ликвидировано как государственное образование.

Герой освобождения Болгарии от османского ига «белый генерал» М.Д. Скобелев успешно провел Ахалтекинскую экспедицию. Она закончилась штурмом огромной глинобитной крепости Геок-Тепе, в которой защищалось туркменское племя текинцев, и присоединением к России южной части современной Туркмении.

Давно отгремели бои с афганцами под Кушкой и на Памире. Китайским войскам, попытавшимся было строить на землях киргизов свои крепости, пришлось уйти обратно в Кашгарию. Государственная граница на азиатском Юге приобрела свою законченную конфигурацию, и теперь встала задача ее охраны и защиты.

Российская империя присоединяла к себе Туркестанский край едва ли не целое столетие. Присоединяла заступничеством и взятием киргизских (казахских) родов, других народов под свою державную руку. С воинственными ханствами разговор был иной: их обычно покоряли силой оружия.

Туркестан превратился для русского офицерства в военный округ не первого разряда. Он не граничил на то время ни с одним государством, откуда России могла исходить реальная военная угроза. И поэтому перевод туда для продолжения или начала армейской службы радужных перспектив не сулил. Но в случае с подпоручиком-михайловцем Лавром Корниловым все складывалось иначе.

Он был казаком, сыном казахских степей. Туркестан, Средняя Азия и вообще Восток были его личным пристра-

ствием не только потому, что он здесь родился и прекрасно изъяснялся на нескольких туркестанских языках. Молодой офицер видел в здешних краях самое благодатное для него поприще в деле служения государству Российскому. Служению, как говорилось в воинской присяге, Богу, царю и Отечеству.

Корнилов не ошибся в жизненном выборе. Именно Туркестан стал для него прекрасным трамплином для успешности всей дальнейшей офицерской жизни. Позднее он не раз скажет: «Служба в Туркестане — это годы моей командирской закалки». Впрочем, следует заметить, что через службу в Туркестанском крае прошли многие известные военачальники русской армии, отличившиеся в Первой мировой войне и сражавшиеся затем на стороне Белого движения.

Глава 2

ТУРКЕСТАН. РАЗВЕДЧИК РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Тяготы туркестанской армейской службы Лавра Корнилова не пугали. Он примерно исполнял обязанности младшего артиллерийского офицера, нес бригадные наряды, отличался на учениях в пустынях и горах. И одновременно, как мог, пополнял свои знания, шлифуя те восточные языки, которые он знал с детства, и те, которые хотел изучить в многонациональном Туркестанском крае. Лингвистические способности его были несомненны. Среди первых языков, которые освоил тогда Лавр Георгиевич, был туркменский.

Очередное звание поручика Корнилов получил без всяких задержек. Он подтвердил свое право на обладание третьей звездой тремя годами «примерной» туркестанской армейской службы и добился права поступления в Николаевскую академию Генерального штаба, успешно сдав вступительные экзамены.

Один из сподвижников Лавра Георгиевича по «корниловскому мятежу» и Белому движению, сменивший его на посту командующего Добровольческой армии, генерал-лейтенант А.И. Деникин в своих мемуарах «Путь русского офицера» вспоминал о том, что приходилось выдерживать желающим получить академическое образование:

«Мытарства поступающих в академию начинались с провальных экзаменов при окружных штабах. Просеивание... вырождалось такими приблизительно цифрами: держало экзамен при округах 1500 офицеров; на экзамен в академию допускалось 400—500; поступало 140—150; на третий курс (последний) переходило 100; из них причислялось к Генеральному штабу 50 офицеров, то есть после отсеивания оставалось всего 3,3 процента. Выдержав благополучно конкурсный экзамен, осенью 1895 года я поступил в академию».

В воспоминаниях «50 лет в строю» известный военный писатель и дипломат граф А.А. Игнатьев, перешедший после Октября на службу в Красную армию, похоже, не забыл атмосферы вступительных экзаменов в Николаевскую академию Генерального штаба до последних своих дней:

«Из рассказов всех неудачников... можно было заключить, что не только сама академия, но даже вступительные в нее экзамены были чем-то вроде скачек по крайне пересеченной и полной сюрпризов местности...»

Явившись в начале августа в академию, я нашел ее коридоры запруженными офицерами всех родов войск: от лысеющих штабс-капитанов до таких же юных корнетов, как я сам...

Нам предписывалось явиться... для представления начальнику академии генералу Сухотину. Сухотин сразу обнаружил свой «демократизм», поставив нас в шеренги по алфавиту, а не по полкам. Обходя ряды, он как бы умышленно не задал ни одного вопроса гвардейцам. Они, впрочем, не в пример остальным держали себя непринужденно, так как провал на экзаменах не означал для них ни особого горя, ни, тем паче,

позора. Между тем для большинства результат экзаменов был вопросом жизни или медленного томительного умирания в глухих гарнизонах. Армейские офицеры подобострастно раскланивались при встрече с офицерами Генерального штаба, в которых видели будущих экзаменаторов. Так и чувствовалось, что их мысли то и дело переносятся в глухую провинцию, где с замиранием сердца ожидают результатов экзаменов их жены и дети.

По установленному ранее порядку первым был экзамен по русскому языку. Требовалось получить не менее девяти баллов по 12-балльной системе; оценка складывалась из баллов, полученных за диктовку и сочинение. Экзамена по русскому языку особенно боялись, так как наперед знали, что он повлечет за собой отсев не менее 20 процентов кандидатов...

После отсева из-за русского языка нас разбили на группы по алфавиту, причем в последней группе кроме русских офицеров с фамилиями на «я», «ш», «щ» числились пять офицеров болгарской армии...

Больше всего среди державших экзамены было артиллеристов, носивших бархатные воротники, что являлось уже само по себе признаком принадлежности к «ученому» роду оружия. Многие из них подчеркивали свою образованность тем, что носили пенсне или очки — явление в армии редкое, и вообще держали себя с некоторым чувством превосходства над скромными пехотинцами и легкомысленными кавалеристами...

Проскочив два серьезных препятствия на экзаменационном стипль-чезе (в конном спорте скачки со сложными препятствиями. — *А.Ш.*) в виде русского языка и математики и потеряв при этом несколько «провалившихся», наша группа уже бодрее пошла на чисто военные препятствия — на экзамен по уставам...

На уставах наша группа не понесла потерь, но ощутила немалую тревогу, явившись через два дня на экзамен по главному военному предмету — тактике. По ней экзаменовали те два профессора, которые и читали этот предмет в академии: по элементарной тактике — полковник Орлов, по общей — полковник Колюбакин.

Николаю Николаевичу Орлову при его внешности и слащавом вкрадчивом голосе гораздо более подходила бы попов-

ская риза, чем мундир Генерального штаба. Это был делегата, использовавший свои недюженные способности и изумительную память для заработка денег на военных изданиях и завоевания себе прочного положения в военной профессуре... Его собственные тактические способности получили, наконец, должную оценку, но это обошлось, к сожалению, слишком дорого русской армии. Кому не известен разгром дивизии Орлова в сражении у Ляояна?..

По-французски я получил полный балл... По немецкому языку мне сбавили один балл... Экзамен по истории прошел счастливо...

Много тяжелее пришлось мне на самом подходе к финишу — на экзамене по географии. По русской географии экзаменовал заслуженный профессор статистики и автор трудов по военной географии генерал Золотарев, а по иностранной — молодой полковник Христиани, восходящее светило академии...»

В числе 50 счастливчиков, зачисленных на младший курс Николаевской академии Генерального штаба в 1895 году, вместе с поручиком Корниловым оказались Антон Иванович Деникин, с которым он близко сойдется, и поручик М.Д. Бонч-Бруевич, брат сподвижника вождя мировой революции, ставший после октября 1917 года красным генералом.

Один из сподвижников Корнилова в Белом движении донской атаман генерал-лейтенант Генерального штаба Африкан Петрович Богаевский оставил в эмиграции мемуары «Ледяной поход». Они были опубликованы в Нью-Йорке «Союзом первопоходников» в 1963 году. Автор так вспоминал о появлении в стенах академии поручика-туркестанца Корнилова:

«Скромный и застенчивый армейский артиллерийский офицер, худощавый, небольшого роста, с монгольским лицом был мало замечен в академии и только во время экзаменов сразу выделялся блестящими успехами по всем наукам...»

Условия учебы в Николаевской академии Генерального штаба во все времена были жесткими. После первой же неудовлетворительной оценки слушатель отчислялся обратно в войска без права вернуться в академические стены. Но и здесь поручик Лавр Корнилов оказался в числе первых, показывая «примерные» знания не только в точных науках артиллерийского дела, но и большой интерес, скажем, к военной топог-

рафии. К этой учебной дисциплине, к слову сказать, в академических курсах мало кто проявлял серьезного интереса.

Граф А.А. Игнатьев так описывал летние топографические съемки, на которые под столицу выезжали слушатели академии. Определенная заранее местность разбивалась на участки, которые слушатели «вытягивали» по жребию:

«На двух офицеров выдавался один кипрегель (оптический прибор для измерения углов и расстояний на местности. — А.Ш.) ... Первая съемка... инструментальная — две квадратные версты в масштабе 100 сажен в дюйме. Срок на нее был три недели. Каждая веха накалывалась и обводилась кармином, каждый двор обмеривался цепью, план вычерчивался тушью, после чего его торжественно «крестили», обливая двумя-тремя ведрами воды, чтобы подготовить ватманскую бумагу для акварельной зарисовки.

Вторая съемка была полуинструментальная — четыре квадратные версты в масштабе около 200 сажен в дюйме. После этого нужно было за десять дней произвести съемку десяти квадратных верст в масштабе 250 сажен в дюйме. Многие за такой короткий срок успевали тщательно отделать только ту дорогу, по которой предполагался проезд начальства. Предположения эти, однако, не всегда оправдывались.

Наши хитроумные генералы, знавшие наизусть всю местность, выбирали порой предательские маршруты и, следуя на извозчике, выезжали не на показанную на планшете и «содранную с карты» дорогу, а на заросшую лесную тропу...»

Николаевскую академию Генерального штаба Корнилов закончил в 1898 году по первому разряду, удостоившись малой серебряной медали. Другой наградой за успешную учебу ему стало досрочное присуждение капитанского звания. Его фамилия украсила почетную мраморную доску академии.

Выпуск из стен Николаевской академии Генерального штаба запомнился Корнилову навсегда. По установившейся традиции за день до представления императору выпускные офицеры представлялись военному министру, тогда генералу А.Н. Куропаткину. В своих воспоминаниях «Путь русского офицера» Деникин писал:

«Генерал Куропаткин обходил нас, здороваясь, и с каждым имел краткий разговор...»

После этого выпускники всех четырех военных академий старой России удостаивались чести быть представленными императору Николаю II в Зимнем дворце. Тот же А.И. Деникин рассказывал о царском приеме так:

«...Ждали долго. Наконец по рядам раздалась тихая команда:
— Господа офицеры!

Вытянулся и замер дворцовый арап, стоявший у двери, откуда ожидалось появление императора. Генерал Куропаткин, стоявший правее нее, низко склонил голову... Вошел государь. По природе своей человек застенчивый, он, по-видимому, испытывал немалое смущение во время такого большого приема — несколько сот офицеров, каждому из которых предстояло задать несколько вопросов, сказать что-либо приветливое. Это чувствовалось по его добрым, словно тоскующим глазам, по томительным паузам в разговоре и по нервному подергиванию аксельбантами...»

Лучшие выпускники академии пользовались правом преимущественного выбора места дальнейшей службы. Обычно предпочтение отдавалось службе в войсках императорской Гвардии, расквартированной в Санкт-Петербурге и его окрестностях и частью в столице Царства Польского Варшаве, московском гарнизоне, где числился Гренадерский корпус, и в больших городах европейской части страны.

Однако у новоиспеченного армейского капитана был свой взгляд на офицерскую службу. Капитан Корнилов поразил многих: он вновь выбрал Туркестанский военный округ. И не город Ташкент, к тому времени хорошо обжитый русскими, а беспокойную границу с Афганистаном.

К выбору Корнилова местом новой службы места старого знающие его начальники отнеслись серьезно, без лишних расспросов. Поскольку и их послужные списки изобиловали краями и гарнизонами «отдаленными». Все-таки Туркестан был родиной молодого офицера.

К тридцати годам своей жизни Лавр Корнилов свободно владел персидским, татарским, туркменским, казахским, английским, французским и немецким языками. Языки же народов российского Туркестана, давались ему вообще легко.

В старой русской армии существовали «железные» правила продвижения офицеров по строевой линии. Корнилов не имел

обязательного ценза командования ротой. Поэтому один первый год своего вторичного пребывания в Туркестанском крае капитан-«академист» командовал стрелковой ротой, получив при этом отличную аттестацию.

Известно, что капитан Корнилов учил стрелков-туркестанцев действовать в бою по-суворовски. Книга русского военного гения «Наука побеждать» тогда печаталась под следующим названием: «Творение препрославившегося в свете всегдашними победами генералиссимуса российской армии князя италийского, графа Суворова-Рымникского». Лавр Георгиевич говорил нижним чинам, что ключи к победе в полевом бою — это глазомер, быстрота и натиск.

Ротный учил солдат и унтер-офицеров воинскому искусству, постоянно напоминая, что воевать надо доблестно, инициативно, с пониманием «своего маневра». Об отступательных действиях на войне Корнилов обычно говорил суворовскими словами:

«Отступных плутонгов (взводов. — *А.Ш.*)? — Лучше об оных и не помышлять! Влияние их солдату весьма опасно, а потому и ни о каких ретирадах в пехоте и кавалерии не мыслить!..»

На афганской границе судьба Лавра Корнилова складывалась так, что могла бы послужить сюжетом не для одного, а для многих приключенческих романов о бесстрашных разведчиках или шпионах. В зависимости от того, как смотреть и с каких позиций на род их деятельности, с риском для собственной жизни. Именно таким «рыцарем плаща, но не кинжала» и был будущий Верховный главнокомандующий России в Первой мировой войне.

Служба Корнилова в штабе Туркестанского военного округа продолжалась шесть лет. В августе 1899 года он был назначен старшим адъютантом окружного штаба, а в сентябре 1901 года — штаб-офицером для (специальных) поручений при этом же штабе. Или говоря иными словами, Корнилов, владевший основными языками края, стал профессиональным военным разведчиком, для которого в Туркестане нашлось действительно «много работы». Одна за другой следуют несколько служебных командировок в сопредельные страны.

С февраля 1899 года по март 1904 года Корнилов совершил инкогнито продолжительные «служебные поездки» в Персию,

Афганистан, Индию и Китай (Восточный Туркестан, или Син-кианг). В то время между Великобританией и Россией шло острое соперничество за влияние в Азии.

Британское правительство явно не устраивало то, что на высокогорном Памире был вкопан пограничный столб с двуглавым российским орлом, «расправившим крылья», что правый берег среднеазиатского Пянджа и дальневосточного Амура отошел к России. Это были лишь два места на географической карте, столкнулись интересы Лондона и Санкт-Петербурга.

Южнее Пянджа находился беспокойный для всех европейцев Афганистан, на который давно претендовала английская корона. А еще южнее этой бедной и «дикой» страны лежала Индия, драгоценная жемчужина той короны. Со времен российского императора Павла I, и даже еще раньше, на Британских островах боялись даже кивка любого венценосного самодержца на берегах Невы в сторону сказочно богатой Индии и сопредельных с ней земель. Прежде всего в сторону Персии и Афганистана, которые со временем стали традиционными рынками сбыта российских промышленных товаров. Например, Монголия (Халха или Внешняя Монголия) и китайское приграничье.

Когда русские пограничные стражники-казаки стали всматриваться с Памирских гор на противоположный берег бурного Пянджа, англичане начали укреплять дальние подступы к Индии. Вкопанные на Памире полосатые (чтобы их было видно издалека) пограничные столбы с двуглавым российским орлом пришлось явно не по душе правительству и военному ведомству Великобритании.

Символом таких британских имперских забот стало возведение на левобережье Пянджа крепости Дейдади. Она строилась не восточными, местными фортификаторами, а европейскими, по последнему слову военно-инженерной науки. Местные афганские племена поднялись было против непрошенных гостей, но их на какое-то время усмирили пушечными залпами.

Такое немаловажное обстоятельство, «устремленное в будущее», никак не могло пройти мимо заинтересованного внимания штаба Туркестанского военного округа. Афганские дела были изначально его прямой заботой. В Ташкенте и в Санкт-

Петербурге были сильно обеспокоены активностью англичан в приграничной с Россией сопредельной полосе. Требовалось обстоятельно разведать, что делает «владычица морей» Британия вдали от берегов Индийского океана, то есть на противоположных берегах пограничных рек.

Эту задачу и стал решать разведывательный отдел русского Генерального штаба. Кому, как не ему, необходимо было знать обо всем, что находится на возможном театре военных действий к югу от Туркестанского края. В число профессионально подготовленных офицеров-разведчиков вошел и Корнилов. Он поступает в распоряжение известного исследователя Средней Азии тогда еще генерал-майора Михаила Ефремовича Ионова.

Штаб-квартирой знаменитого географа в то время являлся узбекский город Термез, стоявший на правом берегу реки Амударьи, у места впадения в нее реки Сурхандарьи. Собственно город с древним названием появился только в 1928 году, а тогда это было селение Паттигиссар у речной переправы, рядом с которым разместился русский пограничный пост. Сюда и прибыл, чтобы «затеряться» на несколько лет, артиллерийский офицер с академическим образованием.

Будущий генерал, губернатор Семиреченской области и наказной атаман Семиреченского казачьего войска Ионов, стал начальником и наставником Корнилова. У Ионова было чему поучиться: участник покорения Хивы, Бухары и Коканда, он получил орден Святого Георгия за штурм Кокандской крепости. В 1891 году с охотничьими командами Туркестанских линейных батальонов был послан на высокогорный киргизский Алай для приведения в российское подданство местных жителей. В 1892 году экспедиционный отряд под его командованием занимает Памир. Мало кому известно, но русские вели бои с афганцами именно там и под Кушкой. Правда, после этих первых столкновений стороны проявили известное благоразумие и дальше вперед не пошли.

Ионов прославился не только Памирской экспедицией, но и тем, что «ликвидировал» следы работы британской миссии капитана Юнгесбенда, посетившего Кашгарию. Тогда английский разведчик смог убедить китайские власти выставить вооруженные посты на берегах озера Яшилькуль. На эти посты

и наткнулся казачий отряд полковника Ионова, который вошел в горы современной Киргизии со стороны Ферганской долины. Тогда Михаил Ефремович исчерпал опасный инцидент словами своего приказа кашгарским военным людям. «А ну прочь с русской земли!..»

В Термезе генерал Ионов занимался разведыванием сопредельной стороны, и ему требовались для этой цели бесстрашные, толковые офицеры со знанием восточных языков. Таких работников, которые и тогда «ценились на вес золота», у него оказалось немного. И даже среди них артиллерийский офицер, сын сибирского казака и казашки, выделялся в самую лучшую сторону.

Осенью 1899 года капитан Лавр Корнилов, сняв мундир пехотного капитана, отпустив на своем дочерна загорелом лице заблаговременно бороду и облачившись в тряпье степного бродяги, «исчез» из Ташкента. Его неизведанный для россиян путь пешком лежал на юг через пограничную русскую крепость Кушку. Он пролегал по древним караванным дорогам, где во все мирные и немирные времена бродило немало разноплеменных странников, внешне похожих на преобразившего свой образ офицера штаба Туркестанского военного округа. Документов тогда путники-бродяги не имели, да их и не спрашивали местные власти. Но если таким странником был человек по виду европеец, а не мусульманин, то его ожидали большие личные неприятности, а не просто разбирательство, кто он такой.

Генерал Ионов поставил перед капитаном Лавром Корниловым задачу не из простых. Требовалось выяснить схему английских укреплений на противоположной стороне пограничной реки, и особенно новой афганской крепости Дейдади, расположенной в ущелье Гиндукуша в 50 верстах от границы, ее гарнизон и вооружение. Перед этим несколько разведчиков, засланных туда, провалились, за что поплатились своими жизнями.

Официально первая «заграничная» командировка Корнилова выглядела так. Штаб Туркестанского округа командировал его в город Керки (урочище Термез) для руководства кавалерийскими учениями с офицерами тамошнего гарнизона. Оттуда он съездил по казенным надобностям в город Асхабад

и только после этого «исчез» из поля зрения сослуживцев в соседнем Афганистане.

За кордон Лавр Корнилов отправился в сопровождении трех туркмен-йомудов. Один из них по имени Эссен станет его верным и постоянным спутником в последующих «командировках». Бритоголовые, одетые в рваные халаты, русские разведчики переправились на бурдюках через бурную реку и оказались на афганской стороне. Там четыре человека, назвавшись все туркменами, заявили местным властям, что желают записаться в королевскую армию. Такое желание подозрительным быть не могло, но все же провинциальные чиновники решили поостеречься.

Пока выяснялись их личности, Корнилов, отлично знавший дело картографов, снимает план недоступной ранее крепости, составляет кроки (карту местности) маршрута к ней. После этого он со своими спутниками благополучно возвращается обратно. Теперь русское командование знало (на случай войны) очень многое о сильной приграничной крепости Дейдади.

К крокам крепости Корнилов, как положено, приложил объяснительную, аналитическую записку. В ней говорилось, что в случае войны с англичанами сложность положения России видится в том, что ее войскам придется действовать в областях, почти не освоенных и слабо укрепленных. И что в случае наступления русской армии через Афганистан британцы с афганцами встретят ее севернее Кабула. Поэтому Корнилов, большой знаток среднеазиатских гор, предостерегал командование от втягивания войск в глубокие и узкие ущелья Гиндукушского хребта. Дороги в них изобиловали местами для устройства засад, и каждый поворот ущелья грозил западней для неосмотрительного воинского отряда.

За первую же разведывательную поездку генерал Ионов представил своего подчиненного к высокой награде — к ордену Святого Владимира 4-й степени с мечами. Это была боевая орденская награда. Но вместо нее капитан Корнилов получил от окружного начальства выговор «за самовольную отлучку за границу». Что и говорить, в жизни бывают и такие случаи.

В 1899 году капитан Лавр Корнилов занимается исследованием района Кушки. Значение этой русской пограничной кре-

пости, под стенами которой разместилась казачья станица, было велико. Не случайно в Туркестане эта крепость постоянно укреплялась вплоть до 1914 года

Затем последовала новая «служебная» командировка. Корнилов в сопровождении поручика Кириллова, четырех семиреченских (недавних сибирских) казаков, отличавшихся, как и он, восточным типом лица и знанием туркестанских языков и обычаев. Эта шестерка на протяжении семи месяцев скиталась по пустыням и оазисам китайского Туркестана и Кашгарии. За шесть недель разведчики исходили вдоль и поперек выжженные солнцем сопредельные области.

Разведчика русского Генерального штаба интересовало в Кашгарии многое. Прежде всего местные крепости, в своем большинстве глинобитные, но способные держаться против противника, не обремененного полевой артиллерией и большим боезапасом. Корнилов со своими верными спутниками «незаметно» и старательно «исследует» крепости городов Кашгара (древнего Каша), Аксу, Яркенда (Шачэ), Сугуна, Байлугра, Ачала...

Фиксируется их состояние, численность гарнизонных войск, наличие пушек, звания крепостных комендантов... Корниловские отчеты об этой «заграничной командировке» вполне могли стать учебниками для любых разведчиков, готовящихся к «работе» на Востоке.

Не менее чем крепости, Лавра Георгиевича интересовали кашгарские дороги и источники питьевой воды в этом пустынном крае. Он изучает переправы через реки Тарим, Хотан, Кашгар, Аксу, Кончедарья. Определяет места возможной разбивки полевых лагерей. Изучает умонстроения народов, населяющих Кашгарию, степень их религиозности и воинственности, отношение к центральной пекинской власти. Оценивает область, ее отдельные районы, наличие продовольственных ресурсов.

Затем приходит очередь Восточной Персии. Самое пристальное внимание разведчиков было обращено к провинции Хоросан, ее дорогам, крепостям, источникам воды (пустынным колодцам и горным родникам), ресурсам провианта и фуража. Такое же внимание было уделено другой иранской провинции — соседнему Систану.

О том, насколько обширным был персидский маршрут Корнилова, свидетельствует то, что он добрался чуть ли не до побережья Аравийского моря, исследуя обширную пустынную область Белуджистан, часть которой находилась на территории британской Индии (в современном Пакистане). Он собрал сведения о воинственных племенах белуджей, кочевавших в пустынном крае и во многом походивших на афганские (пуштунские) племена.

В персидской командировке Корнилову и его верному спутнику туркмену Эссену приходилось менять обличье, преобразоваться. Задача разведчиков, которая состояла в определении возможностей прохода русских войск через пустынные провинции Персии, была выполнена со всей полнотой.

Когда в годы Первой мировой войны германская разведка и турецкое командование попытались было поднять на священную войну против соседней России воинственные афганские кочевые и полукочевые племена, то на пути вражеской агентуры встал конный — казачий — Хоросанский отряд. Он был выделен для этой цели из состава сил Туркестанского военного округа. Экспедиционный отряд действовал на основе разведывательных данных об этой северо-восточной окраине современного Ирана. Эти сведения с риском для жизни собрал капитан Лавр Корнилов.

В итоге оградительных действий Хоросанского отряда ни одно пуштунское племя Афганистана не пересекло российской границу. Турецкое и германское командование так и не смогло перебросить туда ни караваны с оружием, ни своих лазутчиков-«деньгонош». То же можно сказать и о не менее воинственных кочевых племенах Белуджистана. Вплоть до начала 1918 года Кавказский фронт так и не продвинулся на восток от гор Курдистана.

Едва ли не самой опасной заграничной командировкой капитана Лавра Корнилова стало путешествие в Дашти-Наумед, что в переводе с персидского означало Степь Отчаяния. В 1901 году эта пустынная область современного Ирана на его карте считалась «белым пятном». До Корнилова здесь не побывал ни один европеец. В течение нескольких месяцев он в сопровождении двух казаков и двух туркмен ходил то пешком, то конным по Дашти-Наумед, нанося все увиденное на карту.

После этого трудного и опасного во всех отношениях разведывательного «путешествия» он возвратился в Ташкент. Там он, 31-летний офицер решил устроить личную жизнь. Он женился на Таисии Владимировне Марковой. Медовый месяц они провели в поездке по пустыне.

В другой «служебной» командировке капитан Лавр Корнилов со своим спутником туркменом Эссеном занимался исследованием туркестанского востока китайской империи Цинь. Два путника преодолели на «своих двоих» труднейший высокогорный перевал Сары-Могук и оказались на территории Кашгарии и сопредельных с ней областях, населенных мусульманскими народами, которые в то время находились под формальным управлением Китая.

Оба русских разведчика, одетые в драные халаты, в дорожной пыли и обожженные солнцем, под видом бродячих дервишей сумели пробраться в самые запретные для европейцев районы Кашгарии. Корнилову помогла его внешность, прекрасное знание восточных языков и местных обычаев, поразительное умение приспособливаться.

Из многосложной и опасной кашгарской командировки разведчики вернулись в российские пределы через шесть недель. Лавр Корнилов выложил перед начальством выполненные кроки всех пограничных укреплений труднодоступной Кашгарии. Составленная им карта китайского приграничья давала подробные ответы на многие вопросы в случае возникновения здесь военного конфликта.

В 1902 году Корнилову, теперь уже подполковнику, поручают редактирование тогда еще секретного издания штаба Туркестанского военного округа под названием «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом».

Лавр Георгиевич поместил в него несколько отчетов о своих заграничных путешествиях, а также материалы своих сослуживцев-разведчиков. Эта работа получила самую доброжелательную оценку видных специалистов.

Составленные по долгу службы Корниловым военно-научные обозрения стран Среднего Востока были предметом зависти британских «специалистов» по этому азиатскому региону. А изданные штабом Туркестанского военного округа работы ка-

питана Л.Г. Корнилова «Кашгария, или Восточный Туркестан» и «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестаном» стали серьезным вкладом в географию и этнографию региона. Помимо требуемой от него разведывательной информации он сумел собрать еще и немало научных сведений.

В 1903 году Лавр Георгиевич отправляется в свою последнюю заграничную поездку. Его командируют в британскую Индию для изучения языков, нравов и обычаев народов этой страны. Там он и получил известие о начале войны России с Японией.

В июне 1904 года подполковник Корнилов оставляет Туркестан. Его переводят в столицу России и назначают столоначальником Главного штаба, или, иначе говоря, начальником отдела. Но служить в этой должности, занимаясь в Санкт-Петербурге туркестанскими делами, ему почти не пришлось.

Началась русско-японская война 1904—1905 годов. В ходе сражений на полях Маньчжурии Лавр Георгиевич Корнилов получил свое боевое крещение.

Война на Дальнем Востоке началась для Корнилова с зачтения перед офицерским строем Высочайшего манифеста все-российского монарха Николая Александровича Романова о официальном объявлении войны с Японией. Он гласил:

«... В заботах о сохранении дорого сердцу нашему мира нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях Мы изъявили согласие на предложенный японским правительством пересмотр существовавших между обеими империями соглашений по корейским делам. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений правительства нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических отношений с Россией.

Не предуведомив об этом, что перерыв таковых сношений знаменует собой открытие военных действий, японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура.

По получении о сем донесения Наместника Нашего на Дальнем Востоке, Мы тотчас же повелели вооруженной силой ответить на вызов Японии.

Объявляя о таком решении Нашем, Мы с непоколебимой верой в помощь Всевышнего и в твердом уповании на единодушную готовность всех верных наших подданных встать вместе с нами на защиту Отечества призываем благословение Божие на доблестные Наши войска армии и флота...»

После обнародования Высочайшего манифеста в столице состоялась официальная торжественная церемония. 27 января в 4 часа дня в Зимнем дворце состоялся «Высочайший выход к молебствию» по случаю объявления войны с Японией. Государь-император Николай II, последний из династии Романовых, был встречен собравшимися, среди которых было много военных людей, с «неописуемым восторгом». В стенах исторического дворца Российского государства долго гремело единодушное: Ура! Ура! Ура-а-а!..

Глава 3

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ. ПЕРВЫЙ СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

30 сентября 1904 года подполковник Корнилов получил назначение на должность штаб-офицера при управлении 1-й Стрелковой бригады, которая отправлялась на войну.

Путь в несколько тысяч верст по Транссибирской железнодорожной магистрали до театра войны оказался долог. На восток один за другим шли воинские эшелоны с людьми и лошадьми, артиллерией и боевыми припасами, провиантом и фуражом. Навстречу шли пустые эшелоны и приметные красными крестами на вагонах санитарные поезда, полные искалеченных, тяжелораненых бойцов русской Маньчжурской армии.

Наступившая зима сковала крепким льдом Байкальское море. Окружной дороги вокруг его южной оконечности тогда еще не было. В Иркутске воинские эшелоны разгружались и по льду пешим порядком переходили на противоположный берег. В городе Верхнеудинское (ныне Улан-Удэ) их поджидали новые составы, которые полным ходом пересекали Забайкалье и пограничную с Китаем реку Аргунь. За ней начиналась Маньчжурия, через которую шла Китайская Восточная железная дорога (КВЖД).

Это был наиболее трудный участок на пути от Санкт-Петербурга до Владивостока. Непрерывная нить Сибирской магистрали заканчивалась у озера Байкал. При строительстве так называемой Кругобайкальской железной дороги протяженностью в 282 версты пришлось идти по горной местности и сооружать длинный 3,5-верстовый туннель.

В изданном Военно-исторической комиссией Генерального штаба в 1910 году труде «Русско-японская война 1904—1905 гг.» на сей счет говорилось следующее:

«Ввиду подобных условий решено довести магистраль до западного берега оз. Байкал, до пристани Листвиничной, Кругобайкальской дороги не строить, а, организовав правильное (постоянное. — А.Ш.) пароходное сообщение по озеру до пристани Мысовой на восточном берегу Байкала, продолжать уже отсюда прокладку дальнейшего пути по Забайкалью...»

1-я Стрелковая бригада, «проташившись» по Транссибу и КВЖД десятком воинских эшелонов, прибыла на войну, когда русская армия уже потерпела от японцев ряд поражений на реках Ялу и Шахэ, под Ляояном, а крепость Порт-Артур защищалась стойко и упорно, но уже из последних сил.

Первой битвой, в которой Корнилову довелось участвовать, известна как дело под Сандепу. Суть его заключалась в следующем. Император, столица требовали от генерала А.Н. Куропаткина провести наступательную операцию и добыть на поле брани первую значимую победу над армиями маршала Ивао Оямы. Тем более что крепость Порт-Артур все еще держалась и была надежда на ее деблокирование.

...Время торопило. Но только в январе 1905 года в куропаткинском штабе определились с планом предстоящего наступления. Суть его заключалась в следующем: 2-я Маньчжурская

Армия генерала О.К. Гриппенберга в составе 120 батальонов пехоты, 102 сотен и эскадронов кавалерии, 12 инженерных рот, 440 орудий и 20 пулеметов (знаменитый «максим» тогда в полках был еще большой редкостью) наносила главный атакующий удар. Огневое содействие ей оказывали две соседние Маньчжурские армии — 1-я и 3-я. Ударная армия должна была охватить левый фланг 3-й японской армии генерала Ясукаты Оку, и овладеть неприятельскими позициями между реками Хуньхэ и Шахэ на фронте Сандепу — Халентай. После этого первоначального успеха в наступление переходили 1-я и 3-я русские Маньчжурские армии.

Главкомандующий генерал А.Н. Куропаткин, он же недавний военный министр, разослал командующим армий так называемые тактические указания. В куропаткинских указаниях (вернее, указаниях его полевого штаба) подробнейшим образом расписывалось, какая армия, когда и что должна была делать, какими населенными пунктами овладевать и в какой последовательности, хотя опыт войны показал, что «указывать» такое мог только сам ход сражения или боя.

«Указания» подействовали на армейских командиров весьма отрицательно, связав их инициативу и отняв у них возможность поступать исходя из реальной обстановки. Они не могли принимать решения, отличные от тех, которые были предначертаны штабом чуть ли не на всю операцию вперед. Позднее Лавр Георгиевич Корнилов скажет:

— Русско-японская война научила меня видеть, как опасно на войне лишать подчиненных права проявлять собственную, разумную инициативу. Права бороться за победу собственным умом, дерзостью и командирской отвагой...

Многие участники той войны и историки считают, что Куропаткин, согласившись на наступление, был в душе против него. Отданные им тактические указания были составлены с одной-единственной целью: чтобы в случае очередной неудачи заявить, что исполнители не выполнили в точности предписания своего главнокомандующего.

«...Генерал Гриппенберг, всегда боявшийся, чтобы кто-либо не подумал, что он делает не то, что сам придумал, а то что ему другие советуют,.. ревность к офицерам Генерального штаба была в особенности заметна и даже доходила до того,

что он относился к ним не с полным доверием, даже в том случае, ежели сам их выбирал и ходатайствовал о их назначении...»

Наступление на деревню Сандепу началось в ночь на 25 января 1905 года. Его предваряла артиллерийская подготовка в основном из легких, скорострельных орудий, поэтому вражеские огневые точки оказались в своем большинстве не поврежденными. Две трети артиллерии русской 2-й армии оказались в резерве. 1-й Сибирский стрелковый корпус генерала Г.К. Штакельберга неожиданной быстрой атакой захватил всю линию реки Ханьхэ. Оборонявшиеся здесь японцы, бросая оружие, бежали.

Корниловская 1-я Стрелковая бригада, входившая в состав Сводно-Стрелкового корпуса, к началу боя была оставлена в армейском резерве, в 25 верстах от первоначального места боя за Сандепу, в деревне Даваньганьпу. Она стала как бы вторым эшелоном резервных 2-й и 5-й Стрелковых бригад.

Так было по первоначальной диспозиции наступательной операции. С началом сражения этим трем резервным стрелковым бригадам было приказано подойти как можно ближе к месту событий, расположившись у деревни Джаньтань. Им была уготована участь спасителей от поражения 1-го Сибирского корпуса, действовавшего против японских позиций у Сандепу.

К 22 часам следующего дня 1-й Сибирский корпус выполнил поставленную перед ним задачу и овладел укрепленными селениями Сумалу и Хэгоутай, выбив оттуда японцев. Однако после ночного успеха наступление развивалось крайне медленно, и заставить японское командование врасплох не удалось.

Зато маршал Ивао Ояма немедленно стал усиливать свой левый фланг и подтягивать войска к переднему краю, чтобы парировать наступление русских. И без того немалый гарнизон Сандепу, занимавший исключительно выгодное положение, был усилен.

С утра 26 января русская артиллерия начала бомбардировку Сандепу и прилегающих к ней неприятельских позиций, однако без видимого успеха. Совершенно ровная местность перед Сандепу в тот день была покрыта тонкой коркой льда.

Сильный туман затруднял движение наступавших войск. Из-за тумана часть полков, имевших к тому же потери в людях и командирах, перемещалась и вместо восточного направления взяла юго-восточнее. В 600—800 шагах от ближайших глинобитных домов Сандепу атакующие залегли и в течение шести часов, до самого долгожданного сигнала к атаке, находились под убийственным ружейным огнем японцев.

Командир 14-й пехотной дивизии, непосредственно наступавшей на Сандепу, генерал-майор С.И. Русанов тщетно искал командира корпуса, чтобы доложить обстановку. Не получив подкреплений и артиллерийской поддержки, дивизионный начальник не осмелился начать общую атаку. Однако ночью два полка его дивизии по собственной инициативе ворвались в какую-то большую китайскую деревню, из которой под их натиском бежала японская пехота.

Успех ночной атаки, завершившейся рукопашными схватками, дал генерал-майору Русанову и его начальнику штаба полковнику Трегубову основания доложить корпусному командиру: «Дивизия поставленную задачу выполнила. Сандепу, вся разрушенная артогнем, в наших руках».

Через час об этом несомненном ночном успехе стало известно главнокомандующему, и Куропаткин отдал приказ командующему 2-й Маньчжурской армии «воздержаться от дальнейшей атаки, ограничиваясь удержанием Сандепу». Это большое (на карте) китайское селение он считал «ключом» ко всей неприятельской оборонительной позиции.

С рассветом, когда ночной туман рассеялся, выяснилось, что 14-я пехотная дивизия с боем захватила не Сандепу, а находившуюся 400 м севернее нее деревню Баотайцзы, которая в течение двух дней подвергалась артиллерийскому обстрелу. А саму Сандепу, хорошо укрепленную, огонь русской полевой артиллерии так и не затронул.

Дальнейшие попытки захватить Сандепу успеха не имели. Японская пехота, засевшая в окопах и глинобитных домах, при огневой поддержке своих батарей, отразила все атаки русских. Русановская 14-я дивизия, потеряв 1122 человека убитыми и замерзшими ночью в чистом поле, была вынуждена отойти на исходные позиции. Потери были во всех ее полках: Подольском, Минском, Волынском и Житомирском.

В ходе операции на фронте 1-го Сибирского корпуса продолжались ожесточенные бои. Японцы, как выяснилось через пленных, усилили это направление резервами, и перешли к контратакующим действиям. Русские сравнительно легко отбивались с помощью огня полевых батарей. Когда на правом фланге корпуса начал атаковать врага переправившийся через реку Хуньхэ кавалерийский отряд генерала П.И. Мищенко (около 40 эскадронов и сотен), 1-й Сибирский корпус, приободрившись такой поддержкой, стал снова наступать по «собственной инициативе», а не по замыслу куропаткинского штаба. Такое на русско-японской войне открыто не одобрялось.

Однако эта «самодеятельность» закончилась самым неожиданным образом: приказом сверху было велено прекратить неплановое наступление и перейти к обороне. Благодаря этому японское командование «выиграло» целые сутки, чтобы принять адекватные меры против начавшегося наступления русской 2-й Маньчжурской армии.

Кавалерийский генерал Мищенко, почувствовав возможность большого тактического успеха, обратился к командиру 1-го Сибирского корпуса генералу Штакельбергу с просьбой начать наступление в восточном направлении, пока японцы еще не подтянули туда резервы. Генерал Штакельберг решил еще раз проявить инициативу. Полки корпуса, перешедшие в атаку, сразу же добились заметного успеха. При этом в ходе ночной (мела снежная пурга) атаки четырех полков 1-й Сибирской дивизии была наголову разгромлена японская 3-я пехотная дивизия, которая защищала укрепленную деревню Сумапу.

Теперь русские войска получали хорошую возможность окружить Сандепу и неприятельские войска, сосредоточенные в этом селении. Конница генерала П.И. Мищенко стала выходить в ближние японские тылы и заставила противника оставить позицию у деревни Цзяньцзявопу. Сама обстановка требовала от русского командования наращивания атакующих усилий, поскольку победа становилась зримой.

Но как только о происходящем стало известно командующему 2-й Маньчжурской армией генералу О.К. Гриппенбергу, то корпусной командир получил от него приказ немедлен-

но остановиться и не «ломать» общую позиционную линию. Японцы же, не теряя драгоценного времени и подтянув значительные резервы, отбили у русских деревню Сумалу с ее полевыми укреплениями. Русским войскам здесь пришлось отступить с большими потерями в людях. Это поражение, как ни странно, стало причиной для отстранения от командования 1-м Сибирским корпусом генерала Г.К. Штакельберга, дважды проявившего разумную инициативу.

Впоследствии Военно-историческая комиссия по изучению Русско-японской войны 1904—1905 годов, состоявшая из компетентных в своих областях специалистов, отметит следующее:

«Едва лишь войска 1-го корпуса успели сделать первые шаги своего наступления, как уже было получено новое приказание генерал-адъютанта Гриппенберга, которое предостерегало от энергичных наступательных действий».

С наступлением светового дня 15 января, после сильной артиллерийской подготовки, полки русской 31-й пехотной дивизии стремительной атакой захватили несколько китайских деревень близ Сандепу и, выйдя с боем во вражеский тыл, поставили японцев в критическое положение. Те напрягали все наличные силы, чтобы сдержать наступающих. Императорский главнокомандующий маршал Ивао Ояма доносил в Токио о том дне русского наступления следующее:

«15 января русские обстреляли наш тыл. Сражение продолжалось в течение всего дня и ночи, наши всюду были придавлены численностью русских. В этот день наши войска были готовы к тому, что будут уничтожены».

Чтобы спасти положение и не допустить полного прорыва своего фронта у Сандепу, маршал Ивао Ояма поздно вечером, собрав в кулак все наличные силы пехоты и полевой артиллерии, четырежды атаковывал 1-й Сибирский корпус, но безуспешно. Последнее слово в битве за Сандепу осталось за генералом А.Н. Куропаткиным. В конце дня 15 января он приказал войскам прекратить наступление:

«Войскам в эту ночь отступить и занять сосредоточенное положение на линии....»

Самой удачливой в сражении 31-й пехотной дивизии было приказано под прикрытием ночи отойти на исходные позиции, вернув тем самым японцам отбитые у них деревни и

устроенные вокруг них полевые укрепления. Можно было понять подавленное настроение бойцов этой дивизии, когда они отдавали неприятелю без боя то, что было взято ценой сотен жизней.

Очередное куропаткинское отступление, теперь за реку Хунхэ в морозной ночи, было спешное, неорганизованное. В одной из захваченных близ Сандепу деревень в суматохе остались два батальона русской пехоты, до которых приказ не дошел. Под утро они приняли на себя удар японской 8-й пехотной дивизии и, сдерживая ее натиск, сражались до последнего солдата среди развалин китайских глинобитных фанз. Отошел и кавалерийский отряд генерал-адъютанта П.И. Мищенко, действовавший, по существу, в ближнем тылу японских войск.

Так высшее командование действующей армии России в Маньчжурии в лице главнокомандующего и его штаба отказалось закрепить и развить несомненный успех своих наступавших войск. Советский военный историк комбриг Н.А. Левицкий, рассматривая январское сражение, сделал следующий вывод: «Основная причина неудачи у Сандепу — отсутствие руководства боем».

Русские 1-я и 3-я Маньчжурские армии, изготовившиеся для общего наступления, так и остались стоять на исходных позициях в полном бездействии. Их войска оказались как бы сторонними наблюдателями происходивших событий в полосе фронта 2-й Маньчжурской армии. На следующий день, 16 января, генерал А.Н. Куропаткин сообщал в Санкт-Петербург телеграфом на имя государя следующее:

«Вчера в 17 часов произведено наступление от деревни Сяотайцзы и Лабитай (10-й корпус). Войска вели себя отлично. С наступлением темноты... части, выполнив возложенную задачу, были отведены назад, не преследуемые противником».

Так закончилось январское наступление русской 2-й Маньчжурской армии. Японцы же зимой наступать не собирались. В 4-дневном сражении при Сандепу русские потеряли 368 офицеров и 11 364 солдата, среди них было очень много обмороженных. Японские потери составили 8901 человек

В том сражении резервная 1-я Стрелковая бригада все время то подтягивалась к Сандепу, то перебрасывалась на более

угрожаемый участок. Непосредственное участие в боях бригада приняла только 8 батальонами и всей бригадной артиллерией в числе 24 полевых орудий. Для офицера Генерального штаба Лавра Корнилова эта битва стала боевым крещением.

Уже после войны Корнилов, познакомившись с воспоминаниями генерала П.Н. Баженова «Сандепу — Мукден. Воспоминания очевидца — участника войны», поймет, насколько важна в сражениях роль разведки поля боя. Баженов со знанием дела показал тактические ошибки русского командования на уровне дивизионного и корпусного командования. Он писал о битве при Сандепу так:

«...Деревня эта ко дню атаки вовсе не была обрекогносцирована, и потому представления о ней у нас имелись совершенно не отвечающие действительности; все имевшиеся у нас сведения об этой деревне, можно сказать, исчерпывались той фигурой ее, которая была нанесена на план..., где она обозначена в виде длинной улицы, тянувшейся на протяжении около 1,5 версты в направлении с севера на юг; между тем деревня эта совершенно не имела такой формы: то, что мы принимали за западную часть длинной улицы были деревни Баотайцзы и Лидзявопу, постройки которых на протяжении около 1,5 версты тянулись с северо-востока на юго-запад; деревни эти отделялись от деревни Сандепу открытым пространством шириною около полуверсты, по которому протекал ручей с двумя обширными прудами, в описываемое время года, покрытыми толстым льдом; сама же деревня Сандепу находилась по ту сторону прудов и состояла собственно из ханшинного завода, обнесенного прочным земляным или кирпичным валом и еще нескольких построек, которые также были окружены земляной траншеей, и затем, как ханшинный завод, так и упомянутая траншея были усилены засеками и проволочными сетями.

Такие сведения о восточной части деревни Сандепу получены были впоследствии, после специальных рекогносцировок, исполненных офицером Генерального штаба (капитан Щербак) и после осмотра той же деревни с воздушного шара; перед боем же 13 января всех этих сведений о Сандепу не имелось, и мы даже не подозревали существования по ту сторону прудов сильно укрепленного ханшинного завода...»

В послевоенное время на одном из занятий по тактической подготовке Корнилов покажет несоответствие информации о Сандепу, которая имелась в Куропаткинском штабе и в штабе русановской дивизии, с действительностью, что сведения, которые были изображены на карте главнокомандующего, шли от недобросовестной работы военных картографов, перед самой войной производивших съемку местности южной части Маньчжурии.

Бывший разведчик-туркестанец скажет, что командиры тех полков, которые ворвались в соседнюю с Сандепу деревню Баотайцзы, вели себя не лучшим образом. Они, упоенные успехом, не позаботились выдвинуть впереди себя боевые дозоры, хотя бы на полверсты. И не поинтересовались, заняты ли неприятелем соседние деревни. Уже одно это стало предвестником последующей неудачи.

Корнилова, да и не только его, поразили последствия обидного поражения. Моральное состояние нижних чинов и офицеров ухудшилось. Длительное, однообразное сидение зимой в окопах, тяжелые земляные работы по усилению полосы обороны действовали на войска деморализующе.

Воинская дисциплина стала падать. Армейское командование даже пошло на создание специальных отрядов, в которые входили чины военной контрразведки, для задержания дезертиров и возвращения их в свои воинские части. До Сандепу таких явлений в русской действующей армии не отмечалось.

Глухое негодование армейского офицества вызвали оправдания генерала Куропаткина. Он обвинил в неудаче наступательной операции командующего 2-й Маньчжурской армией генерала О.К. Гриппенберга. Опытный шестидесятилетний военачальник «заболел» и отказался от командования армией. В личном послании государю-императору Гриппенберг писал:

«Истинная причина, кроме болезни, заставившая меня просить об отчислении меня от командования 2-й Маньчжурской армией, заключается в полном лишении меня представленной мне законом самостоятельности и инициативы и в тяжелом сознании невозможности принести пользу делу, которое находится в безрадостном положении...»

Генерал просил у императора разрешения на поездку в столицу для личного доклада о действительном положении дел.

Такое разрешение было теперь уже бывшим командующим армией получено. Однако после личной встречи и продолжительной беседы на тему о причинах неудач русского оружия на полях Маньчжурии российский монарх никаких действий не предпринял. Генерал-адъютант О.К. Гриппенберг получил высокую должность члена Верховного тайного совета Российской империи.

Гриппенберг, этот неудачник-командующий, будет долго вспоминаться Лавру Георгиевичу своим душевным, берущим бойцов за живое, приказом после битвы при Сандепу. Он гласил:

«ПРИКАЗ

войскам 2-й Маньчжурской армии № 17
дер. Матуран, 18 января 1905 года

Доблестные войска 2-й Маньчжурской армии. Получив приказание о наступлении, Вы в течение четырех дней и трех ночей, с 11 по 16 января, овладели находившимися в руках противника укрепленными селениями: Уцзяганцзы, Читайцзы, Мамыкай, Хуанлотоцзы, Хуаянтай, Таупао, Хегоутай, Сяотайцзы и Лаботай; а когда армия противника сосредоточилась против Вас в превосходных силах, Вы мужественно отразили все ее яростные атаки. Я гордился вашим героизмом, выказанным в эти боевые дни; я восхищался Вашей непоколебимой стойкостью и бодростью духа, несмотря на то, что многие из Вас только вечером накануне боя прибыли в пункты сосредоточения, после продолжительного и утомительного марша.

С такими молодцами не страшен никакой враг.

За понесенные труды, стойкость и беззаветную храбрость приношу глубокую благодарность подчиненным мне войскам от корпусных командиров, до всех рядовых включительно.

Век не забуду, что имел счастье командовать такими геройскими войсками.

Генерал-адъютант Гриппенберг».

Благодарность от командующего 2-й Маньчжурской армией за Сандепу стала первой наградной строкой подполковника Корнилова в русско-японской войне. Хотя в его послуж-

ной офицерский формуляр она и не вошла. В него заносились только высочайшие слова благодарности монарха.

Как относился сам Лавр Георгиевич к неудачливому из-за своей личной инициативы в боевых делах командующему армией? Вне всякого сомнения, уважительно. Корнилов и сам в будущем будет много рисковать.

Вскоре после войны Гриппенберг написал после ознакомления с сочинением Куропаткина «Бой под Сандепу» свою книгу под названием «Изнанка «Операции охвата левого фланга расположения армии Оку» в январе 1905 года». Работа за пять лет выдержала четыре издания, настолько сильным оказался к ней интерес военной общественности. Эту книгу читалась и Корнилов, участник той битвы. Так вот, Гриппенберг в конце своей книги приводит копию с открытого письма, полученного его сыном, штабс-капитаном, от училищного товарища из Маньчжурии вскоре после дела под Сандепу:

«Дорогой Шуркин!

Должен утешить тебя в том, что тебе несомненно больно. От многих встречных раненых, участников Сандепу, я слышал полные восторга отзывы, как наши сметали одну деревню за другой под командой твоего отца, и ни одного слова хулы ему. Только горькое сожаление, что он больше не в действующей армии.

Горячо тебя любящий Николай...»

Когда после окончания русско-японской войны Корнилов будет назначен в Главное управление Генерального штаба, ему придется по долгу службы ознакомиться с рукописью будущей небольшой книги В.Ф. Ковицкого «Японцы о боях у Сандепу». Лавра Георгиевича в том разборе сил и тактических действий противоборствующих сторон больше всего поразило авторское заключение:

«Так закончилась эта операция, единственная в своем роде даже в ряду наших непрерывных несчастий минувшей кампании, операция, представляющая собой яркое воплощение нашей робкой, схоластической стратегии, нашей бесталанности, нашей растерянности. Та развращающая боевая обстанов-

жа, в которой уже 10 месяцев воспитывались наши войска при содействии гибельной системы постоянных отступлений и неизменных запугиваний силой и искусством неприятеля, в Сандепу уже давала свои плоды и сильнее вражеских пуль и штыков разрушала нашу армию. Бои у Сандепу наглядно показали, как сильна была наша вооруженная сила в материальном отношении, но как слаба она была уже в то время духом, боевым воодушевлением, способностью к смелым наступательным действиям...

В каждом неприятельском отряде, каков бы он ни был, мы видели превосходные силы, каждый энергичный шаг противника быстро приводил нас к сознанию невозможности сопротивления. Если сопоставить наш способ действий в январской операции с японским, то получится любопытная картина: мы начали наступлением, а кончили оборонной, японцы начали отчаянной обороной, едва державшейся против наших подавляющих сил, а кончили смелым наступлением.

Начав операцию с огромным количеством войск (2-я Маньчжурская армия к началу боев за Сандепу состояла из 123 батальонов пехоты, 92 эскадронов и сотен конницы и 436 артиллерийских орудий), мы с каждым днем, точно утомляясь, вводили в дело все меньшие и меньшие силы; неприятель же, имевший в первый день боев совершенно ничтожные силы, удесятерил их в течение 2—3 дней нашего вялого наступления.

Откуда у нас эта робость мысли, вялость воли, боязнь всего решительного, смелого, наступательного? Откуда эта подавленность воинского духа, эти разрушительные для военного дела пассивно-оборонительные идеи, что так крепко опутали деятельные силы нашего военного дела?

Опыт маньчжурской войны нестерпимо тяжел для нас не только в прошлом, но и в настоящем, и в будущем; и по мере того, как исторические исследования будут открывать перед нами завесу, скрывающую то действительное положение нашего противника, в котором он был в боевых столкновениях с нами, горечь наших поражений будет чувствоваться все глубже и все сильнее...»

Дело под Сандепу стало прологом последнего крупного сражения русско-японской войны (после Ляояна и Шахэ) — Мук-

денского. Именно тогда к Лавру Георгиевичу Корнилову пришла боевая слава. Он показал себя человеком решительным, не теряющим самообладания в критические минуты. Умеющим не только командовать тысячами людей, но и заставить подчиненных верить в себя.

Маршал Ивао Ояма и его штаб начали готовить битву за Мукден еще в ходе январских боев в междуречье рек Хуньхэ и Шахэ. Уже тогда японские силы стали сосредоточиваться для охвата правого фланга армии противника на Мукденской позиции.

Три русские Маньчжурские армии (10 корпусов из 12) под общим командованием генерала А.Н. Куропаткина, вытянутые в одну линию до 100 километров, оказались слабыми и для наступления, и для обороны. Глубина оперативного построения составляла всего 15 километров. Резерв (16-й армейский корпус) был сосредоточен южнее Мукдена. Линейным оказалось и расположение артиллерийских батарей. Тяжелых батарей в первую линию обороны выделялось необоснованно мало, и они находились на таком удалении от переднего края японских позиций, что при стрельбе даже на предельной дальности не могли поражать вражескую артиллерию и разрушать прочные оборонительные сооружения японцев на передовой.

Такое построение лишало командование возможности быстрой перегруппировки войск. К тому времени главнокомандующего Куропаткина охватил страх перед вражеским обходом или охватом открытых флангов. Поэтому чем больше прибывало из России воинских подкреплений, тем длиннее становился русский фронт перед Мукденом.

К началу Мукденской операции русские войска имели подготовленную в инженерном отношении оборону, состоявшую из Шахэйской, Мукденской и Телинской позиций. Войска же к началу сражения занимали только первую из них — Шахэйскую. Она состояла из передовой и главной линий обороны. Их укрепления состояли из полевых редутов, люнетов и фортов, связанных между собой траншеями, защищенных с фронта проволочными заграждениями, засеками, волчьими ямами и тщательно замаскированными фугасами. Одной из особенностей оборонительной тактики Куропаткина являлось стремление к созданию сплошной укрепленной линии, которая бы все перекрывала.

Пять японских армий занимали по фронту около 120 км. Но в отличие от позиционного построения русских войск японцы имели на флангах сильные группировки, специально созданные для предстоящего наступления.

Постоянно «подталкиваемый на наступление» из столицы главнокомандующий Куропаткин решил повторить атаку неприятеля у Сандепу опять силами центральной 2-й Маньчжурской армии, которой теперь командовал генерал А.В. Каульбарс. Сводный Стрелковый корпус, в который входила 1-я Стрелковая бригада, расположился на линии населенных пунктов Чжаньчжуанцзы, Чжаньтань и Чандиопа.

В случае полного успеха русской 2-й армии, в наступление переходили две соседние — 1-я и 3-я Маньчжурские армии. Общей задачей всем войскам ставилось отгеснение, а не разгром, неприятеля за реку Тайцзыхэ. То есть штаб Куропаткина вновь не преследовал в войне решительных целей.

На второй день после получения штабом 2-й Маньчжурской армии куропаткинской диспозиции на наступление, то есть 11 февраля, генерал Каульбарс приказал объявить войскам свой приказ. Он был предельно краток:

«Завтра, 12 февраля, действовать согласно диспозиции № 6. Артиллерийскую подготовку начать на рассвете, в 6 ч. утра.

Царь и русский народ молятся за нас и надеются.

Постараемся, товарищи!

Да поможет нам Господь Бог!

*Командующий армиею генерал от кавалерии
барон Каульбарс».*

Куропаткинский штаб и на сей раз не принял во внимание европейскую выучку маршала Ивао Оямы. В свое время он, японский военный наблюдатель при королевской прусской армии, был свидетелем торжества полководческого искусства германского полководца Мольтке-старшего. Окружение немецкими армиями французов под Седаном стало классикой мирового военного искусства. Ивао Ояма решил «воспроизвести» Седан под маньчжурской столицей, городом Мукденом.

Японский главнокомандующий решил угрозой охвата левого фланга развернутого фронта русских силами новой 5-й армии заставить противника перебросить сюда свои резервы (здесь 3-тысячной армии генерала Кавамуры противостоял только 13-тысячный Цинхэченский отряд). А после этого ударом 3-й армии генерала Ноги по правому флангу русских охватить его. В случае полного успеха японского наступления армии Кавамуры и Ноги должны были соединиться в тылу противника.

Маршал Ивао Ояма провел хорошо продуманную маскировку маньчжурского Седана. Были распущены ложные слухи о движении опытной в осадных делах Порт-артурской армии генерал-полковника Маресукэ Ноги для осады крепости Владивосток. Такая информация быстро стала достоянием русской разведки через многочисленных платных информаторов из числа китайцев и пленных японцев.

При разборе операций русской-японской войны, которые, как командирская учеба, проводились в военных округах в послевоенные мирные дни, полковнику Корнилову пришлось ознакомиться с мнением многих мемуаристов — участников Мукденского сражения. Один из них, например, писал о демонстративном наступлении японцев против русской 1-й армии следующее:

«...Так как наступление это было вполне демонстративное, в чем нетрудно было убедиться как из того, что против 2-й армии, согласно полученному от самого Главнокомандующего уведомлению, были сосредоточены значительные силы неприятеля (100 тыс. человек...), так и в особенности из того, что вся Порт-артурская армия к этому времени уже успела сосредоточиться у Сяобейхе, т.е. за крайним левым флангом японской армии и, следовательно, против нашего правого фланга, то нельзя прийти к заключению, что демонстрация, предпринятая японским главнокомандующим против нашего левого фланга, блистательно ему удалась.

Наш же главнокомандующий, не разгадав этого маневра, был настолько обманут японцами, что поспешил значительно ослабить свой правый — действительно угрожаемый — фланг, послав все взятые оттуда войска на левый фланг; то есть как бы по заказу противника, сделал все, что

«последнему было нужно для обеспечения успеха удара его на наш правый фланг, имевший для нас важное стратегическое значение, так как за ним проходил наш путь отступления...»

По указанию генерала А.Н. Куропаткина, Сводный Стрелковый корпус, в состав которого входила 1-я Стрелковая бригада, был послан на смену 8-го корпуса. Однако размытые дождями дороги (вода превратила гаоляновые поля в непроходимую грязь) не позволили перебросить полки на новый участок фронта, и волей судьбы основная часть сил Сводного корпуса не смогла в течение дня тронуться с места.

Свидетель последующих событий так описывал события на участке 8-го корпуса в первую же ночь после куропаткин-ского приказа о передислокации корпусов 2-й Маньчжурской армии:

«Доносившаяся к нам (в штаб армии. — А.Ш.) канонада была довольно вялая; мы заснули; но ночью была слышна адская пальба как из орудий, так и из ружей. Как оказалось на другой день, это происходило от того, что японцы в течение ночи произвели 7 отчаянных атак на деревню Бейтадзы и на Сводный Стрелковый корпус, причем с особой энергией они атаквали деревни Джантан и Чандиопу, но всюду были отбиты с огромным уроном, причем потеряли будто бы 2 орудия и 14 пулеметов, из которых нами увезено только 7. Кроме того, в плен взято около 400 японцев. Потери и у нас были весьма большие, в особенности в офицерах.

Это горячее ночное дело показывает, что предписанная диспозицией № 7 смена 8-го корпуса Сводным Стрелковым в течение ночи не могла быть произведена; чему можно было только радоваться, потому что в противном случае противнику пришлось бы иметь дело не с двумя корпусами, хорошо знакомыми со своими позициями, а только с одним Стрелковым корпусом, развернутым на участках двух корпусов и не успевшим еще ознакомиться со своими новыми позициями...»

Подполковник Лавр Корнилов принял в отражении тех массированных и отчаянных атак японской пехоты самое деятельное участие. Ему пришлось в ту ночь с резервными батальонами стрелков своей бригады приходить на помощь там, где

японцы были уже готовы прорвать позицию противника. Командующий 2-й Маньчжурской армии генерал Каульбарс отметил, что только ввод в бой резервов Сводного Стрелкового корпуса позволил сбить атакующий пыл японцев у деревень Джантан и Чандиопу.

После успешного ночного боя Русский фронт опять тронулся, но не вперед, а назад. 1-я и 2-я Стрелковые бригады Сводного корпуса утром следующего дня были вынуждены оставить свои далеко выдвинутые вперед позиции. Они отошли на линии деревень Гудзянцы — Чжоугуаньпу. Но поскольку 8-й корпус был связан идущим боем, то он не успел выполнить приказ главнокомандующего Куропаткина и остался на прежней позиции. В итоге 1-я и 2-я Стрелковые бригады оказались у него в тылу, как бы во второй линии, сумев пройти только до деревень Таутайцзы и Матурань. В довершение ко всему, одна из бригад Сводного корпуса — 5-я ночью сбилась с дороги и неожиданно для себя оказалась у деревни Сотхайцзы на правом армейском фланге.

После того как угроза охвата японцами фланга линии фронта стала реальной, Куропаткин приказал отступить к Мукдену на заранее подготовленные перед городом позиции. Походные колонны составлялись наспех, без четкого определения маршрутов и времени движения. В итоге масса войска оказалась слабо управляемой. Так было, например, в колонне, которой командовал генерал-майор И.Р. Довбор-Мусницкий (в годы Первой мировой войны командовавший Польским корпусом русской армии, а в 1918—1919 годах бывший главнокомандующим армией Польши).

Каульбарс, не на шутку встревоженный потерей управления походными колоннами, послал двух генералов армейского штаба на поиски двух пехотных полков Довбор-Мусницкого — Зарайского и Болховского. Один из посланных так описывает увиденное:

«...Впереди нас, не далее как в полуверсте не доходя до деревни Тинтянтунь, оставалась неподвижно на месте и даже лежала какая-то колонна, мы решили прежде узнать, что это за колонна и отчего она не движется вперед. Подъехав к лежавшей на дороге колонне, нам пришлось иметь приблизительно такой разговор с нижними чинами:

- Какой это полк?
- Зарайский, ваше превосходительство.
- А впереди вас какой полк?
- Не можем знать.
- Кто начальник колонны?
- Не можем знать,
- Чего же вы тут лежите?
- Не можем знать.
- Где ваш полковой командир?
- Не можем знать, куда-то уехали.
- А где же старший штаб-офицер?
- Не можем знать.

Получая на все вопросы такие ответы, мы решились было ехать вдоль колонны, чтобы вызвать хотя какого-либо офицера и от него узнать что либо более определенное, но в это время мы заметили скакавшего к нам со стороны деревни Тинтянтунь генерала Довбора-Мусницкого. Последний, узнав меня и моего спутника..., начал горячо жаловаться на то, что он, зная, что правее его должна идти колонна генер. Де-Витта, не мог ее дожидаться, а потому и сам не мог двигаться вперед, — теперь же вдруг узнает, что колонна эта находится в хвосте его колонны и лежит неподвижно на месте...»

Начавшаяся неразбериха в движении походных колонн не только 2-й Маньчжурской армии, но и соседних, привела к дезорганизации многих воинских частей, прежде всего пехотных. Генерал П.К. Баженов, автор мемуаров «Сандепу — Мукден. Воспоминания очевидца — участника войны», так описывает отступление к Мукдену:

«...Меня поразило множество отдельных солдат, бредущих между грядками убранного гаолянового поля тоже в направлении к Мукдену в громадном большинстве без ружей. Подъезжая ко многим из них для опроса, почему они не в строю, я обыкновенно получал такие ответы: «болен», «устал», «ранен», — причем в доказательство справедливости своих слов мне указывали на маленькую дырочку в шинели, похожую скорее на разрез, или небольшой прокол чем либо острым и т.п. Некоторые же валявшиеся в поле люди уверяли меня, что они относили раненых и на обратном пути отдыхают.

Судя по тону этих ответов и по наружному виду отвечавших, нельзя было не сомневаться в том, что все эти объяснения выдуманы и что вышли эти люди из строя вследствие упадка духа в войсках и начавшейся их деморализации. Я пробовал было гнать этих людей в строй, сопровождавшему меня казаку пришлось с этой целью пускать в ход свою нагайку; но и это оказалось бесполезным, так как не мог же я каждого из этих людей сопровождать в его часть, а собрать их для этого в команду не было никакой возможности: для исполнения такой работы вместо одного казака, находившегося при мне, нужно было иметь, по крайней мере, целую сотню с офицерами».

Подполковник Корнилов все эти дни Мукденского отступления провел в голове походной колонны 1-й Стрелковой бригады. Нижние чины чаще видели его не верхом на низенькой степной лошади, которую Лавр Георгиевич приобрел у казаков-бурятов из Забайкальского войска, а пешком, торопливо идущим вдоль походной колонны какого-либо полка бригады. Он не столько командовал в те дни, как старший офицер штаба, сколько старался ободрить вконец измотанных отступлением людей.

Корнилову повезло в ходе Мукденского сражения в следующем. Стрелковая бригада оказалась среди тех сил 2-й Маньчжурской армии, которая прикрывала отход и действовала как корпусной арьергард. Подполковнику не раз приходилось останавливать то один, то другой хвостовые батальоны походной колонны и отражать атаки наседавших японцев, которые, преследуя русских, не стремились навязать им ожесточенный ближний бой. Дело почти всегда ограничивалось жаркой ружейной перестрелкой. Когда корниловские стрелки начинали грозить врагу ударом в штыки, тот на час-другой прекращал неотступное преследование. Потом все повторялось вновь.

В те дни Корнилов был свидетелем полного развала в ходе отступления. Такие безрадостные картины он, уже будучи генералом, увидит не раз во время Первой мировой войны, исключая разве что 1914 год. Вот как описывает увиденное тот же генерал П.Н. Баженов:

«При выходе из Мукдена на Мандаринскую дорогу, мы сразу натолкнулись на такой хвост и такой вопиющий беспорядок,

который далеко превосходил самые мрачные представления мои о беспорядочном отступлении. Со всех улиц Мукдена и вообще со всех сторон повозки, пушки, команды, или, вернее, толпы людей — спешили на Мандаринскую дорогу, и у самого выхода ее из города образовалась какая-то беспорядочная масса, которая сама по себе не давала возможности двигаться. Тут были и понтоны, которые, неизвестно по какой надобности, держались до последнего времени в Мукдене, и санитарные транспорты, и повозки артиллерийских парков, и патронные двуколки, одним словом — повозки обоза всех трех разрядов, артиллерийские орудия и толпа будто бы искавших свои части людей...

На беду недалеко от выхода из города дорога имела вид врезанного в довольно высокую гору дефиле; тут образовалась пробка, явно свидетельствующая о том, что весь этот беспорядок произошел вследствие крайней нераспорядительности начальства и полного безначалия в обозе...

...Попалась нам и целая рота Борисоглебского полка, люди которой шли между повозками хотя и в полном беспорядке, но все-таки несколько сплоченно; из разговора с солдатами я мог узнать, что они составляют роту и что с ними идет ротный командир... Это был молодой офицер, поручик... После того как он к нам подошел, между мною и им произошел следующий разговор:

— Что делаете вы в обозе со своей ротой?

На это он мне довольно развязно ответил:

— Отступаю.

— Да почему же вы не находитесь в полку?

— Я не знаю, где мой полк.

— Кто же вам приказал отступать?

— Я увидел, что все отступают, а потому и начал отступать.

Эти ответы и безначалие, царившие в обозе, дают понятие о том, в какой мере в описываемое нами время беспорядок, доходивший до паники, охватил уже всю армию. Продолжая ехать далее и сокрушаясь при виде того разгрома, в котором находилась толпа разнообразных повозок и людей, двигавшихся по Мандаринской дороге, — я с невыразимой грустью размышлял о том, что этим разгромом мы обязаны вовсе не японцам, атаки которых всегда с огромными для них потерями были

отбиваемы нашими доблестными войсками; разгром этот произошел только вследствие чрезвычайной нераспорядительности начальства всех степеней и крайней бестолочи всех распоряжений: наша армия, — как я тогда рассуждал, — не была вовсе кем либо побеждена или разбита, она разбилась о собственную бестолочь. Чем дальше я ехал, тем справедливость этого рассуждения становилась неоспоримее».

В Мукденском деле Лавр Георгиевич Корнилов оказался в положении фактического начальника штаба 1-й Стрелковой бригады. Во время общего отступления русских войск волей судьбы, а не сколько по приказу командующего 2-й Маньчжурской армии генерала Каульбарса она оказалась в прикрытии главных армейских сил, отходивших в большом беспорядке от Мукдена на север.

Позднее о генерале Корнилове скажут: «Начальственная слава к нему пришла не в карпатских Бескидах, а в проигранном под Мукденом деле с японцами...» Это было действительно так. Одно удачное боевое дело давало человеку боевую характеристику на всю оставшуюся действительную армейскую службу.

Февральские бои под Мукденом запомнились ее участникам многим. Для Корнилова это были арьергардные схватки с наседавшими то с двух, а то и с трех сторон японцами, которые видели в обескровленной бригаде русских стрелков свою «законную» добычу. Не случайно маршал Ивао Ояма, получив очередную оперативную информацию с передовой, потребовал от своих генералов окружить и уничтожить (или пленить) хотя бы одно соединение (а не полк или батальон) противника.

Так уж случилось, что 1-я Стрелковая бригада, скованная ближним боем, оказалась окруженной со всех сторон в китайской деревне Вазые Корнилов с высоты башенки кумирни смог даже без помощи цейссовского бинокля убедиться, что три полка бригады — 1-й, 2-й и 3-й Стрелковые — оказались в полном вражеском окружении. Было хорошо видно, как батальоны неприятельской пехоты обтекали деревню по полям, стремясь как можно плотнее перекрыть русским единственную дорогу на север, размытую прошедшими дождями, всю в рытвинах от многих тысяч колес обозных по-

возок и артиллерийских упряжек, конских копыт и солдатских сапог.

В деревне Вазье бригадного командира не оказалось. В неразберихе арьергардного боя он с офицерами бригадного управления оказался вне кольца окружения. Корнилов взял командование на себя при молчаливом согласии полковых командиров, которые в звании были на одну ступень выше его. То есть они признали за ним главенство человека, способного на волевым, решительный поступок в создавшейся критической ситуации.

Корнилов приказал готовиться к прорыву вражеского кольца. Дело осложнялось тем, что в окружении оказались не только три полка стрелков, но и другие части Сводного корпуса: остатки растерявших многие свои роты полков, отдельные батальоны и батареи, какие-то приبلудшие к бригаде воинские команды, отставшие тылы, санитарные повозки с ранеными. Корнилову удалось собрать все эти наличные силы в единый кулак и начать прорыв из китайской деревни в северном направлении.

Корнилов лично повел на прорыв ударную силу окруженцев — три стрелковых полка родной бригады. Атака началась без привычной артиллерийской поддержки: несколько тысяч бойцов ринулись в штыковую атаку, чтобы прорваться к своим. Или погибнуть в грязи гаолянового поля под безвестной для них, не отмеченной на карте, китайской деревней на вершине пологого холма, на котором теснились глинобитные фанзы и стояло несколько деревьев

Японцы не выдержали яростной штыковой атаки русских стрелков, которая велась не сколько под возгласы «ура», сколько под бранные слова и какие-то бессвязные крики идущих на смерть людей. Заслон из нескольких батальонов вражеской пехоты был смят и опрокинут. Кольцо окружения оказалось разорванным чуть ли не на тысячу шагов. В прорыв устремились те воинские части, которые находились в деревне. Стрелки Корнилова держали под ружейным обстрелом фланги проделанной бреши до тех пор, пока последние сотни русских солдат не вырвались из западни под названием «деревня Вазье».

Подполковник Лавр Корнилов все время боя провел в этой бреши. Он отдавал приказы батальонам и ротам, чтобы они

удерживались на отбитом месте. Поднимал стрелков в контратаки, чтобы отбросить японскую пехоту назад хотя бы еще на сотню-другую шагов. Срывал голос, требуя от приبلудших к бригаде войск как можно скорее проходить через брешь во вражеском кольце.

Та атака на прорыв в ночь на 25 февраля удалась. Окруженцы не только вырвались из вражеского кольца, но и вынесли с собой все знамена и раненых, вывезли всю бригадную артиллерию и пулеметы, расстрелявшие последние снаряды и пулеметные ленты. То есть боевых трофеев японцам не досталось, если не считать несколько сломавшихся и потому брошенных обозных повозок, из которых успели выпрячь лошадей.

О том, сколь мужественно сражались русские солдаты под Мукденом, свидетельствует запись в «ротной памятке» одного из стрелковых полков, сделанная фельдфебелем Цырковым:

«Артиллерийский огонь все усиливается... Шимозы и шрапнели буквально засыпали нас. Держаться в цепи было невозможно, и я послал (ротный командир был убит) об этом донесение подполковнику Кременецкому, но в ответ была получена записка с кратким содержанием: «Держаться во что бы то ни стало».

С этого момента мы твердо решили умереть на месте. С этой мыслью люди забывали об опасности: они становились (для стрельбы. — А.Ш.) «с колена» и «стоя» и мстили за своих убитых и раненых товарищей. В это время мы были уверены, что японцы никогда не выбьют нас из занимаемого места, и не выбили бы, если бы не это противное отступление...»

Японцы сделали не одну попытку отрезать русских, выскользнувших из казалося бы с таким искусством устроенного им кольца окружения. Но усилия преследователей оказались тщетны. На следующий день 1-я Стрелковая бригада догнала походные колонны 2-й Маньчжурской армии и вновь составила ее арьергард до прихода на Сыпингайские позиции.

За этот большой командирский подвиг в неудачном для русского оружия Мукденском сражении — последней большой баталии русско-японской войны. Лавр Георгиевич удостоил-

ся редкой для той войны боевой офицерской награды — императорского военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени. Награждение состоялось 8 сентября 1905 года.

О георгиевской награде, почетнейшей в русской армии для любого генерал-фельдмаршала или рядового солдата, казака, матроса или ополченца, можно было только мечтать. Орден Святого Георгия, учрежденный императрицей Екатериной I в 1769 году, имел орденский статут. В нем говорилось, что эта боевая награда дается только за исключительные личные подвиги на поле брани и в море. Императрица, вошедшая в историю государства Российского как непревзойденная его воительница, писала в высочайшем указе:

«Как Российской империи слава наипаче распространилась и возвысилась верностью и храбростию, и благоразумным поведением воинского чина, то из особой Нашей Императорской милости к служащим в войсках наших, в отмену и награждение им за оказанную от них во многих случаях Нам и предкам нашим ревность и службу, также и для поощрения их в воинском искусстве, восхотели Мы учредить новый воинский орден и снабдить оный всеми теми преимуществами, которые поспешествовать будут сему Нашему предприятю».

...В том же, 1905 году Лавр Георгиевич Корнилов, георгиевский кавалер из 1-й Стрелковой бригады, за боевые заслуги был произведен в полковники.

Второй орденской наградой для пехотного офицера на русско-японской войне стал орден Святого Станислава 2-й степени с мечами.

Третью награду за войну на полях Маньчжурии по высочайшему приказу полковник Корнилов получит в... 1907 году. Ею станет почетное Георгиевское золотое оружие: офицерская сабля с клинком из знаменитой златоустовской стали с надписью «За храбрость» и темляком приметных для глаза георгиевских оранжево-черных цветов. Теперь офицера можно было называть дважды кавалером Святого Георгия.

Несколько раньше Золотого оружия, в самом начале 1906 года, Корнилов получит медаль «В память русско-японской вой-

ны». Для участников военных действий в Маньчжурии она изготовлялась из светлой бронзы, для защитников крепость Порт-Артур — из серебра, для лиц, не участвовавших в боевых действиях, но состоявших на воинской службе на театре войны и железнодорожников, — из темной бронзы.

На лицевой стороне медали помещались дата «1904—1905» и изображение всевидящего ока. На обороте шла надпись — «Да вознесет нас Господь в свое время». Раненым и контуженым памятная медаль выдавалась на ленте с бантом.

Война с Японией была проиграна. Будущий верный сподвижник Корнилова по Белому движению Антон Иванович Деникин, участник той войны, в своих мемуарах напишет, в частности, и о проигранной Мукденской операции. Причину очередного поражения русской армии он видел прежде всего в высшем генералитете и его откровенном непрофессионализме:

«Я не закрываю глаза на недочеты нашей тогдашней армии, в особенности на недостаточную подготовку командного состава и войск. Но, переживая в памяти эти страдные дни, я остаюсь в глубоком убеждении, что ни в организации, ни в обучении и воспитании наших войск, ни тем более в вооружении и снаряжении их не было таких глубоких органических изъянов, которыми можно было бы объяснить беспримерную в русской армии мукденскую катастрофу. Никогда еще судьба сражения не зависела в такой фатальной степени от причин не общих, органических, а частных. Я убежден, что стоило лишь заменить заранее нескольких лиц, стоявших на различных ступенях командной лестницы, и вся операция приняла бы другой оборот, быть может даже гибельный для зарвавшегося противника».

С русско-японской войны 35-летний полковник Л.Г. Корнилов вернулся целым и невредимым, со служебной характеристикой боевого офицера-армейца, с хорошими перспективами дальнейшего служебного роста. Полученный чин полковника давал сыну простого сибирского казака права потомственного дворянства. В императорской России дворянами могли стать люди действительно «низкого» звания, но для этого требовалось поистине высокое служение Отечеству. Причем только личное.

Глава 4

АГЕНТ В КИТАЕ. ЗААМУРСКИЙ КОРПУС ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ

После заключения Портсмутского мира между Россией и Японией русские войска из Маньчжурии возвратились в Россию. Глава российского правительства граф С.Ю. Витте после переговоров воевавших сторон в Соединенных Штатах назвал заключенный мир «благоприятным». Но никакие «приличные» условия мира не могли скрыть тяжесть и унижительность военного поражения Российской империи в столкновении с Японией. Таких поражений было три: сдача крепости Порт-Артур, сражение под Мукденом и Цусима. А ведь были еще и материальные потери.

Как заключительный аккорд русско-японской войны прозвучал высочайший манифест императора Николая II о заключении мира в американском городе Портсмуте. Манифест, обнародованный в Санкт-Петербурге в октябре 1905 года, отличался немногословием. Он гласил:

«В неисповедимых путях Господних Отечеству Нашему ниспосланы были тяжелые испытания и бедствия кровопролитной войны, обильной многими подвигами самоотверженной храбрости и беззаветной преданности наших славных войск в их упорной борьбе с отважным и сильным противником. Ныне эта столь тяжкая для всех борьба прекращена и, Восток Державы Нашей снова обращается к мирному преуспеванию в добром соседстве с отныне вновь дружественной Нам Империей Японскою.

Возвещая любезным подданным Нашим о восстановлении мира, мы уверены, что они соединят молитвы свои с Нашими и с непоколебимою верою в помощь Всевышнего призовут благословение Божие на предстоящие Нам, совместно с из-

бранными от населения людьми, обширные труды, направленные к утверждению и совершенствованию внутреннего благоустройства России...»

В первый день мая 1906 года полковник Л.Г. Корнилов назначается делопроизводителем Главного управления (управления генерал-квартирмейстера) Генерального штаба. Служба в Санкт-Петербурге, близость к привилегированной Гвардии, в какой-то мере даже к императорскому двору, элите военной науки открывали перед георгиевским кавалером перспективы хорошей карьеры. Способности генштабиста у полковника Корнилова были замечены тогда многими.

Служба в столице, однако, продолжалась совсем недолго, всего одиннадцать месяцев. В Военном ведомстве России не забыли о способностях Лавра Георгиевича как разведчикатуркестанца, равно как и о его пристрастии к Востоку. По свидетельству людей, хорошо знавших Корнилова, он свободно владел к тому времени английским, французским, немецким, китайским, персидским, туркменским, казахским и киргизским языками. И мог изъясняться еще на ряде языков Туркестана.

Только на этот раз профессионального военного разведчика с его блестящей «маньчжурской биографией» не ждал такой хорошо знакомый ему Туркестанский край. В апреле 1907 года Лавр Георгиевич назначается военным агентом (военным атташе) России в Китае. Он убывает на новое место службы, в столичный город Пекин (Бейпин).

Военно-дипломатическая служба в Китае продолжалась для полковника Корнилова долгих четыре года. В то время такие мировые державы, как Британия, Франция, Германия, Япония и, наконец, США, вели деятельную борьбу за «контроль» над этой страной.

У России здесь были свои немалые интересы, поскольку русско-китайская граница имела огромную протяженность. Через оставленную русскими войсками Маньчжурию из Забайкалья в Приморье, к Владивостоку, тянулась линия Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). То есть Китай интересовал Россию в политическом, экономическом и военном отношениях. И та, и другая страна были кровно заинтересованы в добрососедских связях.

Полковник Корнилов добивается у пекинских властей разрешения посетить пограничные с Россией области, беспрепятственно посещая важные для военного агента провинциальные города, узлы сухопутных и речных путей, «по ходу дела» знакомясь с местными крепостными укреплениями и коммуникациями. Чтобы лучше вести дела, российский военный агент самым серьезным образом изучает историю страны пребывания, традиции как китайского народа, так и других малых народов этого крупнейшего по народонаселению государства не только Азиатского континента, но и всего мира.

Свою роль в составе посольства России в Пекине полковник Корнилов выполнял успешно. Исполняя обязанности стратегического разведчика, Лавр Георгиевич настойчиво собирал всевозможную разведывательную информацию, которой интересовались в Генеральном штабе и Министерстве иностранных дел.

Следует заметить, что деятельность военного агента России в Китае была отмечена в Санкт-Петербурге скоро и по достоинству. Его донесения внимательно изучались и в отделах Генерального штаба, и в Министерстве иностранных дел. Военный атташе Корнилов был награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

Однако Георгиевский кавалер, герой минувшей русско-японской войны так и не вписался в дипломатический мир. Он оказался слишком самостоятельным. Отношения между российским полномочным послом в Китае Гирсом, человеком больших связей, высокого мнения о себе и с огромным дипломатическим опытом, и полковником Корниловым портились с каждым годом у всех на глазах. Рано или поздно их взаимоотношения должны были «разорваться», естественно, в пользу посла Гирса, столь ценимого в Зимнем дворце.

Научившийся хорошо разбираться в тонкостях человеческих взаимоотношений на Востоке, полковник Корнилов завел в Пекине немало полезных знакомств. С большим доверием к нему относился молодой армейский офицер Чан Кайши, будущий генералиссимус и президент Китайской Республики и Тайваня.

В те годы Чан Кайши считался на родине «человеком Японии». Это не было случайностью. В шестнадцатилетнем воз-

расте он порвал с традиционным семейным занятием фермерством и мелким бизнесом ради военной карьеры, покинув родительский дом в Цикоу, в провинции Чжецзян. После нескольких лет обучения в школах уезда Фынхуа, где он познакомился с основами традиционной китайской философии, Чан уехал на Японские острова.

Но там выяснилось, что в военную академию императорской Японии он, иностранец-китаец, может быть принят только по рекомендации военного министерства правительства Китая. Чан Кайши, однако, не стал торопиться с возвращением на родину. В 1906 году ему все же удалось поступить на краткосрочные курсы при Бяотянской военной академии. Там он прекрасно зарекомендовал себя и был оставлен на учебу и на следующий год. В 1910 году китаец прошел стажировку в рядах японской армии, в 19-м полку пехотной артиллерии.

Годы службы полковника Корнилова военным агентом совпали с началом военной и политической деятельности Чан Кайши. Думается, что в российском военном агенте будущий глава гоминьдановского Китая увидел человека, достойно представлявшего соседнюю державу. Известно, что во время пребывания на президентском посту Чан Кайши стремился строить с правопреемником Российской империи — Советским Союзом — добрососедские и взаимовыгодные межгосударственные отношения.

Успехи российского военного атташе в китайской столице были несомненны. К нему пристально присматривались его «коллеги» из других посольств, стараясь «приручить» подающего большие надежды русского разведчика. Тем более что в дипломатическом мире Корнилов был уже известен своими туркестанскими «делами» в Персии, Афганистане, в индийском Белуджистане и в китайском Кашгаре.

О профессиональном внимании к нему свидетельствует то, что российский военный агент в Китае за четыре года своего пребывания в Пекине получил больше орденских наград, чем за русско-японскую войну. Свои ордена ему пожаловали правительства Великобритании, Франции, Германии и даже... Японии.

Когда отношения военного агента с российским послом Гирсом окончательно испортились, полковник Корнилов был

отозван из Пекина в Санкт-Петербург. Каких-либо претензий официально к нему на берегах Невы никто не высказывал. На беседе в Генеральном штабе ему было сказано, что свою карьеру ему предстоит теперь вновь продолжить в рядах русской армии в должности строевого командира.

24 февраля 1911 года полковник Корнилов назначается командиром 8-го пехотного Эстляндского полка, расквартированного в приграничном Варшавском военном округе, близ польской столицы. Однако, едва приняв должность полкового командира, Корнилов в начале июня того же года получает новое назначение. Он вновь направляется в Китай, в знаменитую ему Маньчжурию.

Корнилов становится командиром 2-го отряда Заамурского округа (корпуса) пограничной стражи, на который, по договоренности между правительствами России и Китая, возлагалось все бремя охраны КВЖД в полосе ее прохождения. Заамурские пограничные стражники в своей массе были добровольцами — выходцами из всех одиннадцати казачьих войск России, из армейских рядов, из военнотрудовых запасов.

2-й корпусной отряд (равный по силе пехотной дивизии в штатах мирного времени) состоял из пяти полков: 3-го и 4-го пограничных Заамурских пехотных и трех пограничных Заамурских конных: 1-го, 2-го и 5-го. Штаб отряда располагался в официальной столице Китайской Восточной железной дороги городе Харбине, который считался самым «русским» в Маньчжурии после Порт-Артура, который теперь находился в японской аренде. В Харбине размещались один пехотный и два конных полка пограничной стражи. 2-й пехотный полк замурцев размещался в Лаошачоу, а 5-й конный — в Куаньченцзы.

Отряд Корнилова имел собственную артиллерию. В городе Харбине квартировала 1-я Заамурская пограничная конно-горная батарея. Приходилось ему взаимодействовать в силу своей должности и со 2-м Заамурским пограничным железнодорожным полком, который находился в столице КВЖД.

В годы Первой мировой войны Заамурский пограничный округ почти в полном составе был отправлен на Восточный фронт. Пехотные полки корниловского отряда образуют 2-ю бригаду

1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. 1-й и 2-й конные полки вольются в состав Сводной кавалерийской дивизии. Ее первую бригаду первоначально составят лейб-гвардии Уланский Его Величества и лейб-гвардии Гродненский гусарский полки. В 1916 году их сменят 19-й драгунский Архангелогородский и 16-й гусарский Иркутский 5-й конный полк 2-го отряда войдет в состав Заамурской конной дивизии.

Надо сразу сказать, что пограничные стражники из Заамурского округа на Русском фронте Первой мировой войны сражались доблестно и отважно. Сказывалась их высокая боевая выучка. На Юго-Западном фронте генерал Корнилов встретит немало своих бывших сослуживцев и подчиненных ..

Всего через полгода командования отрядом пограничной стражи Лавр Георгиевич Корнилов производится в генерал-майоры. Высочайший приказ о его генеральстве состоялся 26 декабря 1911 года. Можно оговориться, что к тому времени он был уже известен императору Николаю II, который относился к кандидатам в русский генералитет достаточно пристрастно.

Охрана Китайской Восточной железной дороги, которая связывала по сухопутью Приморский край с «остальной Россией», была нелегким делом. Потенциальными и достаточно многочисленными вооруженными противниками пограничных стражников являлись китайские разбойники-хунхузы и контрабандисты, японские шпионы. Больше всего забот доставляли хунхузы, грабившие в Маньчжурии местное сельское население.

Хунхузы были опасными противниками, покушавшимися на имущество КВЖД и жизнь ее работников. Корнилов познакомился с этими китайскими разбойниками еще во время русско-японской войны. Тогда разведка японцев не только рекрутировала из маньчжурских грабителей свою шпионскую агентуру, но и нанимало целые их отряды для действий в тылу русских войск. Прежде всего их использовали для нападений на обозы с провиантом, фуражом и боеприпасами. Хунхузов рекрутировали из бывших солдат армий местных провинциальных губернаторов, из деклассированных элементов и просто уголовных преступников.

Генерал-майор Л.Г. Корнилов в зоне ответственности своего отряда действовал решительно, обеспечивая безопасность движения по КВЖД и безопасность жителей придорожных поселений, не только русских, но и китайских. Шайки хунхузов, появившиеся вблизи железной дороги, неизменно преследовались и в столкновениях с пограничными стражниками несли серьезные потери в людях. Пленных разбойников замурцы передавали местным китайским властям. У чиновников-мандаринов с хунхузами судебный разговор обычно был короток: смертная казнь через отсечение мечом головы. В китайские тюрьмы бандиты, попавшие с оружием в руках, попадали не часто.

Лавру Георгиевичу пришлось бороться не только с разбойниками-хунхузами, безграмотными контрабандистами, которые старались проникнуть в таежные районы России с целью обмена спирта и шелковых тканей (шелковое белье лучше всего защищало старателей от вшей и иных паразитов) на золото, и вездесущих на Дальнем Востоке японских шпионов-профессионалов. Едва ли не самыми серьезными противниками для генерала пограничной стражи стали .. свои же чиновники тылового ведомства.

По приказанию командующего Замурским пограничным округом генерала Е.И. Мартынова отрядный начальник произвел пристрастное дознание о снабжении войск пограничной стражи, расположенных в Маньчжурии. Помимо КВЖД, стражники охраняли и промышленные предприятия на китайской территории, принадлежавшие российским предпринимателям и правительству России, административные здания, банки, почтовые перевозки.

Проведенное дознание без особого труда установило многочисленные факты снабжения русской пограничной стражи недоброкачественными продуктами питания, взяточничества и порчи провианта из-за служебной халатности. Были установлены имена конкретных виновников, среди которых оказались высокопоставленные тыловые чиновники.

Дело было передано военному следствию, поскольку вскрытые факты поражали масштабностью хищений. По постановлению прокурорского надзора в качестве обвиняемых к начавшемуся следствию привлекались заместитель командующе-

го Заамурского пограничного округа генерал-лейтенант Савицкий, многие должностные лица окружного хозяйственного управления. Назревал скандал, отзвуки которого могли отозваться и в столице.

Тогдашний начальник Отдельного корпуса пограничной стражи В.Н. Коковцев (он же и влиятельнейший министр финансов), пытаясь прикрыть вопиющие злоупотребления своих ближайших помощников, выхлопотал в феврале 1913 года высочайшее повеление о прекращении следственного производства. Когда следствие по делу о хищениях было прекращено, командующий Заамурским пограничным округом генерал-лейтенант Е.И. Мартынов, известный своей порядочностью и честностью, подал в отставку. К немалому удивлению российской общественности и русского офицерства, император принял эту отставку. Хотя, вне всякого сомнения, он был осведомлен о следственном деле.

Тогда Мартынов, теперь уже отставной генерал, по собственной инициативе опубликовал в печати некоторые материалы «харбинского» дела. Читатели получили возможность на газетных страницах познакомиться со многими, так называемыми «жареными» фактами и именами конкретных злоумышленников. За это Е.И. Мартынов и поплатился: он был предан суду.

С генерал-майором Л.Г. Корниловым в той ситуации столичные власти поступили иначе. Его вернули из пограничной службы в Военное ведомство. Но рапорт о переводе его в армейские ряды он написал сам. В финансовом ведомстве (Отдельный корпус пограничной стражи в мирное время подчинялся ему) Коковцева «неуживчивого» генерала не задержали, зная характер «неудобного» отрядного командира из далекой к Санкт-Петербургу Маньчжурии. Думается, что Лавр Георгиевич был рад такому исходу для него «харбинского» следственного дела. Новое назначение оставляло его на Дальнем Востоке.

В июле 1913 года генерал-майор Корнилов принял под свое командование 1-ю бригаду 9-й Сибирской стрелковой дивизии. В ее состав входили 33-й и 34-й Сибирские стрелковые полки из числа «молодых» в рядах русской армии. Первый полк был сформирован в 1903 году, второй — в 1905-м. Дивизон-

ный штаб размещался в портовом городе Владивостоке. Корниловская же бригада размещалась на острове Русский, укрепления которого входили в состав Владивостокской морской крепости. Сибирские стрелки предназначались для пехотного прикрытия фортов и артиллерийских батарей, отражения возможных неприятельских десантов на остров, закрывавший собой вход во внутреннюю гавань Владивостока, — бухту Золотой Рог.

Однако служба на берегах Тихого океана оказалась непродолжительной. Ее прервала Первая мировая война.

К началу войны Лавр Георгиевич прослужил на Востоке без малого двадцать лет. То есть большую часть сознательной жизни. Он оставил светлую память о себе в Туркестане и Китае, Маньчжурии и Приморском крае.

Первая мировая война вошла в историческую память России двумя высочайшими манифестами. В первом из них, от 20 июля 1914 года, говорилось об объявлении состояния войны России с Австро-Венгрией:

«Божиею милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным Нашим подданным:

Следя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений союзная Австрии Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство

и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокою верою в правоту Нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наши Божие благословение.

Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования же Нашего в двадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: «НИКОЛАЙ».

Вторым высочайшим манифестом от 26 июля 1914 года объявлялась война России с Германией. В нем за подписью императора говорилось следующее:

«...Объявляем всем Нашим верным подданным:

Немного дней тому назад Манифестом Нашим оповестили мы русский народ о войне, объявленной Нам Германией.

Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабейшей Сербии, сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей ее России.

Силы неприятеля умножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы. Но с удвоенною силою растет навстречу им справедливый гнев мирных народов и с несокрушимою твердостью встает перед

врагом вызванная на брань Россия, верная славным преданиям своего прошлого.

Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело. В предстоящей войне народов мы не одни: вместе с Нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию. Да благославит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с жезлом в руках, с крестом в сердце...»

Эти два высочайших Манифеста всколыхнули всю Россию. Согласно мобилизационному плану, он покидает фортпост Владивостокской крепости остров Русский и отправляется на войну, которая уже начиналась на западных рубежах Российской империи.

Спустя некоторое время, воинские эшелоны доставят туда и корниловских сибирских стрелков, составлявших гарнизон острова Русский. Только командовать ими Лавру Георгиевичу придется только тогда, когда он встанет во главе фронта, а потом примет должность Верховного главнокомандующего России. Но уже не старой, царской.

О настроениях в российском обществе в связи с началом войны говорят и спорят по наши дни. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко в своих воспоминаниях он писал:

«Вернувшись в Петроград перед самым объявлением войны, я был поражен переменою настроения жителей столицы. «Кто эти люди? — спрашивал я себя с недоумением, — которые толпами ходят по улицам с национальными флагами, распевая народный гимн и делая патриотические демонстрации перед домом Сербского посольства». Я ходил по улице, вмешивался в толпу, разговаривал с нею и, к удивлению, узнавал, что это рабочие, те самые рабочие, которые несколько лет тому назад ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады.

На вопрос мой, чем объясняется перемена настроения, я получил ответ: «Вчера было семейное дело; мы горячо рато-

вали о своих правах, для нас реформы, проектируемые в законодательных учреждениях, проходили слишком медленно, и мы решили сами добиться своего. Но теперь, сегодня, дело касается всей России. Мы придем к Царю, как нашему знамени, и мы пойдем за ним во имя победы над немцами».

Аграрные и всякие волнения в деревне сразу утихли в эти тревожные дни, и как велик был подъем национального чувства, красноречиво свидетельствуют цифры: к мобилизации явилось 96 процентов всех призывных, явилось без отказа и воевали впоследствии на славу.

В самой Государственной думе в заседании 26 июля (8 августа нового стиля) все партийные перегородки пали, все, без исключения, члены Государственной думы признали необходимость войны до победного конца во имя чести и достоинства дорогого Отечества и дружно объединились между собой в этом сознании и решили всемерно поддерживать Правительство.

Без различия национальностей все поняли, что война эта народная, что она должна быть таковой до конца и что поражение невыносимого германского милитаризма является безусловно необходимым...»

Часть II

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА, НЕ СТАВШАЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Глава 5

МИРОВАЯ ВОЙНА. КОМАНДИР СТАЛЬНОЙ СУВОРОВСКОЙ ДИВИЗИИ. КАРПАТЫ

На фронт Лавр Георгиевич Корнилов прибыл в августе 1914 года и сразу же вступил во временное командование 48-пехотной дивизией. Во время одного из первых встречных сражений начала войны у Равы Русской и Городка 4-й австро-венгерский корпус нанес сильный удар у Комарно по русскому 24-му армейскому корпусу, в состав которого входила корниловская дивизия. В том бою она потеряла почти всю ар-

тиллерийскую бригаду (более 20 полевых орудий) и много людей погибшими и пленными.

Однако это поражение не бросило тень на генерала Корнилова (прямыми виновниками неудачи были иные лица), поскольку в самых сложных ситуациях дня 29 августа он продемонстрировал личную храбрость. Но в то же время некоторые начальники стали говорить, что этому дивизионному генералу «искусство маневра было неведомо, он умел только рваться вперед, очертя голову».

Перед этим дивизия прошла первое испытание на прочность. Зацепившись за городок Николаев, 24-й корпус своим правым крылом выдвинулся вперед и был охвачен австрийскими войсками. Их атаки следовали одна за другой. Назревал прорыв на участке 48-й дивизии. Вот в той опаснейшей ситуации и удалось Лавру Георгиевичу продемонстрировать «примерные» для других личные командирские качества.

Неприятель сконцентрировал свои наступательные усилия против корниловской дивизии с пока не пугающим их названием «Стальной». В критический эпизод боя генерал лично повел в контратаку — в штыковую рукопашную схватку — свой последний дивизионный резерв силой в один пехотный батальон. Поступок был «суворовский». Австрийцы на какое-то время оказались отброшенными прочь. Однако уже вскоре они вновь проявили настойчивость и обошли четыре русских полка. Теперь Корнилову пришлось их немедленно отводить назад, чтобы не оказаться в полном окружении.

В тех боях Корнилову и его подчиненным пришлось «вплотную» познакомиться с мощью огня тяжелой немецкой артиллерии. Германцы стреляли из орудий крупных калибров снарядами, которые фронтовики прозвали «чемоданами». Для них был характерен полет с «хрипящим» звуком. Прямое попадание такого «чемодана» в окоп и блиндаж имело самые губительные для людей последствия.

Когда фронтовая организация «устоялась», генерал-майор Л.Г. Корнилов был назначен командиром 1-й бригады 49-й пехотной дивизии. Но в этой должности он не пробыл и двух месяцев. В конце 1914 года следует назначение командиром 48-й пехотной дивизией, одной из наиболее прославленных в рядах русской армии во время Первой мировой войны.

Эта дивизия имела название Стальной пехотной. Именовалась она еще и Суворовской дивизией. В ее состав входили пехотные полки, овеянные славой великих русских полководцев генералиссимуса А.В. Суворова-Рымникского и генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского. Об этом говорили сами названия полков: 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский.

До войны дивизия дислоцировалась на территории Казанского военного округа. В городе Самаре располагались дивизионный штаб и 189-й пехотный полк, в Уфе стоял Очаковский. Два других полка, составлявших 2-ю бригаду, квартировали в степном Оренбурге. Свою родословную эти воинские части, за исключением 190-го полка, вели с 1811 года. Полковая биография пехотинцев-очаковцев начиналась несколько раньше, с 1804 года.

Стальная дивизия с первых дней войны показала себя крепко сколоченным еще в мирное время воинским коллективом. Показателем ее «качества» могут служить маршевые пополнения, которые приходили из Поволжья, где оставались запасные батальоны полков дивизии. Подчиненные Корнилова, в частности, надлежащим образом относились к «казенному имуществу». Или, иначе говоря, «суворовцы» не воспринимали как мотивацию для своего поведения на войне бытовавшую тогда в армии поговорку: «казенное — в огне не горит, в воде не тонет».

Что это означало в жизни? Ответ на этот вопрос наилучшим образом дает профессор-белоземigrant генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин в своем труде «Военные усилия России в Первой мировой войне»:

«...Моя армия переживала «сапожный» кризис... Я лично объехал для проверки корпуса, некоторые дивизии и полки. Оказалось, что все прибывающие маршевые роты, а их в этот период прибывало много, почти поголовно прибывали со старой, никуда не годной обувью. Между тем, согласно установленному порядку, все чины маршевых рот, высылаемых запасными батальонами, снабжались совершенно новыми сапогами.

В ближайшие же дни выяснилось, что чины маршевых рот, проходя через деревни, продавали новые сапоги, обменивая

их на куда не годные, причем производилось это почти повально. Все опрошенные после поимки совершенно искренне отвечали, что они думали, что когда придут в окопы, им должны дать новые сапоги.

Одновременно с этим открылось, что торговля казенным вещевым довольствием приняла настолько массовый характер, что произведенный местной полицией обыск в селах, лежащих на пути прохождения маршевых рот, обнаружил даже небольшие мастерские, в которых перешивали солдатские полотноща палаток в юбки для деревенских баб...»

Генерал А.И. Деникин, будущий преемник Корнилова на посту командующего белой Добровольческой армией, тогда командир соседней 4-й Стрелковой дивизии объяснял первую фронтную неудачу Лавра Георгиевича тем, «что дивизия и ранее не отличалась устойчивостью. Но очень скоро в руках Корнилова она стала прекрасной боевой частью».

В своих воспоминаниях «Путь русского офицера» А.И. Деникин восхищается такими командирскими, человеческими качествами Корнилова, как «умение воспитывать войска, личная храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность, наконец высокое соблюдение воинской этики в отношении соратников — свойство, против которого часто грешили многие начальники».

Новое наступление на Востоке силами Юго-Западного фронта началось в ноябре 1914 года. 48-я пехотная Стальная дивизия генерала Корнилова, бок о бок с которой пробивалась вперед 4-я стрелковая бригада, которая в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 годов получила название «Железная», которой командовал генерал А.И. Деникин. Его бригада вскоре была развернута в 4-ю стрелковую дивизию. Это было первое знакомство Лавра Георгиевича со своим будущим единомышленником по Белому движению, которое выльется во фронтную дружбу.

Стальная дивизия и Железная бригада прорвали неприятельские позиции, которые тогда еще не создавались по всем правилам полевого фортификационного искусства. После этого русская пехота начала пробиваться по горным перевалам через заснеженные Карпаты и вскоре оказалась на их противо-

положном склоне. Отсюда открывался путь на Венгерскую равнину. Из Закарпатья можно было прицелиться для удара в направлении на Будапешт и далее — на австро-венгерскую столицу Вену.

Это стало бы осуществлением одного из двух стратегических планов на большую войну в Европе, которые заранее разрабатывались в российском Генеральном штабе. В случае успеха широкомасштабной наступательной операции Германская империя теряла своего главного союзника. В таком случае блок Центральных держав терпел в столкновении с Антантой поражение.

Прорыв пехотной дивизии и стрелковой бригады, во втором эшелоне которых наступала 2-я Сводная казачья дивизия генерала Павлова в ходе Галицийской битвы 1914 года, создал выгоднейшую ситуацию. Поддержки тогда генерал А.А. Брусилов главными силами своей 8-й армии прорвавшиеся через Карпаты войска, и начало Первой мировой войны могло ознаменоваться крупной победой русского оружия на Венгерской равнине.

Однако действительно способный и удачливый полководец Алексей Алексеевич Брусилов, тогда еще только командующий одной из левофланговых армий, не решился проявить инициативу. Он не стал наращивать усилия на участке прорыва неприятельского фронта, хотя именно там намечился наибольший тактический успех в ходе наступления 8-й армии.

Свое не самое «лучшее слово» в той ситуации сказал и командующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов. Он неожиданно приказал брусиловской армии изменить направление наступления и идти не в сторону Карпат, а на север, нацеливаясь на древнюю польскую столицу город Краков, который тогда входил в состав Австро-Венгерской империи. В итоге таких неразумных действий слабо прикрытый австрийскими войсками Будапешт, до которого по равнине было рукой подать, был выведен из-под удара.

В итоге и хорошо защищенный Краков взять не удалось, и стратегическая инициатива на пороге Венгрии оказалась безвозвратно потерянной. Австрийское командование в лице главнокомандующего генерала эрцгерцога Фридриха и начальни-

ка Генерального штаба генерала графа Ф. Конрада фон Гетцендорфа быстро опомнилось от такой неожиданности: русские войска оказались на «дунайской» стороне Карпатских гор. К месту прорыва спешно перебрасывались сильные резервы. Вовремя подоспела помощь и от германцев, которым пришлось выручать союзников.

Фактический авангард русского Юго-Западного фронта оказался под ударом превосходящих вражеских сил. Сразу же завязались тяжелые бои. 48-я пехотная Стальная дивизия Корнилова и 4-я стрелковая Железная бригада Деникина с трудом отбивались от наседавшего с трех сторон противника, «превосходного в силах». Им пришлось начать отступление в зимние горы по тем же перевалам, по которым они прорвались в Закарпатье.

При отходе пришлось бросить обременительные обозы (привант и патроны были розданы людям), часть захваченных пленных (только во время боя на перевале Черемша корниловцы захватили в плен до 3 тысяч австрийцев) и прорываться налегке. Приказ об отступлении был дан 27 ноября: двигаться пришлось по единственной горной дороге, занесенной снегом. Австрийцы перерезали путь отступавшим русским у местечка Сины.

Чтобы дать пройти по шоссе дивизионной артиллерии, генерал Корнилов собрал до батальона пехоты и сам повел солдат в штыки. Контратака оказалась успешной, и австрийцев отбросили от дороги. Но, как показали дальнейшие события, это был только частный успех, который изменить общую ситуацию просто не мог.

Стальная дивизия вырвалась из почти сомкнувшегося вокруг нее кольца окружения с немалыми потерями. Но при этом неприятелю не было оставлено ни одного артиллерийского орудия и зарядного ящика, а с собой приведено более двух тысяч пленных. Удалось вывезти и вынести большую часть тяжело-раненых.

За умелое руководство боями в Карпатских горах командир 48-й пехотной дивизии Л.Г. Корнилов 15 февраля 1915 года был произведен в генерал-лейтенанты. Его имя, благодаря газетным публикациям, зачитываемым в войсках приказам и рассказам солдат, стало широко известно на Русском фронте

Первой мировой войны. Лавр Георгиевич становится популярным в действующей армии.

«Странное дело, — замечал в своих мемуарах генерал А.А. Брусиллов, — генерал Корнилов свою дивизию никогда не жалел, во всех боях, в которых она участвовала под его начальством, она имела ужасающие потери, а между тем офицеры и солдаты его любили и ему верили... Правда, он и сам себя не жалел, лично был храбр и лез вперед очертя голову...»

Брусиллов, писавший свои воспоминания уже в советское время, не мог, разумеется, хорошо отозваться о генерале-белогвардейце. О карпатской эпопее Стальной дивизии и ее командира надо было откликнуться с негативной стороны, если не сказать большего. Поэтому в брусилловских мемуарах появилось и такое откровение их автора:

«Корнилов... не исполнил приказа своего корпусного командира и, увлекшись преследованием, попал в Гуменное, расположенное у подошвы южного склона Карпат, там был окружен и с большим трудом пробился и вернулся тропинками обратно, потеряв свою артиллерию и часть обоза».

В марте 1915 года Суворовская дивизия отличилась при прорыве оборонительных позиций 3-го австро-венгерского корпуса. Но тогда русским войскам не удалось развить успех корниловских пехотинцев. Затем Стальная дивизия успешно провела бой у высоты, отмеченной на топографической карте номером 650. После победного боя она получила название «Малый Перемышль».

Боевая деятельность генерал-лейтенанта П.Г. Корнилова в Галиции завершилась весной 1915 года весьма трагично. Германское командование при участии своих союзников-австрийцев провело операцию на северных склонах Карпатских гор у небольшого польского городка Горлица на реке Дунайце. Русский фронт тогда прорвать наступающим не удалось, но они сумели его «продавить». Оборонявшаяся здесь 3-я армия под командованием болгарского генерала от инфантерии на русской службе Радко Дмитриевича Радко-Дмитриева оказалась сломленной. На участке Горлицкого прорыва германское командование сосредоточило такое количество тяжелой артиллерии, которое было у него только под французским крепостным Верденом.

За поражением при Горлице последовало общее отступление армий России, которое затронуло и войска брусилловской 8-й армии. Причина ее отхода на восток заключалась в следующем. После победы у Горлицы германцы и австрийцы повели наступление большими силами в направлении на город-крепость Перемышль и дальше на галицийскую столицу Львов. Ими командовал один из лучших и результативных полководцев Первой мировой войны немецкий генерал-фельдмаршал Август фон Макензен.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал от артиллерии Н.И. Иванов с фронтовым штабом оказался не на высоте положения. Он не сумел разумно использовать имеющиеся у него значительные резервы, особенно кавалерию. В итоге русская группировка в Карпатах оказалась под угрозой быть отрезанной от главных сил фронта.

В дни тяжелых боев 48-я пехотная Стальная дивизия занимала укрепленные позиции левого боевого участка в 30 километрах юго-западнее Дукельского перевала в Карпатах. Справа располагалась 49-я дивизия того же 24-го армейского корпуса. Слева — дивизия соседнего 12-го корпуса. Весной во время второй военной кампании русские войска в Карпатских горах держали позиционную оборону.

Наступавший неприятель большими силами вышел во фланг и тыл 24-го корпуса 8-й армии. Сложившаяся ситуация вынудила корпусного командира генерала Афанасия Андреевича Цурикова, будущего генерала от кавалерии и члена Особого совещания при главкоме РККА, отдать приказ об отступлении. В корниловский дивизионный штаб этот приказ пришел с некоторым опозданием. Это сказалось на последующих событиях близ Дукли.

События развивались следующим образом. В первой половине дня 23 апреля полки 48-й дивизии, отошедшие назад на 25—30 километров, заняли не оборудованные в инженерном отношении позиции в горах. Пехотинцы стали окапываться, устраивать артиллерийские позиции. Ожидались скорые атаки австрийцев: боевые дозоры русских уже имели с их авангардными отрядами жаркую ружейную перестрелку.

Поздно вечером Лавр Георгиевич получил новое распоряжение из корпусного штаба: переместиться на рубеж Роги —

Сенява. Это означало, что уставшим за прошедшие сутки людям и лошадям предстоял ночной марш в 15—20 километров. А поскольку командир копуса генерал-лейтенант Цуриков уже снялся со своим штабом и уехал в тыл, дивизионному командиру оставалось полагаться только на собственную интуицию да на донесения полковых пеших разведчиков.

Складывалась боевая ситуация, в которой 48-й Стальной дивизии отводилась роль прикрытия отхода других корпусных войск. Обеспечения с флангов она не получила. И в итоге четыре русских пехотных полка в ходе неприятельского наступления оказались в клещах 2-го германского и 3-го австро-венгерских корпусов. Дивизия оказалась в кольце окружения, не успев вырваться на равнину с Карпатских гор, с подступов к Дукельскому перевалу.

Объективно говоря, в начальный период окружения 48-я пехотная дивизия вполне могла избежать его. Для этого на войне требовалась только своевременная ситуационная информация из штаба корпуса о складывающейся обстановке. И своевременный приказ сверху об отходе, который позволял дивизии быстро отступить, сбив на пути с гор артиллерией еще слабые численно вражеские заслоны.

Но генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов, не имея информации о соседях, неправильно оценил сложившуюся оперативную обстановку. Вместо того чтобы без размышлений выполнить ранее полученный от корпусного начальства приказ, он задумал нанести отвлекающий контрудар во фланг неприятельской группировки, сильно теснившей соседнюю 49-ю пехотную дивизию его же корпуса. То есть подать в трудный час руку помощи соседу. Корнилов в той ситуации не догадывался о численности атакующих немцев и австрийцев, которых набиралось в предгорьях уже два полнокровных армейских корпуса. Своевременно «выявить» их ни корпусная, ни армейская разведка тогда не смогли.

Тем временем пехотная бригада 2-го германского корпуса уже заняла господствующие высоты на реке Дукля, на пути движения на равнину корниловской дивизии. Получив такое донесение, Лавр Георгиевич приказал 192-му Рымникскому полку, двум батальонам 190-го и батальону 189-го полков выбить с лесистых высот немцев. Атака их малыми для такой

задачи силами, да еще без огневой поддержки артиллерии, не удалась. Стрелковые цепи русских, неся тяжелые потери от неприятельского огня, залегли перед высотами и стали оккупываться.

Только к утру 24 апреля обстановка на поле боя прояснилась. Теперь Корнилов мог оценить ситуацию, в которой он оказался со своей Стальной дивизией. Из опроса захваченных в ночных поисках пленных и документов убитых стала известна приблизительная сила неприятеля. В то же утро генерал отправил корпусному командиру в Красно следующее донесение:

«Положение дивизии очень тяжелое. Настоятельно необходимо содействие со стороны 49-й дивизии и 12-го корпуса...»

В корпусной штаб донесение попало только к вечеру 24 апреля. Тем временем в светлое время суток германцы и австрийцы продолжали наращивать силы, окружавшие русскую дивизию, которая на берегах реки Дукля оказалась в западне, все ходы и выходы из которой оказались надежно перекрыты. Вырваться из нее можно было только ценой огромных людских потерь, «кровавых потерь».

К полудню Лавру Георгиевичу стало ясно: дело принимало дурной оборот. Он лично провел рекогносцировку вражеских позиций на наиболее угрожаемых участках и понял, что его Стальной дивизии предстоит пойти на прорыв, надеясь только на штыковой удар и удачу на войне. И как можно скорее, иначе кольцо окружения могло «затвердеть» и еще больше ошестиниться пулеметами и артиллерийскими орудиями.

Дивизионный командир решил в первую очередь спасти свою артиллерийскую бригаду. Потеря пушек любого калибра на войне порочила даже самого боевого начальника. Поэтому не случайно «качество» победы в сражении измерялось не только количеством убитых и пленных врагов, но и числом трофейных орудий и знамен.

Поняв, что прямой путь закрыт крепким заслоном германцев, Корнилов изменил маршрут движения дивизионной артиллерийской бригады. Теперь она отходила с гор через Дуклю, Ясионку, Люботовку на Ивонич. Полковник Трофимов, командир бригады, вел свои батареи без надежного пехотного

прикрытия. При подходе к Мшане выяснилось, что путь впереди уже успели преградить немецкие войска неизвестной численности.

Бригадная походная колонна, растянувшаяся на лесной дороге, остановилась. Трофимов, получив донесение дивизионному командиру, приказал снять орудия с передков, развернуть их и открыть беглый огонь по близкому неприятелю. Тот уже пошел в атаку на отступавшую прямо на него колонну русских.

Корнилов, получив донесение, послал на подмогу артиллеристам ближайший к ним 189-й Измаильский полк. Пехотинцы спешно прибыли к месту боя и стали побатальонно разворачиваться для штыковой контратаки. Неожиданно они были обстреляны с близкого расстояния из пулеметов, которые германцы скрытно успели установить на окрестных горках. Роты смешались, и солдаты в полном расстройстве бросились бежать в лес, ища укрытия от пулеметных очередей за деревьями.

Командир полка полностью потерял управление и не сумел собрать воедино ни одной роты. Такая же ситуация была и в артиллерийской бригаде, которая попала тоже под пулеметный огонь. Через несколько часов прибывшие к месту события австрийцы пленили в лесу и на дороге около трех тысяч человек — артиллеристов и пехотинцев-измаильцев. Укрыться в лесу и избежать плена удалось только немногим.

Ситуацию у Мшаны еще можно было исправить, но под рукой у Корнилова уже не имелось ни одного резервного пехотного батальона. Три оставшиеся полка дивизии вели огневой бой в надежде с наступлением темноты вырваться из вражеского кольца. Однако к ночи многотысячные германские войска с артиллерией заняли Дуклю, а авангард австро-венгерского корпуса — Тржициану. Теперь кольцо окружения вокруг Стальной дивизии полностью сомкнулось. Помощи ей в той ситуации ждать уже не приходилось.

Капитуляция в таких, казалось бы безвыходных, условиях была бы вполне естественным делом. В те годы не принято было ни в Центральных державах, ни в армиях Антанты судить командиров любого ранга за то, что они не желают губить понапрасну людей и предпочитают смерти вражеский плен.

«Классическим» примером может служить дело генерала от кавалерии Н.П. Бобыря, коменданта Новогеоргиевской крепости. Ее гарнизон состоял из четырех пехотных дивизий и имел полугодовой запас провианта. Форты крепости, построенные перед самой войной по последнему слову фортификационной науки, имели возможность длительное время держаться, даже будучи полностью блокированными. Запасы артиллерийских снарядов превышали миллион единиц.

Блокаду крепости Новогеоргиевск осуществляла специально созданная германским командованием Осадная армия «Модлин» генерал-полковника Ганса фон Безелера, отличившегося перед этим взятием бельгийской крепости Антверпен. Он имел от немецкой разведки подробный план защитных сооружений Новогеоргиевска. В ходе мощной атаки 26 июля 1914 года германцам удалось овладеть только несколькими фортами внешнего крепостного обвода. Боевой дух русского гарнизона, по свидетельству очевидцев и ходу боев, был очень высок. Чего нельзя было сказать о коменданте Бобыре, который оказался потрясенным утратой части внешних укреплений.

Крепостной комендант, на удивление своим и неприятелю, приказал в ночь на 5 августа очистить остальные форты в северо-восточной части внешнего обвода Новогеоргиевска, не задерживаясь на промежуточных фортификационных позициях. Это позволило германским войскам почти беспрепятственно приблизиться к внутренней части крепости и атаковать там форты, овладев двумя из них не без «содействия» коменданта русской крепости.

Уже 6 августа генерал от кавалерии Бобырь посчитал дальнейшее сопротивление делом совершенно бесполезным. Он ночью тайком перебежал к неприятелю и был незамедлительно доставлен в штаб командующего Осадной армией «Модлин». После короткого разговора с генерал-полковником фон Безелером Бобырь, находясь уже в плену, отдал приказ о сдаче крепости «во избежание дальнейшего кровопролития». Немцы быстро доставили его во все форты, гарнизоны которых и не думали сдаваться.

7 августа германские войска победителями вступили в Новогеоргиевскую крепость. В плен по приказу изменника-коменданта сдалось 83 тысячи человек, в том числе 23 генерала

и 2100 офицеров. Сверх того немцы захватили в качестве трофеев 1096 крепостных и 108 полевых орудий, и почти не расстрелянные огромные запасы артиллерийских снарядов. Единственное, что не стало трофеями германской армии в Новогеоргиевске, это были знамена русских полков и артиллерийских бригад. Они были спасены по воздуху летчиками крепостного авиационного отряда. Аэроплан со «знаменным» грузом смог благополучно перелететь линию фронта и приземлиться в ближнем тылу своих войск.

Из шести десятков генералов русской армии, побывавших в плену в годы Первой мировой войны, едва ли не половина оказалась из гарнизона капитулировавшей крепости Новогеоргиевск. Имя генерала от кавалерии Бобыря стало нарицательным. Его не судили, лишь отчислив 20 августа 1915 года «от должности за нахождением в плену»...

В той «окруженческой» ситуации Корнилов не был бы Корниловым, если бы не попытался вырваться из вражеского кольца. Прорваться хоть на одних штыках, но не опорочить чести русского воинства.

В вечерних сумерках 48-я пехотная Стальная дивизия пошла на прорыв. Превосходство германцев и австрийцев в бою на реке Дукля оказалось подавляющим. Полное счастье улыбнулось только 191-му Ларго-Кагульскому полку и одному батальону 190-го Очаковского полка. Но они вынесли из окружения все знамена дивизии, что давало право восстановить ее под прежним названием, равно как и ее прославленные во многих войнах «суворовские» полки. Ларго-кагульцы и очаковцы «на штыках» пробивались к городкам Роги и Бржозов.

Генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов и здесь остался верен себе, взяв личное командование над батальоном 192-го Рымникского полка, прикрывавшего прорыв дивизии. Арьергардный батальон под вражеским огнем poleg на поле брани почти полностью, так и не сумев выполнить задачу.

От батальона в живых осталось всего семь человек, среди которых оказался дважды раненый Лавр Георгиевич Корнилов. Эта группа смогла утром следующего дня прорваться в карпатские леса и затеряться в них на четверо суток. Но перед этим Корнилов стал невольным свидетелем пленения остатков своей дивизии.

С рассветом огонь противника со всех сторон обрушился на те поредевшие батальоны, которые не смогли вырваться из кольца окружения. Русские стрелки, которые залегли на лесистых горных склонах, отчаянно отбивались, расстреливая последние патроны. На предложение германского парламентаря сдаться генерал-лейтенант Корнилов ответил, что он не может этого сделать лично, и, сложив с себя командование дивизией, скрылся с группой бойцов в лесу. Оставшиеся в живых три с половиной тысячи солдат и офицеров, среди которых оказалось большое число раненых, сдались немцам близ деревни Тилова. Положение их было действительно безвыходным.

Заключительный акт трагедии в Карпатских горах в официальном сообщении Берлина — из германской Главной штаб-квартиры излагается так:

«7 мая (24 апреля) остатки этой дивизии появились на высоте Хирова-гора перед войсками генерала фон Эммиха. На предложение немецкого парламентаря сдаться начальник дивизии ответил, что он не может этого сделать, сложил с себя командование и исчез со своим штабом в лесах. Вслед за этим 3500 человек сдались корпусу Эммиха. После четырехдневного блуждания в Карпатах генерал Корнилов 12 мая (29 апреля) со всем своим штабом также сдался одной австрийской войсковой части».

...Поражение целой дивизии, да еще именной, привело к расследованию обстоятельств этого дела. Такое решение приняли в Ставке. От командовавшего 24-м армейским корпусом генерала Цурикова потребовали объяснений о боевых действиях Стальной дивизии с 21 по 24 апреля 1915 года в Карпатских горах. Тот составил должностной рапорт, в котором неудачу 48-й пехотной дивизии связывал с просчетами ее начальника. Среди прочего Цуриков писал:

«Если бы генерал-лейтенантом Корниловым была правильно оценена обстановка и поставленная дивизии задача, правильно организован и своевременно выполнен марш, указанный моим приказом... то дивизия отошла бы благополучно на указанную ей новую линию Роги — Сенява».

Но к чести корпусного командира надо сказать, что Цуриков в своем должностном рапорте давал Корнилову хороший

шанс оправдаться. Было отмечено, что «за нахождением генерал-лейтенанта Корнилова в плену» сейчас невозможно установить, в силу каких обстоятельств он промедлил с выполнением полученного приказа в ночь с 22 на 23 апреля. Но при этом корпусной начальник замечает, что Корнилов свою дивизию в «самый отход направил по наиболее опасному и невыгодному направлению».

Военные эксперты начали было заниматься следственным делом. В одном из составленных документов ими были сказаны такие слова: «войска 24-го корпуса свято выполнили свой долг перед государем и родиной», но «в отношении управления этими войсками, как представляется, были допущены крупные недочеты».

Однако делу о поражении 48-й Стальной дивизии дальше хода не дали. Такое решение приняли и главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н.И. Иванов, и Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич-младший. Слишком много неудач перенесла русская армия в 1915 году, чтобы отдавать на суд общественности, в том числе и военной, дело о потере одной-единственной пехотной дивизии...

Семь человек (считается, что среди них были и дивизионные штабисты) во главе с генералом, раненным в руку и ногу, четверо суток без пищи и медикаментов блуждали по лесам незнакомых гор, надеясь перейти линию фронта. 28 апреля их, израненных и обессиленных, взяли в плен австрийцы, прочесывавшие леса ниже Дукельского перевала. Они были немало удивлены увиденной картиной: по горной тропе дважды раненого командира русской дивизии нес на себе раненый батальонный санитар.

В наши дни исследователям, знатокам Первой мировой войны, трудно понять, как генерала, попавшего в плен, могли наградить, и не посмертно, как, скажем, советского генерала Д.М. Карбышева, а именно в то время, когда Лавр Георгиевич находился в плену. Однако такое случилось с будущим вождем Белого движения. И стало украшением его биографии.

Действия в Карпатских горах 48-й пехотной Стальной дивизии, несмотря на печальный исход ее прорыва из вражес-

кого окружения, были высоко оценены главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта генералом от артиллерии Н.И. Ивановым. Он обратился по инстанции к Верховному главнокомандующему России генералу от инфантерии великому князю Николаю Николаевичу-младшему Романову с ходатайством. В нем испрашивалось о награждении бойцов доблестно сражавшихся полков и артиллерийской бригады, по сути дела, погибшей дивизии и лично ее командира. В телеграмме говорилось:

«Ходатайствую о примерном награждении остатков доблестно пробившихся частей 48-й дивизии и особенно ее героя — начальника дивизии генерала Корнилова».

В ходатайстве фронтового главнокомандующего отмечалось, что попавший в австрийский плен генерал за 1914—1915 годы своего пребывания на фронте за личную доблесть и умелое командование уже трижды награждался боевыми орденами. Это были Святая Анна 1-й степени, Святой Станислав 1-й степени и Святой Владимир 3-й степени.

Император Николай II высочайшим указом от 28 апреля 1915 года пожаловал генерал-лейтенанту Л.Г. Корнилову военный орден Святого великомученика и Георгия Победоносца 3-й степени. Это была высокая боевая орденская награда для младших генералов. Георгиевский крест третьей степени («малый крест») носился кавалерами на шее. С «карпатским» Георгием командующий белой Добровольческой армии погибнет в недалеком 1918 году при неудачном штурме кубанской столицы города Екатеринодара.

И... приказом от 12 мая того же года генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов отчислялся от должности за нахождением в плену. То есть он больше не числился в рядах русской армии.

Наиболее достойные офицеры 48-й пехотной Стальной (или Суворовской) дивизии удостоились орденов Святого Георгия 4-й степени. А многие нижние чины корниловской дивизии — рядовые и унтер-офицеры — были награждены «за геройство» Георгиевскими крестами — единственным в царской России солдатским орденом четырех степеней. Кресты двух первых степеней (IV и III) изготавливались из серебра, высших степе-

ней (II и I) — из золота. Солдатские «егории» первой и третьей степеней украшались бантами из ленты георгиевских цветов.

Телеграмма командующего 3-й армией командиру 24-го армейского корпуса свидетельствовала о том, что к массовому награждению был лично причастен великий князь Николай Николаевич-младший:

«Его императорское высочество вошел с ходатайством о награждении генерала Корнилова орденом Святого Георгия 3-й степени, телеграфировал государю императору о героическом подвиге 48-й дивизии, жалует всем нижним чинам Георгиевские кресты, повелел телеграфировать об офицерах, достойных ордена св. Георгия 4-й степени, передать им свою горячую благодарность, вся армия гордится ими».

Такое массовое награждение (одно из немногих в годы Первой мировой войны) и особенно плененного командира дивизии произошло неспроста. Ведь генерал Корнилов своими решительными действиями и стойкостью спас от реально полного разгрома свой 24-й армейский корпус. И всю русскую 3-ю армию Юго-Западного фронта, в состав которой корпус генерала от инфантерии А.А. Цурикова был переведен из 8-й армии.

Правда, несколько позднее нашлись люди, которые подвергли объективность награждения Лавра Георгиевича вторым орденом Святого Георгия. Генерал-майор Временного правительства А.И. Верховский, ставший затем военспецом в Красной армии, писал уже в советское время:

«Корнилов с группой штабных офицеров бежал в горы, но через несколько дней, изголодавшись, спустился вниз и был захвачен в плен австрийским разъездом. Генерал Иванов (тогда главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта) пытался найти хоть что-нибудь, что было бы похоже на подвиг и могло бы поддержать дух войск. Сознательно искажая правду, он прославил Корнилова и его дивизию за их мужественное поведение в бою. Из Корнилова сделали героя на смех и удивление тем, кто знал, в чем заключался этот «подвиг».

К вышесказанному можно добавить, что красный военспец в печально известные 30-е годы, когда маховик сталинских репрессий еще только раскручивался, сам с прошлым

царского офицера, естественно, не мог сказать доброго слова о Корнилове. О самом белом среди всех белых генералов. Все, что было написано Верховским о Л.Г. Корнилове, можно смело назвать «социальным заказом».

Впрочем, были и прижизненные для Лавра Георгиевича очернители подвигов солдат и офицеров 48-й пехотной Стальной дивизии и ее командира. В одном из архивных дел Оперативного отделения управления генерал-квартирмейстера Юго-Западного фронта рассказывается о таком «фронтвом эпизоде».

Участник тех боев в Карпатских горах, бригадный командир 48-й дивизии, черногорец, на русской военной службе генерал-майор Попович-Липовац, кавалер офицерского ордена Святого Георгия 4-й степени и четырех солдатских Георгиевских крестов — полного банта, что свидетельствовало о его несомненной личной доблести, «попытался было восстановить истину». Однако командование фронта в лице генерала от артиллерии Н.И. Иванова не позволило ему бросить тень на массовый солдатский подвиг. В телеграмме Иванова, отправленной 26 апреля во Львов генералу Половцеву, говорилось:

«Прошу принять самые решительные меры по содержанию передаваемой ниже относительно генерала Поповича-Липовац части телеграммы начальника штаба 3-й армии, который сообщает следующее: раненый в бедро генерал Попович-Липовац эвакуировался во Львов и с пути прислал телеграмму панического содержания, в которой изображает бой 48-й дивизии в весьма субъективной окраске страждущего от ран человека.

Крайне необходимо принять меры к тому, чтобы во Львове его рассказы не произвели вредного впечатления и весь прекрасный бой этой дивизии не получил бы одностороннего освещения».

Ради справедливости надо заметить следующее. Лавр Георгиевич никогда не отзывался плохо о бойцах Стальной дивизии. Ни о нижних чинах, ни об офицерах. Ее поражение в Карпатах он воспринимал как личную боль. В одном из частных писем он откровенно признавался, что «в несчастье доблестной дивизии» повинен и он.

Глава 6

АВСТРИЙСКИЙ ПЛЕН. ПОБЕГ. ПИК ПОПУЛЯРНОСТИ

Во время Первой мировой войны пленные генералы воюющих сторон получали неплохое питание, медицинский уход, возможность пользоваться услугами денщика, делать некоторые покупки. В принципе можно было бы и вовсе получить личную свободу, но при обязательном условии дачи подписки о дальнейшем неучастии в боевых действиях вплоть до официального окончания войны.

Почему так хорошо жили в плену неудачники из генералитета? Объяснение найти довольно просто. Высшее командование и союза Центральных держав, и стран Антанты знало и помнило, что и их военачальники находятся в неприятельском плену. Поэтому не следовало давать недостойных примеров дурного обращения с пленными на войне генералами.

Военнопленные, между прочим, находились еще и под заинтересованной опекой Международного общества Красного Креста. С ним воюющим сторонам приходилось считаться на протяжении всего XX столетия. Приходится считаться и в новом, XXI веке. Комиссии этой авторитетной международной организации не раз проверяли лагеря военнопленных воюющих сторон. Отказать ей в том решались редко. Комиссии в своем большинстве состояли из представителей нейтральных государств «с именем»: известных общественных и политических деятелей, врачей, ученых, литераторов.

Русский генерал Лавр Георгиевич Корнилов имел твердые понятия о чести и воинском долге. Он страшно томился в австрийском плену, рвался из него, чтобы вновь оказаться в рядах русской действующей армии. Идущая война для него была не сколько Великой, сколько Отечественной. И он не мог ос-

таться в стороне до самого окончания войны, когда пленные обретали после подписания мира личную свободу.

Первоначально военнопленный генерал был помещен австрийцами в замок Нейгенбах, близ Вены. Это был элитный замок — для генералов и старших офицеров. Затем Корнилова перевезли в Венгрию, в замок князя Эстергази в селении Лека, который охранялся внутренними и внешними постами. Этот княжеский замок стал местом заключения всех генералов, оказавшихся в австрийском плену.

Корнилов дважды пытался бежать из плена. И оба раза неудачно. Первоначально сидевший с ним в Нейгенбахе летчик Васильев предложил план проникновения на один из аэродромов близ Вены, захвата аэроплана и полета на восток. Вскоре по лагерю поползли и военлета Васильева, действительно настоящего воздушного аса и лично бесстрашного человека, изолировали от Лавра Георгиевича.

Судьба все же сделала Корнилову подарок: плен свел его с бывшим сослуживцем — начальником по Заамурскому округу пограничной стражи генерал-лейтенантом Е.И. Мартыновым. Два старых сослуживца оказались искренне рады такой неожиданной встрече, да еще при таких не самых приятных обстоятельствах.

Мартынов оказался в руках австрийцев при следующих обстоятельствах. Возвратившийся с началом войны на действительную службу отставной генерал-пограничник на аэроплане проводил воздушную разведку расположения неприятельских сил в западной части Галиции. Над городом Львовом летательный аппарат был сбит, но опытному пилоту А.А. Васильеву (прославившему свое имя перелетом по маршруту Петербург — Москва) удалось посадить машину и избежать гибельной для экипажа аварии.

Корнилов и Мартынов, успевшие за время совместной службы по охране Китайской Восточной железной дороги сблизиться, поняли желание друг друга с полуслова. Они начали деятельно готовиться к побегу из Лекского замка. Им удалось после долгих поисков раздобыть гражданскую одежду. Но побега не случилось: «злоумышленников» выдал княжеский кастелян, которого русский генерал пограничной стражи просил достать документы. Мартынов писал об этом эпизоде так:

«...Явившийся на следующий день австрийский полковник произвел дознание и конфисковал найденный в (моей) комнате штатский костюм; Корнилов же остался совершенно в стороне благодаря тому, что его имя при переговорах с кастеляном не упоминалось. После описанного инцидента побег из замка Лека сделался уже весьма затруднительным, так как меры охраны пленных были значительно усилены».

Как вел себя Лавр Георгиевич в плену? Об этом есть единственное письменное свидетельство, вышедшее же опять из-под пера того же Мартынова, который после 1917 года добродетельством к Корнилову, мягко говоря, совсем не отличался:

«Как хороший солдат, Корнилов страшно томился в плену и рвался к боевой деятельности; к тому же его непрерывно точил червь неудовлетворенного честолюбия. Свой вынужденный досуг он старался заполнить чтением, но читал почти исключительно книги о Наполеоне, что еще больше раздражало его, так как он имел обыкновение проводить параллели между различными случаями из жизни великого корсиканца и своей собственной».

В это время Корнилов еще был черносотенцем и, читая в австрийских газетах о борьбе царского правительства с прогрессивным блоком Государственной думы, неоднократно говорил, что он с удовлетворением перевешал бы всех этих Гучковых и Милюковых»

...Вскоре два генерала-единомышленника разошлись. Мартынов, может быть в силу своей сломавшейся «маньчжурской» карьеры, был чрезвычайно критически настроен к высшему командованию России в идущей войне. Он крайне резко высказывался о достоинствах великого князя Николая Николаевича-младшего, главы Ставки. Столь же резко он критиковал и российскую военную администрацию.

Резкость мартыновских нападок быстро надоела военнопленным генералам: она их просто угнетала. Корнилов, который в такой ситуации демонстративно поддерживал дружеские отношения с Мартыновым, в конце концов высказал искреннее возмущение его несдержанными выражениями и «отсутствием патриотизма». В конце концов два генерала рассорились и даже отказывались подавать друг другу руки.

После возвращения из плена в Советскую Россию бывший царский генерал Е.И. Мартынов стал инструктором в Красной армии. Он написал книгу «Корнилов. Попытка военного переворота», которая была опубликована в 1927 году в одном из московских издательств. С начала и до конца она была «окрашена» духом неприязни к своему бывшему товарищу по австрийскому плену.

Как Корнилов лично относился к «такому» Мартынову, сослуживцу по Маньчжурии и соседу по койке в лагере военнопленных? Когда в январе 1917 года бежавшего из плена генерала попросили указать имена тех, кого он считал бы необходимым обменять по предложению австрийцев на их полковника князя Сулковского, Лавр Георгиевич не раздумывал.

Скорее всего, корниловский недоброжелатель Мартынов не знал этого. В могилевскую Ставку на имя государя-императора поступило сообщение, в котором говорилось, что «бежавший из плена генерал Корнилов ходатайствовал о принятии мер к освобождению из плена генерал-лейтенанта Мартынова».

После этого охрану двух пленных генералов усилили. Надзор за ними стал гораздо строже; замковая охрана теперь следила за каждым их шагом. Было резко ограничено их общение с другими военнопленными, находившимися в замке.

Однако Лавр Георгиевич не расстался с мыслью о побеге. Он пошел на хитрость: ведь не зря же он столько лет был военным разведчиком. Он две недели почти не спал, мало ел и тем самым изнурил себя до такой степени, что местные врачи были вынуждены признать его опасно больным. Пленник много пил крепко заваренного чая — чифирь, вызывая тем самым частое сердцебиение. И это тоже повлияло на медицинское заключение.

В июле 1916 года генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова определяют на лечение в госпиталь для военнопленных, расположенный в венгерском городке Кессог. Австрийские власти продолжали подозревать, что больной, сильно ослабевший русский генерал не отказался от побега. Поэтому и в госпитале его усиленно охраняли.

И все же австрийская стража не уследила. Корнилов прибыл в кессогский госпиталь вместе со своим вестовым (ден-

щиком) из пленных солдат Д. Цесарским, человеком смысленным и предприимчивым. Он и лечивший Лавра Георгиевича русский врач из пленных Гутковский и стали организаторами нового, теперь уже удачного побега.

Сложность организации побега из плена именно Корнилова, а не какого-либо другого русского генерала заключалась в следующем. Австрийское командование видело в этом дивизионном командире опасного для себя российского военачальника. Не случайно один из мемуаристов писал по такому поводу:

«Бесспорно, что в случае удачного побега в настоящее время державы (Австро-Венгрия и Германия. — А.Ш.) нашли бы в нем серьезного, богатого военным опытом противника, который все свои способности и полученные в плену сведения использовал бы для блага России...»

Вестовой Д. Цесарский, который мог свободно перемещаться по внутренним помещениям госпиталя, сумел найти сообщника. Этим человеком оказался фельдшер, служитель больницы аптеки чех Франтишек Мрняк. За большие деньги — двадцать тысяч золотых крон (уплачиваемых по прибытии в Россию) — тот взялся помочь русскому генералу.

В последних числах июля чеху удалось во время обеда проникнуть в канцелярию лагерной больницы и похитить бланки «увольнительных» — отпускных свидетельств, которые затем оформил на себя и на Корнилова. При этом были указаны, разумеется, вымышленные фамилии Владислава Латковича и Иштвана Немета. Раздобыл Мрняк и комплект австрийской военной формы, компас, револьвер с патронами. Деньги на путевые расходы в размере нескольких тысяч крон у Корнилова имелись.

В один из погожих летних дней чех и одетый в форму австрийского солдата генерал-лейтенант Корнилов (он переделся в комнате Мрняка, там же обрил голову, а фельдшер еще вытравил ему родинку под глазом — «особую примету») сумели беспрепятственно покинуть охраняемую территорию госпиталя для военнопленных. По железной дороге они пересекли чуть ли не всю Венгрию, совершив пересадку в Будапеште, и добрались до города Карансебеш на румынской границе. Далее беглецы пешком отправились в Румынию. В то время это

королевство оставалось в войне еще нейтральным государством.

Хватились «тяжелобольного» Корнилова в госпитале, как ни странно, лишь через несколько дней после удачно совершенного побега. Генерал, единственный из соотечественников, не явился на ритуальную церемонию по полковнику Зданевичу. Такое отношение к памяти боевого товарища считалось чрезвычайным происшествием и среди военнопленных, и среди их охраны.

За Корниловым послали, и нашли пустую комнату. Поиски результатов в лагере ничего не дали. Вскоре было обнаружено и бесследное исчезновение фельдшера, служителя больничной аптеки. Лагерные власти немедленно арестовали Цесарского и Гутковского. Было дано знать военным комендантам ближайших железнодорожных станций и городов.

Не знавшие пути Мрняк и Корнилов заплутались в Карпатских горах и пять дней блуждали по лесам, питаясь лишь малиной и ежевикой, грибами. Наконец, вконец оголодавший чех решил отправиться за продуктами в попавшуюся на пути небольшую мадыарскую деревушку. Там он был схвачен пограничным нарядом, который сразу определил в нем дезертира из императорской армии.

Мрняк оказал пограничным стражникам сопротивление, пытаясь бежать, и тем пришлось стрелять. Услышав выстрелы, которые неслись с окраины горной деревушки, Корнилов сумел скрыться в лесу, хотя и был замечен. Еще двадцать дней бежавший из австрийского плена русский генерал плутал по Южным Карпатам в Трансильвании, сбивая со следа настойчивую погоню. Все же он с большим риском для себя сумел перейти такую желанную для него румынскую границу.

Сам Корнилов тогда не знал, что его спутник Франтишек Мрняк остался в живых. В интервью корреспонденту газеты «Новое время» Лавр Георгиевич рассказал следующее:

«Я видел, как изба, в которую вошел мой товарищ, была окружена австрийскими жандармами, через несколько минут я услышал выстрелы — это мой товарищ отстреливался от врагов, но силы были неравны, и он погиб...»

Пойманного фельдшера Франтишека Мрняка судил военно-полевой суд, заседавший в городе Карансебеше. Он приговорил чеха за дезертирство из рядов австрийской армии и содействие в побеге русского военнопленного к смертной казни через повешение. Впоследствии пришло «помилование», и виселица была заменена заключением в тюрьму на двадцать пять лет. Об этом необычном уголовном деле пространно писали газеты Вены и Будапешта.

Франтишеку Мрняку не суждено было состариться в австрийской тюрьме. Развал Австро-Венгерской империи в самом конце Первой мировой войны дал фельдшару-чеху полную свободу. А двадцать тысяч золотых крон он так и не получил. Но при этом вошел в российскую историю.

Лавр Георгиевич, оказавшись беглецом-одиночкой, перешел границу. Он сумел на «подручном средстве», каковым оказалось бревно, переправиться через не широкий в тех местах Дунай, избежав при этом встречи с речным патрулем австрийских пограничных стражников. Дальнейшие события развивались так:

«Ранним утром 28 августа 1916 года на запыленную площадь румынского городка Турну-Северян пригнали группу русских солдат, то ли бежавших из австрийского плена, то ли дезертиров. Изможденные, оборванные, босые, они выглядели усталыми и угрюмыми. Вышедший к ним русский штабс-капитан объявил, что Румыния только что вступила в войну с Германией и Австро-Венгрией и что после проверки все они будут переданы в формирующуюся здесь часть для отправки на фронт. Он уже было собирался уходить, как вдруг от строя отделился небольшого роста, тощий, заросший рыжеватой щетиной солдат. В нарушение всех уставных норм, он резким охрипшим голосом крикнул:

— Пойдите! Я скажу, кто я!

«Черт! — подумал капитан. — Наверное, офицер... Нехорошо я эдак — всех сразу под одну гребенку...»

— Вы офицер? — спросил он как можно участливее. — В каком чине?

Солдат стоял покачиваясь: спазматические, булькающие звуки вырывались у него из горла. Наконец он овладел собой и громко произнес:

— Я генерал-лейтенант Корнилов! Дайте мне приют!..»

Имя генерала Корнилова Лавра Георгиевича, командира Стальной Суворовской дивизии было известно всем в русской армии.

Дальше началось триумфальное шествие генерала Лавра Георгиевича Корнилова. Уже 31 августа он прибыл в румынскую столицу Бухарест, где ему была устроена торжественная встреча. Оттуда беглец из австрийского плена через Киев прибыл в город Могилев, где располагалась до самого конца войны Ставка Верховного главнокомандующего.

О том, как встречали по пути в Могилев «народного героя» Корнилова, свидетельств немало. Подобный рассказ оставил и генерал С.М. Шейдеман, тогда командир 1-го Туркестанского корпуса. Он рассказывает, как во время обеда, на котором присутствовали русские генералы, чины императорской свиты и представители стран Антанты, внезапно распахнулась дверь и в зал вошел «человек в оборванных лохмотьях с Георгием на груди». Четким шагом он подошел к начальнику штаба Ставки генералу М.В. Алексееву и громко отрапортовал:

— Честь имею явиться вашему превосходительству. Генерал Корнилов.

Эффект был полный. Но при этом Шейдеман упоминает, что еще в Киеве Корнилову был сшит новенький генеральский мундир. И что об этом знали многие из чинов Ставки, сидевшие за обеденным столом.

На следующий день Корнилова, одетого уже в парадный мундир, тепло принял император Николай II. Он вручил герою войны ранее пожалованную боевую награду за бои в Карпатах — военный орден Святого Георгия 3-й степени.

По именованным спискам Ставки на сентябрь 1916 года в германском и австрийском плену находилось 62 русских генерала, а бежал оттуда только один Корнилов. Правда, надо заметить, что попытки вырваться из вражеского плена предпринимали и другие генералы. Например, бывший начальник Заамурского округа пограничной стражи генерал-лейтенант Мартынов.

Лавр Георгиевич стал знаменит. От газетных и журнальных репортеров не было отбоя. Портреты Корнилова с неиз-

менной Георгиевской наградой печатались в иллюстрированных журналах. Его имя мелькало в прессе союзных стран Антанты.

Из Могилева удачливый беглец прибыл на берега Невы, где он должен был провести некоторое время под наблюдением врачей для поправки здоровья. Была и другая причина прибытия генерал-лейтенанта Корнилова в российскую столицу.

В Петрограде Лавра Георгиевича чествовали в Михайловском артиллерийском училище, которое герой-фронтвик когда-то успешно закончил и где его имя красовалось на мраморной Доске почета. Юнкера-михайловцы встречали почетного гостя в парадном строю. Один из них прочитал в честь генерала Корнилова стихи собственного сочинения.

Бежавшего из австрийского плена фронтовика узнавали и приветствовали на петроградских улицах и площадях люди самых разных сословий.

Сибирские казаки из станицы Каракалинской, к которой по традиции был приписан служилый казак в чине генерал-лейтенанта, прислали прославленному земляку золотой нателный крест и собранные по кругу сто рублей. Крест был освящен в станичном православном храме. Таким подарком от земляков Лавр Георгиевич был растроган до слез.

Корнилову так и не пришлось подлечиться после бегства из плена. 13 сентября 1916 года он назначается командиром 25-го армейского корпуса и вновь отправляется на Юго-Западный фронт. Корпус входил в состав Особой армии генерала от кавалерии В.И. Гурко, действовавшей на северном крыле фронта. Эту недавно сформированную армию назвали особой по простой причине: в семействе Романовых верили в несчастливое число 13, а армия по счету оказалась именно тринадцатой.

Генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов командовал 25-м армейским корпусом до февральской революции 1917 года. К тому времени корпус находился уже в составе Западного фронта, армиями которого командовал генерал от инфантерии М.В. Алексеев, будущий сподвижник Корнилова по Белому движению. В больших делах Корнилову участвовать в должности корпусного командира не пришлось: его фронт вел позиционную борьбу, сидя в окопах.

На Западном фронте Лавр Георгиевич и встретил известие о падении монархии в России, которая совсем недавно со всеми торжествами отметила 300-летие династии Романовых.

Глава 7

КРУШЕНИЕ ДИНАСТИИ

РОМАНОВЫХ.

ПРИКАЗ № 1

ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА

Военные неудачи, разруха на железнодорожном транспорте, посмертная «слава» Гришки Распутина, правление «немецкой» династии в державе, где титульной нацией был русский народ (французский посол в Петрограде Палеолог подсчитал, что в Николае II была одна 128 часть русской крови, которой было больше у царствовавшего тогда английского короля Георга) — все это подкосило династию Романовых. И она рухнула, уйдя в историческое прошлое.

Корнилов был сторонним наблюдателем событий, происходивших в столице в февральские и мартовские дни.

Эпицентром февральских событий стал Петроград. Здесь заседала Государственная дума, «кучковались» политические деятели, пребывало царское правительство, квартировал огромный по численности тыловой столичный гарнизон, постоянно бастовали рабочие заводов и фабрик.

2 марта начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев сообщал телеграммой по прямому проводу государю-императору Николаю II следующее:

«...Получена (Ставкой. — А.Ш.) следующая телеграмма:

«Временный комитет Государственной думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть, ввиду того, что под давлением войск и народа старая власть никаких мер для успокоения населения не предпринимала и совершенно устранена. В настоящее время власть будет передана временным комитетом Государственной думы Временному правительству, образованному под председательством князя Георгия Евгеньевича Львова.

Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войске, а также находящихся в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть.

Необходимо для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет государственной думы признает таким лицом доблестного, известного всей России героя, командира 25-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова. Во имя спасения родины, во имя победы над врагом, во имя того, чтобы неисчислимые жертвы этой долгой войны не пропали даром накануне победы, необходимо срочно командировать генерала Корнилова в Петроград. Благоволите срочно снести с ним и телеграфировать срок приезда генерала Корнилова в Петроград.

Председатель временного комитета
Государственной думы М. Родзянко.
2 марта».

Всеподданнейше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрешения Вашего Императорского Величества исполнить ее во имя того, что в исполнении этого пожелания может заключаться начало успокоения столиц и водворение порядка в частях войск, составляющих гарнизон Петрограда и окрестных пунктов. Вместе с сим прошу отозвать генерал-адъютанта Иванова (посланного с Георгиевским пехотным батальоном наводить порядок в столице. — А.Ш.) в Могилев.

2 марта 1917 г. № 1890.
Генерал-адъютант Алексеев».

Получив телеграмму такого содержания от начальника штаба своей Ставки, которому он лично доверял, император Николай II, после некоторого колебания, написал прямо на ней собственноручную резолюцию:

«Исполнить».

Алексеев торопил назначение Корнилова на пост главнокомандующего Петроградским военным округом. Он телеграфировал в Псков, в штаб Северного фронта:

«Спешно передайте дворцовому коменданту генералу Воейкову просьбу ускорить решение царя относительно Корнилова...»

Алексеев сообщал в Псков, где в то время находился царский поезд:

«Среди изменивших войск идет усиленная, небезуспешная пропаганда рабочих депутатов. Новая измена поведет к анархии и террору в столице. Еще надеются, что популярное имя Корнилова удержит войска от повторения бунта».

Но только вечером 2 марта в могилевском штабе получили долгожданную ответную телеграмму из Пскова:

«Государь-император соизволил на отзывание в Могилев генерал-адъютанта Иванова и на назначение главнокомандующим войск Петроградского военного округа комкора-25 генерал-лейтенанта Корнилова».

Только в 11 часов вечера 2 марта Родзянко получил от начальника штаба Ставки уведомление о том, что генералу Корнилову отдан приказ «незамедлительно отправиться к новому месту службы».

В тот же день Временный комитет Государственной думы опубликовал обращение к населению столицы, в котором сообщалось о смещении генерала С.С. Хабалова и назначении вместо него Л.Г. Корнилова, «несравненная доблесть и геройство которого на полях сражений известны всей армии и России».

Но для того, чтобы вовремя поставить во главе войск Петроградского гарнизона популярного, доблестного и решительного корпусного командира генерала Корнилова, времени уже не оставалось. Ни у последнего из династии Романовых, ни у председателя Государственной думы Родзянко, ни у находящегося в могилевской Ставке генерала Алексеева.

Династия Романовых рухнула.

Как Февральская революция и низложение династии Романовых воспринимались на фронте, в рядах действующей рус-

ской армии? Белоэмигрант, монархист по убеждениям, штабс-капитан Эраст Гиацинтов, в 1917 году служивший в одной из батарей 3-й Гренадерской артиллерийской бригады, получивший за войну шесть боевых орденов и два досрочных повышения в чине, так описывает в своих мемуарах «Записки белого офицера» события в российской столице:

«Первого марта вечером дошли до нас первые вести о событиях в Петрограде. Впечатление было ошеломляющее. До сих пор верилось в здравый смысл руководителей политической жизни, казалось, что у них хватит все-таки патриотизма для того, чтобы отложить свои партийные счёты до окончания войны. Однако действительность показала противное. В первый момент на всех нас нашло самое мрачное отчаяние, так как никто не думал, что правительство без всякого сопротивления отдаст власть. Ясно было, что внутренние беспорядки отзовутся гибельно на состоянии фронта, значит, сорвется наступление и еще затянется война. Никто, конечно, не мог себе представить иного окончания войны, кроме победного.

Через два дня пришел Манифест Государя Императора об отречении от престола и Манифест великого князя Михаила Александровича. Командир батареи, не будучи в силах читать эти манифесты солдатам сам, поручил это сделать мне. Прочтя оба манифеста перед строем, я от себя добавил, что 304 года тому назад первый Царь из дома Романовых спас Россию, и теперь ее спасет его правнук, тоже Михаил. Никаких сомнений в том, что Михаил Александрович будет просить Учредительное собрание отдать власть в его руки, у меня не было. Не только мы, но и солдаты наши в то время не могли себе представить Россию республикой. Солдаты молча выслушали оба манифеста. Никто из них никаких восторгов не выражал».

Корнилова тогда, как одного из рядовых генералов-фронтовиков, поразило содержание николаевского манифеста об отречении от российского престола:

«Ставка.

Начальнику штаба

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно

было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думой, признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Завещаем брату нашему править делами государственными в полном единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том нерушимую присягу.

Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

НИКОЛАЙ

г. Псков.

2 марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Министр императорского двора,
генерал-адъютант граф Фредерикс».

Первое время после февральского переворота позиционная жизнь протекала, как всегда, без каких-либо изменений; только почту ожидали с еще большим нетерпением, чем обычно. Все

с жадностью накидывались на газеты, которые каждый день приносили все более и более мрачные новости. С величайшим удивлением узнали мы о существовании Совета рабочих и солдатских депутатов, но никакого значения ему не придали.

Отношения между нами и солдатами не изменились. Перемена была только внешняя: мы старались им говорить «вы», а они тоже старались вместо «ваше благородие» называть нас по чину.

Чтобы как-нибудь оттенить революцию, солдаты решили устроить общее собрание. Как первое собрание, так и все последующие проходили в полном порядке...

К сожалению, в эту зиму на нашем фронте было довольно много заболеваний цингой, и потому у нас была сильная нехватка в людях. Со дня на день мы ожидали пополнения в людях...

Через два дня после прибытия пополнения была назначена присяга Временному правительству. Наша и третья батарея присягали вместе на нашей позиции. Начальство собралось в нашей землянке, когда по телефону доложили, что люди построены. Старший офицер третьей батареи, мой товарищ по училищу (артиллерийскому Константиновскому. — А.Ш.) штабс-капитан Гальстер и я пошли осмотреть людей.

Подходя к позиции, издали заметили сквозь деревья какие-то красные пятна. Подойдя ближе, мы увидели на флангах батарей красные знамена, а у некоторых солдат прикрепленные к груди красные банты. Все это было сделано, конечно, под влиянием прибывшего пополнения. Подойдя к своим батареям, мы приказали убрать знамена, затем обошли фронт и собственноручно снимали со всех красные украшения.

Церемония присяги прошла совершенно гладко. Впечатления она, однако, ни на кого не произвела. Отсутствие креста и Евангелия делали всю эту церемонию ненужной и бутафорской. После прочтения текста присяги все расписались, и на этом все было кончено.

Вскоре после присяги я уехал в отпуск, оставив все наши боевые части в полном порядке. Чем дальше я отъезжал от позиции, тем более и более поражался распущенности тыла...

...Картина развала армии по мере моего продвижения в тыл становилась все ярче и ярче.

Заплеванный семечками и загаженный Петроград, переполненный празднующими солдатами и декольтированными матросами, превзошел самые мрачные ожидания...»

Февральская революция выплеснулась на улицы и площади столицы морем алых флагов и бантов, кровью на истоптанном снегу, пламенем, пожирающим здание Петроградского окружного суда и полицейские участки. Во Временном правительстве забили тревогу: беспорядки в Петрограде перекинулись на многотысячный столичный гарнизон. Последствия могли оказаться самыми непредсказуемыми.

Думские руководители М.В. Родзянко и А.И. Гучков (будущий первый гражданский, военный министр в истории России) пожелали увидеть на посту главнокомандующего войсками Петроградского военного округа популярного среди солдатской массы боевого генерала. Кандидатуры лучше Лавра Георгиевича Корнилова просто не оказалось. Думских деятелей привлекала, кроме того, легендарная храбрость этого военного, по-восточному вежливого человека.

Фактически получалось, что Временное правительство назначало генерала вторично, поскольку в день своего отречения государь-император уже назначил генерал-лейтенанта Корнилова на эту должность.

Перед тем как принять новую должность, Лавр Георгиевич принес присягу на верность Временному правительству. Текст принимаемой воинской присяги гласил:

«Клянусь честью офицера (солдата и гражданина) и обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству как своему Отечеству.

Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Российского Государства.

Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания.

Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах исключительно интерес государства и не щадя жизни ради блага Отечества.

Клянусь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда это требует мой долг офицера (солдата, гражданина) перед Отечеством.

Клянусь быть честным, добросовестным, храбрым офицером (солдатом); не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства, дружбы и вражды.

В заключение данной мною клятвы осеняю себя крестным знаменем и нижеподписываюсь».

Петроградский военный округ сам по себе был огромной военной структурой. Территориально в него входили столичная, Новгородская, Олонецкая, Архангельская и Вологодская губернии, Финляндия, некоторые уезды Ярославской и Тверской губерний. Численность войск округа на 1 февраля 1917 года составляла почти 640 тысяч человек. Это были различные тыловые части и военные учреждения. Часть из них размещалась на территории соседних военных округов. Штаб округа размещался в Петрограде.

Петроградский гарнизон к февралю, по самым достоверным данным интендантского управления, учитывавший количество едоков, насчитывал 400 тысяч человек. Собственно в городе располагалось около 200 тысяч человек. Помимо самой столицы, части Петроградского гарнизона размещались в близких Кронштадте, Ораниенбауме, Петергофе, Стрельне, Царском Селе, Павловске, Гатчине, Красном Селе. Там стояли, по сути дела, самостоятельные воинские гарнизоны.

Основу Петроградского гарнизона составляли запасные батальоны гвардейских полков (в середине 1917 года они будут развернуты в резервные полки), запасные — пехотные и пулеметные полки, артиллерийские бригады и дивизионы, технические части и подразделения, различные команды, склады огнестрельных припасов, ремонтные мастерские, армейские учреждения, военно-учебные заведения, запасной кавалерийский полк, три Донских казачьих полка.

Особенностью столичного гарнизона, в отличие, скажем, от московского, была значительная прослойка нижних чинов запаса из рабочих. В артиллерии и технических частях, подразделениях броневых автомобилей пролетарская прослойка составляла 46 процентов, а в лейб-гвардии запасных батальонах

24 процента. Это было связано с тем, что призыв из запаса для окружных войск производился на месте. Этим и объяснялось то, что столичный гарнизон так быстро отозвался на лозунги левых партий, в первую очередь — большевиков.

Деятельность нового главнокомандующего столичным военным округом началась с того, что он с группой офицеров по указанию военного министра А.И. Гучкова арестовал в Царском Селе императрицу, теперь уже бывшую Александру Федоровну. Думается, что она с удивлением на лице и с презрением в душе встретила в своем царскосельском дворце известного ей генерала, на груди которого красовались такие различитимые Георгиевский крест и красный бант Февраля.

Репортеры многих петроградских газет взяли у Лавра Георгиевича интервью по поводу ареста всероссийской императрицы, теперь уже бывшей. Он сказал, что, по его мнению, арест Александры Федоровны лично им должен произвести на солдатскую массу впечатление полного разрыва нового командования со старым «павшим» режимом. Арестованный последний Романов в это время находился в пути из Могилева в Царское Село.

Так Корнилов, сам того не желая (или желая идти в ногу со временем), «окунулся в российскую политику». Вторым шагом в нее стало собственноручное награждение Георгиевским крестом «за воинскую доблесть» унтер-офицера Т. Кирпичникова, ставшего одним из инициаторов восстания Вольнского полка: выстрелом в спину он убил штабс-капитана Лашкевича, командовавшего учебной полковой частью. В 1919 году Кирпичников будет в городе Таганроге опознан белогвардейцами и расстрелян по приказу генерала А.П. Кутепова за измену воинской присяге.

В первые же дни командования столичным военным округом генерал Корнилов столкнулся с трудностями. Думается, что когда Лавр Георгиевич приезжал в эти дни поздно вечером домой, супруга Таисия Владимировна, дочь Наталья и сын Юрий видели на лице мужа и отца «только одни горестные заботы».

Свою жену Лавр Георгиевич называл без тени улыбки «начальницей тыла». Корниловы долгие годы снимали небольшую, тесную квартиру у вдовы чиновника возле Певческого моста.

Здесь они жили во время академической учебы офицера-туркестанца, в 1905 году и последующее время, за исключением времени пребывания в Китае, в Пекине. Корнилов с новым назначением в Петроград отказался от положенной ему по высокой должности казенной квартиры, и семья продолжала снимать давно обжитое скромное жилье. Чем, в общем-то, немало удивляла столичных знакомых.

С каждым днем у генерал-лейтенанта Корнилова возникали все новые и новые серьезные осложнения с выполнением возложенных на него Временным правительством задач. Забегая вперед, можно сказать, что надежды «временных» министров Лавр Георгиевич не оправдал.

Знаменитый «Приказ № 1» Петроградского Совета, который в самое короткое время разложил не только столичный гарнизон, тыловые воинские части, но и фронт, связал по рукам и ногам и Корнилова. Главнокомандующий столичным округом оказался в положении начальствующего человека, который нес за все личную ответственность, но не мог принять какого-либо самостоятельного решения без санкции на то Совета рабочих и солдатских депутатов, находившегося в руках социалистов.

«Приказ № 1» отменял отдавание воинской чести младших старшим по званию. Отменялось и титулование. Генерал перестал быть «вашим превосходительством». Солдат не являлся больше нижним чином и получал все гражданские права, которыми Февральская революция наделила население Российского государства. Рядовой теперь мог не исполнять приказа офицеров вне службы. И наконец, в «Приказе № 1» говорилось:

«...В своих политических выступлениях воинские части подчиняются Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам».

На третий день своего пребывания в Петрограде новый главнокомандующий попробовал было ополчиться против городского Совета, который был «силой без власти», а Временное правительство — «властью без силы». Он прибыл на заседание специальной комиссии, учрежденной военным министром А.И. Гучковым, которая должна была заняться обсуждением армейских реформ. Официально новый правительственный

орган назывался Особой комиссией по реорганизации армии на демократических началах.

Во главе комиссии — ее председателем был поставлен генерал Алексей Андреевич Поливанов, бывший царский военный министр, участник еще русско-турецкой войны 1877—1878 годов. На посту главы Военного ведомства он сумел преодолеть острый кризис в снабжении фронта вооружением и боеприпасами. При нем (в 1916 году в сравнении с годом 1915-м) производство винтовок увеличилось почти в 2 раза, пулеметов — в 4 раза, патронов — на 70 процентов, артиллерийских снарядов — более чем в 3 раза. Одновременно Поливанов был назначен председателем Комиссии по улучшению быта военных чинов.

Корнилов и попытался через Особую комиссию по реорганизации армии на демократических началах найти управу на Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Он явился на третье заседание этой комиссии, которое проходило 7 марта. То есть на третий день своего пребывания в столице.

Перед Лавром Георгиевичем выступал офицер из британской союзной миссии в России. Он говорил о том, что в его отечестве Оливер Кромвель ввел в армии крайне суровую воинскую дисциплину. Англичанин привел и другой пример наведения воинского порядка: французские революционные войска очень скоро вообще отказались от комитетов как несовместимых с жизнью армии, да еще к тому же воюющей.

«В разгар заседания в зал вошел Корнилов, сел за стол возле Поливанова и стал внимательно слушать. Говорил представитель Совета эсер В. Утгоф. Он обратил внимание англичанина на то, что все это произошло тогда, когда с революциями в Англии и во Франции уже было покончено; русская же революция продолжается, да и к тому же русская армия сама завоевала себе свободу.

В этот момент Корнилов резко поднялся. Желваки ходунном ходили на скулах, обтянутых обветренной коричневатой кожей. Он отрывисто произнес:

— Я только что закончил объезд всех частей. И должен сказать, что последние находятся в состоянии полного разложения... Поэтому я и пользуюсь случаем видеть здесь, в комиссии, представителей армий фронта, чтобы сказать им и успо-

сказать им, что мною принято решение в ближайшие дни начать вывод частей Петроградского гарнизона на фронт и замену их в Петрограде частями с фронта, уже заслужившими отдыха и более дисциплинированными. Вот что я хочу сказать.

Тут же поднялся Утгоф. Обращаясь к Корнилову, он заявил:

— Эти слова нас удивляют. Войска гарнизона выведены быть не могут... Они отсюда не уйдут! Силу же применять мы не позволим!

Бешеные огоньки запрыгали в глазах Корнилова. Он почти выкрикнул:

— Кто это мы!?

— Мы, Совет рабочих и солдатских депутатов!

Корнилов ничего не ответил и, попрощавшись с Поливановым, ушел».

Военная организация, основанная на единоначалии, «Приказом № 1» Петроградского Совета разрушалась однозначно. В русской армии устанавливался новый тип взаимоотношений между подчиненными и начальниками. В истории уже не раз случалось, что узаконенное двоевластие рушило «душу» армии, обрекало ее на гибель как государственную структуру. Один из самых ярких тому примеров есть Россия образца 1917 года.

После издания Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов «Приказа № 1», из столицы на фронты были отправлены «толпы военных агитаторов». Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев попытался было с ними бороться, предложив Временному правительству закрыть границы Петроградского военного округа и ввести строгую систему разрешений на выезд за его пределы. Но глава Ставки получил отказ: кабинет «временных» не решился пойти на открытый конфликт с Петроградским Советом.

Военный и морской министр Александр Иванович Гучков, популярный среди людей военных своим добровольным участием в англо-бурской войне, телеграфировал в Ставку (телеграмма затем была разослана на фронты. Она была получена и Л.Г. Корниловым) следующее указание по «пресечению подрывной деятельности военных агитаторов» из столицы:

«Временное правительство вполне сознает необходимость сохранения единой целой армии, которая только при соблюдении дисциплины может одержать победу над врагом. Борьб́ся с различными агитаторами, проникающими в армию, следует не силой оружия. Дать точные указания о способе действий в отдельных случаях не представляется возможным, все зависит от личного такта и умения местных начальников.

Во всяком случае, главной целью является успокоение армии и народа мирным способом, а не применением репрессий. Со своей стороны, Временное правительство принимает все меры к введению в стране спокойствия и порядка на новых началах взаимного доверия, в соответствии с чем издаются и будут издаваться от имени правительства различные акты и объявления...

Военный министр Гучков».

Начался развал русской армии как воинского боевого организма. Резко упали воинская дисциплина и исполнительность, особенно в тыловых и запасных частях. Участились случаи коллективного неповиновения при получении приказа отправки на фронт резервных войск. Неповиновение командирам в офицерских погонах и неисполнение их приказов охватило даже фронтовиков.

Обеспокоенные все возрастающим потоком сообщений о подобных фактах, «временный» А.И. Гучков и генерал М.В. Алексеев выступили с совместным воззванием к войскам на фронте и в тылу. В нем, среди прочего, говорилось:

«...Временное правительство решительно заявляет, что признает глубоко прискорбными и совершенно недопустимыми всякие самоуправные и оскорбительные действия в отношении офицеров, геройски сражавшихся за Родину, без содействия которых невозможно укрепление нового строя.

...Только обладая полнотой власти, в мере полноты доверия может оно (Временное правительство. — А.Ш.) выполнять свой святой долг.

Многовластие вызовет неизбежно паралич власти и снова приведет страну к тяжелой и грозной разрухе.

И пусть тяжкая ответственность перед Родиной и историей падет на тех, кто станет в этом деле помехой Временному правительству...»

На фоне всех этих событий и сформировались политические устремления генерала Л.Г. Корнилова, с болью в сердце видевшего развал не только государства, но и его армии. Современник Корнилова В.Б. Станкевич отмечал в своих воспоминаниях о событиях 1917 года следующее:

«В Исполнительном комитете он говорил, что против царского режима. Я не думаю, чтобы Корнилов унизился до притворства. Несомненно, он сочувствовал реформаторским стремлениям. Но также несомненно, что он не был демократом, в смысле предоставить власть народу: как всякий старый военный, он всегда был подозрительно настороже по отношению к солдату и «народу» вообще: народ славный, что и говорить, но надо за ним присматривать, не то он избалуется, распустится. Против царского строя он был именно потому, что власть стала терять свой серьезный, деловитый характер. Хозяин был из рук вон плох, и нужен был новый хозяин, более толковый и практичный».

Справедливости ради следует заметить, что новый главнокомандующий столичным военным округом не раз пытался добиться компромисса в отношениях с Петроградским Советом. И прежде всего наладить рабочий контакт с председателем его исполкома социалистом-революционером Николаем (Карло) Семеновичем Чхеидзе. Однако будущий председатель меньшевистского правительства Грузии, ставший в 1921 году политическим эмигрантом, открыто не проявлял желаний иметь рабочие отношения с генералом Корниловым.

Подобную позицию во взаимоотношениях с Лавром Георгиевичем занимали и два товарища (заместителя) председателя исполкома — эсер А.Ф. Керенский и меньшевик М.И. Скобелев. Они не раз накладывали свое «вето» на корниловские приказы по столичному гарнизону, даже не пытаясь вчитаться в них и осмыслить содержание.

Когда тот же Александр Федорович Керенский станет сперва военным и морским министром, а потом главой Временного правительства — его министром-председателем, он лично столкнется с противодействием Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, его исполкома во главе с Чхеидзе, товарищем по партии социалистов-революционеров.

И совсем плохи взаимоотношения правительства Керенского с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов станут с приходом 9 сентября 1917 года на пост председателя его исполкома Льва Троцкого (Бронштейна). Предводитель «межрайонцев», небольшой политической организации, имевшей вес только в столице и не далее ее, вступив в ряды партии большевиков, станет одним из ее лидеров. Он и поведет питерский Совет на бескомпромиссную борьбу с «временными».

Керенский пытался было изолировать Троцкого, отдав личное распоряжение о его аресте. Но сразу же «одумался». Когда посланный для ареста Троцкого офицер с сопровождающими его лицами прибыл на его квартиру, то обнаружил в ней самого... Керенского. Александр Федорович тут же отменил санкционированный им же арест, сделав тем самым популярный политический жест.

Генерал Корнилов на новой должности сразу ощутил реальное двоевластие в стране — Временного правительства и Петроградского Совета, рассылавших свои резолюции по всей России и по всем фронтам и флотам. Он воочию убедился, что тот и другой путаются в собственных распоряжениях. Никто их толком не исполнял и даже не собирался исполнять. Кругом царила настоящая анархия, грозившая захлестнуть собой Русский фронт.

В воинских частях Петроградского округа дисциплина упала до нуля. Никто не желал нести службу должным образом, офицерам за уставную требовательность грозила смерть от своих же подчиненных солдат, которые позволяли командовать ими только ротным и полковым комитетам. Подобные самосуды уже имели место, хотя до распропагандированного Кронштадта и Балтийского флота столичному гарнизону было «далеко». Весь быт воинских частей, расквартированных в Петрограде и его ближних окрестностях, олицетворяли открытые для любых левых агитаторов двери солдатских казарм, беспрестанные митинги и пьянство, которое никем не пресекалось. Столичная комендатура давно не работала.

Теперь гарнизонным офицерам, в своем большинстве прошедшим через фронтную жизнь, да и самому главнокомандующему округом, было очень трудно подчинить своей командирс-

кой воле и держать в повиновении массу вооруженных людей. Когда Корнилов попытался навести порядок в столичном гарнизоне, используя для этого юнкеров «надежного» Михайловского артиллерийского училища против разгулявшихся тылови-ков, из Петроградского Совета его незамедлительно одернули:

«Нельзя — ведь у нас свобода! В России — революционная демократия...»

Лавр Георгиевич, прекрасно понимавший всю сложность «столичной» ситуации и свою незавидную роль писал в те дни с возмущением и осознанием своей бессильности как начальника гарнизона Петрограда:

«Никто не желал нести службу, дисциплина упала до нуля, офицеры не могли сказать слова без риска угодить на штыки. Митинги и пьянство — вот что составляло быт Петроградского военного округа. Двоевластие — Петросовет и Временное правительство путаются в собственных распоряжениях, никто не желает исполнять их...»

Корнилова, среди прочего, сильно беспокоило наличие рядом со столицей революционного Кронштадта, который уже давно вышел из подчинения Временному правительству. Оно понимало, какую опасность для него несет главная морская крепость флота Балтийского моря. Поэтому еще 27 марта кабинет «временных» изъял Кронштадтскую крепость из ведения Морского ведомства, включив ее в Петроградский военный округ с подчинением непосредственно окружному главнокомандующему генералу Л.Г. Корнилову.

2 апреля Корнилов самолично посетил Кронштадт. Там он устроил смотр крепостному гарнизону, призывая революционных кронштадтцев подчиниться Временному правительству. Но из этой поездки «народного героя» на остров Котлин ничего путного не вышло.

Все же Керенский и его окружение, сам Корнилов до последних дней до «корниловского мятежа» не теряли надежды ликвидировать «законным путем» кронштадтское осиное гнездо. Такой план был представлен на одобрение Ставки 23 августа. Его автором был начальник Морского штаба Верховного главнокомандующего вице-адмирал А.С. Максимов. 25 августа генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов отдал следующее предписание:

«1. Крепость Кронштадт упразднить.

2. Сухопутный гарнизон весь вывезти на материк, применив, в случае отказа добровольно подчиниться этому, принудительную силу.

3. Пехотные части гарнизона расформировать, отправив офицеров в строевые части фронта, солдат — в запасные полки.

4. Оставить артиллерийское вооружение на батареях Риф, Обручев и батареях, обороняющих южный фарватер; вооружение остальных батарей снять и обратить на усиление батарей районов Биоркэ, Ино, Красная Горка и тыла.

5. Расформировать 1-й Балтийский экипаж и вывести на позиции школы и команды».

Разумеется, что это корниловское распоряжение, одобренное Керенским и правительством, в той обстановке вполне могло быть не могло. Кронштадтской крепостью с ее многочисленным гарнизоном, флотом Балтийского моря командовал матросский Совет — Центробалт. Он не терпел никакого правительственного вмешательства в «свои дела»...

Лавр Георгиевич, как человек военный, пытался разобраться в механизме тех политических процессов, которые происходили в российской столице. Например, немалое удивление вызвали у него длинные очереди за хлебом, который поступал в магазины и даже в воинские части с большими перебоями. Естественно, это вызывало крайнее возмущение людей. Но не против Петроградского Совета, а против Временного правительства.

Когда Лавр Георгиевич приказал доложить ему о состоянии хлебных запасов в столице, то получил интересную информацию, которая, среди прочего, наталкивала на грустные размышления. Оказалось, что только на одной Калашниковской бирже запасов муки имелось свыше 450 тысяч пудов. На подходе к Петрограду находилось 12 эшелонов с мукой из Таврической губернии... То есть громадный город с самым большим в России воинским гарнизоном был обеспечен хлебом, как минимум, до мая месяца...

В апреле Корнилов выступил с предложением применять вооруженную силу для подавления антиправительственных и антивоенных выступлений, в том числе и на фронте. «Времен-

ные» министры откровенно испугались такого радикального предложения генерала и не поддержали его.

Корнилов стал одним из главных действующих лиц так называемого Апрельского кризиса. В ответ «на ноту Миллюкова», заверявшего союзников России по Антанте, что война будет вестись до победного конца, левые партии в столице нанесли по Временному правительству «ответный удар». 20 апреля в Петрограде начались многолюдные демонстрации с участием частей гарнизона. Они проходили под лозунгами: «Долой войну!», «Долой захватную политику!», «Вся власть Советам!»

Главнокомандующий войсками столичного округа, ободренный «контрдемонстрациями», пошел на немалый риск. Он распорядился вызвать к Зимнему дворцу, на Дворцовую площадь, надежные воинские части гарнизона.

Такое корниловское распоряжение не на шутку встревожило Петроградский Совет. Председатель его исполкома эсер Чхедидзе имел разговор с Корниловым и заверил генерала в том, что Совет сам справится с обострившейся ситуацией и примет должные меры «к успокоению населения города». На этом конфликт (но только на те дни) был исчерпан. Лавр Георгиевич отменил свой приказ о выводе войск на Дворцовую площадь.

В деникинских мемуарах говорится, что Корнилов к тому времени окончательно убедился в «неизбежности жестокой расчистки Петрограда». У него нашлось немало приверженцев такого радикального решения по нейтрализации, приведению в порядок столичного гарнизона. Они говорили, что «слишком долго идет пасхальный перезвон вместо того, чтобы сразу ударить в набат».

Во второй половине марта Корнилов окончательно убедился, что к числу его самых преданных и деятельных единомышленников относится генерал-лейтенант Крымов, ставший командиром 3-го конного корпуса. Он уже передал командование Уссурийской казачьей дивизией генерал-майору П.Н. Врангелю, который до этого командовал бригадой этой же дивизии. Крымов имел близкие отношения с военным министром Временного правительства А.И. Гучковым, что было немаловажно. Тот сделал начальником своего кабинета пол-

ковника Самарина, начальника штаба крымской Уссурийской дивизии.

Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, и лично его председатель Чхеидзе решили вообще лишить (!) главнокомандующего столичным военным округом власти над петроградским гарнизоном. 22 апреля в газетах на первой полосе появилось воззвание исполкома Петросовета. В нем говорилось, что только ему, исполкому, вообще принадлежит право «располагать» войсками гарнизона и «устанавливать порядок вызова воинских частей на улицу».

Такое «законодательное» решение исполкома Петроградского Совета ставило главнокомандующего военным округом в безвыходное положение. Лавр Георгиевич понял, что «войну» с городским Советом он проиграл окончательно.

На пути от Февраля к Октябрю Россия теряла свою армию, и неумолимо скатывалась в пропасть. 23 апреля генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов направляет военному министру генералу М.А. Беляеву (находившемуся в этой должности всего два месяца) рапорт с настоятельной просьбой вернуть его в действующую армию. Но ответить на него Беляев не успел: он отшелся от занимаемой должности.

Корниловский рапорт был до предела политичен и ясен кабинету «временных» министров. В нем говорилось с горечью и откровенностью:

«Находя, что таковым обращением Исполнительный комитет принимает на себя функции правительственной власти и что я при таком порядке никоим образом не могу принять на себя ответственность ни за спокойствие в столице, ни за порядок в войсках, я считаю необходимым просить Вас об освобождении меня от исполнения обязанностей главнокомандующего войсками Петроградского военного округа...»

Этот рапорт рассматривал уже новый военный министр Временного правительства А.И. Гучков. Он, ценивший личность Корнилова, счел целесообразным назначить генерала с прекрасной боевой репутацией на должность главнокомандующего армиями Северного фронта, освободившуюся после увольнения генерала Н.В. Рузского.

Против такого решения военного министра категорически воспротивился Верховный главнокомандующий генерал Ми-

хаил Васильевич Алексеев. При этом он ссылался на недостаточный командный стаж Корнилова:

«...Неудобство обходить старших начальников — более опытных и знакомых с фронтом, как, например, генерал А. Драгомиров».

Между могилевской Ставкой и Петроградом завязалась активная телеграфная «переписка». Когда генералом М.В. Алексеевым был получен уже официальный запрос о возможности назначения Корнилова на должность главнокомандующего армиями Северного фронта, то он ответил «временным» следующей телеграммой достаточно резко:

«Назначение генерала Корнилова неприемлемо:

1) подрывает в корне общие основы иерархических взаимоотношений;

2) вызовет обиду в старших заслуженных начальниках;

3) боевые заслуги Драгомирова и Корнилова одинаковы, но у первого есть опыт командования крупными частями, у второго нет;

4) на Севфронте более важен авторитет среди его войск, которым пользуется Драгомиров, чем среди Петроградского гарнизона.

Армию Корнилов может получить любую.

Главковерх Алексеев.

№ 3241».

Временное правительство, посоветовавшись, приняло во внимание мнение Верховного Главнокомандующего. Да еще к тому же такого авторитетного человека среди российского генералитета и офицерства.

Поэтому 29 апреля 1917 года генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов получил назначение только на должность командующего 8-й армией Юго-Западного фронта, которым командовал тогда генерал А.А. Брусилов. Корнилов менял на посту командующего армией генерала Алексея Максимовича Каледина, который в самом конце того же 1917 года станет организатором антибольшевистского сопротивления на территории Донского казачьего войска, став его наказным атаманом.

Как отреагировал Петроградский Совет на «убытие» Корнилова из окружного штаба на фронт? Только 30 апреля в ряде столичных газет в потоке самой разнообразной информации промелькнуло сообщение размером всего в две-три строки убогистого текста:

«Вчера стало известно, что генерал покидает свой пост командующего Петроградским военным округом».

К этому можно добавить еще и многозначительную публикацию известного журналиста С. Любоша в газете «Биржевые ведомости», который успокаивал своих читателей, сторонников революции и демократии:

«К счастью нашему, в стане естественных врагов революции нет ни одной крупной, сильной фигуры, которая могла бы возглавить контрреволюцию...».

Вне всякого сомнения, этот революционный публицист не имел дара анализировать происходящие события. В противном случае он, вне всякого сомнения, мог бы увидеть в генерале Корнилове сильную личность, внутренне готовую поднять белое знамя контрреволюции и начать в России Гражданскую войну. Чтобы победить в ней или погибнуть с честью.

К тому времени у Лавра Георгиевича появился 42-летний ординарец, доброволец, инженер Василий Завойко с образованием в объеме Царскосельского лицея, сын известного адмирала В.С. Завойко, имя которого нанесено на географической карте Мирового океана и который прославился героической обороной Петропавловска-Камчатского в ходе Крымской (или Восточной) войны 1853—1856 годов.

Завойко-младший был человеком несомненных авантюрных способностей: в ходе земельных махинаций по продаже польских земель он стал крупным помещиком в приграничной Подольской губернии. Февраль 1917 года застал его на нобелевских нефтяных промыслах в должности директора-распорядителя компании «Эмбо и Каспий». Был он и заместителем председателя правления коммерческого Средне-Азиатского общества «Санто». В начале апреля Завойко был уже в Петрограде, где занялся журналистской деятельностью, организовав собственное издательство «Народоправная Россия».

Доброволец Первой мировой войны Завойко, получивший известность еще и тем, что однажды попытался вместе с же-

ной записаться в крестьянское сословие, отлично владел пером. После Февральской революции он начал издавать в Петрограде еженедельный журнал «Свобода в борьбе», являясь еще и соиздателем газеты «Русская воля». Генералу Корнилову нравились его смелые публикации. Он нашел в этом столичном литераторе своего единомышленника.

Вскоре доброволец 2-го Дагестанского конного полка В.В. Завойко стал ординарцем главнокомандующего Петроградским военным округом. Лавр Георгиевич поручал ему составление тех служебных документов, которые требовали литературного, публицистического изложения. Естественно, что Завойко определял и их политическое содержание. Вскоре он стал в буквальном смысле правой рукой генерала, начав «рекламировать» Корнилова по всей стране, и особенно в армии.

Примером литературно-пропагандистской деятельности добровольца Завойко может служить такая публикация (одна из первых «фронтовых»). Авторство ее принадлежит одному из офицеров разведывательного отделения штаба 8-й армии капитану Неженцеву:

«Знакомство нового командующего с личным составом началось с того, что построенные части резерва устроили митинг и на все доводы о необходимости наступления указывали на ненужность продолжения «буржуазной» войны, ведомой «милитаристами»...

Когда генерал Корнилов после двухчасовой бесплодной беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, здесь ему представилась картина, какую вряд ли мог предвидеть воин любой эпохи. Мы вошли в систему укреплений, где линии окопов обеих сторон разъединялись, или, вернее сказать, были связаны проволочными заграждениями...

Появление генерала Корнилова было приветствуемо... группой германских офицеров, нагло рассматривавших командующего русской армией. За ними стояло несколько прусских солдат...

Генерал взял у меня бинокль и, выйдя на бруствер, начал рассматривать район будущих боевых столкновений. На что-то замечание, как бы пруссаки не застрелили русского командующего, последний ответил:

«Я был бы бесконечно счастлив — быть может, хоть это отрезвило бы наших солдат и прервало постыдное братание».

На участке соседнего полка командующий армией был встречен... бравурным маршем германского егерского полка, к оркестру которого потянулись наши «братальщики» — солдаты. Генерал со словами: «Это измена!» повернулся к стоявшему рядом офицеру, приказав передать «братальщикам» обеих сторон, что, если немедленно не прекратится позорнейшее явление, он откроет огонь из орудий.

Дисциплинированные германцы прекратили игру... и пошли к своей линии окопов, по-видимому, устыдившись мерзкого зрелища. А наши солдаты — о, они долго еще митинговали, жалуясь на «притеснения контрреволюционными начальниками их свободы»...

Перу Завойко принадлежала и такая имевшая широкое хождение работа, которая имела чисто пропагандистское название: «Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов». Для своего времени это было широко популярное издание для народного чтения.

Корниловский ординарец, не имевший офицерского звания, действительно обладал хорошим журналистским пером и был известным в печати публицистом. Сам Лавр Георгиевич отзывался о писательском таланте Завойко очень высоко.

«Он отлично владеет пером, поэтому я поручал ему составление тех приказов и тех бумаг, где требовался особенно сильный, художественный стиль...»

В должности главнокомандующего Петроградским военным округом Корнилов постоянно конфликтовал с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, который то подтверждал приказы командующего войсками столичного округа, то «аннулировал» их. Естественно, так долго продолжаться не могло, поскольку Лавр Георгиевич был противником всякой дезорганизации в военном деле.

К тому времени Корнилов имел тесные связи в офицерских кругах Петроградского гарнизона. Там оказалось много сторонников его взглядов на ситуацию, на состояние русской армии и Восточного фронта. Дело неумолимо шло к развалу и армии, и фронта, и государства. Поэтому Корнилов стремился консолидировать здоровые силы в армии, что-

бы избежать надвигающейся катастрофы. И в этом он не был одинок.

Командующий белой русской армией в Крыму генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель оставил после себя в белой эмиграции мемуары. В своих «Записках» он рассказывает о том, как Корнилов, после своего убийства на фронт, подерживал связи со столицей:

«...Неожиданно, в первых числах мая, генерал Корнилов, окончательно разойдясь с Советом, оставил свой пост. Он принял только что освободившуюся 8-ю армию, стоявшую на границе Галиции. Среди имен его заместителей некоторые называли имя генерала Лечицкого, однако генерал, по слухам, отказался от назначения. Я решил поехать к нему. Я знал генерала Лечицкого еще с Буковины. Уссурийская дивизия входила в состав его армии, и я был с ним лично достаточно знаком.

Генерал Лечицкий жил в Северной гостинице, против Николаевского вокзала. Я просил его принять меня, и он назначил мне в тот же вечер время для разговора. Я изложил ему все мои мысли, сказал о том, что удалось мне с графом Паленом сделать за последнее время и, упомянув о том, что знаю о сделанном предложении стать во главе Петербургского военного округа, предложив использовать нашу работу (по сбору сил корниловцев. — *А.Ш.*); при этом в виду ожидаемого моего отъезда в армию я рекомендовал ему графа Палена.

«Все, что вы говорите, — совершенно верно», — сказал мне генерал Лечицкий, — «мы все так думаем. Но я заместителем генерала Корнилова не буду. Я и из армии ушел, так как не мог примириться с новыми порядками. Я старый солдат. Здесь же нужен человек не только твердый и честный, но и гибкий. Кто-либо более молодой будет, вероятно, подходящее».

Зная генерала Лечицкого, я не сомневался, что он не изменит своего решения.

Заместителем генерала Корнилова был назначен начальник штаба Туземной дивизии, генерал Половцев.

В виду отхода генерала Лечицкого от всякой деятельности я решил, несмотря на оставление генералом Корниловым чрезвычайно выгодного для намеченного нами дела, поста главнокомандующего Петербургским военным округом, все же

войти с ним в связь. Другого лица, кроме генерала Корнилова, подходящего для намеченной мною цели, я, среди старших военачальников, найти не мог.

Генерал Корнилов, уехав в армию, продолжал поддерживать связь с целым рядом лиц в Петербурге. Связь эту он поддерживал через близкого своего ординарца Завойко. Завойко, бывший помещик, кажется Подольской губернии, последние годы до войны, разорившись на хозяйстве, занимался финансовыми делами. Он был управляющим нефтяной фирмы братьев Лианозовых, директором и членом правления целого ряда коммерческих предприятий. После переворота он, оставив дела, занялся политической работой. Последнее время, зачислившись в ряды армии, состоял ординарцем при главнокомандующем Петербургским военным округом, а с назначением генерала Корнилова командующим армией последовал за ним.

Узнав о приезде Завойко в Петербург, я, через работающего со мной и Паленом поручика П.П. Шувалова, вошел с ним в связь. Мы условились встретиться на квартире Завойко, жившего в то время на Фонтанке, у Семеновского моста. Я приехал с графом Паленом и графом Шуваловым. Завойко произвел на меня впечатление весьма бойкого, неглупого и способного человека, в то же время в значительной степени фантазера. Мы говорили очень мало, почти все время говорил сам Завойко. С моими мыслями он согласился с первых слов. По его словам, также смотрел на дела и генерал Корнилов.

В конце разговора Завойко предложил нам прочесть выпускаемую им в печать краткую биографию генерала Корнилова, корректура которой была прислана ему для просмотра. Биография эта вскоре появилась в армии. Мы условились о дальнейшей связи.

С тех пор я несколько раз видел Завойко во время его приездов в Петербург. Как-то раз, зайдя к нему, я увидел сложенные в углу какие-то разноцветные флаги. На мой вопрос, что это такое, он сообщил мне, что армия готовится к наступлению, что армия генерала Корнилова должна вторгнуться в пределы Галиции. Надписи на замеченных мною флагах — призыв славянским народам Карпато-России к восстанию против австрийского ига, в борьбе за свободу, которую несет им

армия русского генерала Корнилова. Надписи были на языках местных галицийских народностей. В этом заказе знамен, в этих надписях, сказался весь Завойко...

Предстоящий переход в наступление скоро перестал быть секретом как для широкой публики, так и для врага. Новый министр «революционной армии» Керенский беспрерывно метался на фронте, произносил истерические речи и призывал «революционные войска спасти завоевания революции». Маршевые пополнения шли на фронт, неся красные плакаты с призывами. «война до победного конца», «все на фронт», «лучше смерть, чем рабство» и т.д. Несмотря на «революционный порыв», эти маршевые пополнения, большей частью, разбежались по дороге.

В середине июня я получил телеграмму за подписью дежурного генерала 8-й армии, полковника графа Гейдена, коей испрашивалось согласие мое на назначение меня «впредь до освобождения дивизии» командиром бригады 7-й кавалерийской дивизии. Я ответил согласием. Однако проходили дни, все более и более приближался час перехода армии в наступление, а приказа о назначении не было.

18 июля армии Юго-Западного фронта атаковали противника. 8-я армия генерала Корнилова вторглась в Галицию, фронт противника был прорван, наши войска овладели Галичем и Станиславом. Казалось, после долгих месяцев, победа вновь озаряла русские знамена.

Наконец 30 июля я получил телеграмму о назначении меня командующим, но не бригадой, а 7-й кавалерийской дивизией. Через день я выехал в Каменец-Подольск...»

Барон П.Н. Врангель еще летом 1917 года задумался о том, что пора спасать Россию путем военного переворота. Но для этой цели был нужен авторитетный лидер в армии, на фронте. Врангелевские «Записки» свидетельствуют, что ставка делалась на генерала Корнилова.

Для этой цели не подходил, например, такой известный военачальник, как генерал Платон Алексеевич Лечицкий. Сын священника, участник Китайского похода 1900—1901 годов, Русско-японской войны 1904—1905 годов, кавалер орденов Святого Георгия 4-й и 3-й степеней, успешно командовавший ударной группой и армией на Юго-Западном фронте

те, он не мог «тягаться» в популярности с Корниловым. После Октября отставной генерал пошел служить добровольно в Красную армию и служил в Петроградском военном округе. Впоследствии был арестован и умер в одной из московских тюрем.

Иными словами, к концу своего пребывания на посту главнокомандующего Петроградским военным округом генерал Л.Г. Корнилов уже фактически стал лидером тех сил в рядах русской армии, которые стояли за старую Россию. За монархию, за «единое и неделимое» российское Отечество. За спасение русской армии с ее славным боевым прошлым от окончательного развала.

Пройдет совсем немного времени, чуть больше полугода, и Лавр Георгиевич Корнилов станет общепризнанным военным вождем Белого движения. Или, как писали о нем в большевистских газетах, — «идейным вождем контрреволюции».

Как впоследствии описывали деятельность Лавра Георгиевича Корнилова летом 1917 года люди, лично знавшие его? Как военачальника, причастного к внутривнутриполитической российской жизни? И в первую очередь его недоброжелатели. Для этого можно обратиться к книге Е.И. Мартынова «Корнилов. Попытка военного переворота»:

«...Переходя к характеристике Корнилова, следует прежде всего отметить, что, отличаясь упорным трудолюбием и большой самоуверенностью, он по своим умственным способностям был заурядным средним человеком, лишенным широкого кругозора. Он никогда не был в состоянии объять всю сложную обстановку современной войны и даже не всегда мог охватить в целом одну стратегическую операцию. К тому же ему недоставало организаторского таланта, а по запальчивости и неуравновешенности своего характера он был вообще мало способен к планомерным действиям.

При таких данных Корнилов не годился для занятия высших военных должностей; он мог быть начальником дивизии, самое большее командиром корпуса, да и то при условии особенно твердого руководства, которое своевременно останавливало бы его постоянные центробежные стремления.

Брусиллов, бывший начальник Корнилова, наблюдавший всю его боевую деятельность во время мировой войны, дает

ему еще более строгую аттестацию: «Это начальник лихого партизанского отряда — и больше ничего».

В области политики Корнилов являлся совершенным профаном. До своего неожиданного вмешательства в государственные дела он был узким военным специалистом, мало интересовавшимся общими вопросами. В революционном водовороте, охватившем Россию, он даже не замечал господствовавшего течения — борьбы классов, а видел лишь слабость правительственной власти и происходившую от этого распушенность народных масс. Он весьма плохо разбирался в скрещивающихся интересах различных слоев русского общества, не знал ни партийных группировок, ни отдельных политических деятелей.

Выступая на историческую сцену со столь легким политическим багажом, Корнилов, очевидно, нуждался в чьем-либо руководстве. Таким руководителем при нем, своего рода ментором по всем государственным делам, сделался некий Завойко, пользовавшийся среди лиц, близко знавших его, репутацией темной личности...»

Глава 8

КОМАНДУЮЩИЙ 8-Й БРУСИЛОВСКОЙ АРМИЕЙ. НАСТУПЛЕНИЕ. ОТСТУПЛЕНИЕ

В первых числах мая 1917 года генерал Корнилов прибыл из столицы на Юго-Западный фронт. Вступив в должность командующего Брусиловской армией, он начал готовить ее к

летнему (июньскому) наступлению. Лавр Георгиевич, находясь в столице, был знаком с подоплекой подготовки этой операции, от успешного проведения которой зависело положение Временного правительства и «лицо» России среди держав Антанты.

К апрелю этого года военный перевес Антанты над союзом Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции стал еще более значительным, поскольку в войну вступили США. Но вернемся немного назад. На межсоюзной конференции, проходившей в ноябре 1916 года во французском городке Шантийи, было решено провести на Западном и Восточном фронтах крупные наступательные операции. Они должны были быть согласованы по времени. Такой замысел был рожден в штабах армий Франции и Великобритании. На Западе военная кампания сводилась в основном к борьбе на истощение неприятеля, на Востоке роль главного поставщика «пушечного мяса» отводилась, естественно, России.

Представитель России на конференции в Шантийи Н.Н. Десино докладывал в могилевскую Ставку Верховного главнокомандующего следующее:

«Все возражения и поправки (российской делегации. — *А.Ш.*) принимались Жоффром (маршалом Жозефом-Жаком-Сезаром Жоффром, французским «главнокомандующим армиями Севера и Северо-Востока». — *А.Ш.*) крайне неохотно, и он тотчас переходил к следующим вопросам...

Мое впечатление такое, что англичане и французы ведут свою отдельную линию, направленную на оборону своих государств с наименьшей потерей войск и наибольшим комфортом, стараясь все остальное свалить на наши плечи и считая, что наши войска могут драться даже без всего необходимого. Они для нас не жертвуют ничем, а для себя требуют наших жертв и при том считают себя хозяевами положения».

После конференции Ставка Верховного главнокомандующего русской армией довела до сведения главкомов Северным, Западным, Юго-Западным и Румынским фронтами ее результаты и предложила им подготовить свои предложения о плане предстоящего наступления. Такой план был составлен к концу января 1917 года и утвержден императором Николаем II. Главный удар предстояло наносить армиям Юго-Западного

фронта. Румынскому фронту предписывалось в ходе наступления захватить Добруджу. Северный и Западный фронты наносили вспомогательные удары.

Антанта настаивала на том, чтобы русская армия перешла в наступление не позднее 1 апреля. Однако для России этот срок был не реален. Ее войска нуждались очень во многом, в том числе и в 35 тысячах артиллерийских орудий, из которых около 16 тысяч предполагалось получить от союзников. Но союзники отказали России в военных поставках в объеме 10,5 млн тонн, урезав их до 3,4 млн тонн. Февральская революция срок возможного наступления русской армии отодвинула еще дальше.

Временное правительство сразу же взяло курс на продолжение войны. Но воевать означало — наступать. Тем более что союзники России по Антанте настоятельно требовали проведения широкомасштабной наступательной операции в самое ближайшее время. В Лондоне заявляли, например, что «чем скорее начнутся военные действия, тем лучше будет для внутреннего положения» России.

Глава американской специальной миссии в Петрограде Э. Рут в беседе с сотрудником «Нового времени» заявил, что победа на фронте и укрепление положения правительства — это две стороны единой задачи».

Все это высший русский генералитет, в том числе и Л.Г. Корнилов, знали сами. Ставший начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А.И. Деникин регулярно отправлял в штабы фронтов соответствующую информацию для ознакомления командного состава. Корнилов был знаком и с такого рода сообщениями о замыслах союзных держав Антанты относительно России, охваченной после февраля революционным брожением.

В апреле в милевскую Ставку пришли два секретных сообщения из Берна от временного поверенного в делах России в Швейцарии. В первом из них сообщалось, что между правительствами Франции, Великобритании, Италии и Японии состоялся обмен мнениями о дальнейших действиях в случае неспособности русской армии осуществить крупную наступательную операцию. Предполагалось, что если Россия не сможет или не захочет организовать наступление, то Япония пошлет на ев-

ропейский театр миллионную армию и будет вести войну до полного поражения Германии. За это Россия должна была «уступить» по волеизъявлению своих союзников Японии ни много ни мало, как огромный по территории Уссурийский край. В случае успеха такой комбинации, говорилось в сообщении, окончание войны ожидалось не позже осени 1917 года.

Во втором донесении из швейцарской столицы сообщалось, что если Россия заключит с Германией, Австро-Венгрией и их союзниками сепаратный мир, то Япония нападет на вышедшую из Первой мировой войны Россию.

Поэтому подготовка к июньскому наступлению имела больше политических мотивов, чем чисто военных. Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал В.И. Гурко (Ромейко-Гурко) в телеграмме в могилевскую Ставку свое мнение на сей счет высказывал вполне определенно:

«Мы обязаны оказать союзникам активную помощь, и только в этом случае мы можем требовать от них выполнения взятых на себя обязательств. Если же они увидят нашу неспособность к активным действиям, если они придут к сознанию, что наше государственное расстройство сделало армию и страну небоеспособными, то они будут считать себя свободными от принятых по отношению к нам обязательств».

Союзники в кампании 1917 года первыми начали наступательные действия. В истории оно получило название по имени нового французского главнокомандующего — «бойня Нивеля». Французы потеряли убитыми и ранеными 180 тысяч человек, англичане — 160 тысяч человек. Потери германской армии составили 163 тысячи человек. Велики оказались потери сторон в пушках и другом армейском вооружении.

Теперь очередь была за Россией. Союзники со все возрастающей настойчивостью стали добиваться от Временного правительства большого наступления на Востоке. Но весной 1917 года высшее русское командование впервые за годы войны столкнулось с массовыми отказами солдат продолжать войну. Огромные потери, неудачные боевые операции, нехватка вооружений и обмундирования привели к небывалому росту антивоенных выступлений в армии. Они выражались в массовых братаниях с неприятелем, в отказах выполнять приказы командиров и в дезертирстве.

Последнее было новым явлением в трехвековой истории русской регулярной армии, начиная с петровских времен. По подсчетам белоэмигранта генерала Н.Н. Головина, число дезертиров из действующей армии, то есть с фронта, с начала Февральской революции составило около двух миллионов человек.

Солдаты отказывались выполнять приказы о перегруппировке войск и проводить инженерные работы, связанные с подготовкой плацдармов для наступления. Нередки были случаи физической расправы с неугодными солдатским комитетам офицерами.

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал А.М. Драгомиров заявлял весной 1917 года, что «общее настроение армии — мир во что бы то ни стало». Все же высшее командование сошло во мнении, что наступление надо начинать в июне месяце.

Генералы, в том числе и Л.Г. Корнилов, определенно связывали успех наступления исключительно с нравственным «оздоровлением» армии. 21 мая новый Верховный главнокомандующий России генерал М.В. Алексеев направил Временному правительству телеграмму, в которой говорил о необходимости немедленного восстановления военно-полевых судов, расформирования ненадежных частей, возвращения командирам дисциплинарной власти. Верховный главнокомандующий подчеркивал:

«Только при такой постановке вопроса возможно водворение в армии порядка и возвращение утраченной дисциплины. Увещания, воззвания действовать на массы не могут. Нужны власть, сила, принуждение, страх наказания...

Развал внутренний достиг крайних пределов, дальше идти некуда. Войско стало грозным не врагу, а Отечеству».

Временное правительство, соглашаясь с генералитетом о необходимости осуществления большой наступательной операции, в то же время расходилось с ним относительно подготовки армии к этой цели. Сознание солдатской массы «бомбардировалось» демагогическими заявлениями Временного правительства о необходимости защиты власти революционной демократии, войны до победного конца, об оборонительном и революционном характере продолжающейся Великой войны.

По мнению же Корнилова и его единомышленников, общая установка Временного правительства уничтожала те устои, на которых всегда покоилась во всем мире способность армии к борьбе. Одними речами, как полагали военачальники, создать «новую железную» дисциплину было невозможно.

Командующий 8-й армией оказался в числе тех генералов-фронтовиков, которые открыто, с резким возмущением встретили опубликованную 24 мая новым военным министром Керенским «Декларацию прав военнослужащих». В нее были включены пункты, разрешающие военнослужащим во внеслужебное время «свободно и открыто высказывать свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды». Отменялись все дисциплинарные наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего. Декларация явилась, по оценке большинства генералов-фронтовиков, тем документом, который сыграл решающую роль в понижении боеспособности русской армии.

Генерал Корнилов к тому времени уже не раз публично высказывался о том, что именно правительственная политика способствует подрыву воинской дисциплины в действующей армии. С ним были солидарны многие военачальники. Так, выступая на совещании в Ставке Верховного главнокомандующего 29 июля генерал-лейтенант А.И. Деникин сказал:

«Я слышал, что большевизм разрушил армию. Я это отвергаю. Большевизм — это черви в гнойной ране армии. Разрушили армию другие, проводившие разрушавшее армию военное законодательство последнего времени».

Антанта сумела «надавить» на Россию и ее Временное правительство, в котором все большую роль играл министр-социалист А.Ф. Керенский. Из Парижа и Лондона настойчиво напоминали новой России о ее обязательствах перед союзными державами, о многомиллионных займах, за которые надо было платить, ведя наступательные действия на фронте.

В русской армии началась подготовка к наступлению. 17 июня новый Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов (Алексеев был снят за трения с правительством) отправил в штабы фронтов шифрованную телеграмму. В ней Ставкой определялись следующие сроки начала наступательной

операции: для Юго-Западного фронта — 25 июня, Западного фронта — 5 июля, Северного и Румынского — 14 июля.

По плану Ставки главный удар должны были нанести армии Юго-Западного фронта. В связи с этим его главнокомандующий генерал-лейтенант Алексей Евгеньевич Гутор поставил перед армиями следующие задачи на наступление. 11-й армии генерал-лейтенанта И.И. Федотова и 7-й армии генерал-лейтенанта Л.Н. Бельковича — прорвать фронт противника и развивать наступление на галицийскую столицу Львов. Корниловской 8-й армии — наносить вспомогательный удар в направлении на города Калуш, Болехов. Особой армии — сковать противостоящего ей противника и не позволять ему перебрасывать войска в район главного удара.

Для поднятия духа солдат на Юго-Западный фронт прибыл военный министр А.Ф. Керенский. Он объехал немало полков и дивизий, всюду уговаривая солдат «наступать и еще раз наступать». Однако, обобщив свои впечатления о моральном настроении солдат-фронтовиков накануне начала операции, российский военный и морской министр был вынужден заявить следующее:

— Ни в какой успех наступления не верю...

Но тот же Керенский отдал приказ о начале июньского наступления 1917 года, имевшего цели стратегического характера.

Представители союзного командования в Петрограде, также совершившие «инспекционные» поездки в могилевскую Ставку и на фронты, придерживались такого же мнения, что и российский министр-председатель. Британский генерал А. Нокс, к примеру, записал в своем дневнике:

«Успеха здесь не будет...»

Однако глава Ставки генерал А.А. Брусилов, один из российских стратегов в Первой мировой войне, всецело поддерживал план июньского наступления. Еще бы, ведь он разрабатывался его штабом. В интервью столичной газете «Русское слово» он заявил:

— Я был вполне согласен с приказом генерала Корнилова и поддержал его...

Перед началом июньского наступления 8-я армия имела в своем составе шесть армейских корпусов. Из них 12-й гене-

рал-лейтенанта В.А. Черемисова, 16-й генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова и 33-й генерал-лейтенанта И.К. Сарафова занимали позиции на реке Днестр и в Заднестровье, а 11-й генерал-лейтенанта К.Л. Гильчевского, 18-й генерал-лейтенанта И.Г. Эрдели и 23-й генерал-лейтенанта Н.А. Обручева располагались в Буковинских Карпатах. Корниловская армия составляла левое, южное крыло Юго-Западного фронта, соприкасаясь с северным флангом Румынского фронта.

Что представляла в моральном отношении 8-я армия ко времени принятия ее под свое командование Корниловым? Каков был ее боевой дух, способность активно воевать и наступать? Наконец, ее стойкость, организованность и дисциплинированность. Вот только один пример, связанный с 27-м Витебским пехотным полком, до войны стоявшим в городе Тамбове и входившим в состав 7-й пехотной дивизии, начальником которой был генерал-майор В.Р. Романов.

После митинга солдаты-витебцы предъявили своему полковому командиру самый категорический ультиматум, грозя в противном случае смертной карой. Ультиматум состоял из трех пунктов, обязательных к немедленному их исполнению:

Открыть полковой казначейский ящик и раздать на руки все наличные казенные деньги в равной доле как на солдата, так и на офицера.

Выдать солдатам в постоянную носку обмундирование первого срока.

Устроить всему полку праздничное разговенье с куличами, крашеными яйцами и с обязательной обильной выпивкой по такому случаю.

Полковой командир, естественно, не мог выполнить всей резолюции солдатского митинга. Тогда его подчиненные расшвыряли, арестовали полковника и, после заседания здесь же выбранного «революционного суда» постановили расстрелять «контрреволюционера». Однако самосуд все же не состоялся, а «расстрельная рота» разрядила свои винтовки в пасущееся на лугу стадо коров жителей ближайшей деревни.

После этого совсем распоясавшиеся пехотинцы-витебцы перепились и устроили драку с солдатами дивизионной артиллерийской бригады. Повод для этого был найден в том, что артиллеристы отказались выполнять требование митинга сол-

дат 27-го пехотного Витебского полка не стрелять по немцам из своих пушек: «Не задирать Германию». Мол, их не трогай, и они нас не тронут...

Командующий армией вел подготовку своих войск всеми доступными для него методами. На фронте имелось немало офицеров, которые противились развалу русской армии. Таких офицеров оказалось немало и в рядах корниловских войск. Всего лишь через несколько дней после вступления Лавра Георгиевича в должность командующего на его рабочий стол легла записка капитана корпуса офицеров Генерального штаба М.О. Неженцева, помощника старшего адъютанта разведывательного отделения штаба армии. Корнилов сразу же после прочтения рапорта заинтересовался сделанным капитаном-разведчиком предложением.

В рапорте тридцатилетний капитан Митрофан Осипович Неженцев, за плечами которого были московское Александровское военное училище и два ускоренных курса Николаевской академии Генерального штаба, предлагал сформировать ударные отряды из добровольцев. Они должны были предназначаться для пресечения случаев мародерства и неповиновения солдатских масс командирам.

Командующий армией сразу же, поняв буквально дословно смысл докладной записки, вызвал капитана-разведчика на беседу и выслушал «его планы спасения действующей армии». Корнилова буквально захватили идеи фронтового офицера: главное — решительные меры, исходящие от «верховой власти», и разумное проявление инициативы «снизу».

19 мая 1917 года капитан М.О. Неженцев приступил к формированию добровольческого 1-го ударного отряда на основании приказа командующего 8-й армией. Уже к середине июня отряд армейских ударников был полностью сформирован. В своих рядах он насчитывал 91 офицера: командир в чине полковника, войсковых старшин — 2, капитанов — 2, штабс-капитанов — 9, поручиков — 4, подпоручиков — 18, прапорщиков — 55. В двух батальонах отряда числилось 1763 унтер-офицера и рядовых ударников. Три пулеметные команды состояли из 600 человек. Кроме того, в отряде имелись: команда конных разведчиков (сотня донских казаков), команда пеших разведчиков из добровольцев чехов-военноп-

ленных, минометная команда, знаменный взвод и команда связи.

1-й ударный отряд капитана М.О. Неженцева свой первый бой провел 25 июня у деревень Ямница и Павельче. Ударники два часа боя провели в бесстрашных лобовых атаках вражеской позиции. Линия неприятельского фронта была успешно прорвана. Атакующие углубились на семь верст. Было захвачено четыре тяжелых и два легких в плен взято вражеских 26 офицеров и 831 солдат, трофеями стало их личное оружие. То есть уже первый бой дал славу ударникам-корниловцам.

По приказу Верховного главнокомандующего № 796 от 11 августа 1917 года 1-й Ударный отряд разворачивается в четырехбатальонный полк, получивший название Корниловского ударного. Вскоре (10 сентября по приказу начальника штаба Ставки № 501) он получил название 1-го Российского ударного, а 30 сентября — Славянского ударного полка. Создание этой отдельной воинской части происходило на добровольной основе.

Первоначально Славянский ударный полк входил в состав 1-й Чешко-Словацкой стрелковой дивизии добровольческого Чехословацкого корпуса, созданного из военнопленных чехов и словаков, служивших в армии Австро-Венгерской монархии Габсбургов. Полку предстояло, по замыслу командующего 8-й армией, внести перелом в «нравственное» настроение фронтовиков, поднять в них боевой дух и способность и дальше вести активную вооруженную борьбу за Отечество.

Добровольцы-ударники капитана Неженцева, одного из подлинных героев белой Добровольческой армии, получили отличительную форму одежды. Она была обычной защитной (полевой) Российской Императорской армии, но с отличительными шевронами, погонами и петлицами «корниловских цветов». В стальных касках Адриана образца 1915 года, с черно-красными погонами, с эмблемой на рукаве, изображавшей Адамову голову (череп) над скрещенными мечами в лавровом венке, корниловцы одним своим видом должны были наводить страх на тех военнослужащих, кто подвергся влиянию анархии и разложения.

Разумеется, один пехотный полк, готовый по первому же приказу пойти в атаку на вражеские позиции, не мог «оздо-

ровить» целую армию, да еще во фронтовых условиях. Но Корниловский ударный полк вместе с Текинским конным полком, сформированным из туркмен, преимущественно племени теке, стали личной гвардией генерала Корнилова.

Текинцы к тому же были лично преданы Корнилову, хорошо говорившего на их языке, знавшего и уважавшего традиции и обычаи туркмен. В белых папахах и полосатых халатах малиновых и темно-красных тонов, с кривыми кинжалами у пояса, они производили на окружающих грозное впечатление.

Текинский конный полк в рядах русской армии до середины 1917 года был редкостным воинским формированием на национальной основе. В.А. Арон, в то время ротмистр конников-текинцев, ставший в рядах белой Добровольческой армии полковником, писал в эмиграции об истории родного ему полка:

«До Первой мировой войны мало кто знал о существовании скромного Туркестанского конного дивизиона, в июле 1914 года переименованного в Текинский полк. Это был полк добровольцев, выступивший на службу в своем национальном одеянии и на собственных красавцах конях. Это были родные сыны покоренных Скобелевым ахалтекинцев, а сын защитника Геок-Тепе, ротмистр Ураз-Сердар, командовал в полку эскадромом.

По рождению я — сибиряк, воспитанник Сибирского кадетского корпуса, с детских лет близко соприкасался с населявшими Сибирь инородцами: калмыками, бурятами, монголами, тунгузами. Из их среды были добрые товарищи по корпусу, впоследствии — славные русские офицеры. Владея разговорными монгольскими наречиями, я ближе познакомился с этими народностями.

Будучи назначен в Асхабад в 1915 году для формирования запасного туркменского эскадрона, я быстро пригляделся и освоился с текинцами. В отличие от инородцев, населяющих восток Сибири, текинцы — высокого роста, сухи, красивы, имеют открытый взгляд, благородную осанку, отличаются исключительной честностью. В бою — горячие и храбрые, прекрасные наездники. Лучшего для конницы и выдумать нельзя.

Форма нашего полка была очень красива. Малиновые шаровары, поверх пояса намотан шелковый малиновый кушак, бичак (нож, не кинжал) весь в серебре и золоте; на поясной португее клыч (кривая сабля), тоже в серебряной и золотой наске с цветными камнями. Этими же металлами отделаны нагрудники и налобники на аргамаках. На голове текинцы носили огромные папахи — «телпек»: это шкура целого барана, черная или белая, сложенная в виде цилиндра. Не всякая голова могла вынести такую тяжесть; приходилось привыкать постепенно. Офицерам полка была присвоена та же форма.

И вот представьте себе строй из нескольких сот таких рослых смуглых красавцев всадников на поджарых, горячих аргамаках, сверкающих оружием, яркими кушаками.

Отношения между всадниками и офицерами были самые хорошие, сердечные: «текинцы» относились к своим офицерам с полным доверием и звали их «боярами».

Текинский полк принимал участие в боях с самого начала войны, а в 1915 году, под командой полковника Зыкова, особенно отличился на полях Галиции, лихой конной атакой австрийской пехоты.

Генерал Корнилов, с назначением его Верховным главнокомандующим, не ошибся в выборе части для охраны Ставки; по своей службе в Туркестане он знал высокие моральные и боевые качества текинцев, говорил на их языке, что производило на них большое впечатление, знал и службу полка еще по 8-й армии.

Честь нам выпала большая, но и ответственность легла немалая, ибо моральные условия жизни и службы в эти революционные дни были сложны и тягостны. В это время (июль 1917 года) по всей России бушевала стихия. Фронт разваливался, но Текинский полк оставался частью, которой можно было отдать любое распоряжение с полной уверенностью, что оно будет исполнено...»

Будучи опытным военачальником, Лавр Георгиевич не ожидал от формирований ударников-добровольцев многого: они просто не могли восстановить боеспособность распропагандированных воинских частей. Поэтому Корнилову приходилось рассчитывать только на одно средство — кропотливую воспитательную работу с солдатскими массами. Командующий

армией почти ежедневно бывал в полках, разъяснял солдатам необходимость дисциплины и организованности, напоминал им о воинском долге перед Отечеством, готовил их к предстоящему наступлению.

Создание «ударных революционных и штурмовых батальонов» из добровольцев в 8-й армии ее командующий поставил на широкую ногу. Собственно говоря, подобные воинские формирования, правда малочисленные, возникли в русской армии еще зимой 1916—1917 годов, когда на Восточном фронте стояло позиционное затишье. Небольшие отряды добровольцев-«охотников» проводили ограниченные операции местного значения, которые сводились к рейдам в ближний вражеский тыл, рекогносцировке линии неприятельской обороны и захвате пленных.

Командуя дивизией и корпусом, генерал Корнилов всячески поощрял создание таких команд «охотников». Именно эти добровольцы первыми пополнили ряды корниловских ударников.

Ударничество затронуло не только действующую армию, но и тыловые военные округа. Там формировались так называемые «ударные батальоны смерти». В Петрограде был сформирован тысячный добровольческий женский батальон. Такие же женские ударные батальоны «смертниц» намечалось создать в Москве и Екатеринодаре, но на фронт они так и не попали.

Генерал Корнилов имел прямое отношение к формированию 1-го женского добровольческого ударного батальона смерти, известного еще и как «Бочкаревский». Он носил такое название по имени его командира сибирячки Марии Бочкаревой, полного Георгиевского кавалера, добровольца (с личного императорского разрешения) 28-го пехотного Полоцкого полка.

История этого уникального для старой русской армии пехотного батальона, как и судьба его основательницы, известны по протоколу допроса М.Л. Бочкаревой в Омске, в Особом отделе ВЧК при 5-й Красной армии:

«...На войну в 1914 году я пошла из чувства патриотизма и желала умереть за родину. В Томске... в октябре месяце я подала на имя Николая 2-го телеграмму о своем желании поступить на военную службу... Царь разрешил...

За все время моего пребывания на фронте... я была четыре раза ранена... получила все четыре степени Георгиевских крестов...

...Командир Полоцкого полка сообщил Родзянке, что в полку имеется женщина-доброволец, которая находится на фронте с начала войны, своим мужеством и храбростью показывает пример мужчинам и награждена 4-мя степенями Георгиевских крестов. Родзянко пожелал меня видеть лично... и приказал отправить меня в Петроград...

...Я в Таврическом дворце сделала членам Временного правительства доклад. В докладе я говорила, что солдаты не слушаются начальства и братаются с немцами. Мне сказал Родзянко, а чем бы помочь, чтобы поднять дух солдат. Я ему предложила сформировать добровольческий женский батальон. Мне на это сказали, что моя идея великолепная, но нужно доложить Верховному главнокомандующему Брусилову и посоветоваться с ним. Я вместе с Родзянкой поехала в Ставку Брусилова...

Брусилов в кабинете мне говорил, что надеетесь ли вы на женщин и что формирование женского батальона является 1-м в мире. Не могут ли женщины осрамить Россию? Я Брусилову сказала, что я и сама в женщинах не уверена, но если вы дадите мне полное полномочие, то я ручаюсь, что мой батальон не осрамит России, но только чтобы не было комитетов. Брусилов мне сказал, что он мне верит и будет всячески стараться помогать в деле формирования женского добровольческого батальона, и я обратно вернулась с Родзянкой в Петроград.

...Я была в Зимнем дворце представлена Керенскому, была приглашена на обед. Керенский за обедом меня приветствовал и сказал мне, что он разрешает мне формировать женский батальон смерти Бочкаревой.

22 мая 1917 года в Петрограде в Малом Мариинском театре я выступила с устной агитацией с призывом к женщинам с тем, чтобы они вступали в батальон моего имени. В своем призыве я говорила женщинам, что солдаты в эту великую войну устали и что им нужно помочь... нравственно.

При этом я записала две тысячи женщин-добровольцев. Мне дали казарму на Торговой улице в Петрограде. Выдали обмун-

дирование и вооружение, дали инструкторов, и я приступила к обучению своего батальона. За этот период я откомандировала от себя 1500 женщин за их легкое поведение, и они в Инженерном замке образовали из себя самостоятельный Ударный батальон и создали Всероссийский съезд женщин. А я с пятьюстами женщин осталась формироваться.

27 июня 1917 года я присутствовала при освящении знамени моего батальона в Исаакиевском соборе. Генерал Корнилов в присутствии Керенского и других членов Временного правительства вручил мне знамя и произвел меня в прапорщики.

1-го июля 1917 года, после молебна в Казанском соборе, я со своим батальоном отправилась на фронт в Молодечно, где меня с батальоном прикомандировали к 1-му Сибирскому корпусу. 8-го июля я с батальоном участвовала в бою под Крево. Взятые две линии немецких окопов. Когда зашли в Спасский лес, то солдаты бросили нас на произвол судьбы и я осталась с батальоном одна. 9-го июля утром немцы перешли в наступление, и я с батальоном отступила. При этом я была тяжело контужена и вынесена в бессознательном состоянии с места боя. Меня отправили в Петроград, в лазарет Кенига, где я пролежала полтора месяца.

За этот бой я была представлена к золотому оружию, оружия не получила, а была произведена в подпоручицы.

Когда я поправилась, то получила приказ от генерала Корнилова сделать женским батальонам смотр и годных влить в мой батальон и вновь батальонов не формировать, что мной и было сделано. Ездил в Москву, делала смотр Московскому женскому батальону и нашла его тоже негодным для боевого дела. И уехала на фронт к своему старому батальону и решила больше женщин не брать, потому что я в женщинах разочаровалась.

На фронте я заняла боевой участок, который и охраняла до свержения Керенского. От Советской власти была получена телеграмма, чтобы я свой батальон расформировала и сейчас же это и сделала. Это было осенью 1917 года.

После расформирования батальона я поехала в Петроград. В Петрограде меня на станции арестовали и отвезли в Смольный. отобрали шашку, револьвер-наган и документы. Меня посадили в Петропавловскую крепость, где я просидела 7 дней,

после чего была вызвана в Смольный, где со мной говорил неизвестный мне господин, который предложил мне поступить на службу Советской власти.

Он говорил, что вы крестьянка и должны защищать свой народ, но я ему сказала, что слишком измучилась за войну и в Гражданской войне не хочу принимать участия. Мне дал этот господин денег, и я поехала на родину, в Томск. Это было после свержения Керенского, недели две с днями.

В это время я была приверженкой Корнилова и была убеждена, что Советская власть идет рука об руку с немцами, с тем, чтобы посадить на русский престол Вильгельма, об этом говорило все офицерство и та среда, в которой я вращалась. На позиции в своем батальоне я митингов делать не разрешала и агитаторов в батальон не допускала.

Большевиков я считала своими врагами и врагами Родины...»

Оказавшись в родной Сибири, в городе Томске, поручик Мария Бочкарева добровольцем вступила в колчаковскую армию, в которой начала формирование «отряда Бочкаревой» — добровольческого санитарного отряда при «добровольческой дружине Святого креста и зеленого знамени». После отступления колчаковских войск за Енисей была арестована в Томске. В документе, который решил ее судьбу, вновь упоминается имя генерала Корнилова:

«1920 года апреля 17 дня, я, следователь Особого отдела ВЧК при 5-й армии Поболотин, рассмотрел дело б. поручика армии Керенского и Колчака Марии Леонтьевны Бочкаревой — 31 г., по обвинению ее по должности офицера армии Колчака (добровольца) в том, что она своей добровольной службой Керенскому образовала 1-й женский ударный добровольческий батальон, который принимал участие в борьбе с Советской властью в Петрограде. После свержения власти Керенского Бочкарева, будучи непримиримым врагом советской власти, являясь сторонницей политики генерала Корнилова, отправилась в Америку, где имела свидание с президентом Америки Вильсоном и своим появлением в Сан-Франциско будировала на американские пролетарские массы, как мученица за идеал справедливости, в действительности являясь другом империалистов и капиталистов. Бочкарева из Америки поехала в Англию и через богатую суфражистку добилась свидания с

военным министром Англии, который ей и устроил свидание с королем Англии...

Преступная деятельность Бочкаревой перед Р.С.Ф.С.Р. следствием доказана (см. протокол допроса окончательный и приказ № 65 от 11 ноября 1919 года). Бочкареву, как непримиримого и злейшего врага Рабоче-Крестьянской Республики, полагаю передать на распоряжение Начальника Особого Отдела ВЧК при 5-й армии.

Справка: Вещественных доказательств — нет.

Военный следователь
Особого отдела ВЧК при 5-й армии
Поболотин.

Резолюция: Бочкареву Марию Леонтьевну расстрелять.

15.5.1920.
Павлуновский.
Шимановский».

Последним документом в уже посмертной биографии полного Георгиевского кавалера, батальонного командира и «идейного корниловца» поручика Марии Бочкаревой, подлинной героини русской армии в годы Первой мировой войны, был следующий:

«9 января 1920 года. Утверждаю
Прокурор Омской области
Государственный советник
юстиции 3-го класса Ю.А. Якунин.
В отношении Бочкаревой
Марии Леонтьевны.

Постановлением Омского ГубЧК от 15 мая 1920 года определен расстрел. В деле нет документов о приведении приговора в исполнение. Обвинение не предъявлялось. Свидетели по этому делу не привлекались. Из заключения по делу установлено, что обвинение М.Л. Бочкаревой основывалось только на ее показаниях...

Бочкарева Мария Леонтьевна полностью реабилитирована в соответствии с Законом РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий».

Во время бытности генерала П.Г. Корнилова на посту Верховного главнокомандующего началось сведение ударных батальонов и отрядов в полки. Первой такой «образцовой» воинской частью стал 1-й Ударный революционный полк. Однако действительно массовым явлением ударничество в старой русской армии в середине 1917 года не стало. Хотя в порыве революционного пафоса целые полки и дивизии на бурных и продолжительных, с перерывом на обед, митингах объявляли себя «ударными».

Было ли ударничество позитивной мерой в деле оздоровления Русского фронта? Исследователи с оценками в этом вопросе расходятся. Крайним (отрицательным) мнением является следующее: ударные революционные батальоны и полки вобрали в себя наиболее «здоровый боевой элемент» из фронтовых полков, снизив тем самым их боеспособность. Думается, что именно так и было, хотя уход из полка нескольких десятков человек вряд ли мог крайне негативно отразиться на его «душевном» состоянии.

Корнилов во многом добился своего. В армии его личный авторитет заметно вырос, как когда-то это было в 48-й пехотной Стальной дивизии. Исследователи впоследствии скажут, что такого нельзя было сказать о многих фронтовых, даже весьма способных военачальниках в генеральских званиях.

В отношении солдатских комитетов командующий 8-й армией занял твердую позицию. Тем более что они разрушали главный стержень армии — единоначалие, подчиненность младших старшему. Корнилов постепенно вводил солдатские комитеты в рамки «законной» деятельности, внушая комитетчикам, что их главная задача — это подъем наступательного духа войск, а не вмешательство в вопросы перемещения офицерских кадров.

Такая мудрая «политика» в отношении солдатских комитетов, которые стояли на страже буквального исполнения «Приказа № 1», родилась не на пустом месте. Лавр Георгиевич научился многому, когда ему пришлось «воевать» с Петроградс-

ким Советом, стремившимся до минимума урезать реальную власть главнокомандующего столичного военного округа.

Генерал-лейтенант Корнилов сумел во многом восстановить боеспособность «брусиловской» армии. Когда Юго-Западный фронт перешел в наступление, в могилевской Ставке это отметили сразу. В той операции Лавр Георгиевич показал себя командующим, способным решать самые сложные тактические задачи.

По первоначальному плану наступления армии предписывалось нанести вспомогательный удар на Рогатин. Корнилов, на основе данных разведывательного отделения своего штаба, предложил командованию фронтом изменить направление вспомогательного удара и наступать на города Галич и Калуш. Его замысел действий 8-й армии состоял в следующем.

Нанесение главного удара возлагалось на 12-й армейский корпус генерал-лейтенанта Владимира Андреевича Черемисова, который впоследствии сменил Корнилова на посту командующего 8-й армией. Георгиевский кавалер за бои под Варшавой был известен своими довоенными научными работами «Основы современного военного искусства» и «Основы германской тактики». 12-й корпус был заблаговременно развернут вдоль реки Быстрица, а его состав усилен до шести дивизий (пять пехотных и 1-я Заамурская пограничная пехотная дивизия).

Корпус Черемисова получал сильную поддержку. Левее его в направлении на Богородчаны демонстративно наступал 16-й армейский корпус в составе трех пехотных и двух кавалерийских дивизий. На правом фланге армейской ударной группы наступал на древний город Галич 33-й армейский корпус, состоявший из двух дивизий пеших заамурских пограничных стражников.

Наступательная операция Юго-Западного фронта уже в первые дни перечеркнула начерченный в могилевской Ставке план фронтового удара. Наступавшие на главном направлении 7-я и 11-я армии смогли продвинуться вперед всего на два километра, понеся при этом большие, неоправданные потери. После этого они стали топтаться на месте. Причина крылась в следующем: солдаты замитинговали и не желали выполнять приказы командования. Солдатские комитеты заявили о своем нежелании наступать.

В своем донесении в штаб фронта командующий 11-й армией генерал Иван Георгиевич Эрдели, будущий командир 1-й конной дивизии в белой Добровольческой армии, сообщил о сложившейся ситуации:

«Несмотря на наши успехи, достигнутые 18 и 19 июня, которые могли бы поднять боевой дух солдат и вдохновить их на дальнейшее наступление, в действительности в большинстве полков никакого воодушевления не наблюдалось, а в некоторых возобладало убеждение, что задачу свою они уже выполнили и нет смысла далее продолжать наступление...»

Случилось то, чего так опасался Лавр Георгиевич. В образовавшийся 30-километровый разрыв вражеской обороны ударный кулак из двух русских армий «не пошел» не по его вине, как главнокомандующего фронтом. А ситуация для впечатляющего рывка вперед виделась не только такой благоприятной, но и вполне реальной, осуществимой.

Когда спустя три дня вперед пошла 8-я армия, наносившая по плану июньского наступления только вспомогательный удар, ее результаты оказались иными. И даже больше: они были впечатляющими. Корниловские полки и дивизии действовали отлично. Первыми на штурм вражеских позиций шли отряды добровольцев-ударников.

Первым пошел вперед левофланговый 16-й армейский корпус генерала С.С. Саввича, который сразу же начал теснить перед собой 13-й австро-венгерский корпус. Через сутки начали наступать войска Черемисова: они на одном дыхании прорвали передовую, промежуточную и главную позиции неприятеля на всем фронте 3-й австро-венгерской армии, которой командовал генерал-полковник К. Терстьянский фон Надас. Вражеский фронт был прорван на линии от Ямницы до Загроздь.

События в полосе наступления корниловской армии развивались быстро. Русские войска подвергают полному разгрому 26-й корпус австро-венгров и занимают долину реки Быстрица. Развивая атакующий удар, дивизии генерала Черемисова наносят поражение еще одному неприятельскому корпусу — 13-му. 27-го июня занимает город Галич, на следующий день — Калущ.

Пример массового героизма показала первая добровольческая часть русской армии — 1-й ударный отряд 8-й ар-

мии капитана Неженцева. Боевое крещение он прошел в день 26 июня, когда штыковой атакой «на одном дыхании» прорвал австрийские позиции под деревней Ямщицы. Благодаря во многом доблести ударников-корниловцев русские войска захватили важный для них в оперативном отношении город Калуш.

Преодолевая сильное сопротивление противной стороны, оборонявшейся на хорошо подготовленных в инженерном отношении позициях, 8-я армия, которую на фронте теперь чаще называли не «брусиловской», а «корниловской», за шесть дней наступления углубилась в месте прорыва вражеского фронта на 18—20 километров. Казалось бы немного, если, разумеется, не учитывать силы 3-й армии австро-венгров и крепость ее позиционной обороны.

Цена той победы была такова. В плен было взято 800 офицеров и 36 тысяч солдат противника. Трофеями русских стали 127 орудий и минометов, 403 пулемета, несколько десятков тысяч винтовок, много боеприпасов. Потери русской армии убитыми, ранеными и без вести пропавшими составили 352 офицера и 14 456 солдат. В числе потерь корниловской армии число дезертиров оказалось по тому времени на удивление мало — меньше двух сотен за все время наступления. В других армиях картина была иная.

Действия 8-й армии генерал-лейтенанта Корнилова в июньском наступлении Юго-Западного фронта вошли в летопись Первой мировой войны как последний яркий след разрушающейся армии старой России. Больше таких побед на поле брани Великой войны у нее не будет.

Высшее командование Германии в самые короткие сроки подготовилось к парированию сильного удара русских. 6 июля Злочевская группировка немецких войск под командованием генерала пехоты Арнольда фон Винклера нанесла сосредоточенный удар у Перепельников по 25-му армейскому корпусу (командир—генерал-лейтенант В.В. Болотов) 11-й армии. Первыми обратились в бегство полки «окончательно разложившейся» 6-й гренадерской дивизии. Они сразу же «потянули» за собой соседей. Подошедший к месту вражеского прорыва 45-й армейский корпус генерал-лейтенанта С.К. Добровольского после долгих митингов начал хаотическое отступление...

Юго-Западный фронт, как и другие фронты, разваливался, но не под ударами германских и австро-венгерских армий. Военный совет фронта доносил Временному правительству об истинном положении дел следующее:

«Начавшееся 6 июля немецкое наступление на участке 11-й армии разрастается в неизмеримое бедствие, угрожающее, может быть, гибелью революционной России. В настроении частей, двинутых недавно вперед героическими усилиями меньшинства, определился резкий и гибельный перелом. Наступательный порыв быстро исчерпался.

Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении не может быть и речи, уговоры и убеждения потеряли силу — на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом. Были случаи, что отданное приказание спешно выступить на поддержку обсуждалось часами, почему поддержка опаздывала на сутки. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника...

На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части...

Положение требует самых крайних мер...

Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость беспощадно обрушиться на всех, кто малодушием губит и продает и Россию, и революцию».

Эта была та причина, из-за которой 8-й армии не суждено было развить свой успех. Даже при том, что свои задачи на наступательную операцию — взятие городов Калуш и Галич — она успешно выполнила. Общее беспорядочное отступление войск Юго-Западного фронта повлекло в этот водоворот и корниловские войска. Лавр Георгиевич был вынужден отдать своим корпусам приказ на отход по той причине, что армейские фланги оголились в считанные сутки. И в такой самой благоприятной для него ситуации неприятель мог создать кольцо окружения.

На фоне общего отступления сил Юго-Западного фронта после Тарнопольского прорыва немцев состояние 8-й армии генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова выглядело не просто впе-

чатляюще, но и предпочтительнее. Летом 1917 года многие трезво мыслящие люди в России увидели в нем человека, способного уберечь русскую армию от развала, а государство — от грозившего ему военного краха.

Правительственным указом от 27 июня 1917 года Лавр Георгиевич Корнилов, обладатель двух орденов Святого Георгия и золотого Георгиевского оружия, производится в чин полного генерала. То есть в генералы от инфантерии (пехоты).

Как же оценивалось июньское наступление армий Юго-Западного фронта? Ответ на этот вопрос дает под грифом «Секретно» краткое описание тех наступательных боев, составленное начальником штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенантом А.С. Лукомским. Описание отличается объективностью в оценке действий всех сил, задействованных в наступательной операции:

«...Наши обязательства перед союзниками заставляли нас не отказываться совершенно от активных действий. Надежду на успех, хотя бы при коротком ударе, давало большое превосходство наших сил на участке удара (речь идет об 11-й и 7-й армиях. — А.Ш.) сравнительно с силами противника, которое выражалось в среднем в отношении 4:1, и большое превосходство артиллерии, в том числе и тяжелой.

Таким образом, артиллерийская подготовка первого удара позволяла рассчитывать, что пехоте только придется занимать то, что артиллерия разрушила, как это в действительности и случилось.

После усиленной моральной подготовки, производившейся всеми комитетами, комиссарами (Временного правительства. — А.Ш.), различными делегатами и начальниками вплоть до военного министра, войска 11-й и 7-й армий к 16 июня заняли исходное положение, и началась артиллерийская подготовка.

Небоеспособность некоторых воинских частей была очевидна в период подготовки к операции.

16-го июня на ударном участке Юго-Западного фронта началась артиллерийская подготовка и продолжалась в течение двух дней. На третий день после короткого ураганного обстрела части пошли на штурм и сразу овладели на большую или меньшую глубину неприятельскими позициями.

Но после этого первого успеха, к сожалению, сказалась нравственная неустойчивость частей, утративших дисциплину и привычку повиновения начальникам. На фронте 7-й армии, где пришлось встретить главным образом германцев, части немедленно от одного только артиллерийского огня и при первых попытках противника произвести контратаки отошли почти на всем фронте в исходное положение, и повторить атаку уже не могли в течение всего последующего времени.

На фронте 11-й армии многие части проявили большую доблесть, овладели позициями противника, но развить успех не могли, так как атаковавшие части быстро выдыхались и обнаруживали полную негодность к продолжению операции, в частях же, которые должны были сменить и занять исходные положения для дальнейшего наступления, сказались недопустимые в военном деле порядки, когда часть, вместо того чтобы быстро и беспрекословно выполнить отданный ей приказ, пускается в обсуждение, насколько этот приказ подлежит исполнению. Драгоценное время уходило, противник усиливался и перегруппировывался.

25-го июня началось успешное наступление 8-й армии, которая, однако, овладев Галичем и линией реки Ломницы, принуждена была тоже остановиться. Для восстановления наступления требовалось усиление ввиду выяснившейся к этому времени совершенной неспособности 7-й армии, а также крупного успеха на фронте 8-й армии, было решено произвести перегруппировку, усилив 8-ю армию за счет 7-й, и произвести удар 7-й и 8-й армиями, первой — в направлении на Злочев и второй — на Рогатин. Однако те же причины — отказы становиться на позицию, нежелание переходить на новые места — задержали перегруппировку, и операция, все откладывавшаяся, осталась в проекте, так как 6-го июля последовал удар со стороны немцев.

За время нашего наступления 11-я, 7-я и 8-я армии понесли довольно значительные потери. Из строя выбыло: 1222 офицера и 37 500 солдат, то есть 14 процентов всего состава, при этом несомненно лучшего элемента...

С рассветом 6-го июля противник открыл артиллерийский огонь по расположению 5-го Сибирского, 17-го и 5-го армей-

ских корпусов и почти одновременно его пехота повела атаку на фронте Пеняки — Млыновце. 607-й пехотный полк самовольно оставил позиции и отошел назад.

В образовавшийся, таким образом, двухверстный прорыв противник устремился и, отбросив наши войска за реку Граберку, начал развивать свой удар в юго-восточном направлении.

Несмотря на все принятые меры соответствующими начальниками, восстановить положение не удалось.

Начался неудержимый отход войск на восток. Многие части, получив боевые приказы, обсуждали их на митингах, в комитетах, упустили время, а то и совсем отказывались выполнять их...

С утра 7 июля противник продолжал развивать прорыв. Посылаемые на поддержку и для контратаки части в большинстве случаев отказывались их исполнять или выказывали полную неустойчивость, уходя под влиянием только одного артиллерийского огня. Попытки начальников восстановить положение выдвижением резервов и переходом в контратаки были безуспешными. 1-й Гвардейский корпус под влиянием отхода частей 5-го корпуса самовольно бросил Тарнополь и отошел в восточном направлении...

Около 22 часов 11 июля в Ставку поступило донесение Главкоюза (главного командования Юго-Западным фронтом. — *А.Ш.*) о моральном состоянии войск, дальнейшем отходе и рубежах, на которых предполагает задержаться; обстановка, складывающаяся на фронте 7-й армии, доносил Главкоюз, в связи с усиливающимся отходом войск и разложением в них исключает всякую возможность прочно закрепиться на занятой позиции и не дает уверенности в быстром прекращении наступления противника, несмотря на все принятые меры.

Солдаты не желают рыть окопы, а предпочитают нести потери от огня. Для того чтобы хотя (бы) несколько оторваться от противника, перегруппировать и привести войска в порядок, приходится отходить каждый раз на несколько верст к югу, и эта обстановка постоянных отходов неблагоприятным образом отражается на духе войск.

Главкоюз указывает на полное разложение войск и на необходимость принятия самых решительных мер...

Ночью на 13 июля, ввиду расстройств 7-й и 11-й армий и необходимости для сохранения их боеспособности и вывести их из-под удара противника, Главкоюзом был отдан приказ о дальнейшем в ночь на 14-е июля отходе...

Предполагаем, что в дальнейшем австро-германцы будут продолжать развивать операцию на юго-восток с целью заставить нас постепенно очистить Буковину. Генерал Корнилов (уже вступивший в должность главнокомандующего армиями фронта. — А.Ш.) наметил в ближайшие дни, оставляя Особую армию и правый фланг 11-й армии на месте, отводить центр и левый фланг 11-й армии...

Усиление войск Юго-Западного фронта войсками других фронтов в настоящее время представляется в следующем виде: с Румынского фронта переводится 3-й конный корпус. С Западного фронта переводится 112-я пехотная дивизия...»

Из этого описания, составленного начальником штаба Ставки генерал-лейтенантом А.С. Лукомским, ясно, в каком состоянии Корнилов принял главное командование фронтом у генерала Гутора. Он встал во главе его в те дни, когда две армии, потерявшие боеспособность, начали беспорядочное отступление, не имея возможности закрепиться на новых рубежах.

Положение дел на Юго-Западном фронте, по оценке Верховного главнокомандующего генерала Алексея Алексеевича Брусилова, становилось катастрофическим. Командующий фронтом генерал-лейтенант А.Е. Гутор был уже не в состоянии изменить обстановку к лучшему. В подобных ситуациях высшее руководство страной пошло по накатанному пути, ставя во главе отступавших войск нового руководителя.

Корнилов был назначен главнокомандующим армии Юго-Западного фронта 10 июля. Но фактически он исполнял эту должность с 7-го числа, сменив по телеграфному прямому указанию из Могилева уже уволенного Гутора. Тот отчислялся в распоряжение Верховного главнокомандующего, а вскоре был переведен в резерв чинов при штабе Московского военного округа.

Министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский в «своей» книге «Дело Корнилова», увидевшей свет в 1918 году в московском издательстве «Задруга», так объясняет

смену главнокомандующего армиями терпящего поражение Юго-Западного фронта. В стенограмме его допроса Чрезвычайной следственной комиссией по делу о «корниловском мятеже» говорится:

«Назначение ген. Корнилова главнокомандующим на Юго-Западном фронте случилось так. Ген. Гудор растерялся... и Корнилов был, по-моему, единственный человек, который тут же на фронте мог его сменить. Казалось тогда, что опасная сторона его характера, взрывчатость в случае успеха, при начавшемся уже отступлении не представляла угрозы. Ведь момент, когда могла проявиться эта его опасная сторона, был так далек. А во время отхода можно было ждать последствий только его положительных качеств: решимости, умения организовать, проявить инициативу и независимость решения. Вот почему он был назначен на Юго-Западный фронт. Совершенно никого не было, кроме него. Мне лично эти соображения казались исчерпывающими...»

Далее военный и морской министр Временного правительства Александр Федорович Керенский подводит «объяснительную базу» под назначение на фронт генерала Корнилова.

«Решимость активно пользоваться огромными правами боевого начальника — смелость действовать, не боясь ответственности, не прячась за чужую спину — это были в то время самые нужные качества; качества, которые, к сожалению, мне почти не приходилось встречать среди высшего командного состава нашей армии.

Нужно вспомнить, что вся активная борьба с развалом в армии, со шкурниками и мешочниками, с пораженцами и германофилами, борьба включительно до применения вооруженной силы, почти целиком лежала на плечах комиссаров, военного министра и на армейских комитетах. Почти весь высший командный состав в период напряженнейшей работы восстановления боеспособности фронтов (май — июль) был в «нетях».

А между тем действительное возрождение армии не могло быть совершено при отсутствии авторитетных в глазах всей армейской массы вождей. Поэтому понятно, я думаю, почему всякая индивидуальность, всякий человек действия и почина встречал всемерную поддержку со стороны военного мини-

стра и продвигался вперед вне очереди. Понятно поэтому и то, почему ген. Корнилов, несмотря на своеобразные «ультимативные» формы проявления своей активности, быстро и решительно был выдвинут мною вперед...»

В той ситуации «жаркого» лета 1917 года ни Временному правительству, ни Ставке Верховного главнокомандующего выбирать не приходилось. Поэтому выбор пал на «победного» и, самое главное, популярного генерала Корнилова. В последние недели лишь он один проявил способность управлять войсками в сложных ситуациях, и ему подчинялись.

Лавр Георгиевич сумел спасти положение на Юго-Западном фронте и остановить бегство. Скажем прямо, наследство ему от генерала Гутора досталось самое плачевное. 11-я армия генерала И.И. Федотова, имея превосходство в силах и средствах перед атакующими ее германцами, отступала в большом беспорядке. Пришлось менять командующего. Новый, генерал от кавалерии И.Г. Эрдели прокомандовал всего десять дней и был заменен генералом от инфантерии П.С. Балуевым. И того пришлось через сорок дней менять на генерал-лейтенанта Ф.С. Рерберга, исполнявшего обязанности командующего армией.

Вражеский прорыв у Тарнополя захватил правый фланг соседней 7-й армии. Однако генерал-лейтенант Я.К. Цихович, сменивший на посту командующего армией генерал-лейтенанта В.И. Селивачева, сумел навести порядок во вверенных ему войсках.

Корнилов приказал «победной» 8-й армии оставить Галич и Калуш, взятые ценой немалых потерь. Когда 7-я и 11-я армия не смогли закрепиться на рубеже река Серет, бывшая корниловская армия, которой командовал генерал-лейтенант В.А. Черемисов, продолжила отход, оставив неприятелю Станислав, Надворную, Коломыю и другие галицийские города, взятые ранее с боя.

Но для того чтобы приостановить, казалось бы, безудержное отступление и уйти от трагедии, Корнилову пришлось пойти на крайние меры. Он понял, что в данный момент от него требуются твердое слово начальника и жестокие меры приведения людей к воинскому повиновению. Казалось, что этого ожидают не только в Петрограде и Ставке, но и сами

солдаты и офицеры русской армии, уставшие от анархии и митингования.

Уже в первый день своего командования фронтом генерал Корнилов отправил командующим корпусами и армиями приказ:

«Самовольный уход частей я считаю равносильным с изменой и предательством, поэтому категорически требую, чтобы все строевые начальники в таких случаях не колеблясь применяли против изменников огонь пулеметов и артиллерии. Вся ответственность за жертвы принимаю на себя, бездействие и колебание со стороны начальников буду считать неисполнением их служебного долга и буду таковых немедленно отрешать от командования и предавать суду. 8 июля 1917 г.»

В тот же день генерал Корнилов направил Верховному главнокомандующему и военному министру телеграмму, в которой обосновывал крайнюю необходимость применения исключительных мер. При этом он ссылаясь на факт самосуда на Балтийском флоте, совершенный над требовательным в вопросах дисциплины адмиралом Р.Н. Виреном 1 марта 1917 года. Тогда в ходе февральских событий на Балтике, особенно в Кронштадте, революционными матросами были убиты и ранены около 120 флотских офицеров, среди которых кроме Вирена оказались еще адмиралы А.И. Непенин и Ф.М. Бутков. Корнилов подчеркивал:

«...Иначе вся ответственность ляжет на тех, кто словами думают править на тех полях, где царят смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия».

Почему Лавр Георгиевич в той телеграмме упомянул именно фамилию адмирала Роберта Николаевича Вирена, командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта? Он знал его как одного из героев обороны Порт-Артура. Тогда, в 1904 году, командир быстроходного броненосного крейсера 1 ранга «Баян» первым вступил в бой с японским флотом. За личную доблесть был награжден Золотым оружием и орденом Святого Георгия 4-й степени. При обсуждении на военном совете вопроса о сдаче Порт-Артура высказался за продолжение обороны. По принятии решения о сдаче морской крепости лично руководил уничтожением и потоплением русских кораблей, чтобы они не достались врагу.

Генерал Корнилов потребовал немедленного восстановления в армии и на флоте, и прежде всего на фронте, смертной казни, как исключительной меры наказания. Она была отменена указом Временного правительства от 12 марта 1917 года.

Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Корнилов потребовал от командиров всех рангов самых решительных действий по наведению порядка. Он приказал расстреливать дезертиров и грабителей местного населения. Уже первые расстрелы перед строем подействовали отрезвляюще на многие, казалось бы, совсем разложившиеся полки и батальоны.

Журналист-белоэмигрант Г.М. Катков, изучавший в Оксфордском университете русскую революцию и ее причины, в одной из своих работ писал о тех событиях:

«...Лишенные человеческого облика солдаты бесчинствовали в русских деревнях, совершая убийства и другие преступления, что приводило к командованию в полное отчаяние. Поэтому Корнилов, не ожидая приказа, попытался сам прекратить безобразия. Надежные части стали вылавливать дезертиров и вешать их на перекрестках, прикрепляя к трупам дощечки с перечислением преступлений, в качестве жесткого предупреждения каждому, кто последует этому примеру.

Эти казни лежат темным пятном на совести Корнилова. Но документы из архива белой армии (ныне хранятся в Гуверовском институте при Стенфордском университете в Калифорнии. Архив был передан туда генералом бароном Врангелем. — *А.Ш.*) ясно показывают, что Корнилов стремился к соблюдению возможной законности, когда взялся за восстановление порядка в своих деморализованных войсках...»

Через три дня после подписания своего первого «карательного» приказа Корнилов подписывает еще один. В советской исторической литературе он длительное время традиционно искажался с целью «очернения» «белого» генерала. В действительности текст этого корниловского приказа был таков.

«Получив донесение командарма 11-й армии о том, что солдаты вверенной ему армии позволили себе при оставлении города Тарнополя грабить имущество, насиловать женщин и детей, убивать мирных жителей и друг друга, я отдал приказ рас-

стреливать подобных негодяев без суда. Во исполнение этого моего приказа 9-го сего июля назначенными для сего командирами расстреляно 14 подлецов на месте совершения ими преступления.

Объявляя об этом армиям вверенного мне фронта, добавлю, что мною отдан приказ без суда расстреливать тех, которые будут грабить, насиловать и убивать как мирных жителей, так и своих боевых соратников, и всех, кто посмеет не исполнять боевых приказов в те минуты, когда решается вопрос существования Отечества, свободы и революции.

Я не остановлюсь ни перед чем во имя спасения Родины от гибели, причиной которой является подлое поведение предателей, изменников и трусов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах и батареях.

Генерал Корнилов».

Корнилов ищет и находит пути для наведения порядка на фронте. Из юнкеров создаются особые отряды, целые батальоны для борьбы с дезертирством и мародерством. Пустеют учебные классы двух Киевских и Одесского военных училищ, Сергиевского артиллерийского училища в Одессе, пяти школ прапорщиков в Киеве, двух одесских школ прапорщиков, Чугуевского военного училища, Житомирской школы прапорщиков... Юнкера перекрывают железнодорожные узлы, порой схватки с группами дезертиров, ушедших из своих полков с оружием, доходили до перестрелок.

Корнилов требует от Временного правительства, которое он «бомбардирует» телеграммами, немедленного восстановления смертной казни на фронте, отмененной правительственным указом от 12 марта 1917 года. Он требует «учредить военно-полевые суды на театре военных действий». При этом генерал ссылается на один из пунктов «Декларации прав солдата»:

«...В боевой обстановке начальник имеет право под свою личную ответственность применять все меры против не исполняющих его приказаний подчиненных, до вооруженной силы включительно».

Такую личную ответственность и взял на себя главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Корнилов.

Он восстановил стабильность фронта, но уже на новых позициях. Его войска, оставив к 21 июля Галицию и Буковину, вернулись на линию государственной границы России, с которой русская армия в 1914 году начинала войну.

Первая телеграмма Временному правительству о введении жестких мер на фронте осталась без ответа. В Петрограде после ее прочтения «временные» министры пребывали в полной растерянности. Не получив ответа от правительства, Корнилов приказал в случае самовольного ухода войск с позиций не колеблясь применять «огонь пулеметов и артиллерии».

После долгих колебаний и совещаний военный министр-социалист Керенский одобрил все предпринимаемые генералом Корниловым меры по наведению порядка на фронте. Но одобрение жестких мер последовало только 9 июля.

Многие корниловские телеграммы, посылавшиеся из фронтового штаба в городе Бердичеве, широко публиковались на страницах российской прессы, прежде всего в издававшихся в столице газетах. Так, газета «Русское слово» в номере от 12 июля 1917 года напечатала такую нашумевшую телеграмму за подписью Лавра Георгиевича:

«...Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит.

На полях, которые нельзя даже назвать полями сражений, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования...

...Меры кротости правительственной, расшатывая необходимую в армии дисциплину, стихийно вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдержанных масс, и стихия эта проявляется в буйствах, насилиях, грабежах, убийствах...

Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей и трусов.

Генерал Корнилов».

В корниловских посланиях Временному правительству звучали не только призывы к ужесточению воинского порядка и

применения в исключительных случаях крайних мер. Он писал и о другом, что считал особенно важным:

«Я заявляю, что Отечество гибнет, а потому, хотя и не спрощенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах для сохранения и спасения армии и для ее реорганизации на началах строгой дисциплины, дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право видеть лучшие дни.

Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещеваний и пожеланий прошло, что необходима государственно-революционная власть.

Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мной мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению защиты Родины и Свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия командующего».

Как же Временное правительство относилось к требованиям Корнилова, стоявшего во главе Ставки? Ответ на это дает Керенский:

«Борьба правительства с Корниловым выразилась, так сказать, в пассивной обороне и выразалась в том, что ему и его сторонникам не удалось сделать ни шагу дальше тех пределов, которые ставились Временным правительством. И все попытки провести в жизнь свои требования, пользуясь Временным правительством, как средством, кончались полной неудачей. Временное правительство исполняло волю всего народа, как она выражалась в соглашении тех политических организаций, которые посылали своих представителей в состав Временного правительства и заставить его уклониться от этой общенародной программы, и действовать в интересах только части народа можно было, только сбросив его, что не удалось 27 августа и случилось 25 октября...»

В своих требованиях к Временному правительству принять самые жесткие меры к наведению порядка в русской армии Лавр Георгиевич получил поддержку от двух влиятельных лиц в новой России. Одним из них был Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов. Ему, как говорится, «сам Бог велел», пришлось заботиться о

поддержании дисциплины и боеспособности войск с первого же дня своего прибытия в моголевскую Ставку. Потом в своих мемуарах Брусиллов будет «отмазываться» от введения на фронте смертной казни. Он не хотел, чтобы его ставили «рядом» с контрреволюционером Корниловым.

Вторым был лидер российских террористов Борис Савинков.

Савинков с 1903 года руководил «Боевой организацией эсеров». Лично участвовал в ряде громких террористических актов: убийстве министра внутренних дел В.К. Плеве, великого князя Сергея Александровича Романова. В 1911 году ему пришлось бежать из России. В Первую мировую войну он вступил добровольцем во французскую армию. После Февральской революции вернулся в Россию. Сперва был комиссаром Временного правительства при Ставке, затем политическим комиссаром Юго-Западного фронта

Савинков участвовал и в контрреволюционном выступлении Керенского — Краснова. После этого прибыл на Дон, но к активному участию в формировании белой Добровольческой армией Алексеевым и Корниловым допущен не был. Сформировал на Дону четыре террористические дружины. В феврале 1918 года организовал в Москве «Союз защиты родины и свободы» и осуществил ряд вооруженных выступлений против советской власти. В 1921—1923 годах из-за границы руководил шпионской и диверсионной деятельностью против СССР. После ареста в ходе блестяще проведенной чекистами операции «Трест» в августе 1924 года был приговорен к расстрелу, замененному лишением свободы на 10 лет. В мае следующего года в тюрьме покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна.

...Более того, энергичный генерал-фронтовик Корнилов произвел на экс-террориста Савинкова, ставшего главным политическим комиссаром, впечатление сильной личности. Однако единомышленниками в полном смысле этого слова они не стали.

Примером крайнего «нравственного» состояния отступавших войск и действиях нового главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта по наведению жесткими мерами воинского порядка свидетельствует следующий случай. Он был для лета 1917 года особо показательным, если не считать чрез-

вычайного происшествия в 6-й Гренадерской дивизии генерал-майора Р.И. Дубинина. 4 июля толпой взбунтовавшихся солдат был убит командир 22-го гренадерского Суворовского полка подполковник Рыков, уговаривавший своих подчиненных идти на позицию, в окопы.

В тылу взбунтовалась отведенная в армейский резерв 46-я пехотная дивизия (до войны она дислоцировалась и пополнялась в городах Ярославль, Рыбинск, Кострома и Шуя), в особенности ее 181-й Остроленкский полк, история которого начиналась с петровских времен, с 1720 года. В воспоминаниях очевидца те события описываются так:

«Ближайшие... дни прошли спокойно, в обычных работах по устройству позиции. Немцы вели себя тихо и никаких поползновений к дальнейшим активным действиям не проявляли. Большой неожиданностью для всех нас было известие об открытии нового фронта в нашем тылу. Известие это привезли из обоза второго разряда.

Оказалось, что отказавшаяся исполнять приказание (46-я пехотная) дивизия, расположенная в трех деревнях, ни на какие уговоры и увещевания не поддавалась. Остроленкский полк, из которого офицерам удалось уйти, избрал новый командный состав и выставил самые разнообразные требования, вплоть до заключения мира.

Начальство решило принять все зависящие меры для их укрощения и перестало поставлять им провиант. После уничтожения всех запасов они начали грабить население и организовали целые отряды, которые захватывали проходящие мимо обозы чужих частей. Таким образом, всем повозкам, подвозящим что-либо частям, находящимся на позициях, приходилось издали объезжать район, занятый мятежниками. Вскоре, однако, и эта мера оказалась недействительной...

Неизвестно, как долго бы еще нянчился с бунтовщиками Керенский, но, на счастье, в это время главнокомандующим был назначен Корнилов, который сразу же отдал приказ о введении смертной казни в прифронтовой полосе. Блеснул луч надежды на то, что еще не все пропало. Вслед за этим приказом был получен еще один — о необходимости вести занятия с солдатами на тех участках, где это позволяет боевая обстановка».

Из Остроленкского полка офицеры ушли так. Захватив полковое знамя, 60 офицеров и 12 унтер-офицеров ушли в окопы и заняли на передовой позицию, которую должны были держать полторы тысячи штыков пехотной части. Митинговавшая пехотная часть в это время принимала резолюцию с отказом занять отведенный ей участок фронта. В трех других полках 46-й дивизии офицеры были задержаны по решению солдатских комитетов.

В тот день пехотный Остроленкский полк находился не в полном составе. Ранее несколько его рот находились на позиции во временном подчинении командира 8-й Финляндской стрелковой дивизии генерал-майора Бредова. В бунте эта часть полка не участвовала.

Корнилов после получения первого же сообщения о том, что взбунтовалась целая пехотная дивизия, сразу же принял экстренные меры к локализации ее от других войск. Место тылового расквартирования четырех пехотных полков: 181-го Остроленкского, 182-го Гроховского, 183-го Пултусского и 184-го Варшавского было охвачено кольцом кавалерийских дозоров силой почти в конную дивизию. Это были 29-й и 33-й Донские казачьи полки и 15-й Сандомирский пограничный конный полк, которые отличались образцовой дисциплиной.

Одновременно генерал Корнилов приказал на крайний случай сформировать сводную артиллерийскую батарею. Собственно говоря, она и решила главную — огневую задачу подавления солдатского бунта (или восстания) в 181-м пехотном Остроленкском полку. Всего батарея из шести полевых орудий выпустила 84 артиллерийских снаряда. Среди солдат этого полка было убито 48 человек, а 106 получили осколочные ранения.

Газета «Киевская мысль» в номере от 5 августа 1917 года так описала действия этой сводной артиллерийской батареи в карательной экспедиции против 46-й пехотной дивизии:

«В 10 часов утра по роще была открыта стрельба очередями (залпами. — *А.Ш.*) на высоких разрывах. Стрельба велась следующим образом: после первой очереди пауза в 20 минут, потом сразу две очереди и опять пауза в 20 минут, затем с небольшими перерывами еще девять очередей. По сведениям, поступившим позднее, ...-цы после первой очереди пытались

собрать митинг, но следующая очередь его разогнала. После третьей попытки они хотели скрыться в большой лес, расположенный южнее деревни Мильно, но были немедленно остановлены заградительным пулеметным огнем со стороны пулеметчиков ...-ского полка...

После двадцатой шрапнели ...-цы сдались. Всех арестованных собрали в одно место и около 2 часов дня послали ультиматум в ...-ский и ...-ский полки с требованием построиться без оружия. Требование было немедленно исполнено...»

Участник той карательной экспедиции штабс-капитан Э. Гиацинтов, командовавший сводной артиллерийской батареей, описывает картину подавления бунта 181-го пехотного Остроленковского полка несколько иначе:

«Командир отряда просил меня действовать решительно, не стрелять на высоких разрывах, так как такое запугивание совершенно не ведет к цели. План подавления мятежа был таков: конница к рассвету должна закончить окружение тесным кольцом Остроленковского полка, расположенного в небольшой роще. Батарея с рассветом открывает огонь по роще и ведет его до тех пор, пока мятежники не выйдут оттуда без оружия. Остроленковский полк был избран как наиболее отличившийся за эти дни бесчинствами...

Перед рассветом я в сопровождении молодого казачьего офицера выехал на рекогносцировку позиции. Мы подъехали почти вплотную к самой роще, не встретив никакого охранения. Это ясно показывало на то, что солдаты в полной мере наслаждались плодами достигнутой свободы, а кроме того, совершенно не боялись возможного наказания и не верили в решительные действия правительства, которыми им угрожали столько раз...

Выбрав открытую позицию приблизительно в версте от рощи, я послал донесение командиру отряда и приказание старшему офицеру на рысях вести батарею. Светало. В роще не было заметно никакого шевеления. На лугу перед рощей мирно паслись спутанные лошади мятежного полка. Когда подошла батарея, было совсем светло. Указав каждому орудию точку наводки, я приготовился к открытию огня. Минут через десять к позиции подъехал полковник Топилин в сопровождении сотни казаков и эскадрона кавалерии. Я доло-

жил ему, что все готово. Мятежники нас еще не заметили и продолжали спать мирным сном. Было 5 часов 20 минут, когда полковник Топилин приказал мне открыть огонь.

Подавая команды, я наблюдал за солдатами. Они работали, как на учении, только лица у всех крайне напряженные. Я командовал правому орудию — огонь... Разрывы пришились по палаткам. В один миг вся роща ожила. Суматоха поднялась невероятная: кто хватался за винтовку, кто просто под влиянием панического ужаса метался от одного дерева к другому без всякого толку... Из рощи начали доноситься ружейные выстрелы. В одном месте затарахтел пулемет. Над нами засвистели пули...

Минут через пять после открытия огня полковник Топилин приказал мне прекратить огонь... Бунтовщики стали собираться в кучки... Вскоре ясно обозначились две толпы, над которыми на каких-то возвышениях появились ораторы. Как видно, начались митинги... Десять минут, данных на размышление, истекли. Шесть орудийных выстрелов слились в один, и район митингов окутался дымом и пылью... Только после седьмой очереди перед рощей появились первые выбежавшие без оружия. Я моментально скомандовал батарею — «стой».

Через минуту все поле было усеяно бегущими без оружия бунтовщиками. Со всех сторон на них галопом шла кавалерия и стала собирать их и строить в колонну. Из ближайшей деревни по направлению к роще на рысях выехал санитарный обоз... Полковник Топилин послал в деревни, в которых расположились другие полки... дивизии, приказание всем полкам немедленно выстроиться на околице деревни без оружия. В случае неисполнения этого приказа они предупреждались, что с ними будет поступлено так же, как с Остроленским полком...

Солдаты Остроленского полка стояли, построенные в две шеренги. Командир отряда скомандовал «смирно».... Вид у мятежников был очень испуганный и жалкий... Выехав перед серединой фронта, полковник Топилин приказал в течение трех минут выдать зачинщиков. Фронт зашевелился, послышались выкрики, и через минуту перед фронтом стояло уже человек пятнадцать, вытолкнутых руками своих товарищей. Их сейчас же окружил взвод казаков и отвел в сторону. Среди за-

тинщиков не оказалось выбранного командира полка, так как он был убит одним из первых выстрелов».

События карательной акции в сводке о настроениях в армиях Юго-Западного фронта, которая была направлена из корниловского штаба в Могилев, в Ставку описывались крайне лаконично:

«В 46-й дивизии полки отказались выполнять боевые приказания, а затем Гроховский и Пултуский полки повиновались и выдали главных зачинщиков, к другим двум полкам было применено вооруженное воздействие. После обстрела части сдались, главные виновники выделены и преданы военно-полевому суду».

Началось следствие по чрезвычайному для русской армии делу. Первоначально в соответствии с распоряжением Временного правительства был учрежден Военно-революционный суд 46-й пехотной дивизии под председательством штабс-капитана Попова. Число арестованных только в Остроленкском полку доходило до 700 человек, к суду, однако, привлечено было 69 человек.

29 июля из 24 подсудимых 184-го Варшавского полка трое были приговорены к смертной казни, 8 — к бессрочной каторге, 13 — к 15-ти, а 1 — к 20-ти годам каторжных работ. А тремя днями ранее был расстрелян «за преступную деятельность» рядовой того же полка П.П. Удальцов.

Вскоре тем не менее выяснилось, что совершенные преступления не подлежат компетенции Военно-революционных судов, так как приказ об их создании был получен начальником 46-й дивизии генерал-майором В.Н. Шокоровым лишь 17 июля утром. Поэтому дела были переданы в Соединенный суд корпусов Особой армии для рассмотрения в ускоренном порядке.

Осужденные ранее к смертной казни военнослужащие 184-го пехотного Варшавского полка — П. Емельянов, П. Кошаченков и М. Кук по ходатайству комиссара Верховного главнокомандующего М.М. Филоненко были помилованы.

Судьба начальника карательного отряда по подавлению бунта в 46-й пехотной дивизии полковника В.И. Топилина — командира 29-го Донского казачьего полка была такова. С началом Гражданской войны он, естественно, оказался в белом

стане. В середине октября 1920 года в результате рейда 5-й кавалерийской дивизии красных по тылам врангелевской русской армии генерал-майор Топилин был захвачен в плен на станции Большой Токмак, а затем «зарублен на дороге» при возвращении красной конницы.

Штабс-капитан Гиацинтов, командовавший артиллерийским расстрелом мятежного 181-го пехотного Остроленкского полка, тоже станет белогвардейским офицером. Он, между прочим, даже служа в команде бронепоезда «Корнилов», до своих последних дней продолжал называть Лавра Георгиевича Корнилова не иначе, как только «красный генерал». За то, что тот изменил присяге на верность «Богу, царю и Отечеству», встал на сторону Временного правительства и руководил арестом в Царском Селе императрицы Александры Федоровны...

Многие исследователи Первой мировой войны и биографы Л.Г. Корнилова отказывают ему в несомненных полководческих дарованиях. При этом обычно ссылаются на мемуары А.А. Брусилова, написанные уже в советское время. Думается, что такая оценка личности будущего военного вождя Белого движения далека от истины и объективности. Причин тому видится четыре:

Во-первых, генерал Л.Г. Корнилов принял под свое командование армии Юго-Западного фронта тогда, когда они оказались в водовороте неорганизованного отхода, который на деле являлся отступлением немалой части войск огромного фронта.

Во-вторых, новый главнокомандующий сразу же увидел выход из создавшей критической ситуации и стремительно надвигавшейся катастрофы. Проявив волю и высокие организаторские способности, пойдя на крайние меры, он сохранил прежде всего 11-ю армию как боевую единицу. И, энергичными мерами наведя порядок в тылу, остановил отступление фронта.

В-третьих, определенный Корниловым конечный рубеж отхода армий фронта стал в последующем рубежом стабилизации общего положения на Русском фронте Первой мировой войны.

И, наконец, в-четвертых, после неудачной атаки германской Южной армии генерал-полковника графа Феликса фон Ботмера, главнокомандующий Юго-Восточным фронтом от-

дал приказ своим армиям о подготовке контрнаступления. То есть Корнилов был сторонником активного ведения войны и не уповал на оборонительную стратегию.

Кайзеровскую Германию в конце лета 1917 года можно было поздравить действительно с большой победой на Восточном фронте. Пользуясь пассивностью союзных войск на Западном (или французском) фронте, германское командование перебросило с запада на восток 13 немецких и 3 австро-венгерские дивизии, то есть почти удвоило свои силы на участке намеченного удара. События в позиционной полосе русского Юго-Западного фронта развивались следующим образом.

Германцы и австрийцы, перейдя в контрнаступление, главный удар нанесли вдоль железной дороги Львов — Тарнополь. Русские войска, почти не оказывая сопротивления, массами снимались с позиций и уходили в тыл. Искусственно созданный наступательный порыв русских солдат сменился сознанием бессмысленности наступления. Отход войск Юго-Западного фронта прекратился на рубеже Броды — Збараж — река Збруч, то есть значительно севернее той линии, которую фронт занимал до начала июньского наступления.

Среди отступающих были соединения, которые не потеряли боеспособности. В их числе оказался Сводный конный корпус генерала барона П.Н. Врангеля, состоявший из 7-й кавалерийской и 3-й Кавказской казачьей дивизий. Корпус удачно вел арьергардные бои на стыке 7-й и 8-й армий. Когда конные полки отошли за реку Збруч у города Каменец-Подольска, в корпусной штаб из штаба фронта на имя генерала Врангеля пришла телеграмма:

«Прошу принять лично и передать всем офицерам, казакам и солдатам Сводного конного корпуса, особенно же Кинбурнским драгунам и донцам, мою сердечную благодарность за лихие действия корпуса 12 июля, обеспечившие спокойный отход частей на стыке армий.

Корнилов».

Удары русских войск на других фронтах — 5-й армии на Северном фронте и 10-й на Западном — успеха не имели. Наступление российских и союзных румынских войск на ру-

мынском фронте, начавшееся 20 июля, развивалось достаточно успешно. Но из-за неудач на других фронтах, особенно в Галиции и Буковине, наступление на южном фланге Восточного фронта было приостановлено через пять дней после его начала.

Потери русской армии с 1 июля по 3 августа только на Юго-Западном фронте составили 132,5 тысячи человек. Общая численность потерь на всех фронтах составила 150 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести (в подавляющем большинстве попавшими в плен).

Однако июньское наступление армий России явилось серьезным испытанием для кайзеровской Германии. Германский генерал пехоты Эрих Людендорф в своих мемуарах «Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.» с известным откровением так оценивал ситуацию лета 1917 года на Восточном фронте:

«Когда теперь я мысленно прикраиваю русские июльские успехи на апрель или май (время наступления англо-французских войск на западе. — *А.Ш.*), то я с трудом себе представляю, как бы Верховное командование вышло из создавшегося положения...»

Людендорф, в 1923 году возглавивший вместе с Адольфом Гитлером «Пивной путч», а затем ставший депутатом рейхстага от Тевтонской национал-социалистической партии свободы, в своих мемуарах «грешил» откровениями, которые никак не могли понравиться ни в Париже, ни в Лондоне. Он четко указывал на одну из главных причин рокового провала вооруженных сил новой России: летнее наступление русской армии не получило развития из-за отсутствия поддержки со стороны союзников по Антанте.

Сказывалось также слабое взаимодействие между русскими фронтами и плохое управление войсками вообще, а также недостаток материально-технических средств и людских резервов. Но главной причиной провала наступления явилось нежелание солдат продолжать войну. Армия России при Временном правительстве была полностью деморализована.

А русские штабисты в те дни мечтали... о германском контрнаступлении: может быть, тогда войска вспомнят, что существует Отечество, которое нужно защищать. Действитель-

но, такой контрудар под Тарнополем немцы нанесли. Что за этим последовало, было сказано выше.

Как же отечественные историки, не обремененные «социальным заказом», оценивали действия Лавра Георгиевича Корнилова на посту главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Пожалуй, лучше других об этом сказал эмигрант А.А. Керсновский в своей «Истории Русской армии». Это был человек, оставивший Отечество в раннем возрасте, не прошедший военной школы, но сохранивший в себе до последних дней любовь к России и осознавший величайший, основной закон войны: военное искусство всегда национально. Будучи «пламенным» монархистом, он искал причины гибели Российской державы и развала русской армии, будучи не способным творить историю в «партийных шорах». О генерале Корнилове и его месте в летописи фронтового 1917 года Керсновский писал следующее:

«Отражением германского нашествия на Збруче закончилась пятая Галицийская битва. Мимолетные лавры Зборова и Галича сменились позором Тарнополя — позором, которого русская армия никогда еще не испытывала и никогда более не испытает.

Но позор этот пал не на толпы обезумелого человеческого стада, а на тех, кто превратил геройские полки России в эти толпы... Шайка интернационалистов из заплombированного вагона делала то, для чего она была нанята германским правительством и германским командованием. Преступление совершили не одни эти маньяки и проходимцы, а и те вожаки «российской демократии», которые поставили эту шайку в наилучшие для нее условия и дали ей возможность беспрепятственно впрыскивать яд в тело и душу России и русского народа....

Июльское наступление сбитый с толку крикливой рекламной обыватель назвал «наступлением Керенского». В действительности, если на фронте в те дни и находился человек, совершенно непричастный к Зборовской и Галичской победам, то это был, конечно, злополучный «главноуговаривающий». Хуже всего было то, что, побывав неделю в войсковых штабах, научившись распознавать чины на погонах и услышав в первый раз в жизни пушечный гром, военный министр Вре-

менного правительства «открыл в себе военный гений», о существовании которого он раньше не подозревал.

Честь победы и заслуга предотвращения окончательного крушения принадлежат по праву тому, кто в дни Галича и Калуша командовал 8-й армией, а в дни Тарнополя возглавил агонизирующий фронт и вернул его к жизни на скалистых берегах Збруча. В неслыханно трудной обстановке держал здесь Корнилов экзамен на полководца и выдержал его. В условиях менее трагичных Гинденбург предпочел подать в отставку...

Окружение Керенского стремилось всячески умалить заслугу Корнилова, усиленно выдвигая «революционного генерала» Черемисова. В своей книге комиссар Северного фронта Станкевич, личный друг Керенского, пишет, например, что «судьба не дала Корнилову возможности доказать свои стратегические таланты» и что «лавры взятия Галича оспаривал у него Черемисов».

Мы знаем, что штаб фронта требовал от 8-й армии только наступления на Рогатин. Если она ударила на Галич, то это произошло исключительно по личной инициативе Корнилова. Черемисов командовал 12-м армейским корпусом, а Галич брал 23-й. Но если бы даже Галич был взят корпусом Черемисова, то этот последний, действуя по указанию своего командующего армией, никак не мог бы «оспаривать лавры» у Корнилова. Если допустить подобную невоенную постановку вопроса, то тогда, в свою очередь, «лавры» у Черемисова мог бы оспаривать ротный командир, первым вступивший в Галич.

Всего за всю наступательную операцию Юго-Западного фронта с 18-го по 30 июля нами было взято в плен 834 офицера, 35 809 нижних чинов, 121 орудие и 99 минометов и бомбометов, 3 огнемета и 403 пулемета. Неприятель потерял не менее 45 000 убитыми и ранеными.

При отступлении из Галиции мы лишились около 20 000 убитыми и ранеными, а пленными 655 офицеров, 41 000 нижних чинов, 257 орудий, 191 миномета и бомбомета и 546 пулеметов...»

Отечественные да и зарубежные военные историки по сей день спорят, был ли в 1917 году генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов полководцем? Или не был им, остано-

вившись на полпути к титулу полководца? Но никто ни тогда, ни сегодня не может отрицать того, что этот русский генерал был военным профессионалом самого высокого класса. Да еще к тому же отличавшийся редкой личной храбростью на поле брани.

Есть ли тому веские доказательства? Безусловно, есть. Да еще какие! «Народный герой» в годы Великой, Отечественной для россиян войны Л.Г. Корнилов имел девять боевых наград. Среди них ордена Святого Георгия 3-й и 4-й степени, Святого Владимира 1-й и 2-й степени и Святого Александра Невского. В годы Первой мировой войны лишь немногие из русского генералитета имели такой впечатляющий «орденский бант».

Часть III

ПУТЬ В ДИКТАТОРЫ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ РОССИИ

Глава 9

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РОССИИ.

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ — КЕРЕНСКИЙ И САВИНКОВ

Генеральская карьера Лавра Георгиевича Корнилова была ошеломляюще быстрой, если не исключительной для русской армии времени Первой мировой войны. Два Верховных главнокомандующих России (великий князь Николай Николаевич-младший в счет не шел, поскольку был родом из Романо-

вых) — генерал от инфантерии М.В. Алексеев и генерал от кавалерии А.А. Брусиллов — поднимались до своих высот в полководческих биографиях заметно медленнее. Для Корнилова в его послужном списке «звездным часом» стал революционный 1917 год.

В конце лета того года состояние дел на Русском фронте стало лишь зеркальным отражением всего того, что творилось в тылу, в самой России, в столичном Петрограде. Либерально-демократическое правительство во главе с министром-председателем А.Ф. Керенским (бывшим трудовиком, называвшим себя теперь социалистом-революционером, т.е. эсером) зашло в тупик, тщетно ища и не находя выхода из него. Многие министры из «временных» все явственнее осознавали, что «держат руль мертвыми руками».

Правящие круги и армейское офицерство понимали необходимость поиска сильной личности, способной навести должный порядок, стабилизировать фронт, спасти русскую армию от развала.

Именно поэтому Керенский решил сменить Верховного главнокомандующего, действительно ключевую фигуру в русской армии. На эту мысль его, скорее всего, навели правительственные политические комиссары на фронте Б.В. Савинков и М.М. Филоненко. Они в один голос утверждали.

«Генерал Корнилов заслужил доверие российского офицерства, особенно фронтового, и честно защищает завоевания революции. Он стремится также к примирению офицерского корпуса с Временным правительством. Его правильно направленная энергия и организаторский талант должны послужить республиканской России не завтра, а сегодня.

Завтра, господин министр-председатель, может быть реально поздно...»

Генерал от кавалерии Брусиллов уже не устраивал Керенского и его кабинет «временных» министров на посту главы Ставки. Он не смог ни стабилизировать фронт, ни ответить на настойчивые требования союзников по Антанте победными наступательными операциями. Да и к тому же его репутация в офицерском корпусе русской армии сильно пострадала из-за почтительного отношения к солдатским комитетам.

Решение о назначении Лавра Георгиевича Корнилова Верховным главнокомандующим России Временное правительство приняло в 2.00 19 июля. О том была послана телеграмма в Могилев на имя А.А. Брусилова с копией Корнилову:

«Временное правительство постановило назначить вас в распоряжение Временного правительства. Вам надлежит, не ожидая прибытия генерала Корнилова, сдать временное командование наштаверху. О времени выезда прошу телеграфировать. № 5808.

Министр-председатель,
военный и морской министр
Керенский».

Для той действительно кризисной ситуации именно кандидатура генерала Корнилова больше всего подходила для роли Верховного главнокомандующего России. Пусть даже на какое-то короткое время. В своих воспоминаниях Б.С. Станкевич писал о нем:

«Смелый в бою, честный в долге, правдивый в жизни и еще десяток подобных эпитетов: так говорили и так воспринимали его все. Все эти качества в их гармоничном сочетании, соединенные с серьезностью и даже некоторой торжественностью его духовного склада, придавали ему обаяние и непревзойденный личный авторитет, привлекали всеобщее внимание и доверие».

С предложением занять высший пост в русской армии генерал Корнилов согласился не сразу. Его тревожило то, что Временное правительство то ли с каким-то тайным умыслом, то ли просто по государственному недомыслию лишило главу могилевской Ставки части его полномочий. Поэтому Корнилов решил проверить, действительно ли Керенский и его кабинет министров решили восстановить круг полномочий главнокомандующего.

Из фронтового штаба в Бердичеве в Петроград идет телеграмма за подписью Корнилова довольно необычного содержания. В ней он излагает правительству свои условия, на которых он готов занять пост Верховного главнокомандующего:

«1. Ответственность перед собственной совестью и всем народом.

2. Полное невмешательство в мои оперативные распоряжения и потому в назначения высшего командного состава.

3. Распространение принятых за последнее время на фронте мер и на те местности тыла, где расположены пополнения для армии...»

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что новый Верховный главнокомандующий России хочет отвечать за свои действия не перед правительством, которое его назначает главой Ставки, а «...перед собственной совестью и всем народом».

Как писал в своих воспоминаниях А.И. Деникин, между строками корниловской телеграммы легко читался один немаловажный вопрос. Из фронтового штаба спрашивали. кто фактически глава воюющего государства — Верховный главнокомандующий в Ставке, которая ему подчинялась, или Временное правительство в столице, которая «временным» уже давно не подчинялась?

Министр-председатель Керенский, в недавнем прошлом блестящий адвокат, послал в Бердичев для переговоров другого не менее известного и умелого адвоката — политического комиссара поручика броневых автомобильных сил Филоненко. И тот нашел выход из конституционного затруднения, сняв в личной беседе с главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта «все проблемы».

Филоненко говорил с генералом Корниловым, которого он хорошо знал, предельно откровенно. Время торопило и того, и другого, поэтому обоим было не до «военных хитростей и дипломатических уловок».

«Я заявил генералу Корнилову, что его требование об ответственности перед народом и совестью может вызвать самые серьезные опасения, но что, насколько мне его точка зрения известна, я полагаю, он разумеет под ответственностью перед народом ответственность перед его единственным полномочным органом — Временным правительством. Генерал Корнилов подтвердил понимание им своей ответственности именно в этом смысле».

По второму пункту корниловской телеграммы тоже была достигнута взаимная договоренность. Глава Ставки получал право назначения высших военачальников, а Временное правительство оставляло за собой «право контроля этих назначений».

Что же касается третьего пункта требований Корнилова, перенести законы военного времени с фронта на его тылы, то есть на резервные войска, то Филоненко сказал, что такое предложение генерала в Петербурге встречено с пониманием и даже сочувственно. Но правительство намерено вместе со Ставкой выработать «законность» таких хирургических мер оздоровления ближнего и дальнего фронтового тыла.

В заключение правительственный политический комиссар сказал Корнилову, что его новое назначение сейчас крайне желательны. И объяснил почему: сегодня на генерала-фронтовика многие в России смотрят как на народного вождя. И кому, как не ему, стать еще и военным вождем россиян.

Назначение Корнилова Верховным главнокомандующим состоялось 19 июля 1917 года. Это был уже пятый глава Ставки за три года войны. До него в Могилеве торжественно встречали и менее торжественно провожали генерала от инфантерии великого князя Николая Николаевича-младшего, полковника императора Николая II Романова, генерала от инфантерии Алексеева и генерала от кавалерии Брусилова.

3 августа Верховный главнокомандующий Л.Г. Корнилов встретился в Зимнем дворце с Керенским. Новый глава российского правительства разместил во дворце свой штаб, продемонстрировав при этом личную нескромность и отсутствие «революционного такта». Александр Федорович принял гостя весьма благосклонно, стараясь придать разговору доверительный характер.

Керенский среди первых вопросов задал Корнилову и такой, из разряда «щекотливых»: не считает ли генерал, что его, Керенского, время уже миновало, что его влияние на массы ослабевает и что ему лучше было бы уйти с политической арены?

В своей хорошо известной солдатской манере Корнилов ответил министру-председателю прямо. Верно, популярность Керенского в последнее время несколько пострадала, но она тем

не менее еще достаточна, чтобы он мог с пользой продолжать служить Отечеству.

Генерал передал министру-председателю доклад, в котором излагал первостепенные законодательные меры, выполнение которых он считал незамедлительным. Керенский пробежал доклад мельком. На этом встреча в Зимнем дворце закончилась.

Затем Корнилов имел встречу с новым заместителем военного министра Борисом Савинковым. Генерал попросил его и комиссара М.М.Филоненко подработать привезенный им в столицу доклад, на что получил согласие.

Личная встреча с Керенским оставила у Корнилова двойное чувство. Он понял одно: в Петрограде он не встретил полного взаимопонимания. Проведя в столице всего один день, генерал возвратился в прифронтовой Могилев.

Требования Корнилова, изложенные в его телеграмме на имя Временного правительства, не стали секретом ни для правой, ни для левой прессы. Об этом позаботился министр-председатель. Репортеры газет самых разных политических тонов и оттенков в единый день превратились в потревоженный пчелиный улей. И было о чем шуметь на газетных страницах:

Во-первых, генерал требовал от Временного правительства признания вины за унижение, оскорбление, сознательное лишение прав и умаление значимости офицерского состава.

Во-вторых, он требовал передачи в свои руки военного законодательства (!?).

И в-третьих, настаивал на «...изгнании из армии всякой политики, уничтожении права митингов...», отмене «Декларации прав солдата», роспуске войсковых комитетов, начиная с ротных и батареинных, удалении из действующей армии правительственных комиссаров.

Органы печати левых партий — социал-демократов (большевиков и меньшевиков), социалистов-революционеров (эсеров) и других политических течений радикального толка — развернули против генерала Корнилова шумную кампанию. В первополосных газетных материалах впервые замелькали слова: «диктатор», «военная диктатура» и тому подобные эпитеты.

Левая пресса, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, ораторы в Государственной думе стали обвинять только что назначенного Верховного главнокомандующего в диктаторских замашках. Еще бы, ведь он стремился уничтожить «демократию» в русской армии. Синонимом генерала Корнилова стало слово «бонапартизм».

В Могилев с берегов Невы Лавр Георгиевич держал путь через первопрестольную Москву. 13 августа генерала шумно встречали на Александровском (ныне Белорусском. — А.Ш.) вокзале. Приезд Верховного главнокомандующего был обставлен для военного времени торжественно. На перроне выстроился с развернутым знаменем почетный караул от Александровского военного училища. На левом его фланге встала команда девушек-юнкеров. Далее расположились депутации Союза офицеров армии и флота, Союза Георгиевских кавалеров, Союза казачьих войск, Союза воинов, бежавших из плена, 6-й Московской школы прапорщиков, женского ударного батальона смерти.

Сам министр-председатель мог бы позавидовать такому числу встречающих. Среди них были атаман Донского казачьего войска генерал от кавалерии Каледин, московский городской голова Руднев, военачальники Московского военного округа, депутаты Государственной думы, правительственный комиссар в Москве Кишкин, видные промышленники и деятели банковского бизнеса.

Всех (или, вне всякого сомнения, большую часть) встречающих Лавра Георгиевича Корнилова на московском Александровском вокзале объединяло одно. Они не были равнодушны к будущему России.

В Москве в те дни проходило Государственное совещание. На нем дали выступить «первому солдату революции» генералу Корнилову. С трибуны совещания он раскрыл собравшимся содержание своих требований, изложенных им в личном докладе министру-председателю Керенскому. Свою речь Лавр Георгиевич закончил словами:

«Я верю в гений русского народа, я верю в разум русского народа и верю в спасение страны. Я верю в светлое будущее нашей Родины и верю в то, что боеспособность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены.

Но я заявляю, что времени терять нельзя, что нельзя терять ни одной минуты. Нужны решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер».

Министр иностранных дел Временного правительства кадет Павел Николаевич Милюков так описывал появление Корнилова в переполненном зале Государственного совещания:

«Низенькая, приземистая, но крепкая фигура человека с калмыцкой физиономией, с острым, пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появился на эстраде. Почти весь зал встал, бурными аплодисментами приветствуя Верховного. Не поднялась только относительно немногочисленная левая сторона. С первых скамей туда яростно кричали: «Хамы! Встаньте». Оттуда несло презрительное: «Холопы!» Председательствующему с трудом удалось восстановить тишину в зале».

Милюков будет оказывать всяческую поддержку Корнилову. Выпускник историко-филологического университета, он был оставлен для работы на кафедре русской истории. За «крамольные мысли» был уволен и сослан в Рязань, где участвовал в археологических раскопках. Потом читал лекции в Болгарии, США и Англии. Вернувшись в Россию, стал редактором газеты «Голос».

С 1907 года Милюков — председатель Центрального Комитета партии «Народная свобода» (конституционно-демократической), депутат Государственной думы двух созывов. «Временным» министром иностранных дел был всего неполных три месяца. С 1918 года — член Донского гражданского совета. С 1920 года в эмиграции во Франции. В 1943 году 84-летний Милюков был убит гестапо за отказ сотрудничать с фашистами против Отечества.

...Государственное совещание, проходившее в Москве, отличалось широким представительством и огромным числом участников. Позднее, в советское время, его назовут контрреволюционным. Состав совещания был таков: 488 делегатов представляли Государственную думу всех четырех созывов, 129 — Советы и различные общественные организации, 120 — городские думы, 118 — земства, 150 — торгово-промышленные и финансовые круги, 99 — «научные организации», то есть российскую интеллигенцию, 177 — действующую армию и флот,

тыловые гарнизоны, 24 — духовенство, 58 — различные национальные организации, 100 — крестьянство, 313 — кооперативное движение (кооперация в старой России имела широкое распространение. — А.Ш.), 176 — профсоюзы и так далее. Всего в работе Государственного совещания участвовало 1925 делегатов.

На московском Государственном совещании резко критиковал Временное правительство и Советы, политика которых вела к разрушению русской армии, не только Корнилов. В унисон корниловской речи прозвучало выступление войскового атамана Донского казачьего войска генерала от кавалерии Алексея Максимовича Каледина, который потребовал чтобы:

1. Армия должна быть вне политики, митинги, собрания с их партийной борьбой и распрями должны быть полностью запрещены.

2. Все Советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу.

3. Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.

4. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самими решительными мерами.

5. Тыл и фронт — единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу.

6. Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены, вождям армии должна быть предоставлена полная власть.

В Могилеве вернувшегося из Москвы Верховного главнокомандующего ожидали безрадостные известия последних дней. На участке Северного фронта германские войска провели короткое контрнаступление и овладели Ригой и Усть-Двинском. При обороне Риги некоторые части проявили завидные мужество и стойкость (латышские и сибирские стрелки), а некоторые после первых артиллерийских налетов и атак бежали.

Командующий 12-й армией генерал-лейтенант Д.П. Парский вместе с правительственным комиссаром перевозносили в донесениях храбрость своих войск, однако в итоге рижского

контрудара немцев 12-я армия откатилась на Венденскую позицию, потеряв 25 тысяч человек (в том числе 15 тысяч пленными и пропавшими без вести), 273 орудия, 256 пулеметов и 185 бомбометов.

Корнилов потребовал судить командующего 12-й армией и его правительственного комиссара за сдачу Риги, но из этого ничего не вышло. В столице решили не «усложнять нравственную ситуацию» на Северном фронте. В феврале 1918 года Парский вступит в Красную армию, будет руководить обороной Ямбурга и Нарвы от немцев, командовать советским Северным фронтом, состоявшим из двух армий, и, наконец, станет членом Особого совещания при Главкоме РККА. Умрет в Москве от тифа.

Сразу после рижской операции немцев в Ставку стали поступать сведения о подготовке немцами десантной операции. В Либаве и Данциге собирались транспортные суда. Вражеские тральщики приступили к тралению русских минных заграждений в Ирбенском проливе, одновременно немецкие подводные лодки стали выставлять минные поля в северной части Рижского залива. У берегов эстонских островов Даго и Эзель в воздухе появились германские аэропланы, которые вели разведку береговых батарей противника.

В тыловом городе Казани взлетели на воздух пороховой завод (один из крупнейших в России) и огромный военный склад, в котором хранились боеприпасы и оружие, предназначенные для отправки на фронт. Уничтоженными оказались 12 тысяч пулеметов (!) и до одного миллиона артиллерийских снарядов для полевых орудий. Пожар продолжался трое суток. Причиной казанских взрывов потом назовут антивоенный саботаж.

О том, что в тылу не было должного порядка, свидетельствовали еще два подобных случая. В Петрограде, на Малой Охте, пожар, вспыхнувший 11 августа, уничтожил четыре оборонных завода, лишив действующую армию огромных запасов артиллерийских снарядов, разрушив производственные помещения и заводское оборудование. 16 августа в том же Петрограде сгорел огромный завод Вестингауза, изготовлявший для фронта шрапнели и снаряды. Подозревались умышленные поджоги, хотя виновники найдены не были.

Штыками своих же солдат был заколот командир 3-й пехотной дивизии генерал Г.К. Гиршфельд. Убили фронтовика, у которого в результате тяжелого ранения ампутировали обе руки, о чем всем его подчиненным было хорошо известно.

Был убит правительственный политический комиссар 11-й армии Линде, призывавший на митингах «солдат революции» к выполнению боевых приказов. Его убили солдаты одной из частей, отказавшиеся выполнять любые приказы начальства.

На Румынском фронте, самом благополучном из всех пяти, три полка русской пехоты взбунтовались и отказались занять окопы на отведенном для них участке фронта.

Большинство совершаемых подобных преступлений во фронтовых условиях оказывались безнаказанными. Максимальной мерой принуждения взбунтовавшихся воинских частей было их разоружение и распыление личного состава по другим полкам. Но на проведение таких карательных акций «послушных приказу» войск набирали с трудом. Это были или ударные батальоны смерти, или казачьи полки, или юнкерские батальоны военных училищ и школ прапорщиков.

Еще более удручающее впечатление на Лавра Георгиевича произвела сводка сведений о братании на фронте воинов России со своими врагами, прежде всего с германцами. Это было прямым следствием «революционной демократии» и показателем разложения самого духа воюющей русской армии:

«...В районе деревни Антоны (на Свянцанском направлении, участок 137-й дивизии) партия немцев, попытавшаяся вступить с нашими солдатами в разговоры, была разогнана огнем.

10-я армия

На участке Колодено-Стаховцы (к югу от озера Нарочь, район 67-й дивизии, ныне входящей в 3-ю армию) партия немцев дважды выходила из своих окопов с белыми флагами и манила наших солдат к себе руками и шапками; оба раза немцы загонялись в свои окопы нашим ружейным и пулеметным огнем.

На участке у деревни Ушивцы (12 верст к северо-востоку от Сморгони, участок 29-й дивизии 20-го корпуса) немцы об-

менялись с нашими солдатами хлебом и колбасой, а на участке 16-го Мингрельского полка (1-я кавказская гренадерская дивизия 2-го Кавказского корпуса у Сморгони) немцы успели вручить нашим двум солдатам прокламации. Все сходящиеся сейчас же разгонялись нашим артиллерийским огнем.

На участке Шалудьки-Кунава (2-я Кавказская гренадерская дивизия 2-го Кавказского корпуса) наши и немецкие солдаты пытались выйти друг другу навстречу, но огнем нашей легкой батареи и те и другие были разогнаны.

В районе Сутково (участок 2-й Кавказской гренадерской дивизии, к югу от Сморгони) наши солдаты и немцы пытались, выйдя из окопов, сблизиться, но были разогнаны несколькими выстрелами нашей легкой батареи.

В районе Шалудьки-Кунава (участок 2-й Кавказской гренадерской дивизии) нашей батареей несколько раз разгонялись немецкие и наши солдаты, пытавшиеся выходить из окопов

12-я армия

Против острова, что восточнее Вевер, высунулся немец с белым флагом и начал что-то кричать, но после обстрела нашим огнем скрылся.

Западнее Икскюльского предмостного укрепления противник подбросил прокламации с выдержками из речи канцлера, произнесенной..., и пробовал заговорить с нами, но по нему был открыт огонь.

На участке 2-го Сибирского корпуса, близ реки Кеккау, немцы вышли с белыми флагами, а на участке 21-го корпуса в Икскюльском предмостном укреплении подбросили прокламации, в которых приглашали солдатских депутатов войти с ними в непосредственное сношение и пытались заговорить с нашими солдатами, но в обоих случаях были разогнаны нашим огнем

На Приморском участке немцы пытались отдельными людьми вступить в переговоры, но нашими солдатами были приняты меры к прекращению этой попытки огнем. На фронте 21-го корпуса, у Икскюльского предмостного укрепления, немцы пытались вызвать наших солдат на разговоры, но после обстрела их окопов прекратили свои попытки.

Немцы пытались вступить в разговоры с нашими войсками на всем фронте 12-й армии, для чего выходили группами из окопов с белыми флагами, но нашим огнем загонялись обратно в свои окопы.

На фронте 43-го корпуса, на Приморском участке, появилась партия немцев с белым флагом. На фронте 2-го Сибирского корпуса попытки противника войти в сношение с нашими войсками прекращались нашим огнем.

На фронте 43-го корпуса, близ берега моря, к нашим окопам подошли два немца с целью вступить в переговоры, оба немца были захвачены. Во 2-м Сибирском корпусе немцы выходили с белыми флагами, желая вступить в переговоры, но нашим огнем были загнаны обратно в свои окопы.

На участке 21-го корпуса три наших солдата 129-го полка сели в лодку, с тем чтобы поехать в гости к немцам, но после уговоров и угроз своих товарищей вернулись обратно...»

Корнилов отдаст приказание расследовать сущность фронтовой эпидемии под названием «братание». После несложного анализа наиболее ярких случаев с участием выхода на нейтральную полосу большого числа людей были сделаны малоутешительные выводы. Из русских окопов брататься с германцами и австрийцами солдаты выходили чаще всего не по своей личной инициативе. Решения на братание принимались чаще всего низовыми, ротными комитетами, в которых верховодили члены социалистических партий.

Лавра Георгиевича особенно удручали факты, пусть и немногочисленные, когда на братание с неприятелем выходили даже младшие офицеры из ротных. Но это были не кадровые командиры, а офицеры военного времени, ускоренно подготовленные в многочисленных школах прапорщиков.

На немецкой и австрийской стороне картина оказалась в большинстве случаев совершенно иной. Оказалось, что германское командование даже выпустило секретную директиву о том, как надо организовывать братание с русскими окопниками. Такие «миролюбивые» операции во второй половине 1917 года проводились офицерами немецкой разведки, переодетыми в форму нижних чинов и умеющими говорить по-русски. Разрешалось привлекать переодетых армейских офи-

церов. Но допуск к братанию рядовых кайзеровской армии категорически запрещался той же секретной директивой.

В этом документе определялся и сам ход братания с русскими солдатами. Обязательным снаряжением немецких братальщиков были белые флаги, колбаса и водка (шнапс). Первый вопрос, который следовало задавать окопникам противной стороны, был таков: «Иван, скажи мне, твое Временное правительство еще не скинуто народом?»

...Уже в первые недели своего пребывания в Ставке Корнилов понял, что ждать обещанной поддержки от Временного правительства ему не приходится. Борис Савинков, переписавший «безграмотный» корниловский доклад, не смог утвердить его у Керенского, с которым у него неожиданно обострились личные отношения. А министр-председатель все сильнее чувствовал давление над собой Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, за спиной которого зримо маячил ощетинившийся десятками тысяч штыков столичный тыловой гарнизон. Тот гарнизон, который нельзя было никак «вытолкнуть» на фронт, в окопы.

Об этом Верховный откровенно говорил со своим начальником штаба генерал-лейтенантом Александром Сергеевичем Лукомским, в котором сразу увидел своего единомышленника и надежного товарища. Лавр Георгиевич знал его еще генерал-майором, начальником мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба. Именно Лукомский подготовил и провел общую мобилизацию, за что императорским указом был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени на Георгиевской ленте. Затем он был помощником военного министра, с получением второго генеральского звания — начальником 32-й пехотной дивизии на Юго-Западном фронте. На должность начальника штаба Ставки пришел с должности ее генерал-квартирмейстера и заместителя председателя Особого совещания по обороне государства.

В Петрограде Керенский все не решался дать ход корниловской программе оздоровления фронта и его тыла. Наконец, он пригласил Верховного главнокомандующего в столицу, чтобы тот лично изложил свои требования перед Временным правительством. Корнилов выехал в Петроград уже после того, как в Ставку пришла новая телеграмма от мини-

стра-председателя, в которой говорилось, что приезд генерала отменяется и ему следует оставаться на своем посту в Могилеве.

10 августа генерал Корнилов во второй раз прибыл на берега Невы как Верховный главнокомандующий России. Однако теперь его приезд внешне отличался от первого. Поскольку в прессе постоянно «витали» слухи о готовящемся покушении на Корнилова, в Ставке его убедили взять с собой охрану. Это было совсем необычно для той поры хотя бы на примере российского Военного и Морского министерств. Они даже в годы войны никем и ничем не охранялись, пропускной системы в них не имелось. И любой офицер мог войти, скажем, в здание Военного ведомства и совершенно беспрепятственно оказаться в приемной самого военного министра.

Прибыв в столицу, Корнилов прямо с вокзала на поданном автомобиле отправился в Зимний дворец. Он был окружен сотенным конвоем из верных конников-текинцев с двумя пулеметами. Пока генерал вел разговор с министром-председателем, его личный конвой находился при оружии в дворцовом вестибюле. Как и ожидалось, на Верховного никто не собирался покушаться. Слухи так и остались слухами.

Керенский не отважился на личную встречу, с глазу на глаз, с генералом. В длительной беседе участвовали еще два «временных» министра — Некрасов и Терещенко. Среди прочего, Лавр Георгиевич узнал, что глава правительства уже дал свое согласие на отставку Бориса Савинкова, с которым у Верховного сложились отношения взаимопонимания. Тот и другой были против «левой» революции и политики Петроградского Совета.

Переговорный процесс в Зимнем дворце чего-либо реального не дал. Корнилов смело напомнил министру-председателю и двум его доверенным лицам решения совещания в Ставке 17 июля, на котором присутствовал тогда Керенский. Смысл сказанного на том совещании высшего командования армии и флота состоял в следующем:

«Ныне самое важное, прежде чем рассуждать о стратегии, обсудить меры, как восстановить боеспособность армии. Без этого немислимо принять какое бы то ни было стратегическое решение

Чтобы восстановить боеспособность, нужно создать дисциплину. Вернуть старую дисциплину, то есть на прежних началах, невозможно; об этом нечего мечтать. Но авторитет начальников нужно восстановить. Нужно снова сделать войска послушными. Ныне с ними ничего нельзя сделать: после каждого приказа — митинги по суткам и в результате — отказ от выполнения распоряжений. Целые дивизии отходят, невзирая на уговоры; люди разбегаются. От ротного командира до главнокомандующего власти ни у кого нет.

Заменить же эту власть работою комиссии и комитетов невозможно. Военная история показывает, что есть предел свободе армии. Нельзя представить армию без начальников. Нужна внутренняя спайка, нужна власть и авторитет у начальников. Солдат должен слушаться своих офицеров...»

На обратном пути в Могилев Верховный главнокомандующий вновь посетил древнюю столицу Русского царства. Только теперь в Москве он остановил свой поезд на запасных путях. В Москве Лавр Георгиевич выступил на одном из военных «совещаний» российской общественности в Большом театре. Значение той его речи заключалось в стремлении добиться от Временного правительства проведения реформ в вооруженных силах страны, которые могли бы быть приемлемы для Советов. То есть он обращался к сознанию тех, для кого «охрана революционных завоеваний» была важнее побед на фронте. При этом «охранители», строя иллюзии, как-то забывали думать о своем вероятном будущем.

В той речи в московском Большом театре, которая была опубликована во многих газетах, страна едва ли не впервые публично узнала о расцвете братания на фронте. И о том, как русскими полками безрассудно оставлялись неприятелю занимаемые позиции. Корнилов привел цифры, которые свидетельствовали о заметном сокращении военного производства, что не могло не отразиться на состоянии действующей армии. Он огласил длинный список офицеров, предательски убитых своими же солдатами.

Во время того посещения Москвы вагон Верховного посетил немало политических деятелей и финансовых тузов. Среди них оказался А.Ф. Аладьин, депутат-социалист первого состава Государственной думы, которая была разогнана императором

Николаем II. После этого Аладьин эмигрировал в Англию, где с началом Первой мировой войны вступил в ряды британской армии. Вскоре лондонское правительство командировало его в Россию для защиты союзных интересов.

Аладьина, человека влиятельного в российской общественности, сразу же заинтересовала фигура Корнилова. И было отчего заинтересоваться. Генерал смотрелся одним из редких военных деятелей, который твердо знал, чего он хочет. Который не являлся, как большая часть русского генералитета, тайным монархистом. Который был настоящим выходцем из трудового народа, достигшим своего высокого положения лишь благодаря прирожденным способностям. Корнилов пригласил бывшего депутата-социалиста, ходившего в английской военной форме, посетить Ставку.

Когда Корнилов вернулся в Могилев из той поездки в Петроград, у него состоялся заинтересованный разговор с начальником штаба Ставки генерал-лейтенантом Александром Сергеевичем Лукомским, своим единомышленником. Последний в своих белоэмигрантских «Воспоминаниях» рассказывает о том, как Верховный начал разговор с того, что сказал о готовящемся в конце августа выступлении большевиков в столице:

«Пора с этим покончить. Пора немецких ставленников и шпионов, во главе с Лениным, повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать так, чтоб он нигде и не собрался. Вы правы. Конный корпус я передвигаю главным образом для того, чтобы к концу августа его подтянуть к Петрограду, и если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями родины как следует.

Руководство этой операцией я хочу поручить генералу Крымову. Я убежден, что он не задумается, в случае если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов.

Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне, в последнюю минуту, удастся с ним договориться...

Я лично ничего не ищу и не хочу. Я хочу только спасти Россию, и буду беспрекословно подчиняться Временному правительству, очищенному и укрепившемуся.

Пойдете ли вы со мною до конца и верите ли, что лично для себя я ничего не ишу?»

Генерал Лукомский тогда ответил Корнилову на прямо поставленный вопрос утвердительно. После этого Верховный попросил своего начальника штаба «не брать никакой армии», а оставаться на прежней должности в Ставке...

Руководя Ставкой, Лавр Георгиевич постоянно конфликтовал по различным причинам с Керенским, с которым едва ли не ежедневно переговаривался по прямому проводу, по телеграфу. Первым серьезным конфликтом стал вопрос о назначении нового главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Керенский сразу же предложил кандидатуру генерала от инфантерии В.А. Черемисова, командующего 8-й армией и, без согласования с Верховным главнокомандующим, подписал указ о его назначении.

Корнилов выступил резко против такого, не санкционированного им назначения. Он до этого не раз отмечал слабое командование Черемисовым одной из лучших армий Русского фронта. А во время отступления 8-й армии не проявил хладнокровия и присутствия высокого духа. Назначение нового командующего армией без согласования с Верховным, конечно же, было прямым нарушением субординации. И возмущение Лавра Георгиевича имело под собой основание.

Правительственный политический комиссар М.М. Филоненко был вынужден провести разговор по прямому проводу с командующим 8-й армией. Делал он это по просьбе Керенского:

Филоненко: Главковерх Корнилов, при всем его уважении к вашим дарованиям, по причинам принципиальным протестует против вашего назначения на Юго-Западный фронт. Известно ли вам об этом?

Черемисов: Да, мне известно мнение генерала Корнилова.

Филоненко: Не найдете ли соответственным заявить, что вы примете пост главкоюза в том случае, если на это последует согласие главковерха, в противном же случае сочтете своим долгом остаться на посту командарма 8-й, который доверен вам тем же генералом Корниловым.

Черемисов: Я вас не затрудню длинным ответом. Если правительство признало меня годным служить делу революции в

роли главкоюза, то не понимаю, каким образом, в угоду кому бы то ни было, это может измениться, если только у нас еще нет контрреволюции и не началось распутинство. Я и при старом режиме никогда не служил лицам, а служил России и тем более не стану этого делать теперь. Своего права служить России я никому не уступлю и ни к кому наниматься на службу, как лакей, не буду. За этот взгляд я уже много претерпел в свое время, когда служба родине и служба лицу, если и различалась, то в пользу лица, а не родины. Я и тогда боролся, не имея за собой ничего, а теперь свое право служить в это трудное время армии и делу революции буду защищать хотя бы с бомбой в руках.

Филоненко: Ваше упорство может повлечь за собой отставку Корнилова, которого вся Россия признает народным вождем, а также отставку и некоторых других лиц.

Черемисов: Если отечество в опасности и это серьезная фраза, а не шутка, то мне никакого дела нет до чьей бы то ни было карьеры. Пускай уходит в отставку кто хочет, мне до этого нет дела. Думаю, не может быть до этого дела и тем, кто понимает, что в минуту опасности родины надо ее спасать, не жалея человеческих жизней, не только карьер. Если бы вы были здесь и знали, что тут происходило в течение последних двух недель, то поняли бы, что дело не в принципах, а в работе темных сил. Я свой ответ дал вам и ни при каких обстоятельствах его не изменю.

Филоненко: К темным силам в данном случае благоволите причислить Бориса Савинкова и Максимилиана Филоненко...»

Конфликт закончился тем, что назначенный уже Черемисов так и не вступил в командование Юго-Западным фронтом. Его главнокомандующим стал генерал от инфантерии Петр Семенович Балубев, командующий 11-й армией. Он был известен как один из героев Брусиловского наступления 1916 года и тем, что в первый военный год его армейский корпус удачным контрударом деблокировал осажденную немцами крепость Осовец.

Конфликт с министром-председателем из-за Черемисова мог обернуться отставкой для Верховного. Известно, например, что помощник правительственного политического комис-

сара в Ставке фон Визин через несколько дней (7 августа) предупредил Корнилова:

— По имеющимся сведениям из Петрограда вопрос о вашей отставке в правительственных кругах почти решен.

На такое предупреждение официального правительственного лица Лавр Георгиевич ответил так:

— Мне думается, что такая мера вряд ли будет полезна, так как она может вызвать в армии волнения...

О том, что такой вопрос действительно решался в правительственных кругах, свидетельствует неожиданная активность его сторонников, которая выразилась в принятии и публикации ряда резолюций в защиту Верховного главнокомандующего. На своем экстренном заседании 6 августа Совет союза казачьих войск вынес следующую резолюцию:

«Генерал Корнилов не может быть смещен, как истинный народный вождь, и, по мнению большинства населения, единственный генерал, могущий возродить боевую мощь армии и вывести страну из крайне тяжелого положения.

Совет союза казачьих войск, как представитель всего Российского казачества, заявляет, что смена генерала Корнилова неизбежно внушит казачеству пагубную мысль о бесполезности дальнейших казачьих жертв, ввиду явного нежелания власти спасти родину, честь армии и свободу народа действительными мерами.

Совет союза казачьих войск считает нравственным долгом заявить Временному правительству и народу, что он снимает с себя возложенную на него ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу при смене генерала Корнилова.

Совет союза казачьих войск заявляет громко и твердо о полном и всемерном подчинении своему вождю-герою Л.Г. Корнилову».

На следующий день, 7 августа, подобную резолюцию приняла конференция Союза георгиевских кавалеров. Она постановила:

«Всецело присоединиться к резолюции Союза казачьих войск и твердо заявить Временному правительству, что если оно допустит восторжествовать клевете и генерал Корнилов будет смещен, то Союз георгиевских кавалеров немедленно

отдаст боевой клич всем кавалерам к выступлению совместно с казачеством».

В тот же день, 7 августа, Главный комитет союза офицеров армии и флота послал во все штабы фронтов и армий, военному и морскому министру А.Ф. Керенскому, в ряд органов печати следующую телеграмму:

«Главный комитет Союза офицеров армии и флота в тяжелую годину бедствий все свои надежды на грядущий порядок в армии возлагает на любимого вождя генерала Корнилова. Мы призываем всех честных людей и все русское офицерство незамедлительно высказать ему свое полное доверие, подтвердив, что его честная, твердая и испытанная во многих боях рука, его имя и пролитая кровь за Родину являются, может быть, последним лучом надежды на светлое будущее России. Мы не допускаем возможности вмешательства в его утвержденные правительством действия каких бы то ни было лиц или учреждений и готовы всемерно поддержать его в законных требованиях».

И наконец, свой голос в защиту Верховного главнокомандующего подало совещание общественных деятелей, которое проходило в Москве под председательством М.В. Родзянко. В работе совещания приняло участие немало известных военных людей. Родзянко от имени участников форума российской общественности 9 августа телеграфировал на имя Верховного главнокомандующего России генерала Л.Г. Корнилова:

«Совещание общественных деятелей приветствует вас, верховного вождя русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв вашего авторитета в армии и России оно считает преступлением и присоединяет свой голос к голосу офицеров, георгиевских кавалеров и казачества. В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой. Да поможет вам Бог в вашем величайшем подвиге по воссозданию могучей армии и спасения России».

В те дни, когда решалась его судьба как Верховного главнокомандующего, Лавр Георгиевич получил множество телеграмм от частных лиц и организаций. Это было прямым свидетельством его личной популярности у немалой части русского общества. И Временному правительству пришлось

отложить рассмотрение дискутирующего вопроса о смене главы могилевской Ставки. Пример такого подхода к «делу Корнилова» показал сам министр-председатель А.Ф. Керенский, который все больше и больше нуждался в сильном союзнике, который опирался на реальную военную силу.

Получив такую мощную по тем дням поддержку, Лавр Георгиевич через правительственного комиссара М.М. Филоненко представил Временному правительству докладную записку, в основу которой были положены его собственные мысли. Особый интерес вызывали предложения по милитаризации железных дорог и военной промышленности. В 9-м разделе докладной записки, озаглавленном «Железные дороги», предлагалось следующее:

«Железные дороги должны быть объявлены на военном положении. Комитетам категорически запрещается вмешиваться в технические распоряжения начальства. Всякое неисполнение технического приказа должно рассматриваться как неисполнение боевого приказа на фронте и облагаться соответственной карой, для чего на дорогах, в крупных узловых центрах, должны быть учреждены военно-революционные суды».

В 10-м разделе докладной записки Ставки российскому правительству — «Снабжение армии» — говорилось следующее:

«Для спасения армии и свободы необходимо теперь же:

1. Объявить все заводы, работающие на оборону, а также угольные копи — на военном положении.

2. Решительно воспретить на территории заводов все то, что мешает работать, — митинги и всякого рода собрания, за исключением совета старост и правления больничных касс.

3. Категорически потребовать от рабочих исполнения минимального ежедневного количества изделий по средней норме последних месяцев до переворота (октябрь — январь), при неизменной оплате труда не за время, а сдельно.

4. Немедленное увольнение и отправление на фронт каждого рабочего, не удовлетворяющего условиям пункта 3-го».

Когда Борис Савинков показал министру-председателю эту докладную записку из Ставки, то Керенский ему ответил на такие корниловские предложения:

— Я ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах такую докладную записку не подпишу...

Можно только спорить о том, видел ли Александр Федорович Керенский в тот 1917 год, который стал годом пика его политической карьеры, что «демократическая республиканская» Россия катится в бездну не только военной катастрофы? Тот последний год старой России историк А.А. Керсновский назвал временем «преступления Керенского»:

«...Вся Россия превратилась в один огромный сумасшедший дом, где кучка преступников раздала толпе умалишенных зажигательные снаряды, а администрация исповедовала принцип полной свободы этим умалишенным во имя «заветов демократии». Спасти страну можно было только расправой с предателями и обузданием взбесившихся масс. Но для этого необходимо было переменить всю обанкротившуюся систему управления — заменить трескучие фразы решительными мерами.

Генерал Корнилов, возглавлявший русскую армию в самый тяжелый час ее существования, видел бездну, разверзавшуюся под ногами ослепленной России. Он считал спасительным установление сильной власти на диктаторских началах. Одновременно надлежало оздоровить армию восстановлением попорченной дисциплины, официальным введением смертной казни и замены зловещей «Декларации прав солдата» декларацией его обязанностей.

Корнилов считал необходимой милитаризацию военных заводов и железных дорог и находил, что надо иметь три армии — одну на фронте в окопах, другую — на заводах для изготовления боевого снаряжения и третью — на железных дорогах для подачи снаряжения на фронт. Додумайся до этого шталмейстеры и столоначальники императорского правительства в 1916 году, мы не имели бы революции...»

Корнилов в какой-то мере смог навязать Временному правительству свою волю как Верховный главнокомандующий России. Об этом может свидетельствовать следующий факт. 21 июля разразился правительственный кризис: Керенский подал письменное заявление об освобождении его от всех занимаемых им должностей. При этом он исходил из точности политических расчетов. Кризис закончился вечером 24 июля,

когда из 18 министерских постов 11 получили представители социалистических партий.

Александр Федорович сохранил тогда за собой посты и министра-председателя, и военного, и морского министров. В ходе реорганизации Временного правительства управляющим Военного ведомства стал Савинков, а Морского — Лебедев. На их плечи и легло управление этими двумя силовыми министерствами.

Экс-террорист Борис Викторович Савинков вступил в управление Военным министерством 28 июля. На пресс-конференции он так определил направление своей работы на этом высоком государственном посту:

«Первой задачей моей деятельности по Военному министерству является восстановление в армии железной дисциплины. Для насаждения ее нужен особый и в высшей степени авторитетный аппарат. Аппарат этот будет организован Военным министерством в полном согласии со Ставкой Верховного главнокомандующего...

Мы полагаем, что для воссоздания дисциплины и поднятия боеспособности армии необходимо усиление института комиссаров...

При назначении комиссаров должно быть обращено особое внимание на качество их и определенность убеждений. Комиссары должны нести ответственность за свою деятельность в том порядке, как эту ответственность несут все военнослужащие...

Необходима самая суровая и действительная борьба с разлагающими армию элементами, вроде так называемых большевистских течений и большевиков...

За высшим командным составом остаются исключительно оперативно-боевые обязанности; за войсковыми организациями — все то, что входит в пределы самоуправления армии, за комиссарами — высший надзор за общеполитической жизнью армии».

В декларации управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова хорошо просматриваются идеи восстановления боеспособности русской армии, которые отстаивал Лавр Георгиевич. Не случайно современники считали, что Савинков в своем выступлении перед столичными журналистами «озвучил» мысли Корнилова, выступил от его лица.

Керенский, уладивший свою ссору с Борисом Савинковым, послал его в Могилев. Цель поездки была очерчена четко: «прощупать» настроения генерала Корнилова и его ближайшего окружения. Или, говоря иначе, Корнилов послал товарища военного министра провести в Ставке переговоры для соглашения между ним и Корниловым.

«Временного» министра-председателя личность Корнилова откровенно пугала. И было отчего пугаться. Лавр Георгиевич говорил на непонятном Керенскому языке. Казак по происхождению, военный по призванию, государственник по воззрению на судьбу Отечества, он был непонятен, неприятен и чужд. Но с ним приходилось считаться, поскольку глава Ставки являлся фактическим вождем сражающейся многомиллионной русской армии. Пусть основательно распропагандированной, но не потерявшей еще своей боевой устойчивости.

Так в российской истории за 1917 год стал проектироваться триумвират трех сильных личностей тех дней — А.Ф. Керенского, Б.В. Савинкова и Л.Г. Корнилова. Но в том триумвирате роли еще не распределялись. Важно было заполучить принципиальное согласие каждого на установление «сильной» власти в революционной России.

Керенский послал в Могилев присматривать за террористом Савинковым лично доверенное ему лицо — полковника В.Л. Барановского. Тот был по должности личным помощником министра-председателя по Военному министерству, выполняя «контрольные функции». По положению в правительственных кругах — шурин Керенского, брат его жены.

К тому времени в сознании Верховного главнокомандующего вполне реально созрело убеждение в том, что спасти Россию и русскую армию от надвигающейся катастрофы может только военный переворот. И установление нового режима государственной власти в образе военной диктатуры сильной и популярной личности. И тогда, и тем более сегодня трудно сказать, видел ли лично себя Лавр Георгиевич в роли военного диктатора. Или не видел, будучи готов поддержать другого человека.

У Корнилова в штабе Ставки уже сложился узкий круг единомышленников, которых в самом скором времени окрестят «корниловцами». Они полностью поддерживали идею совер-

шения государственного переворота вооруженной рукой. Это были генералы Лукомский, первый генерал-квартирмейстер Ставки Романовский, полковники — второй генерал-квартирмейстер Ставки Плющевский-Плющик, Лебедев, князь Голицын, Сахаров, подполковник Пронин, капитан Роженко.

К этому числу можно, но с некоторой оговоркой, отнести и правительственного политического комиссара в Ставке М.М. Филоненко. Это был бывший военный инженер, поручик 9-го броневое автомобильного дивизиона, «всплывший» на политической арене после Февральской революции. Однако в разработке непосредственной операции похода на Петроград он не участвовал.

К слову сказать, Корнилов видел в правительственных политических комиссарах не своих врагов и недоброжелателей, а союзников по сохранению русской армии. Именно на этой почве Лавр Георгиевич стремился строить свои отношения с Б.В. Савинковым и М.М. Филоненко. Известно, что он, например, высоко отзывался о помощнике комиссара 8-й армии Антардовиче.

История с этим «человеком» Временного правительства на фронте была такова. Однажды он начал агитировать солдат за наступление и за «войну до победного конца». Его речь на митинге закончилась тем, что толпа разъяренных солдат схватила его. Со скрученными за спиной руками, под градом сыпавшихся на него со всех сторон ударов Антардович кричал: «Я и на виселице, в петле скажу вам, что вы — сволочи!» Поразительно, но после этого его отпустили. За «примерную храбрость», проявленную в последующих боях, он был награжден генералом Корниловым Георгиевским крестом...

Были у Лавра Георгиевича и другие верные люди. Но именно вышеперечисленным лицам он доверил разработку деталей будущей операции по захвату власти в российской столице. Вели они ее в самом строгом режиме секретности.

Когда Савинков и Барановский прибыли в Ставку (они находились в ней два дня — 24 и утро 25 августа), их сразу же принял Верховный. Все переговоры без ведения протокола велись за закрытыми дверями узким кругом участников.

Об этой строго конфиденциальной встрече историкам известно по книге генерал-лейтенанта Мартынова «Корниловс-

кий мятеж». В ней и опубликован документ большой исторической значимости под названием «Показание генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова, данное Чрезвычайной следственной комиссии 5 сентября 1917 года».

Та встреча и особенно ее содержание известны больше со слов самого Лавра Георгиевича, который дал на следствии по делу о «корниловском мятеже» правдивые показания. При этом он не снимал с себя никакой вины и не сваливал хотя бы часть ее на своих соратников. В показаниях говорилось следующее:

«...24 августа...в Ставку прибыл управляющий Военным министерством Б.В. Савинков. С поезда он проехал ко мне. С ним вместе прибыли встречающие его на вокзале начальник штаба генерал-лейтенант Лукомский и комиссар при Верховном главнокомандующем Филоненко.

Г-н Савинков сказал, что Керенский, признанный вождь левых партий, и я, на ком, по его мнению, зиждутся все надежды правых политических партий России, должны идти рука об руку и что несогласия между нами могли бы вызвать крайнее обострение в положении. Поэтому он считает своей важнейшей задачей подготовить почву соглашения между Керенским и мной, с целью на нашей согласованной работе основать формирование сильной, крепкой власти.

Я заявил, что не считаю себя вождем правых партий, но не отрицаю и того, что несогласия между г. Керенским и мной могли бы иметь пагубные последствия. Я заявил, что хотя и не претендую на то, чтобы иметь влияние на тот или другой состав правительства, но раз интересуются моим именем, то я считаю возможным заявить и открыто сказать, что нахожу Керенского человеком слабохарактерным, легко поддающимся чужим влияниям и, конечно, не знающим того дела, во главе которого он стоял. Лично я против него ничего не имею; думаю, что другой состав правительства, без участия г. Керенского, мог бы тоже справиться с делом.

После долгого обсуждения вопроса, в связи с положением страны, я, в конце концов, согласился, что при современном соотношении политических партий участие г. Керенского в составе правительства я признаю безусловно желательным. Затем я добавил, что готов всемерно поддерживать А.Ф. Керенского, если это нужно для блага Отечества.

В ответ Б.В. Савинков заявил мне, что он счастлив слышать от меня эти слова. Все это подтверждено самим г. Савинковым при разговоре со мной по прямому проводу 27 августа, в 5 час. 50 мин. дня. Выдержки из этого разговора прилагаются.

Дальнейший ход событий 24 августа и содержание бесед моих с г. Савинковым изложены в «Протоколе пребывания управляющего Военным министерством, Б.В. Савинкова, в Могилеве 24 и 25 августа 1917 года». В этом протоколе восстановлено по памяти мной, генералами Лукомским и Романовским все, о чем говорилось мной с Савинковым в присутствии двух названных генералов.

Протокол гласит: «24 августа Савинков с поезда проехал прямо к Верховному главнокомандующему. Одновременно с ним приехали начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Лукомский и комиссар при Верховном главнокомандующем Филоненко. Войдя в кабинет к главноверху и поздоровавшись с ним, Савинков заявил, что ему хотелось бы переговорить с генералом Корниловым с глазу на глаз. Генерал Лукомский и комиссар Филоненко из кабинета вышли.

Разговор Савинкова с генералом Корниловым касался установления тесных отношений между генералом Корниловым и министром-председателем Керенским, так как Савинков считал, что оба этих лица, будучи вождями различных партий, должны работать рука об руку. Затем Савинков показал генералу Корнилову те проекты законов, которые выработаны для рассмотрения Временным правительством на основании требований, предъявленных генералом Корниловым.

В тот же день после обеда, примерно в 9 часов вечера, в кабинете у генерала Корнилова собрались кроме хозяина Савинков, генерал-лейтенант Лукомский и Филоненко. Сначала обсуждался вопрос о комитетах и комиссарах, причем Савинков и Филоненко высказались против главноюжа генерала Деникина, который не может наладить отношений с комиссарами и комитетами, и высказали опасение, что если во главе фронтов будут стоять такие генералы, то трудно будет установить дружную работу и это будет отражаться на состоянии войск.

Генерал Корнилов и генерал Лукомский горячо восстали против возможности легко убирать отличных боевых генералов из-за того, что у них являются иногда шероховатости в работе с комитетами. Было высказано, что если новое положение о комиссарах и комитетах будет составлено вполне определено, то никаких недоразумений не будет. Хороших же боевых генералов слишком мало, чтобы их выбрасывать за борт из-за всякого недоразумения.

Затем Савинков предложил обсудить вопрос об установлении границ Петроградского военного губернаторства, которое признается необходимым выделить из состава Петроградского военного округа при формировании особой армии для обороны подступов к Петрограду. В кабинет были приглашены генерал-майор Романовский и полковник Барановский (начальник кабинета военного министра), которые принесли карты; и полковник Барановский доложил о тех границах губернаторства, которые считает нужным установить в Петрограде. После некоторого переговора граница была установлена.

До прихода генерала Романовского, после доклада полковника Барановского о необходимости выделить особое Петроградское военное губернаторство, Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, сказал почти дословно следующее:

«Таким образом, Лавр Георгиевич, ваши требования будут удовлетворены Временным правительством в ближайшие дни, но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения. Вам, конечно, известно, что примерно 28 или 29 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование ваших требований, проводимых через Временное правительство, конечно, послужит толчком выступления большевиков, если последнее почему-либо задержалось.

Хотя в вашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем. Тем более что еще не известно, как к новому закону отнесется Совет рабочих и солдатских депутатов. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на ваши войска не можем. Поэтому прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение правительства.

В случае если, кроме большевиков, выступят и члены Совета рабочих и солдатских депутатов, то нам придется действовать против них. Я только прошу вас во главе 3-го конного корпуса не присылать генерала Крымова, который для нас не особенно желателен. Он очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для таких операций».

После этого пришел генерал Романовский, и были окончательно установлены границы Петроградского военного губернаторства.

Затем Савинков вновь вернулся к вопросу о возможном подавлении, при участии 3-го конного корпуса, выступления в Петрограде большевиков и С.Р. и С.Д., если последний пойдет против Временного правительства. При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные.

На это генерал Корнилов ответил, что он иных действий и не понимает, что инструкции будут даны соответственные и что он вообще к вопросу употребления войск при подавлении беспорядков относится серьезно, и уже им отдавалось приказание о предании суду тех начальников, которые допускают стрельбу в воздух, что и в данном случае, раз будет выступление большевиков и С.Р. и С.Д., то таковое будет подавлено со всей энергией.

Полковник Барановский, стоявший около стола, со своей стороны прибавил: «Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия».

После этого Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, сказал, что необходимо, дабы не вышло недоразумения и чтобы не вызывать выступления большевиков раньше времени, предварительно сосредоточить к Петрограду конный корпус, затем к этому времени объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и объявить новый закон, устанавливающий целый ряд ограничений.

Дабы Временное правительство точно знало, когда объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и когда опубликовать новый закон, надо, чтобы генерал Корнилов точно телеграфировал ему, Савинкову, о времени, когда подойдет корпус к Петрограду. После этого Савинков и Барановский ушли...»

На той встрече был предварительно решен и вопрос о командующем новой Отдельной Петроградской армией, которая должна была подчиняться лично Верховному главнокомандующему. Это был находившийся в резерве Ставки бывший командир 14-го армейского корпуса генерал от инфантерии Ипполит Паулинович Войшин-Мурдас-Жилинский. Обладатель двух орденов Святого Георгия, участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов, скобелевской Ахалтекинской экспедиции, на полях Маньчжурии отличился у Вафангоу, под Ташичао и Ляояном, в Мукденском сражении. Умело командовал пехотной дивизией и корпусом в начальный период Великой войны.

Корнилов был высокого мнения о твердости и боевых способностях Войшина-Мурдаса-Жилинского. Он знал числящегося в резерве Ставки генерала по русско-японской войне как командира стрелковой бригады и начальника штаба армейского корпуса. Однако по ходу дела его кандидатура была снята и заменена более подходящим для этой роли Крымовым.

В книге Г.М. Каткова «Дело Корнилова» приводится изложение разговора между Верховным главнокомандующим и Савинковым, который взят из книги А.Ф. Керенского с одноименным названием «Дело Корнилова», увидевшей свет в 1918 году:

«Савинков: О Керенском же я не могу думать так, как вы. Я знаю Керенского, люблю и уважаю его. Керенский — человек большой и благородной души, искренний и честный, но вы правы в одном, — разумеется, не сильный.

Генерал Корнилов: Выражаю желание, чтобы в будущем Керенский не вмешивался в мои дела

Савинков: Это сейчас невозможно, если бы даже было нужно. В будущем, естественным ходом вещей, Керенский, вероятно, станет президентом Российской республики. Я буду приветствовать его президентство.

Генерал Корнилов: Нужно, чтобы в правительстве были Алексеев, Плеханов, Аргунов.

Савинков: Вернее, нужно, чтобы советские специалисты были заменены несоветскими. Это ли вы хотите сказать?

Генерал Корнилов: Да. Советы показали свою нежизнеспособность, свое неумение оборонить страну.

Савинков: Но не войсковые организации.

Генерал Корнилов: Войсковые организации лучше.

Савинков: Лавр Георгиевич, все это дело будущего. Вы недовольны правительством, но, во всяком случае, вы не можете не согласиться, что без Керенского, без возглавления им, никакое правительство немыслимо.

Генерал Корнилов: Вы, конечно, правы: без возглавления Керенским правительство немыслимо, но Керенский нерешителен, он колеблется, он обещает, но не исполняет обещаний».

...Развития событий перед «корниловским мятежом» показывают, что А.Ф. Керенский и тем более недавний руководитель эсеровских боевиков-террористов Б.В. Савинков были достаточно хорошо осведомлены о настроениях в могилевской Ставке. Такое знать было несложно, поскольку одним из главных должностных лиц там являлся правительственный политический комиссар М.М. Филоненко. К тому же в Ставке постоянно находилось много всевозможных политических деятелей, депутатов Государственной думы, заинтересованных представителей союзных стран Антанты. Они черпали, естественно, информацию и из ближайшего окружения Корнилова.

А тем временем в Ставке шла подготовка к военному перевороту. Среди прочего, в Могилеве заблаговременно отпечатали воззвания, с которыми генерал Л.Г. Корнилов предполагал обратиться к населению России и русской армии. Автором его был корниловский адъютант Завойко, который, не покладая рук и пера, пекся об авторитетности, народной популярности своего кумира. И в чем немало преуспел.

Лавр Георгиевич не скрывал своих замыслов от главы российского кабинета министров. Александр Федорович Керенский, метивший в президенты республиканской России, знал их через Савинкова, который многократно совершал поездки в Ставку. Через него стало известно, например, о плане Корнилова немедленной «расчистки» Петрограда.

Суть его заключалась в следующем. Верховный главнокомандующий задумал вывести из столицы многие запасные во-

инские части (резервные полки), совершенно разложившиеся не сколько от большевистской пропаганды и агитации, сколько от «демократической» вседозволенности. Солдатские митинги заканчивались вынесением резолюций «Долой войну!». То есть той войны, которая все еще шла и конца ей с питерских площадей все еще не просматривалось.

Но запасные полки и бригады существовали для того, чтобы готовить пополнения для фронта, восполнения на них людских потерь. Столичный гарнизон с такой естественной задачей давно не справлялся. И в результате отправка на фронт в маршевых ротах неподготовленного пополнения зачастую производилась под угрозой применения вооруженной силы.

Колебания Керенского в отношении применения силы для наведения порядка в столице имели под собой еще одну подоплеку. На его имя в Зимний дворец постоянно поступали сотни писем, часть из которых удостоилась прочтения лично им. То, что читалось Александром Федоровичем, назвать можно было только «разбросом мнений» в складывавшейся в России внешнеполитической ситуации, и не менее того:

«Хочется сказать, что думает сейчас «средний обыватель России», который, приветствуя февральские дни революции, желал от них свободы и славы дорогой родины, а увидел один позор и втоптывание ее в грязь...»

«Россию можно спасти от гибели только кулаком, палкой и плетью...»

«Вы должны были знать, куда вы поведете Отечество, затеяв революцию...»

«Крестьяне, приезжающие в..., открыто говорят, что один только царь может спасти Россию и понизить цены на все продукты...»

«Берите назад свободу с революцией, нам лучше жилось прежде, без свободы, без товарищей...»

На совещании в Ставке 24 и 25 августа Корнилов и Савинков договорились о том, что ударной силой военного переворота будут 3-й конный корпус и Кавказская Туземная конная дивизия, которую за глаза называли «Дикой». Это были дисциплинированные и боеспособные армейские соединения. По замыслу Верховного главнокомандующего и революционер-террориста Савинкова конные корпус и дивизия становились

основой Отдельной Петроградской армии, подчиненной непосредственно Корнилову.

Непосредственное проведение операции по «замирению» столичного Петрограда возлагалось на командира 3-го конного корпуса генерал-лейтенанта Александра Михайловича Крымова. На его кандидатуре настоял сам Корнилов. У него был богатый послужной список. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Имел опыт русско-японской войны. Командовал 1-м Аргунским полком Забайкальского войска. Затем был генералом для поручений при командующем войсками Туркестанского военного округа генерале от инфантерии А.М. Самсонове, армия которого в самом начале войны погибла в Восточной Пруссии.

Крымов был в годы Первой мировой войны едва ли не самым блестящим кавалерийским военачальником. Сперва он командовал бригадой 2-й Кубанской казачьей дивизии, затем — Уссурийской казачьей бригадой, состоявшей из двух полков — Уссурийского казачьего и безномерного Приморского драгунского. 1 июня 1915 года под Попелянами произошел замечательный для русского оружия кавалерийский бой. Драгуны-приморцы форсировали реку Венту и во встречном бою разгромили (изрубили) пять полков германской конницы: 9-й и 13-й драгунские, 1-й, 2-й и 12-й гусарские. Вскоре Уссурийская бригада была развернута в дивизию, а Крымов назначен ее командиром.

Командиром 3-го конного корпуса генерал-лейтенант А.М. Крымов стал в апреле 1917 года. Известно, что он отказался принять предложенный ему пост военного министра. 24 августа был назначен корниловским приказом главнокомандующим Отдельной Петроградской армией (по примеру Отдельной Кавказской), которая так и не была создана.

Корнилов и его единомышленники, как ни странно, не рассчитывали встретить серьезного сопротивления при выполнении своих замыслов. Пожалуй, наиболее трезво мыслящим из всей тройки лидеров подготавливаемого военного переворота — Л.Г. Корнилов, А.Ф. Керенский и Б.В. Савинков — только последний (обладавший огромным личным опытом антиправительственной борьбы с царизмом) реально смотрел на складывавшуюся ситуацию. Такое представление руководства Став-

ки генерал-лейтенант А.И. Деникин объяснял опытом подавления предыдущих восстаний:

«...С трусливой, распропагандированной толпой, которую представлял собой Петроградский гарнизон, и с неорганизованным городским пролетариатом может справиться очень небольшая дисциплинированная и понимающая ясно свои задачи часть».

Историки до сих пор не пришли к единому мнению о личной роли Лавра Георгиевича Корнилова в готовящемся военном перевороте. Одни утверждают, что он пытался установить в России военную диктатуру, став во главе верховной власти. Другие считают, что он задумал выступить в роли диктатора, оставаясь на посту Верховного главнокомандующего. Третьи видят в действиях Корнилова попытку утвердить власть Временного правительства А.Ф. Керенского с применением военной силы. Есть и другие взгляды.

Один из лидеров Российской социал-демократической партии (большевиков) В.И. Ульянов (Ленин) считал, что «корниловский мятеж» — это «...поддержанный помещиками и капиталистами, с партией конституционных демократов во главе, военный заговор, приведший уже к фактическому началу Гражданской войны со стороны буржуазии».

Глава 10

КОРНИЛОВСКИЙ МЯТЕЖ. ПОХОД 3-ГО КОННОГО КОРПУСА НА ПЕТРОГРАД

Министр-председатель Керенский колебался. Его давно пугала решительность Корнилова и Савинкова. Он с самого начала не доверял ни генералу, ни тем более террористу. Он так

и не смог проникнуть в замыслы своих союзников по военному перевороту, до начала которого оставались буквально считанные дни и часы.

Керенский решил еще раз «разведать» намерения Корнилова. Для этого он выбрал прожженного российского политика — князя В.Н. Львова, совсем недавно оставившего пост обер-прокурора Святейшего Синода (в первые годы советской власти он будет проводить антицерковную политику партии большевиков). Львов метил во «временные» и потому министр-председатель мог на него положиться.

Князь Львов приехал в Могилев сразу после того, как Ставку покинули Савинков и полковник Барановский. В показаниях следственной комиссии по делу о «корниловском мятеже» Корнилов так описывает эту встречу:

«25 августа г. Савинков уехал из Могилева. В тот же день утром ко мне явился В.Н. Львов, которого в бытность мою главнокомандующим войсками Петроградского военного округа я видел два раза в заседаниях Совета министров. Я знал, что он был членом Государственной думы, обер-прокурором Синода. Кроме обычных приветствий при встрече, никаких разговоров с ним я прежде не вел. Войдя ко мне в кабинет, Львов сразу заявил мне: «Я к вам от Керенского с поручением»...

В.Н. Львов заявил мне от имени Керенского, что если, по моему мнению, дальнейшее участие последнего в управлении страной не даст власти необходимой силы и твердости, то Керенский готов выйти из состава правительства. Если Керенский может рассчитывать на поддержку, то он готов продолжать работу. Львов просил меня высказать мое мнение по поводу предложения Керенского и изложить программу.

Я, очертив общее положение страны и армии (положение дел на фронте, приготовление немцев к производству десанта на побережье Рижского залива и возможность дальнейшего развития этих операций в направлении на Ревель и Петроград, известие об убийстве солдатами начальника 3-й пех. дивизии генерала Гиршфельда и комиссара 11-й армии Линде, пожар пороховых и артиллерийских складов в Казани), заявил, что, по моему глубокому убеждению, единственным ис-

ходом из тяжкого положения страны является установление диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении.

Я заявил, что лично не стремлюсь к власти и готов немедленно подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия, будь то сам А.Ф. Керенский, генерал Алексеев, генерал Каледин или другое лицо.

Львов заявил, что не исключается возможность такого решения, что, ввиду тяжелого положения страны, Временное правительство, в его нынешнем составе, само придет к сознанию необходимости установления диктатуры и, весьма возможно, предложит мне обязанности диктатора.

Я заявил, что если бы так случилось, то, всегда держась мнения, что только твердая власть может спасти страну, я от такого предложения бы не отказался.

Я просил В.Н. Львова передать А.Ф. Керенскому, что, независимо от моих взглядов на его свойства, его характер и его отношение ко мне, я считаю участие в управлении страной самого Керенского и Савинкова безусловно необходимым.

Кроме того, я просил его передать А.Ф. Керенскому, что, по имеющимся у меня сведениям, в Петрограде в ближайшие дни готовится выступление большевиков и на А.Ф. Керенского готовится покушение. Поэтому я прошу А.Ф. Керенского приехать в Ставку, чтобы договориться с ним окончательно. Я просил передать ему, что я честным словом гарантирую ему полную безопасность в Ставке.

Выслушав мое заявление, Львов, по-видимому тронутый моими словами, сказал: «...Генерал, вы благороднейший человек». В конце нашей беседы в кабинет вошел с докладом В.С. Завойко, исполнявший обязанности моего ординарца. В его присутствии я еще раз повторил В.Н. Львову суть сделанных мной заявлений...».

Сам В.Н. Львов описывал «суть» разговора с генералом Корниловым на страницах парижской белоэмигрантской газеты «Последние новости» так:

«...Я сказал Корнилову:

— Раз дело идет о военной диктатуре, то кому же быть диктатором, как не вам?

Корнилов сделал жест головой в знак согласия и продолжал:

— Во всяком случае Романовы взойдут на престол только через мой труп. Когда власть будет лишь передана, я оставлю свой кабинет...»

27 августа в 2 часа 40 минут из штаба Ставки в зашифрованном виде была отправлена телеграмма под № 6394 на имя управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова. В ней говорилось о подводе к Петрограду частей 3-го конного корпуса. Вот ее содержание:

«Управвоенмину. Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа. Генерал Корнилов. Подлинный подписали: генерал от инфантерии Корнилов, генерал-лейтенант Лукомский и генерал-майор Романовский».

Однако к Петрограду «притягивался» не весь 3-й конный корпус, а только 1-я Донская и Уссурийская казачьи дивизии. Входившая в состав корпуса 10-я кавалерийская дивизия признавалась на то время недостаточно надежной в политическом отношении, и потому она оставлялась на месте дислокации. В состав этой дивизии входили четыре полка: 10-й драгунский Новгородский, 10-й уланский Одесский, 10-й гусарский Ингерманландский и 1-й Оренбургский казачий.

Ненадежной считалась и корпусная артиллерия в лице 2-го конно-горного артиллерийского дивизиона. Было принято решение о замене его на 3-й Донской казачий артиллерийский дивизион.

Перед этим начальник штаба Ставки генерал-лейтенант А.С. Лукомский телеграфировал главнокомандующему армиями Северного фронта:

«Ввиду продолжающих поступать сведений о готовящемся наступлении немцев на Северном фронте, главковерх приказал, вслед за Кавказской Туземной дивизией, отправить в район Невель — Новосokolьники — Великие Луки 3-й конный корпус, без 10-й кавалерийской дивизии и 2-го конно-горного дивизиона, остающихся на Юго-Западном фронте...»

Из Могилева позаботились о «дополнительном» снабжении перебрасываемых под Петроград войск. Так, 21 августа генерал-квартирмейстер Северного фронта получил из Ставки за

подписью генерал-майора И.П. Романовского телеграмму следующего содержания:

«Главковерх приказал срочно передать в 1-ю Донскую, Уссурийскую и Кавказскую конные дивизии по несколько ящиков ручных гранат».

Это распоряжение свидетельствовало о том, что казаки и кавказцы «довооружались» на случай участия в уличных боях, которые могли начаться в столице. До этого кавалерийские части имели по сравнению с пехотой ручные гранаты в самом малом количестве.

В те же дни интендант Северного фронта получил из Ставки телеграфный приказ об устройстве на железнодорожных путях, ведущих к Петрограду, тыловых магазинов. В телеграмме указывалось следующее:

«Иметь на особом учете запас продовольствия и фуража на 10 дней в районе Великие Луки — Невель — Новосокольники и, кроме того, на 10 дней в районе Бологое — Куженкино».

Полковник Барановский на встрече 24 августа просил Верховного главнокомандующего заменить при первой возможности Кавказскую Туземную конную дивизию регулярной кавалерией («неловко поручать утверждение русской свободы кавказским горцам»). Корнилов приказал начальнику штаба Ставки Лукомскому запросить ближайшие Северный и Западный фронты: нельзя ли из их наличных кавалерийских дивизий отправить бригаду, но не казачью, в распоряжение генерал-лейтенанта Крымова.

В тот же день 27 августа, в 5 часов 50 минут дня, социалист-революционер Борис Савинков, решил еще раз отметить в российской истории. Он телеграфировал в могилевскую Ставку, попросив к аппарату Верховного главнокомандующего:

«...Я считаю долгом, для восстановления исторической точности, заявить, что я, по поручению министра-председателя, просил у Вас конный корпус для обеспечения проведения в жизнь военного положения в Петрограде и для подавления всяких попыток возмущений против Временного правительства, откуда бы они ни шли...»

Корнилов готовился взять революционный Петроград железной рукой. Ударной силой выступал 3-й конный корпус генерал-лейтенанта А.М. Крымова. Он состоял из двух каза-

чьих дивизий — 1-й Донской и Уссурийской. 1-я Донская казачья дивизия состояла из следующих полков: 9-го Донского казачьего генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, 19-го Донского казачьего генерала Луковкина, 13-го Донского казачьего генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского и 15-го Донского казачьего генерала Краснова 1-го. Дивизия имела свою конную артиллерию: 6-ю и 7-ю Донские казачьи батареи.

Уссурийская казачья дивизия, известная в годы Первой мировой войны своими славными боевыми делами, состояла тоже из четырех полков: Приморского драгунского, Уссурийского казачьего, 1-го Амурского казачьего и 1-го Нерчинского из Забайкальского казачьего войска. Артиллерийским был 1-й конно-горный дивизион.

Одновременно с 3-м конным корпусом в поход на красный Питер шла Кавказская Туземная конная дивизия, которой командовал генерал-лейтенант князь Дмитрий Петрович Багратион, ставший в 1919 году начальником Высшей кавалерийской школы РККА. Дивизия состояла из шести конных полков: 2-го Дагестанского, Кабардинского, Татарского, Чеченского, Ингушского и Черкесского. Она тоже имела собственную артиллерию — 3-ю и 4-ю конно-горные батареи.

Историк-белоэмигрант А.А. Керсновский в своем известном труде, описывая боевой путь русской армии в Первой мировой войне, давал высокую оценку этому национальному кавалерийскому соединению:

«Кавказской Туземной дивизией — или, как ее называли, «Дикой» дивизией, — в 1914—1915 годах командовал великий князь Михаил Александрович. Дивизия имела блестящие дела: зимой в Карпатах, весной 1915 года — в Заднепровье и осенью — на Днестре у Гайворонки. Командир Черкесского полка князь Святополк-Мирский за атаку 15 февраля 1915 года в Карпатах был посмертно награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В атаках у Гайворонки отличились 2-й Дагестанский и Татарский полки. 15 июля 1916 года в Брусилловском наступлении она отличилась атакой ингушей под Езерянами».

«Дикая» дивизия перебрасывалась из состава войск Юго-Западного фронта заблаговременно. Еще 7 августа из могилевской Ставки главнокомандующему армиями фронта гене-

рал-лейтенанту А.И. Деникину был дан приказ отправить дивизию на сосредоточение в районе Великих Лук. К этому году подтягивался и казачий корпус генерала Крымова.

На станции Орша, вечером 26 августа, генерал-майор М.К. Дитерихс, начальник крымовского штаба, передал князю Багратиону следующее собственноручно написанное предписание:

«1917 г. 25 августа.

Секретно.

Для личного сведения.

Начдиву Туземной

Верховный главнокомандующий назначил меня главнокомандующим Петроградской отдельной армией, в состав коей входит вверенная Вам дивизия. Верховный главнокомандующий повелел мне восстановить порядок в Петрограде, Кронштадте и во всем Петроградском военном округе, причем указал подтвердить всем войсковым начальникам, что против неповинующихся лиц гражданских или военных должно быть употребляемо оружие без всяких колебаний или предупреждений.

Во исполнение сего приказываю:

1. Тотчас по получении сведений о беспорядках, начавшихся в Петрограде, и не позднее утра 1 сентября вступить в г. Петроград и занять район города — Московская, Литейная, Александро-Невская и Рождественская части. Первоначально Вам надлежит выделить части для обезоруживания нынешних гарнизонов Павловска и Царского Села.

2. В Петрограде на Вас возлагается задача:

а) разоружить все войска (кроме училищ) нынешнего Петроградского гарнизона и всех рабочих заводов и фабрик указанного выше района Петрограда;

б) поставить, где надо, свои караулы, организовать дневное и ночное патрулирование района;

в) силою оружия усмирить все попытки к беспорядкам и всякое неповиновение моим или Вашим приказаниям;

г) установить охрану тюрем и арестных домов, но лиц, там ныне содержащихся, ни в коем случае не выпускать.

3. Вы назначаетесь комендантом указанного выше района Петрограда, который, в свою очередь, для удобства управле-

ния Вы можете подразделить на участковые комендантства. Левее Вас будет район 1-й Донской казачьей дивизии; севернее, по правому берегу Невы, — район 5-й Кавказской казачьей дивизии.

4. Главным комендантом Петрограда назначаю командующего 3-м кавалерийским корпусом (на эту должность назначался генерал-лейтенант П.Н. Краснов. — *А.Ш.*), местопребывание коего первоначально будет на Центральной телефонной станции (Б. Морская).

5. Вашему штабу дивизии первоначально расположиться на Знаменской площади.

6. Передвижение из Царского Села в Петроград совершить походным порядком.

7. Ничьих распоряжений, кроме исходящих от меня или главного коменданта и за нашими подписями, ни в коем случае не исполнять.

8. Занять вокзалы железных дорог вверенного Вам района, производить самую тщательную проверку документов у пассажиров и лиц, не принадлежащих к жителям окрестных дачных районов, из города не выпускать.

9. Я буду первоначально находиться на Центральной телефонной станции.

10. Препровождаю Вам при сем для Вашего руководства и распространения среди жителей копию моего приказа за № 1 и вновь подтверждаю о подавлении беспорядков и наведении порядка самыми энергичными, жестокими мерами. Прилагаю план г. Петрограда с нанесенными на нем местами казарм, фабрик и заводов и сведениями о численности гарнизонов, рабочих и их вооружения.

Генерал Крымов.
Начальник штаба г.-м. Дитерихс».

Упомянутый в последнем пункте предписания начальнику Кавказской Туземной конной дивизии «Приказ главнокомандующего Отдельной армией № 1» был напечатан в количестве всего семи экземпляров. Он должен был вступить в силу со дня его опубликования. В своем приказе генерал-лейтенант А.М. Крымов объявлял: «...город Петроград, крепость и город

Кронштадт, губернии Эстляндскую, Петроградскую и все губернии Финляндии на осадном положении».

Этим же приказом командующего Отдельной Петроградской армией во всем выше указанном районе, а также на флоте Балтийского моря учреждались военно-полевые суды. И одновременно устанавливались обязательные правила для населения.

Такие же, как направленные князю Багратиону, крымские секретные предписания были переданы и начальникам 5-й Кубанской — в Могилеве, Уссурийской и 1-й Донской казачьим дивизиям — в Пскове.

Командовавший Уссурийской казачьей дивизией генерал-майор Губин получил секретное предписание вечером 27 августа от присланного к нему Крымским офицера. В приказе дивизии говорилось следующее:

«...Двигаться до Красного Села, где и разгрузиться, объектом действий дивизии являются позиции на Красной Горке, в Старом и Новом Петергофе...

Под угрозой батарей на Красной Горке потребовать, чтобы матросы и солдаты покинули Кронштадт и прибыли в Ораниенбаум, где их арестовать, после чего занять Кронштадт своими караулами для водворения порядка».

В городе Великие Луки Корнилов планировал в считанные дни сформировать Кавказский Туземный конный корпус под командованием все того же князя Д.П. Багратиона. В него помимо «Дикой» дивизии должны были войти еще два конных полка для 2-й «Дикой» дивизии — Осетинский и 1-й Дагестанский. Сюда же должна была прибыть Осетинская пешая бригада, состоявшая из четырех батальонов. Такой конный корпус (в составе двух дивизий) в русской армии действительно будет создан, но уже после «корниловского мятежа».

К августу 1917 года в основном только казачьи части поддерживали воинскую дисциплину. Что же касается «Дикой» дивизии, то в Ставке полагали, что «кавказским горцам все равно кого резать».

Однако и Корнилов, и Савинков, и даже Керенский понимали, что этих сил — четырнадцати полков конницы и шести артиллерийских батарей — явно недостаточно, чтобы в край-

ней ситуации взять верх над огромным по численности петроградским гарнизоном. Поэтому из Финляндии под город Выборг была передислоцирована 5-я Кавказская казачья дивизия генерал-лейтенанта С.В. Томашевского, входившая в состав 1-го конного корпуса.

Она состояла из четырех полков Кубанского казачьего войска: 1-го Таманского генерала Безкровного, 1-го Кавказского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического, 3-го Екатеринославского и 3-го Линейного. Первые два полка перед Первой мировой войной составляли Закаспийскую казачью бригаду, которая дислоцировалась на территории современной Туркмении — в Каши и Мары. Дивизия имела две казачьи батареи: донскую и кубанскую.

Корнилов решил дополнить конницу пехотой, которая, собственно говоря, должна была составить основу Отдельной Петроградской армии. С этой целью еще 23 августа глава Ставки приказал главнокомандующим армиям фронтов: Северного — генералу от инфантерии В.Н. Клембовскому, Западного — генералу от инфантерии П.С. Балуеву и Юго-Западного — генерал-лейтенанту А.И. Деникину выделить по одной-две дивизии пехоты и несколько отдельных частей (ударных батальонов, «батальонов смерти», броневых автомобильных дивизионов и других). Однако приказание Корнилова, оказалось, не было выполнено в срок.

Для проведения операции генерал Корнилов создал сильный резерв, который располагался в Могилеве и поблизости от него. Это были его именной Ударный полк имени Корнилова в составе четырех полноценных батальонов, 1-й ударный революционный полк силой в три батальона, Георгиевский пехотный батальон, составленный из Георгиевских кавалеров-фронтовиков, имевших боевые ранения, и несший охрану Ставки, Текинский конный полк. Это были элитные части русской армии.

Всего по замыслу полководца Л.Г. Корнилова под Петроградом к концу августа должно было сосредоточиться свыше десятка пехотных и кавалерийских дивизий, много отдельных частей. Но все эти планы в основном так и остались на бумаге. Время и внутрисполитическая обстановка не позволили руководителям военного переворота, и прежде всего Корнило-

ву, собрать «серьезные» силы для противостояния столичному гарнизону в несколько сот тысяч вооруженных людей.

Корнилов рассчитывал и на «здоровые» силы в самом Петроградском гарнизоне, в столичном военном округе. Помимо нескольких тысяч офицеров, служивших в столице и специально откомандированных туда с фронта, рассчитывать можно было на военные училища и школы прапорщиков Петрограда, Ораниенбаума и Петергофа. Это давало еще несколько тысяч штыков.

В 1917 году в Петрограде действовали следующие училища: Павловское и Владимирское военные (пехотные), Николаевское кавалерийское, Михайловское и Константиновское артиллерийские, Николаевское инженерное и Военно-топографическое. В столице находилась также Петроградская школа прапорщиков инженерных войск. Юнкера уже не раз привлекались правительством к наведению порядка в столице. К ним можно было прибавить старшие классы пяти кадетских корпусов.

В ближних пригородах столицы были расположены шесть школ прапорщиков. В Ораниенбауме — две, в Петергофе — четыре. Кроме того, в городе и его окрестностях находились различные офицерские классы по переподготовке специалистов, авиационная школа, военно-автомобильная школа, квартировало несколько Донских отдельных и особых (ополченческих) казачьих сотен.

К прибытию на дальние подступы к столице крымских войск в Петрограде оказалось немалое число фронтовых офицеров, откомандированных туда Ставкой. Прапорщик 274-го пехотного Изюмского полка Ф.И. Князев, например, рассказывал о том, как информировали в Могилеве направляющихся на берега Невы офицеров:

«Нас собралось 10—15 человек. Полковник закрыл дверь и сообщил нам следующее: в Петрограде обнаружен заговор большевиков, которые хотят устроить восстание темных масс, резню интеллигенции и офицеров, арестовать Временное правительство и объявить диктатуру пролетариата, затем это распространяется по другим городам и на фронт, после чего они предполагают открыть фронт и заключить с Германией сепаратный мир...

Кроме того, он заявил, что Керенский согласен передать власть генералу Корнилову на правах диктатора, причем будет сформирован новый кабинет...»

Подобные показания впоследствии дали на следствии и другие офицеры (к примеру, подпоручик 3-го гренадерского Перновского полка В.С. Денисенко), вызванные с фронта и посланные Ставкой в Петроград во второй половине августа. Этой работой по поручению Корнилова руководил полковник Генерального штаба В.М. Пронин, штаб-офицер для поручений в управлении генерал-квартирмейстера Ставки. Пронин вместе с полковником Лебедевым являлся одним из организаторов Союза офицеров армии и флота. Участник 1-го Кубанского «Ледового» похода белой Добровольческой армии. Был главным редактором официального органа правительства Юга России журнала «Военный голос».

Кроме того, к началу августовских событий в Петрограде существовали многочисленные патриотические общества. Среди них: Военная лига, Республиканский центр, Союз воинского долга, Союз «Честь родины и порядок», Союз «Организация духа», Союз добровольцев «Народной обороны», Общество «Единение», Союз «Армия чести», Союз спасения родины, Общество 1914 года, Организация князя Мещерского, «Общество государственной карты», Экономический клуб, Женский комитет и другие подобные организации.

Наиболее многочисленными и деятельными из них были первые два общества: Военная лига, которой руководил генерал-майор Федоров, и Республиканский центр. Этой организацией руководил инженер Николаевский, а его военным делом — полковник Генерального штаба Дюсиметьер.

В уставе Военной лиги было сказано, что она «имеет своей целью оказывать всемерное содействие и самую широкую поддержку к охранению, закреплению и усилению боеспособности Российской армии и флота, как оплота России и ее нового государственного строя от угрожающих им внешних врагов».

Республиканский центр, основанный в Петрограде в конце июня 1917 года, имел сильную материальную поддержку столичных торгово-промышленных кругов. Его программа выражалась в следующих четырех пунктах:

«1) водворить порядок и поддержать сильную власть в стране;

2) восстановить дисциплину в армии;

3) довести войну до победного конца, в согласии с союзниками;

4) довести страну до Учредительного собрания».

То есть, если исходить из реальности августовских дней 1917 года, Верховный главнокомандующий России генерал Л.Г. Корнилов мог в идеальном случае опереться на большие воинские силы. Но чтобы их собрать, требовались время, которого просто не было, и надежные, деятельные люди, которых у генерала просто не оказалось.

План овладения Петроградом конкретностью не отличался. От генерал-лейтенанта Крымова требовалось взять под контроль столицу и нейтрализовать петроградский гарнизон, стоявший на стороне Совета рабочих и солдатских депутатов, исполком которого возглавлял бдительный по отношению к «проискам контрреволюционеров» Чхеидзе. Первой мерой к ослаблению силы питерского Совета должна была стать отправка пяти резервных полков, в которых особенно сильно было влияние большевиков, на фронт, в окопы.

Пока приказами по телеграфу войска находились и отправлялись «в состав Отдельной Петроградской армии», в Могилеве, в корниловском кабинете, решался вопрос о составе нового российского правительства, который был назван Советом народной обороны. Сам Лавр Георгиевич рассказывал на следствии об этом эпизоде «корниловского мятежа» в своей «объяснительной записке» так:

«26-го вечером в моем кабинете собрались комиссар Филоненко, В.С. Завойко и А.Ф. Аладьин. Разговор снова коснулся тяжелого состояния страны и необходимости иметь во главе ее сильную власть. Я предложил им, считая их людьми, хорошо знающими наших наиболее выдающихся общественных деятелей, и имея в виду мои переговоры с г.г. Савинковым и Львовым, наметить такую схему организации власти и состава правительства, которая, включая в себя лучшие силы всех главных политических партий страны, могла бы дать ей правительство твердое, работоспособное, пользующееся полным доверием страны и армии.

Был набросан проект Совета народной обороны, с участием Верховного главнокомандующего в качестве председателя, А.Ф. Керенского — министра-заместителя, г. Савинкова, генерала Алексева, адмирала Колчака и г. Филоненко. Этот Совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным.

На посту других министров намечались г.г. Тохтамышев, Третьяков, Покровский, граф Игнатъев, Аладьин, Плеханов, князь Львов Г.Е., Завойко. За исключением князя Львова, Аладьина и Завойко, я с другими незнаком.

О моем взгляде о необходимой конструкции власти комиссар Филоненко в ту же ночь сообщил по прямому проводу г. Савинкову, что и подтверждено было последним в разговоре со мной по прямому проводу 27 августа».

В тот же вечер 26 августа у Корнилова состоялся разговор по прямому проводу с министром-председателем и князем В.Н. Львовым. К аппарату Лавра Георгиевича вызвал Керенский. Было подтверждено приглашение главе Временного правительства прибыть в эти тревожные дни в Могилев, под охрану верных Ставке войск. Такое приглашение получили от Верховного и Савинков со Львовым. Керенский пообещал выехать из Петрограда на следующий день «во всяком случае» развития событий.

Борис Викторович Савинков со всей решительностью «подталкивал» в Зимнем дворце Керенского к действиям. 26 и 27 августа он несколько раз повторял министру-председателю одну и ту же просьбу: подписать намеченные им и генералом Корниловым законопроекты. Но глава Временного правительства, казалось, все колебался и не мог решиться на такой политический шаг.

В конечном счете Савинков, этот великий мастер «плаща и кинжала», был выведен из терпения. В своей книге «К делу Корнилова», увидевшей свет в Париже в 1919 году, он писал:

«Я не понимал этих колебаний Керенского, не понимал, почему он 26-го не решается принять на свою ответственность то, с чем он согласился 17-го, но я знал, что отвергнуть законопроект — значит, дать Ставке повод к восстанию и тем положить конец надежде возрождения боевой способности армии.

Поэтому после доклада я попросил у Керенского разрешения поговорить с ним наедине. Я сказал, что отвергаемый им законопроект изготовлен по его приказанию, что нерешительность его преступна, что его слабование губит Россию и что если бы передо мною был не он, Керенский, то я бы разговаривал с ним другим языком.

Керенский, выслушав меня, взял законопроект, обещал его подписать в тот же день, 26-го вечером, представить на обсуждение во Временное правительство.

Я вышел из Зимнего дворца с уверенностью, что на этот раз достигнуто то, что казалось мне залогом спасения России. Но и на этот раз уверенность меня обманула...»

Колебания Керенского, объявившего Россию республикой, но не давшего этой республике конституцию, видятся по истечении почти целого столетия вполне ясно. Он не мог не понимать, что если за «обладание» Петроградом начнется настоящая вооруженная схватка, то она станет прологом Гражданской войны. Он полностью одобрял корниловский план «расчистки» столичного гарнизона, ставшего для правительства почти неуправляемым. Не говоря уже о близком радикально революционным Кронштадте.

Конец колебаниям Керенского положил, как это ни странно, не напористый эсер-боевик Борис Савинков, а князь Львов, только что приехавший из Ставки и прямо с вокзала прибывший в штаб министра-председателя в Зимнем дворце. Львов сразу же поразил Керенского:

— Александр Федорович. Я должен вам передать формальное предложение.

— От кого?

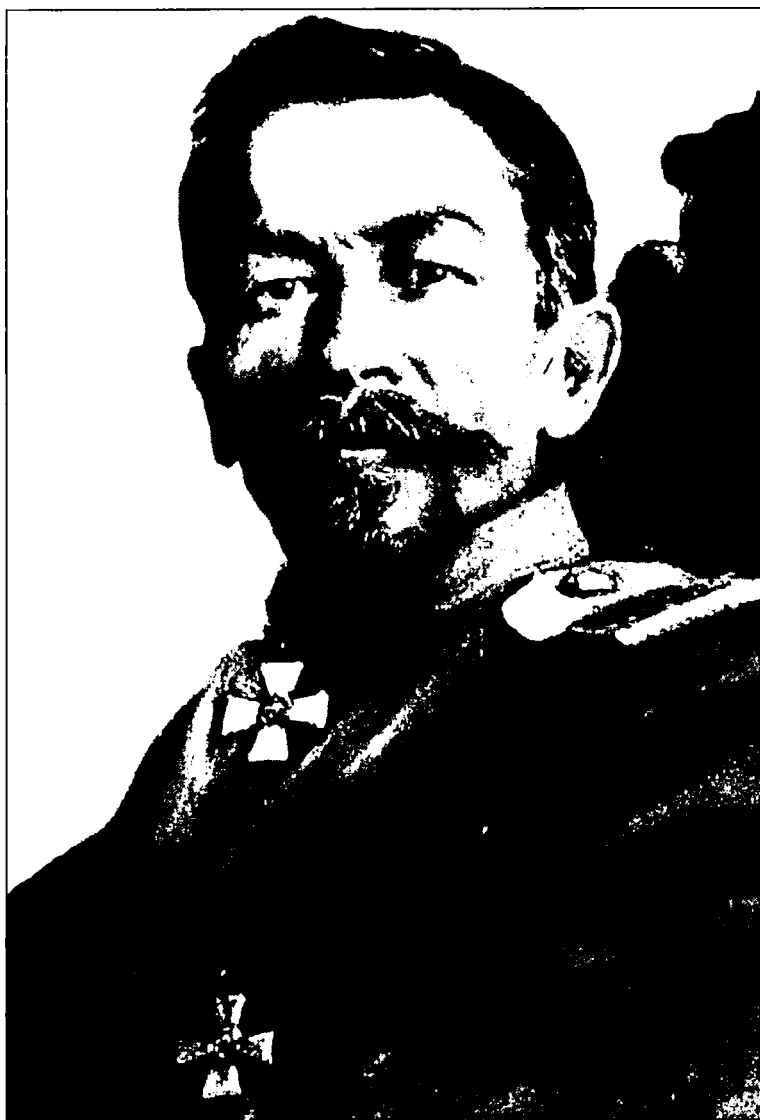
— От генерала Корнилова.

— Что это за формальное предложение?

— Это план введения в Петрограде военного положения.

Это ультиматум вам.

Слово «ультиматум» и решило все многодневные колебания Керенского. Более того, именно это слово стало той точкой опоры и отсчета созданного волей министра-председателя «Дела Корнилова» или дела о «корниловском мятеже». Глава Временного правительства в одночасье понял, что быть и дальше союзником генерала Корнилова опасно для жизни.

Генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов

Русские солдаты в походе. Один из эпизодов Первой мировой войны

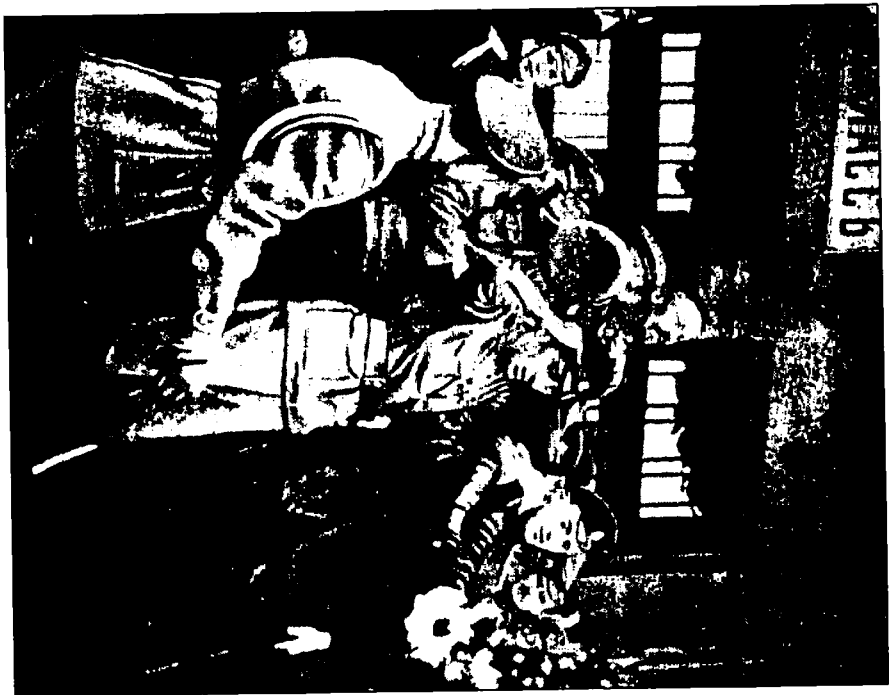

Смотр женского «батальона смерти» в Петрограде.
Вторая справа — М.Л. Бочкарева, третий справа — генерал П.А. Половцев

Солдаты и офицеры Петроградского гарнизона.
В июле 1917 года они не поддержали левых экстремистов.
В центре — заместитель Л.Г. Корнилова генерал П.А. Половцев

Встреча Л. Г. Корнилова в Москве
на Александровском (ныне Белорусском) вокзале

А.Ф. Керенский

Б.В. Савинков

Союз Георгиевских кавалеров выступил в поддержку Л.Г. Корнилова

Большевики стали создавать из петроградских рабочих дружины для борьбы с корниловским движением

Застава противников корниловского движения под Петроградом

Братание солдат «дикой» (Кавказской туземной) дивизии с солдатами революционных частей

Задержка эшелона генерала А.М. Крымова под Петроградом.
Рисунок И. Владимирова

Генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин

Генерал от кавалерии Иван Георгиевич Эрдели

Ротмистр Петр Николаевич Врангель в 1914 г.
К концу Гражданской войны на Юге России барон
Врангель являлся генерал-лейтенантом, командующим
Белой армией в Крыму

А.И. Деникин

А.С. Лукомский

М.В. Алексеев

А.П. Кутепов

А.П. Богаевский

В. М. Чернецов

Н.Н. Духонин

Султан-Шахим-Гирей

А.П. Филимонов

И.П. Романовский

Генерал-майор В.Л. Покровский

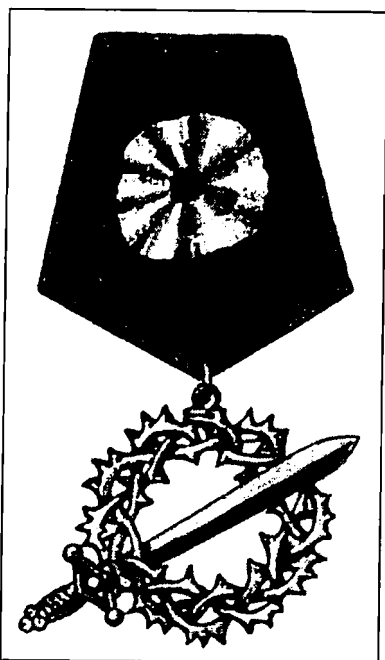
Полковник М.Н. Левитов

Дети генерала Корнилова, Юрий и Наталья

Генерал-лейтенант С.Л. Марков

Медаль за «Ледяной поход»
в 1918 году

Знак Корниловского ударного полка

Керенский был опытным юристом. Он попросил князя Львова изложить корниловский «ультиматум» на бумаге. Так на свет появилось письменное свидетельство против мятежного генерала Л.Г. Корнилова. Вот его краткое содержание:

«Генерал Корнилов предлагает:

1. Объявить г. Петроград на военном положении.
2. Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего.
3. Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления министерств товарищам министров, впредь до образования кабинета Верховного главнокомандующего.

Петроград.
Август 26, 1917 г.
В. Львов».

Эта львовская записка стала для социалиста-революционера Александра Федоровича Керенского козырной картой не в борьбе с «корниловским мятежом», а в сохранении возможности удержаться на гребне государственной власти еще месяц с небольшим. И не больше. Имея на руках «ультиматум» Верховного главнокомандующего, можно было обвинять своего единомышленника генерала Корнилова уже не только в «бонапартизме», но и в попытке установить в России личную, военную диктатуру.

Корнилов действительно требовал объявить Петроград на военном положении и передать в его руки всю полноту власти, отставки всех «временных» министров, не исключая самого министра-председателя, «приложившего руку» к развалу государства и армии.

Теперь Керенский понял, какую «стратегическую» ошибку (ошибку ли?) он совершил, одоблив при свидетелях корниловский план «расчистки» Петрограда. Ведь последовательный в своих действиях генерал (один из немногих, кому Временное правительство в 1917 году присвоило высшее генеральское звание), введя верные ему войска, мог установить военную диктатуру.

На заседании кабинета министров Корецкий ошеломил своих коллег сообщением о начавшемся «корниловском мятеже». 27 августа среди «временных» произошел раскол. Четыре министра от конституционно-демократической партии (кадеты) подали в отставку, вызвав тем самым правительственный кризис. Позднее левые обвинили их в том, что они хотели расчистить генералу Корнилову путь к захвату власти. Существовало другое мнение: кадеты с портфелями министров (Кокошкин, Юренев, Ольденбург и Карташев) подталкивали Керенского к сосредоточению в своих руках еще большей власти, чтобы противостоять партии большевиков.

Керенский переговорил с Главой Ставки по прямому проводу. Те телеграфные ленты, «отстуканные» на аппарате Юзе, сохранились до наших дней:

«Керенский. — Министр-председатель Керенский. Ждем генерала Корнилова.

Корнилов. — У аппарата генерал Корнилов.

Керенский. — Здравствуйте, генерал. У аппарата Владимир Николаевич Львов и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

Корнилов. — Здравствуйте, Александр Федорович, здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу, с просьбой доложить Вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

Керенский (за Львова. — *А.Ш.*). — Я — Владимир Николаевич, Вас спрашиваю — то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили известить меня Александра Федоровича только совершенно лично? Без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверять.

Корнилов. — Да подтверждаю, что я просил Вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу прибыть в Могилев.

Керенский (теперь уже за себя. — А III). — Я — Александр Федорович. Понимаю Ваш ответ, как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем...»

Далее события в столице, вернее — в Зимнем дворце, развивались так. В Малахитовом зале в полном составе собралось Временное правительство, ожидая уже не первый час выхода Керенского. Вместо этого Керенский вызвал к себе Савинкова. В своей книге «К делу Корнилова» Савинков так описывал происходившее в кабинете министра-председателя:

«...Прочитанный мною ультиматум мне показался мистификацией. Но Керенский сказал, что он проверил заявление Львова по прямому проводу у генерала Корнилова и в доказательство показал мне ленту своего разговора. В ленте этой не содержалось текста ультиматума, предъявленного Львовым. Керенский спрашивал кратко, подтверждает ли генерал Корнилов то, что говорил Львов, и генерал Корнилов ответил: «Да, подтверждаю».

Ни тогда, ни после, ни теперь я не понимал и не понимаю, как мог Керенский в деле столь огромного государственного значения ограничиться таким неопределенным вопросом, и я не понимал и не понимаю, как мог генерал Корнилов подтвердить то, содержание чего ему не было и не могло быть известно.

Я был убежден, что в основе происходящего лежит недоразумение. Генерал Корнилов, я в этом не сомневался, не принимал участия в заговоре. Три дня назад он уверял меня, что будет верно служить Временному правительству. За три дня не случилось ничего, что могло бы поколебать его решение...

Чувствуя, что происходящее недоразумение может вызвать события неопределенные, я посоветовал Керенскому сговориться с генералом Корниловым. Но Керенский возразил, что поздно сговариваться. Он сказал, что им уже послана телеграмма Корнилову с отрешением его от должности и с приказом покинуть армию.

Не могу не отметить, что телеграмма эта по содержанию была незаконной, ибо не министр-председатель, а только Временное правительство имело право сместить Верховного главнокомандующего, по форме же она была телеграммой част-

ной, ибо была без номера, без второй, скрепляющей, подписи, за одною подписью «Керенский», без звания «министр-председатель», и была адресована не «главковерху в Ставку», а «генералу Корнилову в Могилев».

Первоначально телеграмму Керенского об отрешении Лавра Георгиевича от должности Верховного в Ставке восприняли как «недоразумение». Правительственный комиссар М.М. Филоненко даже связался по прямому телеграфному проводу с Савинковым. Тот подтвердил подлинность и точность полученной в Ставке телеграммы. Тогда Филоненко за своей подписью отправил в Петроград телеграмму следующего содержания:

«Временному правительству.
Управляющему
Военным министерством.

Считаю долгом сообщить, что принятое правительством решение о смене генерала Корнилова в обстановке данного политического момента вызовет такую аварию и волнение в армии, что фронт будет открыт и каковым бы ни был исход, Гражданской войны, каковая неизбежно начнется, следствием ее будет сепаратный мир с немцами и, по крайнему моему убеждению, снова восстановление самодержавия на осколках вассального государства, которое останется от Великой России. Победителей в этом междоусобии не будет, так как тот, кто бы им оказался, завтра будет рабом немцев.

Только в последнюю минуту я настаиваю на необходимости приостановки отставки генерала Корнилова правительством. Необходимо также свидание министра-председателя и генерала Корнилова. Только если это отсрочит Гражданскую войну и гибель России на один день — беды нет. Полная безопасность приезда и отъезда министра — гарантируется честным словом генерала Корнилова и Лукомского».

...После резкого разговора с Борисом Савинковым, Керенский наконец явился в Малахитовый зал и предстал перед кабинетом министров. Он вкратце проинформировал присутствовавших о начале «корниловского мятежа».

После этого он заявил, что отдал приказ арестовать князя Львова как полномочного представителя мятежного Верхов-

ного главнокомандующего в столице, что своим решением он уволил — «отрешил» генерала-бунтовщика Корнилова от занимаемой должности, а в конце потребовал предоставить ему чрезвычайные полномочия, а также право сократить число «временных» министров.

К 5 часам утра большинством голосов Временное правительство предоставило Керенскому «диктаторские полномочия». Так что теперь генерала Корнилова можно было назвать уже «несостоявшимся диктатором».

Наделенный диктаторскими полномочиями Керенский действовал решительно. Он приказал главнокомандующему армиями Северного фронта задержать все воинские эшелоны, следующие со стороны фронта к столице.

Содержание приказа Керенского стало сразу же известно в Ставке. На копии телеграммы генерал Корнилов написал:

«Приказания этого не исполнять».

Из Могилева в штабы Северного, Западного и Юго-Западного фронтов полетело корниловское приказание продолжать движение войск к Петрограду. Корнилов стремился парализовать приказы Керенского, который требовал от местных Советов и железнодорожников, ряда гарнизонов всеми мерами блокировать продвижение войск генерала Крымова к Петрограду. Корнилов требовал «безусловного исполнения» только своих распоряжений и предупреждал, что в случае неповиновения будет «качать беспощадно».

Утром 27 августа в экстренных выпусках ряда столичных газет генерала Корнилова уже называли государственным преступником, мятежником, бонапартистом, решившим установить в России военную диктатуру. Естественно, содержание этой информации в тот же день стало известно в Могилеве.

Все последующие дни столичная пресса левого толка публиковала материалы, обличавшие корниловцев и их вождя. Только отдельные газеты пытались объяснить попытку военного переворота каким-то недоразумением. В числе их оказалась рупор партии кадетов «Речь». Но и она в ближайшие дни не смогла поддержать генерала Корнилова.

Ее номер за 30 августа вышел с бросающимся в глаза белым пятном, где должен был стоять материал в защиту гене-

рала Корнилова, снятый с набора в самый последний момент. Однако в архивах эта передовая статья сохранилась. Вот отрывок из нее:

«...Что ответить на обвинение, квалифицирующее происходящие события как заговор против революции, цель которого — избавление от насилия демократии? Генерал Корнилов — не реакционер, его цели не имеют ничего общего с целями контрреволюции, это явствует из его определенного заявления, простотой своей как нельзя лучше характеризующего бесхитростный ум и сердце солдата.

Генерал Корнилов ищет путей довести Россию до победы над врагом и к выражению народной воли в будущем устройстве Учредительного собрания. Нам тем легче присоединиться к этой формулировке национальных целей, что мы говорили в тех же самых выражениях задолго до генерала Корнилова...

Мы не боимся сказать, что генерал Корнилов преследовал те же цели, какие мы считаем необходимыми для спасения родины...»

На эти газетные выступления генерал Корнилов ответил собственным заявлением, известным как «Манифест к русскому народу», в котором Корнилов объявлял, что берет власть в свои руки, и призывал не исполнять распоряжения Временного правительства. Корниловское заявление было разослано циркулярной телеграммой по линиям железных дорог и всем начальствующим лицам и учреждениям. Но документом широкой гласности оно в те дни, разумеется, не стало.

«Манифест к русскому народу» начинался с обращения Корнилова от себя лично (только лично), как сына казака-крестьянина, к каждому, кому была дорога честь России. Уже сам этот факт говорил о том, что Верховный главнокомандующий пытался найти сочувствие и поддержку в народных массах, в солдатской среде, а не только у своих приверженцев.

В мемуарах, изданных в Париже, Борис Савинков вспоминал о тех последних августовских днях 1917 года:

«Ночь с 26-го на 27-е и половину дня 27-го я провел в беседах по прямому проводу с Филоненкой и генералом Корниловым. Керенский предлагал объявить о восстании генерала Корнилова немедленно, и этого же мнения держался министр

финансов Некрасов, но остальные члены Временного правительства и некоторые общественные деятели... многократно настаивали перед Керенским на необходимости ликвидировать недоразумение и сговориться с генералом Корниловым...

...Я приказывал Филоненко немедленно покинуть Ставку и приехать в Петроград, генерала Корнилова же убеждал во имя блага родины подчиниться Временному правительству... Генерал Корнилов ответил мне отказом ..

Некрасов встретил меня (в Зимнем дворце — А.Ш.) словами, что он уже приказал опубликовать о выступлении, или, держась официального текста, об «измене» генерала Корнилова. Он сказал мне, кроме того:

«Пока вы разговариваете по проводу, ингуши подходят к Петрограду».

Свершилось непоправимое. Инцидент¹ не был ликвидирован в Зимнем дворце, недоразумение разрослось до размеров вооруженного выступления, и вся Россия была оповещена о том, что генерал Корнилов «мятежник».

В ночь на 28-е генерал Алексеев, Терещенко и я уже безнадежно обсуждали вопрос, как потушить разгорающийся пожар, а утром я спросил Керенского, понимает ли он, что армия после удара, нанесенного ей, погибнет. Керенский мне ответил, что армия не погибнет и что, напротив, воодушевленная победой над контрреволюцией, она ринется на германцев и победит...»

Дальнейшие события сам генерал Корнилов изложил в «объяснительной» записке следственной комиссии по делу о «корниловском мятеже», данной в книге бывшего генерал-лейтенанта Мартынова как приложение:

«Я ждал, что 27 августа министр-председатель выедет в Ставку. Утром 27 августа я получил телеграмму за подписью «Керенский», но без номера, с указанием сдать временно должность Верховного главнокомандующего генералу Лукомскому и, не ожидая прибытия нового Верховного главнокомандующего, выехать в Петроград.

Зная, что в Петрограде накануне рассматривался, в заседании Временного правительства, проект распространения закона смертной казни во внутренние округа России, что должно было сильно отразиться на боеспособности армии в благо-

приятную сторону и обуздать анархические выступления левых партий, я пришел к убеждению, что правительство снова подпало под влияние безответственных организаций и, отказываясь от твердого проведения в жизнь предложенной мной программы оздоровления армии, решило устранить меня, как главного инициатора указанных мер.

Ввиду тягчайшего положения страны и армии, я решил должности Верховного главнокомандующего не сдавать и выяснить предварительно обстановку. Объявив об этом генерал-лейтенанту Лукомскому, я спросил его, намерен ли он принять от меня обязанности Верховного главнокомандующего. Генерал-лейтенант Лукомский доложил мне, что при настоящих тяжелых условиях страны и армии он не считает возможным заменить меня на посту Верховного главнокомандующего и доложил мне проект его телеграммы Временному правительству за № 6406.

Одобрив проект этой телеграммы, я приказал мое решение и решение генерал-лейтенанта Лукомского довести до сведения главнокомандующих армиями всех фронтов, что и было сделано в телеграмме генерал-лейтенанта Лукомского от 27 августа за № 6412. В 5 час. 50 мин. дня того же 27 августа я переговорил по прямому телеграфному проводу с управляющим Военным министерством г. Савинковым, которому заявил, что ввиду создавшихся условий я не считаю возможным уйти со своего поста.

28 августа мне была доложена копия телеграммы министра-председателя за № 710 на имя генерала Клембовского о назначении его временно исполняющим обязанность Верховного Главнокомандующего, с оставлением его в Пскове и с исполнением должности главнокомандующего армиями Северного фронта. На эту телеграмму я наложил следующую резолюцию:

«Прошу генерала Клембовского срочно уведомить меня о его решении, так как на основании вчерашней телеграммы мной уже принято определенное решение, отмена которого явится причиной больших потрясений в армии и стране. Генерал Корнилов. 28 августа 1917 года».

28 августа Временное правительство объявило меня изменником родины и потребовало отмены приказа о движении частей 3-го конного корпуса, сосредоточивавшегося в окрестностях Петрограда.

Имея в виду:

1) предыдущее распоряжение того же Временного правительства о направлении 3-го конного корпуса к Петрограду для подавления большевистского движения,

2) принципиальное согласие Временного правительства на предложенную мной программу мер для оздоровления армии,

3) беседы с управляющим Военным министерством Б.В. Савинковым,

4) сведения об усилении давления Совета С. и Р.Д. на Временное правительство, — я пришел к выводу, что правительство окончательно подпало под влияние (Петроградского. — А.Ш.) Совета, для борьбы с которым правительство само же вызвало войска. А потому, опираясь на заявления главнокомандующих Северным, Западным, Юго-Западным и Румынским фронтами в телеграммах за № 574 А, 10 459, 493 и 145 (копии прилагаются), я решил выступить открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его:

1) исключить из своего состава тех министров, которые, по имеющимся у меня сведениям, были явными предателями Родины, и

2) перестроиться так, чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть.

Для оказания давления на Временное правительство я решил воспользоваться 3-м конным корпусом генерала Крымова, которому я приказал продолжать сосредоточение к Петрограду...»

В Ставке на объявление Верховного главнокомандующего мятежником и изменником отреагировали так. Дежурный арестовал одного из помощников правительственного политического комиссара поручика М.М. Филоненко. Узнавший об этом Лавр Георгиевич немедленно приказал освободить арестованного, вернуть ему личное оружие и лично извинился перед ним за случившееся.

28 августа Корнилову и его единомышленникам в Ставке показалось, что положение складывается в их пользу. В Могилеве стало известно содержание телеграмм четырех главнокомандующих армиями фронтов (А.И. Деникина, В.Н. Клембовского, П.С. Балуева и Д.Г. Щербачева). Все они решительно

высказались перед Временным правительством против смещения мятежного Корнилова с поста Верховного главнокомандующего.

Полученные А.Ф. Керенским телеграммы главнокомандующих армиями четырех фронтов произвели на министра-председателя самое неблагоприятное впечатление. Он понимал, что все эти четыре генерала являются для него «корниловцами». Наиболее прямолинейной и решительной оказалась телеграмма с Юго-Западного фронта:

«Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста главноверха. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду.

27 августа. № 145
Генерал Деникин»

На следующий день, 28 августа, в Петрограде была получена телеграмма главнокомандующего Западным фронтом генерала от инфантерии П.С. Балуева:

«Военному министру.

В телеграмме по должности командарма 2-й, еще от 12 июля, я высказал, при каких условиях возможно поднять боевую способность армии и тем спасти Россию. В отношении мер, какие должны быть приняты, я вполне согласен с генералом Корниловым. Сегодня получил телеграмму, что генералу Корнилову приказано сдать должность главноверха. Считаю уход генерала Корнилова гибелью для армии и

России, во-первых, потому, что генерал Корнилов всегда самоотверженно, всем сердцем и искренне работал на благо родины и единственный человек в России, способный своей железной волей водворить в армии порядок, а во-вторых, увольнение его показывает, что проектируемые меры правительством не принимаются; между тем, нынешнее положение России требует безотлагательного принятия исключительных мер, и оставление генерала Корнилова во главе армии является настоятельно необходимым, несмотря ни на какие политические осложнения.

28 августа. № 10 459.
Генерал Балуев».

Одновременно с этой телеграммой Керенский получил телеграмму из Ясс, где находился штаб румынского фронта. Формально им командовал король Фердинанд I румынский. В действительности же главой фронта был русский генерал Дмитрий Григорьевич Щербачев, занимавший должность Августейшего главнокомандующего армиями румынского фронта. Он телеграфировал в Петроград:

«Военному министру.

Считаю смену Верховного командования в настоящее особенно трудное время, которое переживает Россия, — крайне опасной в военном отношении. С другой стороны, вполне разделяя меры, предложенные генералом Корниловым для поднятия дисциплины в целях восстановления боеспособности армии, считаю долгом совести заявить, что смена генерала Корнилова неминуемо губительно отразится на армии и защите России. Обращаюсь к вашему патриотизму — во имя спасения родины сохранить армию от раскола.

28 августа 1917 г. Яссы. № 493.
Щербачев».

К тому же глава Северного фронта генерал от инфантерии В.Н. Клембовский отклонил предложение министра-председателя Керенского (сделанное после отказа генерал-лейтенанта

Лукомского) занять место генерала Корнилова. В телеграмме из Пскова говорилось:

«Военному министру.

От главковерха получил телеграмму, что я назначаюсь на его место. Готовый служить родине до последней капли крови, не могу во имя преданности и любви к ней принять эту должность, так как не чувствую в себе ни достаточно сил, ни достаточно умения для столь ответственной работы в переживаемое тяжелое и трудное время. Считаю перемену Верховного командования крайне опасной, когда угроза внешнего врага целостности родины и свободе повелительно требует скорейшего проведения мер для поднятия дисциплины и боеспособности армии.

28 августа. № 574/А.
Клембовский».

И в довершение начальник штаба Ставки генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, известный своим высоким пониманием служебного долга, дал министру-председателю на его предложение занять пост главы Ставки следующий телеграфный ответ:

«Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, заявить, что теперь остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к Гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова ведет за собой ужасы, которые Россия еще не переживала.

Я лично не могу принять на себя ответственность за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию».

Только главнокомандующий недавно образованного из Отдельной армии Кавказского фронта генерал М.А. Пржевальский, сменивший на этом посту одного из лучших русских полководцев Первой мировой войны Н.Н. Юденича, снятого за несогласие с «временными», был «за». Он заявил в телеграм-

ме из крепости Карс, что «он лично и кавказские войска» всецело находятся на стороне Временного правительства.

Такое же телеграфное послание в Зимний дворец пришло и от командующего Московским военным округом полковника А.И. Верховского. Командующие флотами Балтийского и Черного морей по этому вопросу правительством не запрашивались.

Сам А.Ф. Керенский в своей мемуарной работе «Дело Корнилова» писал, что во время августовского путча был критический для него момент, когда он практически остался в одиночестве. Тогда вокруг него создалось такое положение, когда многие полагали «более благоразумным быть подальше от гиблых мест».

Как вспоминал глава российского Временного правительства, 28 августа и первая половина 29-го стали временем «наибольших колебаний, наибольших сомнений в силе противников Корнилова, наибольшей нервности в среде самой демократии».

Немалое уныние в душе Керенского мог посеять в последние августовские дни его министр иностранных дел М.И. Терещенко. Он получил на свое имя из Могилева пространную телеграмму. Ее отправил, с одобрения генерала Корнилова, начальник дипломатической канцелярии в Ставке князь Трубецкой. Он информировал своего шефа в следующем:

«Трезво оценивая положение, приходится признать, что весь командный состав, подавляющее большинство офицерского состава и лучшие строевые части армии пойдут за Корниловым. На его сторону станет в тылу все казачество, большинство военных училищ, а также лучшие строевые части. К физической силе следует присоединить превосходство военной организации над слабостью правительственных организмов, моральное сочувствие всех несоциалистических слоев населения, а в низах растущее недовольство существующими порядками, в большинстве же народной и городской массы, притупившейся ко всему, равнодушие, которое подчиняется удару хлыста...

От людей, ныне стоящих у власти, зависит, пойдут ли они навстречу неизбежному перелому, чем сделают его безболезненным и охранят действительные залогов народной свободы, или же своим сопротивлением примут ответственность за новые неисчислимы бедствия. Я убежден, что только безотла-

гательный приезд сюда министра-председателя, управляющего военным министерством, а также Ваш для совместного с Верховным главнокомандующим установления основ сильной власти может предотвратить грозную опасность междоусобия».

Терещенко, получив телеграмму, сознательно не показал ее Керенскому. Вероятнее всего, он посчитал это дело совершенно бесполезным для «временных». Министр-председатель познакомился с «дипломатическим посланием» из Могилева только после подавления «корниловского мятежа».

Как описывали очевидцы, в последние августовские дни многоликий Петроград как-то притих, словно оцепенел перед грядущими событиями. По городу ходили взаимоисключающие слухи. Обывателей пугал слух, что на столицу идет какая-то «Дикая» дивизия, состоящая из «горских головорезов». Здания не только Петроградского, но и районных Советов оцетинились пулеметами, их охраняли красногвардейцы и солдаты.

О том, что писалось в петроградских газетах в последние августовские номера, можно судить по «оперативной» информации на первой полосе газеты «Русское слово». Публикуемые сведения о наступлении корниловских войск были не только сильно преувеличены, но в немалой части грешили необъективностью:

«12 с половиной часов дня 28 августа. Правительство получило сведения, что отряд, присланный генералом Корниловым, сосредоточился вблизи Луги».

«2 с половиной часа пополудни. Получены сведения, что через станцию Ордеж проследовало девять новых поездов с войсками Корнилова. В головном поезде находится железнодорожный батальон. Авангард этих войск продвинулся до станции Семрино (45 километров от Петрограда). Железнодорожная часть и саперы разрушили баррикады, сооруженные на полотне по приказу Временного правительства. Часть войск генерала Корнилова, как выясняется, проследовала на Северо-Западную дорогу, другая движется по Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороге. Головной поезд генерала Корнилова прошел Вырицу (59 километров от Петрограда). Принимаются меры по исправлению испорченного пути на ст. Семрино. Ожидается, что с прибытием последующих поездов,

которые уже подходят к Ореджу, кавалерийские части пойдут к Петрограду по шоссе».

«3 часа пополудни. По телефону из Луги получено сообщение, что Лужский гарнизон сдался войскам генерала Корнилова и выдал все оружие. Станция и все правительственные здания Луги заняты войсками Корнилова».

«6 часов вечера. Войска генерала Корнилова прошли Лугу и по шоссе направляются к ст. Тосно. По-видимому, войска генерала Корнилова пытаются окружить Петроград со всех сторон».

«11 с половиной часов вечера. Правительственные войска вошли в соприкосновение с войсками генерала Корнилова на ст. Антропшино Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги (33 километра от Петрограда). С минуты на минуту ожидается начало боя».

«2 часа ночи на 29 августа. В Штаб округа поступило донесение, что у станции Антропшино начался бой между правительственными и корниловскими войсками. С обеих сторон есть убитые и раненые...»

28 августа в столицу пришли из Могилева настораживающие Зимний дворец вести. Они свидетельствовали, что глава Ставки настроен действительно по-боевому.

Во-первых, генерал Корнилов приказал объявить город Могилев, в котором размещался верный ему гарнизон, и 10-верстную зону вокруг него на осадном положении.

Во-вторых, был издан приказ за подписью Верховного главнокомандующего и могилевского коменданта полковника Самарина-Квашнина. В силу этого приказа местный Совет рабочих и солдатских депутатов прекращал свою деятельность. Комитетчикам пришлось на несколько дней уйти в подполье.

И в-третьих, Корнилов провел смотр войскам могилевского гарнизона, выступив перед солдатами и офицерами с речью. Гарнизон на то время состоял, не считая штабных подразделений, из Корниловского ударного полка (три батальона) капитана Неженцева, Текинского полка (пять сотен) полковника фон Кюгельгена и Георгиевского пехотного батальона полковника Тимановского.

Белоземитрант полковник Добровольческой армии В.А. Арон так вспоминал об участии Текинского конного полка в «корниловском мятеже»:

«24 августа генерал Корнилов произвел полку смотр. В двух-трех верстах от города полк выстроился развернутым фронтом по опушке леса. Хорошее ясное утро. Около 9 часов подъехал автомобиль, из которого вышел генерал Корнилов. Свиты не было. Сопровождали Верховного комендант Ставки полковник Квашнин-Самарин и адъютант. Генералу подвели лошадь, он сел и подъехал к фронту. Трубачи заиграли «Встречу», командир полка полковник Кюгельген рапортовал. Подздоровавшись с полком, объехав фронт, Верховный вызвал 2-й эскадрон, приказал произвести эскадронное ученье. После этого пропустил полк мимо себя церемониальным маршем, поблагодарил за ученье и вызвал к себе господ офицеров, обратившись к ним с кратким словом. Общий смысл обращения заключался в том, что наступают решительные дни, Родина и армия идут к гибели. Всякий честный патриот должен быть готовым к борьбе.

— Готовы ли вы? — задал вопрос генерал Корнилов.

Офицеры, как один, хором ответили:

— Так точно!

Верховный простился с нами и уехал. Возвращался полк в приподнятом настроении. Всадники — довольные, что видели своего «Уллу-Бояра» в добром здравии, а мы, офицеры, — довольные его доверием с обращенными к нам словами.

События не заставили себя долго ждать. 27 августа генерал Корнилов выпустил известное свое воззвание в ответ на телеграмму Керенского, объявившего Верховного «изменником Родины». С этого дня охрана города Могилева перешла всецело в ведение Текинского полка. Кроме нас и батальона георгиевцев, в Могилеве находились Корниловский ударный полк и 1-й Сибирский казачий полк, скоро, впрочем, ушедший восвояси.

По Могилеву в эти дни распространялись всевозможные слухи. Много злобы изливалось в них и на наших текинцев. На них возводились даже обвинения в учиняемых ими якобы насилиях и грабежах. Хотя эти наветы нервировали и офицеров, и всадников, но дисциплина держалась крепко.

30 августа, с утра, мой 4-й эскадрон выступил по Гомельскому шоссе. Мне приказано было подготовить к взрыву небольшой каменный мост через заболоченную балку, в 7—8 вер-

стах от города, и взорвать его в момент приближения автомашин, следующих на Могилев. Мера эта, как и разъезды во всех направлениях от города, была вызвана тем, что Керенский, теперь уже главковерх, решил направить карательные отряды в Могилев для ликвидации Ставки.

В этой охранной службе прошло два дня. Мы издалека наблюдали, как на луг садился прилетевший со стороны Киева аэроплан... Какие вести он принес и от кого? До нас стали доходить самые невероятные слухи, будто весь Юго-Западный фронт идет на помощь к генералу Корнилову. Но пока двигался с какими-то частями... товарищ Муралов.

31 августа в Ставку прибыл генерал Алексеев. К вечеру этого дня я получил приказание вернуться в расположение полка, предварительно разоружив предназначенный к взрыву мост...»

Пока между могилевской Ставкой и штабом министра-председателя в Зимнем дворце шли взаимные переговоры по прямому проводу, пока министры Временного правительства в кулуарах обсуждали складывающуюся ситуацию, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов перехватил инициативу в борьбе с «корниловским мятежом». Левые партии на всю Россию (адресуясь прежде всего к столичному гарнизону и заводам) выдвинули лозунг:

«Революция в опасности! К оружию!»

Левая пресса, большевистские агитаторы уже 27 августа обратились к трудовому народу с призывом встать на защиту революционных завоеваний. Одновременно Временное правительство обвинялось в слабости и шатаниях, и звучали призывы не поддерживать больше Керенского.

Резервные полки и другие запасные части столичного гарнизона, до этого, прямо скажем, не горевшие «революционным стремлением» защитить новую Россию на фронте, дружно решили защищать красный Петроград от корниловцев в лице... одного-единственного конного корпуса. Причем на митингах выказывалось небывалое до того единодушие.

Но это было еще не все. На предприятиях Петрограда и в его городских районах (сторонах) стали создаваться многочисленные красногвардейские отряды, которые получали на гарнизонных складах винтовки и патроны. На улицах столицы стали возводить баррикады.

В противостоянии с мятежной Ставкой Керенский попытался перехватить инициативу. Он назначил Чрезвычайную следственную комиссию в составе государственного морского прокурора И.С. Шабловского и двух военных юристов (чиновников) в звании полковников — Р.Р. Раупаха и Н.П. Украинцева. Им было приказано незамедлительно выехать в Ставку, чтобы на месте допросить генерала Корнилова, который должен был к их приезду арестован. Но пока не знали кем (эта роль министром-председателем будет возложена на генерала М.В. Алексеева).

Когда Чрезвычайная следственная комиссия прибыла в Могилев, генерал Корнилов сразу же принял ее. На первые дознавательные вопросы комиссии он просто показал морскому прокурору и двум его товарищам текст своего соглашения с Савинковым об отправке на Петроград 3-го конного корпуса, а также ленту своего последнего разговора с Керенским по прямому проводу 26 августа.

К слову сказать, все члены следственной комиссии симпатизировали генералу, о чем свидетельствуют материалы «дела о корниловском мятеже». Причиной этого можно считать «личное знакомство» военных юристов, особенно морского прокурора», с положением на фронте и на революционном Балтийском флоте.

Генерал Корнилов отверг все выдвинутые против него обвинения в государственной измене. Его заявление было передано по радио (искровой станции) 28 августа в 5 часов 30 минут утра. Единомышленник Корнилова и боевой соратник по белой Добровольческой армии генерал-лейтенант А.И. Деникин, уже находясь в эмиграции, опубликовал в своих знаменитых «Очерках русской смуты» это обращение смещенного Верховного главнокомандующего России:

«Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Государственной думы Алексей Аладьин.

Таким образом совершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества.

Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины.

Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства Совета, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, — в храмы, молитесь Господа Бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, — сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ, — путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени — и сделать русский народ рабами немцев — я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Керенский понимал, что в складывающейся ситуации необходимо как можно скорее арестовать Корнилова. С арестом смещенного главы Ставки большевистски настроенный Петроградский Совет оказывался как бы не у дел. «Корниловский мятеж» оказывался без головы, и действительные корниловцы должны были отступить, то есть отказаться от своих намерений.

Но кому доверить, кому поручить арест Корнилова. Это мог сделать только человек, пользовавшийся в рядах русской армии большой личной популярностью и авторитетом. Выбор Керенского, и — надо сказать — верный, выпал на генерала Михаила Васильевича Алексеева. Бывший Верховный главнокомандующий России (третий по счету) в то время, по сути дела, оставался «без генеральской работы», формально числясь военным советником Временного правительства.

В голове у Керенского созрел действительно наполеоновский план. Он объявляет себя Верховным главнокомандующим, назначает самого себя на эту должность, а в могилевскую Ставку направляет с соответствующим правительственным мандатом генерала Алексеева, назначенного начальником ее штаба. Для этой роли главный российский стратег Первой мировой войны подходил лучше, чем кто-либо. И ко всему прочему он имел большой личный авторитет среди генералитета и офицеров русской армии.

Алексеев, получив все полномочия на арест в Могилеве Корнилова и его единомышленников, убывает из Петрограда. А под российской столицей в ожидании «атак» корниловских войск события развивались так.

В конце августа в Петрограде проходил съезд мусульманских народностей России. Когда его делегаты узнали о «корниловском мятеже», то они решительно встали на сторону законной власти, то есть Временного правительства. Представители мусульманского населения увидели в попытке военного переворота стремление восстановить в стране монархию Романовых. Съезд и Петроградский совет послали в «Дикую» дивизию своих представителей и агитаторов.

Стоявший на позициях партии большевиков Балтийский флот тоже выслал в корниловские войска своих агитаторов. Ими оказались 100 матросов 2-го Балтийского флотского экипажа, ранее служивших в конной «Дикой» дивизии пулеметчиками. Они считались среди кавказцев «своими», и потому слова недавних фронтовиков в матросских бушлатах оказались достаточно убедительными для их слушателей.

Кавказских горцев быстро уговорили встать на сторону Временного правительства и не поддерживать своими шашками смещенного со своего поста генерала Корнилова. В результате такой агитационной акции Кавказская Туземная конная дивизия «встала» на полпути к петроградским городским окраинам.

Командир «Дикой» дивизии князь Багратион двигал свои эшелоны к столице, не имея никакой информации о том, что происходило в Ставке, как продвигался конный корпус Крымова. Он лишь слепо выполнял указания генерал-лейтенанта Крымова, который тоже не владел достоверной информацией, которая менялась не по дням, а по часам.

На 28 августа часть передовых эшелонов Кавказской Туземной конной дивизии уже прибыла на станцию Дно. Там генерал Багратион узнал, что эшелоны с полками Уссурийской казачьей дивизии находятся близ Лук и НовоСокольников. Ближе всех оказалась 1-я Донская казачья дивизия, которая большей частью уже сосредоточилась в Пскове. До Петрограда уссурийцам и кавказцам оставалось пройти 200—250 километров, донцам — примерно в три раза больше, 600 километров.

Полотно железной дороги за станцией Дно оказалось разобраным. Тогда генерал Багратион по прямому проводу связался с Могилевым и попросил у Ставки прислать ему железнодорожный восстановительный батальон для ремонта полотна и укладки шпал с рельсами. Телеграмма грузинского князя начиналась такими словами:

«Прошу доложить генералу Корнилову, что туземцы исполнят свой долг перед Родиной и по приказу своего Верховного главнокомандующего, верховного героя, любящего больше всего на свете Святую Русь, прольют последнюю кровь, чтобы доказать, что он — единственный, который может достигнуть победы и остановить Отечество от гибели...»

Телеграфный разговор с Багратионом вел генерал-майор Романовский. Он продиктовал телеграфисту следующий приказ командиру «Дикой» дивизии:

«Все передам генералу Корнилову... Но должен вам сказать, что железнодорожный батальон прислать нам не удастся, так как у нас его нет. Но, по-моему, в нем нет никакой необходимости, так как от Вырицы до Царского Села 34 версты. Вы скорее дойдете походным порядком...»

«По высадке в Вырице следуем в походном порядке. Но восстановить путь необходимо для продвижения обозов и продовольствия».

«Понимаю... Прошу держать самую тесную связь с генералом Крымовым».

Ставка в ходе «корниловского мятежа» так и не сумела наладить четкую координацию действий наличных воинских сил. Более того, Корнилов очень во многом полагался на личную инициативу и исполнительность командира 3-го конного корпуса. А тот, к своей полной неожиданности, оказался под

«градом» взаимно исключаящих правительственных телеграмм и приказаний по телеграфу, которые поступали из Могилева.

Правительственные телеграммы сбили генерал-лейтенанта А.М. Крымова с толку. Он наступал на Петроград во главе 3-го конного корпуса в полной уверенности единодушия Керенского и Корнилова. То, что движение подчиненных ему 1-й Донской казачьей и Уссурийской казачьей дивизий согласовано с Временным правительством, было подтверждено самим Корниловым во время переговоров по телеграфу.

Головные эшелоны 1-й Донской казачьей дивизии вечером 27 августа подошли к Луге. Здесь их догнал корпусной командир вместе со своим новым начальником штаба генерал-майором М.К. Дитерихсом, одним из самых явных корниловцев в армейских рядах. В Луге местный гарнизон сумел вовлечь донских казаков в многочисленные митинги, на которых ведущую роль играли прибывшие из столицы агитаторы левых партий.

В Луге генерал-лейтенант Крымов получил две взаимоисключающие телеграммы. Первую — от главнокомандующего армиями Северного фронта Клембовского, вторую — от главы Временного правительства:

«Передаю приказ генерала Корнилова. В случае, если вам не удастся двигаться к Петрограду по железной дороге, надо идти туда походным порядком...»

«Керенский. Предписываю задерживать эшелоны, идущие в Петроград, и направлять их в пункты прежних стоянок...»

В довершение всего в штабной вагон к Крымову явились представители Лужского Совета и прибывший из столицы комиссар исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Булычев. Они самым категоричным образом потребовали от генерала подчиниться приказу Временного правительства. В довершение поездные бригады заявили, что если их заставят повести паровозы, то они «пожертвуют собой» ради революции и устроят в пути крушения.

Тогда Крымов отправил в близкий Псков, в штаб Северного фронта своего начальника штаба генерала М.К. Дитерихса. Но тот привез оттуда самые неопределенные указания. Командир 3-го конного корпуса решил действовать на свой страх и

риск в надежде на то, что Корнилов и Керенский действуют по единому, согласованному плану «расчистки Петрограда». Он верил Верховному, и ему хотелось верить в слово министра-председателя.

Крымов приказал эшелонам 1-й Донской казачьей дивизии выгружаться в Луге. Полки были отведены на 10—15 верст от города с его «непредсказуемым» гарнизоном и размещены в деревнях Стрешево и Заозерье. Корпусной начальник предполагал в недалекой станции Оредеж соединиться с «Дикой» дивизией.

29 августа к нему в Стрешево «пробился» сквозь правительственные заслоны полковник Лебедев. Он привез Крымову корниловский приказ, который гласил:

«Сосредоточить весь 3-й конный корпус вместе с Туземной дивизией. Быстро двигаться на Петроград и занять его».

Это означало открытие боевых действий на ближних подступах к столице и в самом Петрограде. Крымов попросил посланца Ставки передать Корнилову, что ему потребуется время, чтобы собрать воедино три конные дивизии, которые разбросаны эшелонами по железной дороге, которая в разных местах разобрана. Он просил передать, что не хотел бы брать на себя личную ответственность за начало военных действий против войск, поддерживающих Петроградский Совет. Полковник Лебедев уехал из Стрешево, но по дороге был арестован.

В тот же день из Петрограда к Крымову прибыли два посланца сторонников Корнилова в столице. Это были представители недавно созданного «Республиканского центра» П.Н. Финисов и полковник Л.П. Дюсемитьер. В эту общественную организацию входили Союз офицеров армии и флота, Союз казачьих войск, во главе которого стоял будущий наказной атаман Оренбургского казачьего войска полковник А.И. Дутов, Союз воинского долга, которым руководил полковник Ф.В. Винберг, другие союзы, придерживающиеся прокорниловской ориентации.

Финисов и Дюсемитьер убеждали командира 3-конного корпуса в крайней необходимости как можно скорее наступать на Петроград. В противном случае выступление корниловцев в самом городе становилось невозможным. В столицу через Гатчину был послан мотоциклист с шифрованной запиской:

«Действуйте немедленно согласно инструкции».

По всей вероятности, курьер-мотоциклист так и не доехал до Петрограда. То ли его машина оказалась неисправной в дороге, то ли он был арестован на одной из красногвардейско-солдатских застав, взявших под свой контроль все пути, ведущие к городу.

Крымов отдал приказ Донским казачьим полкам двинуться вперед к селению Мина. Оно находилось всего в одном переходе от Царского Села, которое к тому времени стало передовым рубежом сил, ополчившихся против «корниловских мятежников». Однако корпусного командира смущало одно немаловажное обстоятельство: он не имел устойчивой связи со штабами Уссурийской и Кавказской Туземных дивизий. Он даже не знал, где они находились.

Уссурийская казачья дивизия находилась в тот день еще достаточно далеко от места назревавших событий. «Дикую» же дивизию ее командир генерал Багратион отправил на станцию Вырица, а сам остался в Дно, ожидая там прибытия нового корпусного начальника генерала Краснова, поскольку Крымов был назначен командующим Отдельной Петроградской армией. Не дождавшись его, князь двинул свои эшелоны дальше, но оказалось, что за станцией Семрино железнодорожный путь был разрушен.

Тогда генерал Багратион решил выяснить ситуацию и выслал вперед конные разъезды из состава Ингушского и Черкесского полков. Именно они оказались участниками единственного за все время августовского путча боевого столкновения между мятежными корниловскими войсками и силами Временного правительства, то есть Петроградского Совета.

У железнодорожной станции Антрошино разъезды конников ингушей и черкесов столкнулись с заставой «вероятного противника». Это оказались отряды, высланные навстречу корниловцам из гарнизонов Павловска и Царского Села. Завязалась жаркая перестрелка, но до ближнего боя дело не дошло. Противники явно не стремились к «обострению отношений». Павловские и царскосельские отряды оставили позиции у станции Антрошино и отступили к своим главным силам.

Командовавший ингушами и черкесами князь Гагарин, будущий командир 2-й Кавказской Туземной конной дивизии,

не решился преследовать отступавшего противника. Он боялся оторваться от эшелонов «Дикой» дивизии и попасть по дороге «в мешок», в засаду. Отступившие от железнодорожной станции правительственные отряды пехоты имели пулеметы и, по всей вероятности, могли получить артиллерийскую поддержку.

Эшелоны с полками Кавказской Туземной конной дивизии застряли на станциях в Вырице и Семрино. Утром 29 августа сюда прибыли агитаторы исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и полномочные представители проходившего в эти дни Всероссийского мусульманского съезда. Делегаты съезда, расценившие выступление генерала Корнилова как попытку реставрации монархии, встали на сторону Временного правительства.

Среди присланных из столицы был Захид-Шефит — внук имама Шамиля, одно имя которого уже «дышало на кавказцев огромным авторитетом». Помимо него в состав делегации входили Ахмед Цаликов — председатель Всероссийского мусульманского союза, Айтек Намитоков — член Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, ротмистр князь Мачабели — член военной грузинской организации, лейтенант флота Осман бек Тукумбетов — товарищ председателя Всероссийского союза воинов-мусульман и другие лица.

Первыми заколебались всадники Кабардинского и Осетинского конных полков. Их полковые комитеты потребовали от начальника дивизии остановить поход на Петроград. Командир Черкесского полка полковник Султан-Гирей организовал у себя митинг, на котором выступили посланцы Всероссийского мусульманского съезда. В итоге временный комитет передовых четырех эшелонов «Дикой» дивизии на станции Чалова постановил:

«1. Эшелоны остановить и вперед не двигаться, пока не будет получено приказание от Временного правительства.

2. Выбрать две партии делегатов и отправить в оба конца по линии для оповещения замыслов начальства против Временного правительства и для немедленного созыва комитетов всех частей дивизии.

3. Потребовать от князя Багратиона дать телеграмму впереди находящимся эшелонам, чтобы они остановили движе-

ние эшелонов вперед и не предпринимали бы никаких действий против войск Временного правительства».

Временный комитет поручил унтер-офицеру Припутневичу передать это решение командиру корпуса. Князю Багратиону пришлось отдать приказ дивизии сосредоточиться в Вырице. Это означало, что он отказывался от выполнения указания генерала Крымова идти вместе с 3-м конным корпусом на столицу для установления в ней «твердого порядка».

30 августа прекратила свое движение на Петроград и Уссурийская казачья дивизия, которой командовал генерал Губин. 28 августа в Нарве эшелоны уссурийцев были встречены агитаторами местного Совета и прибывшими из Петрограда. Дивизия все-таки «прошла» Нарву, но дальше близкого Ямбурга не продвинулась: железнодорожный путь был разобран.

Общее совещание полковых комитетов 30 августа приняло постановление с выражением верности Временному правительству. С ним в Петроград отправилась полномочная делегация во главе с войсковым старшиной Г. Полковниковым, командиром Амурского казачьего полка.

Правительственные комиссары на путях из Могилева в Петроград провели «зачистку» офицеров-корниловцев, командированных из Ставки в столицу. Их аресты были проведены в Витебске, Орше, Вырице. В Петроград «просочились» единицы, которые, естественно, поднять восстание в городе на Неве не могли. К тому же их обезоружило сообщение о том, что генерал Корнилов официально снят с должности Верховного главнокомандующего, обязанности которого возложил на себя сам министр-председатель Керенский.

В Ревеле был арестован и препровожден в Петроград командир 1-го кавалерийского корпуса князь Долгоруков, который выехал из Могилева на автомобиле. Он пытался морем добраться до финского берега, до Гельсингфорса, где стояли корпусные части.

Тем временем генерал Крымов продолжал стоять под Лугой (местный гарнизон насчитывал 20 тысяч человек) в полном бездействии. Его нерешительность объяснялась неопределенностью тех распоряжений, которые с трудом доходили до него из Могилева и Пскова. В них чувствовались какие-то

неясности и колебания. Обещанная из Ставки помощь все не прибывала. И не могла прибыть.

Движение 1-й Донской казачьей дивизии, которой командовал генерал-майор П.И. Греков, к Петрограду продолжалось уже по инерции. Оно закончилось недалеко от железнодорожной станции Ордеж. Здесь путь ей «преградили» полномочные правительственные комиссары и представители исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. При встрече с ними генерал Греков продемонстрировал «полную растерянность».

Командир 3-го конного корпуса в эти последние августовские дни стал свидетелем того, как правительственные и большевистские агитаторы деморализуют его полки, и, в частности, казаков-донцов. Генерал М.В. Алексеев позднее свидетельствовал:

«...Нравственное разложение прочного корпуса произвело угнетающее впечатление на Крымова».

Корпусной командир еще 28-го числа послал на «разведку» в столицу подполковника Данильчука, приказав ему в первую очередь разыскать полковника Самарина, бывшего своего подчиненного и начальника штаба Уссурийской казачьей дивизии. Теперь он служил в кабинете военного министра. Самарин смог добиться у Керенского гарантий безопасности генералу Крымову, если тот прибудет на прием в Зимний дворец из Луги.

Министр-председатель А.Ф. Керенский потом утверждал, что якобы им был вручен полковнику Самарину ордер на арест командира мятежного 3-го конного корпуса. Но, скорее всего, это было утверждение опытного политика, спасавшего собственную репутацию.

Самарин выехал из Петрограда под Лугу на рассвете 30 августа. Его сопровождали подполковник Ковальчук и поручик Данилевич. Посланец Керенского «вез» с собой самые убедительные доводы поражения «корниловского мятежа». Это были фамилии людей из высшего генералитета, уже перешедших на сторону Временного правительства и публично осудивших действия теперь уже бывшего Верховного главнокомандующего России генерала Л.Г. Корнилова.

Когда к Крымову, находившемуся в Заозерье, прибыл по поручению министра-председателя давний знакомый полков-

ник Самарин, генерал сразу же согласился прибыть в столицу. Но он потребовал для себя специального охранного документа, который бы мог обеспечить ему личную неприкосновенность и безопасность. Такой правительственный документ командиру 3-го конного корпуса полковником Самариным был незамедлительно выдан.

Прибыв в Петроград утром 31 августа, генерал-лейтенант Крымов встретился с генералом Алексеевым, которого глава Временного правительства, взявший на себя непосильное бремя Верховного главнокомандующего России, уполномочил провести переговоры с мятежным военачальником из ближайшего окружения Корнилова.

Затем Крымов в 12 часов дня встретился лично с Керенским, который пообещал не арестовывать боевого и заслуженного генерала-фронтовика, но попросил его остаться в столице, отдав себя в распоряжение Чрезвычайной следственной комиссии, которую он только что назначил. По воспоминаниям присутствовавших, разговор велся в довольно резких тонах.

Вне всякого сомнения, беседа казачьего генерала с Керенским носила драматический характер. Крымов показал новому Верховному все приказы, полученные им от Корнилова за последние дни. Среди них был и собственный, по корпусу. Прочитав его, Керенский иронически заметил:

«Вы, генерал, очень умны, я давно слышал, что вы умный. Но этот приказ так скомбинирован, что он не может служить вам оправданием».

Когда собеседники прощались, министр-председатель в присутствии свидетелей демонстративно не подал генералу Крымову руку. Более того, в конце разговора Керенский обрушился на собеседника с истерической бранью, оскорбил его, назвав мятежником и изменником Отечества.

В довершение всего главный военно-морской прокурор, прибывший в конце беседы в кабинет Керенского и ознакомившийся там с крымовскими приказами, предложил генералу прибыть в 15.00 для допроса в главное военно-морское судное управление.

После такого приема в Зимнем дворце Крымов приехал на квартиру ротмистра Журавского на Захарьевской улице. Там

он написал коротенькую записку лично для Корнилова, которую отправил в Ставку со своим адъютантом подъесаулом Кульгавовым. После этого генерал в 3 часа пополудни выстрелил из револьвера себе в сердце. Еще живого его срочно доставили в Николаевский военный госпиталь, но через три часа он скончался. Хоронили его без воинских почестей, при погребении присутствовало всего несколько человек.

Генерал-лейтенант П.Н. Краснов в своих мемуарах напишет об этом так: «У Крымова, как у человека сильной воли, было слишком много причин, чтобы покончить с собой...»

Смерть Крымова вызвала в Петрограде немало слухов и толков. Поговаривали, что генерал не застрелился. Что в кабинете Керенского его собственноручно застрелил начальник эсеровских боевиков небезызвестный в столице Борис Савинков. Однако этот слух опровергало предсмертное письмо Крымова жене, в котором он писал о своем решении покончить с собой, будучи не в силах пережить позор возможного над ним суда.

Содержание письма Крымова Корнилову не известно. Прочитав записку, Корнилов сжег ее. О ее содержании он никому никогда не рассказывал. По всей вероятности, предсмертное крымское письмо содержало в себе мало лестного для бывшего Верховного. Когда в тот день генерал-лейтенант Лукомский спросил его:

— Ваше превосходительство, что в письме Крымова?

Корнилов несколько минут угрюмо молчал, и лишь на повторный вопрос ответил как бы нехотя:

— Я письмо порвал. Ничего особенного он не пишет. Одно ясно и верно — это то, что он застрелился сам, а никто его не убивал.

После самоубийства Крымова его конный корпус остановил свое продвижение к Петрограду на линии от Ямбурга до Луги и Вырицы. Из столицы навстречу воинским эшелонам с полками 3-го конного корпуса были высланы новые сотни большевиков-агитаторов. Они и «добили» войска корниловцев.

После нейтрализации 3-го конного корпуса генерал М.В. Алексеев специальным поездом выехал в Могилев. Пока он ехал до Витебска, министр-председатель принял (без согласования с новым начальником штаба Ставки) ряд оперативных мер. По приказу Керенского в Бердичеве арестовывают главноко-

мандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта А. И. Деникина и его начальника штаба генерал-лейтенанта С.Л. Маркова, который в 1915 году был начальником штаба деникинской 4-й Железной дивизии. Аресту подвергаются ряд старших офицеров, известных приверженцев Корнилова. Заключается под стражу весь наличный состав Главного комитета Союза офицеров армии и флота.

В Пскове арестовывают еще одного главнокомандующего армиями фронта — Северного, ближайшего к Петрограду. Генерал В.Н. Клембовский подозревался в сочувствии Корнилову. Доказательством этого считается его отказ даже временно принять на себя обязанности Верховного главнокомандующего.

Вскоре Клембовского освободили. Но Керенский не решился оставить его во главе фронта, в тылу которого находился столичный гарнизон. Генерал был назначен членом Военного совета. В 1918 году Клембовский, состоявший у А.А. Брусилова начальником штаба Юго-Западного фронта, вступил в Красную армию. Он участвовал в работе Военно-исторической комиссии по изучению опыта Первой мировой войны, был членом Особого совещания при Главкоме РККА, затем был переведен на преподавательскую работу. В 1921 году чекисты арестовали бывшего царского генерала, который умер в тюрьме после объявленной им четырнадцатидневной голодовки.

Временное правительство приготовилось к принятию крайних, хирургических мер в отношении могилевской Ставки и ее охраны. Об этом генерал М.В. Алексеев с удивлением узнал в Витебске. На вокзале председатель местного Совета Григорий Арансон и член Совета Е.В. Тарле (будущий известный советский историк) показали Михаилу Васильевичу только что полученную телеграмму за подписью Керенского.

Алексеев был поражен, поскольку в беседах с Керенским о каких-либо карательных акциях против Ставки с использованием войск не было и речи. В телеграмме же Керенский приказывал полковнику Короткову, начальнику гарнизона города и железнодорожного узла Орша, сформировать карательный отряд и немедленно идти на Могилев, чтобы арестовать там генерала Корнилова и прочих мятежников.

Алексеев был буквально ошарашен содержанием телеграммы, поскольку речь шла о более чем вероятном кровопролитии. Он продолжил свой путь и, встретившись в Орше с полковником Коротковым, убедил его не применять силу против Ставки. К тому времени авангард карательного отряда, который состоял из трех родов оружия — пехоты, кавалерии и артиллерии, находился уже всего в 20 верстах от Могилева.

Генерал Алексеев понимал, что если отряд полковника Короткова (3000 штыков, 700—800 сабель при трех полевых батареях и 300 пулеметах) подступится к Могилеву, то произойдет серьезное кровопролитие. В могилевском гарнизоне только один ударный Корниловский полк насчитывал 200 офицеров и 2500 солдат, будучи хорошо оснащен пулеметами. Текинский конный полк имел в своем составе 800 всадников. Было также известно, что 29 августа в город прибыло пять рот польских легионеров.

Единственной воинской частью гарнизона Могилева, которая была на стороне Временного правительства, был Георгиевский пехотный батальон. Поэтому его распределили по городу небольшими командами, которые несли обычную караульную службу.

Алексеев связался по телеграфу со Ставкой и вышел на его начальника штаба, теперь уже смещенного, генерал-лейтенанта Александра Сергеевича Лукомского. При том разговоре Корнилов к аппарату не подошел, предоставив право вести разговор своему ближайшему помощнику:

«...Генерал Лукомский. — Передаю вам ответ генерала Корнилова: генерал Корнилов сообщает, что он просит вас приехать, как полномочного руководителя армиями. Но вместе с этим генерал Корнилов настаивает, чтобы вы приняли все меры к тому, чтобы никакие войска из других пунктов теперь в Могилев не вводились, ибо, по настроению здешних войск, произойдет кровопролитие, которое генерал Корнилов считает необходимым избежать».

Со своей стороны он примет меры, дабы никаких волнений в Могилеве не было. Генерал Корнилов просит вас ответить, можете ли вы ручаться, что эта его просьба о том, чтобы войска к Могилеву не подводились, будет исполнена?

Генерал Алексеев. — Сделаю все. Если бы встретились затруднения, из Орши буду разговаривать по аппарату с министром-председателем и до той минуты, пока не добьюсь сделанных распоряжений, не допущу движения эшелонов и не прибуду сам. Только добившись этой меры, буду продолжать путь до Могилева».

В том разговоре по прямому проводу генерал-лейтенант Лукомский заявил, что «генерал Корнилов не предполагал уstraивать из Могилева форт Шаброль и в нем отсиживаться».

Генерал Алексеев, ставший через несколько месяцев руководителем белой Алексеевской военной организации, на основе которой в самом конце 1917 года начнется формирование Добровольческой армии, сдержал свое слово. Все эшелоны с карательными войсками, которые двигались из Орши на Могилев, были остановлены в пути. И приказом возвращены назад, в места своего квартирования.

И все же Алексеев опасался, что какая-то часть сил «корниловцев» может самостоятельно начать военные действия против правительственных войск. Поэтому 30 августа в 8 часов вечера он провел с генералом Корниловым переговоры по прямому проводу:

Алексеев. — Получили ли вы, Лавр Георгиевич, ту телеграмму, которую мне удалось пока получить от Временного правительства? (речь идет о распоряжении по радиотелеграфу о том, что все оперативные приказания генерала Корнилова, а также отдаваемые от его имени обязательны для всех. — *А.Ш.*)

На другие вопросы пока ответа не дано, но самое главное в оперативном отношении разрешено. Если путь будет восстановлен в районе станции Вырица, где он разобран на четыре версты, то выеду 31 числа рано утром с тем, чтобы приехать к ночи в Могилев. Если путь не будет готов, то о времени возможного выезда протелеграфирую вам дополнительно. Сделаю все возможное, чтобы прибыть скорее и еще прошу вести оперативную работу, дабы не упустить время для сбора войск на угрожаемых направлениях. Быть может, вы от себя пошлете распоряжение, касающееся 6-й и 7-й Донских казачьих дивизий.

Корнилов. — Телеграмму получил, и соответствующее распоряжение относительно продолжения оперативных перево-

зок сделано. Я прошу вас оказать содействие, чтобы мне была предоставлена возможность переговорить по прямому проводу с генералом Крымовым. Какие распоряжения вы полагаете необходимыми относительно 6-й и 7-й Донских дивизий?

Алексеев. — Куда они направляются? Если в Москву, то необходимо повернуть на фронт, если у вас это не было предположено для усиления того или другого района, если возможность фуражного довольствия обеспечена. Если же фуражом обеспечить трудно, если на фронте по вашим соображениям настоятельной надобности в этих дивизиях нет, то лучше повернуть их в старые квартиры. В этом смысле я просил бы вас распорядиться.

Корнилов. — Отправление одной дивизии с Дона задержано. Другой дивизии отправлять не предполагалось, тем более что на фронте в отношении фуража чувствуются большие затруднения. Я буду ждать вашего приезда завтра.

Алексеев. — Постараюсь, равно сделаю все возможное относительно вашей непосредственной связи с Крымовым».

В тот вечер ни Алексеев, ни Корнилов еще не знали о последних событиях ни под Петроградом, ни в самой столице. В том числе и о самоубийстве генерала Крымова.

«Корниловский мятеж» ни в своей начальной стадии, ни в финале не привел к кровопролитию. Хотя воинских сил в нем оказалось задействовано немало.

Генерал Алексеев прибыл в Ставку 1 сентября в 13 часов дня. Выяснив на месте обстановку в Ставке, он связался по прямому проводу с Керенским, возложившим, как мы уже знаем, на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Телеграфный разговор носил напряженный характер:

Керенский. — Я вас слушаю?

Генерал Алексеев. — Прибыл в Могилев. Всю ночь с 1 до 9 часов провел в Витебске с представителями местного Совета рабочих и солдатских депутатов и по аппарату с генералом Корниловым через генерала Лукомского. Резюме продолжительного разговора по аппарату заключается в следующем: Корнилов ожидает моего приезда, как полномочного руководителя армиями. Но вместе с тем генерал Корнилов просит принять меры к тому, чтобы никакие войска из других пунктов теперь в Могилев не вводились, и к нему не подводились, ибо,

по настроению здешних войск, может произойти кровопролитие, которое повлечет за собою неисчислимые последствия. Корнилов считает необходимым этого избежать. Со своей стороны, он принимает меры, дабы никаких волнений в Могилеве не было...

(Далее генерал М.В. Алексеев упрекнул главу Временного правительства в том, что, отправляя его в Могилев, тот ни словом не обмолвился о том, что в Орше собирается крупный воинский отряд под командованием полковника Короткова для действий против «мятежной» Ставки).

Керенский. — Нами был получен за эти сутки целый ряд сообщений, устных и письменных, что Ставка имеет большой гарнизон из всех видов оружия, что она объявлена на осадном положении, что за 10 верст от окружности выставлено сторожевое охранение, произведены фортификационные работы с размещением пулеметов и артиллерии... По прямому проводу в Москву генерал-квартирмейстер (Ставки) говорил тоном совершенно недопустимым... Генерал Крымов перед самоубийством предъявил приказ, им изданный и не составляющий сомнений в намерениях Ставки... Я предлагаю вам передать генералу Корнилову, что он должен сдать вам должность, отдав себя в распоряжение властей, демобилизовать свои войсковые части немедленно... Все это должно быть выполнено генералом Корниловым... в двухчасовой срок. Дальше медлить нельзя, так как повсюду начинают образовываться добровольческие отряды для движения на Ставку... Если через два часа не получу от вас ответа, я буду считать, что вы захвачены генералом Корниловым и лишены свободы действий. Повторяю, что я жду добровольного подчинения восставших...

Генерал Алексеев. — Прежде прошу вас выслушать мой доклад, ибо я, по существу, не успел еще ничего сделать. Первое. Безопасность и свобода действий моя и Следственной комиссии вполне обеспечены. В Могилеве никакой артиллерии нет, никаких фортификационных сооружений не возводилось, войска вполне спокойны, и только при наступлении полковника Короткова столкновение неизбежно... Я предложил полковнику Короткову, до моего указания, далее войск не продвигать... Если я принял на себя обязательство окончить это дело совершенно спокойно, без кровопролития, то я исполню...

Керенский. — Это и моя задача... Очень рад, что сообщение об артиллерии не подтвердилось. Если вы уже вступили в должность, а генерал Корнилов и другие уже подчинились Временному правительству, то тогда и напряжение прекратится. Только нужно об этом врмию и флот оповестить.

Генерал Алексеев. — Только я являюсь ответственным перед законом и родиной за ход событий в Могилеве, куда я прибыл менее полутора часов тому назад и пока еще не могу отойти от аппарата...

Керенский. — Прошу выполнить вашу миссию в кратчайший срок...

Этот исключительно важный для понимания хода событий телеграфный разговор Алексеева и Керенского гораздо более подробно изложен в книге Георгия Михайловича Каткова «Дело Корнилова», написанной в основном на документах белой эмиграции.

Около 22 часов вечера генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, полковник Плющевский-Плющик были арестованы и переданы в распоряжение Чрезвычайной следственной комиссии. Сперва они находились под домашним арестом, но с выставлением часовых у дверей занимаемых ими служебных квартир.

В ближайшие дни были проведены аресты еще целого ряда наиболее активных и известных властям генералов и офицеров-корниловцев. Почти в полном составе был арестован Главный комитет Союза офицеров армии и флота, находившийся при могилевской Ставке.

Только после этого генерал М.В. Алексеев, новый начальник штаба Ставки, доложил в Петроград по телеграфу об успешном завершении своей «карательной» миссии:

«...Войска, находящиеся в Могилеве, верны Временному правительству и подчиняются безусловно главковерху... Генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, полковник Плющевский-Плющик арестованы. Приняты меры путем моего личного разъяснения Совету солдатских депутатов установления полного спокойствия и порядка в Могилеве; послан приказ полковнику Короткову не двигать войска его далее станции Лотва, так как надобности в этом никакой нет... С глубоким сожалением вижу, что мои опасения, что мы окончательно

попали в настоящее время в цепкие лапы Советов, является неоспоримым фактом...»

Чрезвычайная следственная комиссия приступила к работе. Только теперь число подчиненных морского прокурора Шабловского увеличилось вдвое. Из столицы на «усиление» комиссии прибыли два члена Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — меньшевики М.И. Либер и В.Н. Крохмаль. Но поскольку они не были знакомы с юриспруденцией, в том числе с военной, то какого-то деятельного участия в ведении следственного дела они принять просто не могли. Комиссию усилил только один профессионал — судебный следователь петроградского суда по особо важным делам Колоколов.

Керенский после подавления августовского путча получил поздравлений намного меньше, чем ожидал. 30 августа его поздравил записочкой небезызвестный в деле о «корниловском мятеже» князь В.Н. Львов, сидевший как «корниловец» под арестом на гауптвахте при комендантском управлении Петрограда:

«Дорогой Александр Федорович. От души поздравляю и счастливи, что друга избавил от когтей Корнилова. Весь Ваш всегда и всюду В. Львов».

Дни «корниловского мятежа» парализовали всю деятельность Временного правительства. Это было связано отчасти с тем, что получивший от «временных» диктаторские полномочия Керенский решил на какое-то время заменить правительственный кабинет на так называемую директорию. Она состояла всего из пяти человек. В нее, помимо его самого, вошли министр иностранных дел М.И. Терещенко, морской министр контр-адмирал Д.Н. Вердеревский (бывший командующий флотом Балтийского моря) и министр почт и телеграфа А.М. Никитин.

Пятым членом директората стал только что назначенный военным министром с одновременным присвоением ему 30 августа звания генерал-майора Д.Н. Верховский. В 1905 году он был исключен из Пажеского корпуса и был отправлен рядовым артиллеристом на войну, в Маньчжурию, где стал геор-

гиевским кавалером. За боевые отличия был произведен в офицеры. Николаевскую академию Генерального штаба закончил по первому разряду. Свое восхождение на пост главы российского Военного ведомства активный противник монархии, он же управляющий делами начальника отдельной Черноморской дивизии, начал с поста заместителя председателя Севастопольского Совета.

Поддержав Керенского, он получил чин полковника и назначение командующим войсками Московского военного округа. Во время «корниловского мятежа» Верховский объявил Московский военный округ на военном положении, отстранив от занимаемых должностей всех известных ему прокорниловски настроенных офицеров. Для нанесения удара по Могилеву он выделил пять полков. Из своего московского штаба Верховский предупредил генерала М.В. Алексеева, только-только прибывшего в Ставку:

«Сегодня выезжаю в Ставку с крупным вооруженным отрядом для того, чтобы покончить то издевательство над здравым смыслом, которое до сих пор имеет место. Корнилов, Лукомский, Романовский, Плющевский-Плющик, Пронин, Сахаров должны быть немедленно арестованы и препровождены...»

В 1919 году бывший генерал-майор Верховский добровольно вступил в Красную армию. Одно время был руководителем Военной академии РККА. В 1922 году в качестве военного эксперта участвовал в работе Генуэзской конференции союзников. В 1939 году комбриг Александр Иванович Верховский по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был приговорен к расстрелу по обвинению в антисоветской деятельности. В 1956 году посмертно реабилитирован как жертва сталинских репрессий.

...«Корниловский мятеж» стал поистине триумфом Петроградского Совета, вернее, его большевистской части, в противостоянии Временному правительству. «Временные», как всем тогда виделось, теряли власть в государстве буквально по дням, если не по часам. Уже через три дня после объявления Корнилова мятежником и изменником Отечества, численность Красной гвардии в Петрограде составила 25 тысяч человек. Подконтрольной правительству она, разумеется, не была.

На подступах к столице началось строительство различных полевых укреплений. Правда, им не пришлось стать инженерными оборонительными линиями в полном понимании это слова. Одновременно в ряде мест были разобраны железнодорожные пути. По этой причине на станциях Нарва, Ямбург, Гатчина, Луга и в ряде других мест остановились эшелоны с корниловскими войсками. Всего было остановлено 45 эшелонов с войсками, которые должны были составить Отдельную Петроградскую армию.

«Корниловский мятеж» поднял на ноги командование Балтийского флота в лице революционного Центробалта во главе с большевиком Павлом Дыбенко. Из Кронштадта в Петроград прибыл 5-тысячный отряд матросов и солдат крепостного гарнизона. А в Неву вошли пять миноносцев Балтийского флота, готовые огнем своих пушек поддержать защитников столицы.

Считается, что если бы генерал Крымов действительно начал боевые действия против Петрограда, то путь его войскам могли преградить до 60 тысяч столичных красногвардейцев, гарнизонных солдат и балтийских моряков. В их числе находились 1-й и 2-й запасные пулеметные полки, расположенные в Ораниенбауме, достаточное число полевой артиллерии.

В тот день, когда генерал Крымов застрелился, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов большинством голосов принял большевистскую резолюцию «О власти». В соответствии с ней вся полнота власти на местах переходила в руки Советов.

1 сентября Россия была провозглашена республикой.

«Корниловскому мятежу» были посвящены многие исследования. Но далеко не все из них отличались объективностью. К числу наиболее серьезных оценок попытки военного переворота в России в августе 1917 года можно отнести слова Николая Николаевича Головина, генерал-лейтенанта старой русской армии, профессора, автора фундаментального исследования «Военные усилия России в Первой мировой войне». Книга была посвящена Первой мировой войне, впервые издана в Париже в 1939 году. Она выдержала десятки изданий за рубежом, а в Отечестве автора впервые увидела свет только в 2001 году.

Генерал Головин дает краткую оценку «корниловского мятежа» в разложении армии. Он считает, что выраженный в

«корниловском мятеже» протест патриотически настроенного офицерства привел после его неудачи к окончательному развалу старой русской армии, окончанию участия России в Первой мировой войне и началу Гражданской войны:

«...Как выразился впервые этот протест (офицеров-патриотов. — А.Ш.) в корниловском выступлении — хорошо всем известно. В Петрограде ожидалось выступление большевиков. Керенский согласился с Корниловым, что к Петрограду будут подведены верные войска, при посредстве которых будет поддержан порядок. Вместе с тем нужно было положить конец пленению правительства Петроградским гарнизоном, выговорившим себе условие не идти на позиции под предлогом «защиты революции» и фактически державшим в плену правительство Керенского. В последнюю минуту Керенский испугался...

За Корниловым стояла небольшая группа горячо любящих Родину офицеров, которые могли представлять собой только очень маленькую силу в Ставке; остальные сочувствовавшие ему были разбросаны в войсках, в полной зависимости от солдатской массы.

Эта же масса вся была определенно против Корнилова. На Румынском фронте мы получили телеграмму Корнилова, призывающую к восстанию против Временного правительства около полуночи; через час была передана телеграмма Керенского, объявляющего Корнилова изменником. На следующий день, около полудня, от всех комитетов всех армий были посланы Временному правительству телеграммы, требующие предания Корнилова военно-революционному суду...

Выступление Корнилова было более чем преждевременным. Оно губило соль русской армии и русской интеллигенции. Чтобы спасти положение вещей, генерал Алексеев вынужден был выступить против Корнилова. Нужно отдать справедливость генералу Алексееву: в этом своем шаге он показал, что он спасение России ставит выше, чем политические и личные симпатии. Своим государственным умом он понимал, что как бы это не было тяжело, Корнилов должен был подчиниться Керенскому...

Алексееву, этому кристально честному человеку, пришлось выслушать от горячившегося Корнилова даже такие слова: «Вы идете по линии, разграничивающей порядочного человека от непорядочного...»

Как известно, во время этих событий Верховным главнокомандующим России стал Керенский, юрист, не имеющий военного образования. Он надеялся, что такой шаг поднимет его личный авторитет, продлит жизнь Временного правительства и поможет в борьбе с большевиками, которые уже были готовы к государственному перевороту, вошедшему в историю как Великая Октябрьская социалистическая революция.

В связи с самоназначением Керенского Верховным главнокомандующим верный ему тогда генерал-майор А.И. Верховский писал:

«Подмена генерала революционным деятелем на посту Верховного не внесла большого доверия к военной власти. Массовые перемены в старшем командном составе не изменили его внутреннего существа, так как в этой среде были «корниловцы», были перелеты, но не было вовсе «керенцев»; выброшенный за борт по подозрению в «контрреволюционности» новый десяток тысяч офицеров, ослабив интеллектуально армию, не сделал оставшийся состав более однородным и революционным. Армия шла к предначертанному ей концу».

...Развал русской армии продолжался. Прежние войсковые комитеты казались солдатам слишком «правыми». Везде начали возникать «революционные трибуналы», переименованные вскоре в военно-революционные комитеты.

Провал «корниловского мятежа» имел и другие последствия. Теперь солдатские и матросские комитеты получили «моральное» право изгонять из воинских частей любых неудобных им командиров в офицерских погонах, обвинив их в «корниловщине». Такое явление на фронте и в тылу после августовского путча стало массовым явлением. Командование фронтами, армиями, корпусами было бессильно бороться с этим явлением.

В пехотных полках и артиллерийских бригадах из числа рядовых выбирали командиров на должности ротных, батареинных, батальонных и дивизионных и даже полковых начальников. От офицеров любого ранга требовали подписания заявлений с осуждением генерала Корнилова. Отказников, отобрав у них личное оружие, изгоняли из воинских частей или сажали под арест.

На Балтийском флоте широкий резонанс получил следующий случай. На одном из кораблей четверо молодых гардема-

ринов отказались подписать подобное заявление, сказав, что они не вправе этого сделать, пока своего решения не вынесли ни Чрезвычайная следственная комиссия, ни последующий суд над генералами-корниловцами. Матросский комитет снял всех четырех офицеров с корабля, заявив при этом командующему флотом, что гардемаринам ничего не угрожает. Но на берегу их расстреляли.

Не менее «яркий» случай произошел в гарнизоне Гельсингфорса (ныне Хельсинки). Вооруженная толпа ворвалась в православный собор во время отпевания трех офицеров, убитых солдатами за их «корниловские убеждения». Духовенство было разогнано прикладами, храм осквернен, а тела офицеров выброшены из гробов.

В этих условиях новый Верховный главнокомандующий Керенский балансировал между двух огней. В одних приказах он продолжал клеймить позором «корниловцев-контрреволюционеров». В других — требовать от войск прекращения самовольных арестов и актов насилия, за которые к судебной ответственности уже не привлекался никто.

Борьба Временного правительства с «корниловщиной» имела и другие последствия. Во-первых, увеличилось число дезертирств: солдаты все чаще оставляли ряды действующей армии с оружием в руках. Во-вторых, начался массовый уход офицеров в отпуски «по болезни».

Виновников «корниловского мятежа» «искали» не только в Зимнем и Таврическом дворцах. Этим занимались даже местные Советы. Широкую известность получила декларация Петергофского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 31 августа. В ней говорилось:

«Предательское корниловское выступление доказало всему российскому народу, какая угрожала и угрожает опасность в старом Генеральном штабе — гнезде контрреволюции, который составил заговор для подавления революции и уничтожения всех революционных организаций, защищающих интересы трудового народа...

Исполнительный комитет находит:

1) что организация Генерального штаба есть источник всех возможных контрреволюционных движений в армии;

2) что заговор Корнилова есть результат контрреволюционной работы офицеров Генерального штаба;

3) что лица, участие которых в заговоре может считаться вполне установленным, — генералы Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Марков, Орлов, Эрдели, Романовский, Саттеруа, Кисляков, Крымов, Клембовский, Обошешев, Эльснер, Волков, полковник Клерже — все офицеры Генерального штаба;

4) что судебное расследование установит еще целые ряды соучастников — офицеров Генерального штаба;

5) что контрреволюционные организации — Союз офицеров армии и флота и Военная лига — созданы при ближайшем участии офицеров Генерального штаба;

6) что вся военная власть сосредоточена в замкнутой корпорации Генерального штаба...

...Все должности, представляющие узлы управления... должны быть теперь же заполнены лицами, не входящими в состав корпуса Генерального штаба и политическая физиономия которых не возбуждает сомнений...»

Не только Петергофский Совет посчитал офицерский корпус Генерального штаба, в котором числился и сам организатор «мятежа», полностью корниловским. Военная организация при Центральном комитете РСДРП (большевиков) в обращении к солдатам Петроградского гарнизона призывала:

«Разорить это осиное гнездо — черносотенный штаб, надо создать свой революционный штаб, вооружить рабочих, вооружить расформированных солдат, надо создать боевой центр!»

...Исследователи августовских событий 1917 года сходятся в одном: одной из жертв «корниловского мятежа» стал его победитель — Временное правительство. Управление государством перешло к узкому кругу лиц, так называемому директорату в составе Керенского, Терещенко, Никитина, Верховского и Вердеревского.

В истории России августовский путч стал второй, также неудавшейся попыткой установить в стране военную диктатуру. Первая попытка была совершена в декабре 1825 года, в первый день правления всероссийского императора Николая I. Только тогда декабристы преследовали совсем иные цели, чем генерал Корнилов и его единомышленники. Членам тай-

ных дворянских обществ спасти Россию от катастрофы, а русскую армию — от развала не приходилось. Они мечтали только о республиканском строе и конституции.

Так что генерала Корнилова можно с полным правом называть «несостоявшимся диктатором».

Может быть именно поэтому хорошо знавший его по совместной службе в Заамурском корпусе пограничной стражи и по австрийскому лагерю для военнопленных генерал-лейтенант Е.И. Мартинов взял для эпиграфа к своей книге «Корнилов (попытка военного переворота)» слова германского генерал-фельдмаршала барона Кольмара Вильгельма Леопольда фон дер Гольца. Будучи адъютантом турецкого султана Махмуда V, он фактически командовал его армией в начале Первой мировой войны. Автор ряда работ по военной истории, Фон дер Гольц мечтал захватить Персию и оттуда совершить завоевательный поход в британскую Индию. Фон дер Гольц пишет:

«Благоразумие предписывает не воображать себя Наполеоном, пока это не подтвердится на деле».

Глава 11

БЫХОВСКАЯ ТЮРЬМА. СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА. БЕГСТВО НА ЮГ

Чрезвычайная следственная комиссия во главе с главным военно-морским прокурором Н.М. Шабловским приступила к проведению дознания по делу о «корниловском мятеже» 2 сентября. Комиссия имела широкие полномочия, полученные от

Временного правительства, и повлиять на ее окончательный доклад кому-либо из высшего генералитета и видных общественных деятелей было невозможно.

В Могилеве Корнилова и его сподвижников первоначально из-под домашнего ареста поместили под двойной караул (внутренний и внешний) в гостиницу «Метрополь». Охрану несли верные Корнилову всадники Текинского конного полка. Только они в те тревожные дни могли гарантировать своему «Великому Бояру» личную безопасность от самосуда необузданной солдатской толпы, появившись она откуда-нибудь в городе.

Прокурор Шабловский предложил Корнилову, державшемуся на следствии с достоинством, написать свои показания. На что тот ответил согласием, но просил назвать их «объяснительной запиской». Прокурор не возражал.

По всей видимости, Чрезвычайная следственная комиссия имела соответствующие инструкции от «временного» министра юстиции А.С. Зарудного. В дни «корниловского мятежа» он неоднократно предостерегал министра-председателя Керенского от применения силы к могилевской Ставке. 2 сентября, когда комиссия Шабловского начала допросы арестованных «мятежников», Зарудный подал в отставку. В прощальном слове перед работниками Министерства юстиции он сказал: «Я был у вас только гостем».

В дни следствия оставил свой пост начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего и генерал Алексеев. Он пробыл в этой должности всего одну неделю. Сам он обосновал свое решение (интервью с ним было опубликовано в газете «Речь» от 13 сентября 1917 года) об отставке тремя причинами:

Первая причина состояла в выступлении Корнилова. Но от разъяснений генерал отказался. Выступление бывшего Верховного, по его мнению, произошло не вследствие антиправительственного и антиреволюционного заговора, а из-за народного движения в поддержку генерала Корнилова и его безоговорочного патриотизма. На страницах «Речи» это прозвучало так:

«...Его дело, как народно-идейное, требует широкого политического освещения, а его хотят судить военно-революци-

онным судом, который состоит из трех случайных офицеров и трех случайных солдат, людей без юридических знаний и без широкого общественного горизонта...

Со всем этим моя совесть согласиться не может. Я не могу спокойно видеть это и ухожу».

Вторая причина, сказал М.В. Алексеев, состояла в развале армии. Генерал заявил, что, по имеющимся у него сведениям, Германия собирает силы для нового мощного наступательного удара на Восточном фронте. А разложившаяся русская армия уже не в состоянии надежно парировать вражеский удар. Генерал Корнилов предлагал действенные меры для спасения положения, но они правительственной властью приняты не были.

Третья причина отставки крылась в невозможности начальника штаба Ставки помочь своим фронтовым братьям-офицерам. Генерал Алексеев назвал их в интервью мучениками, погибающими под пулями и пыткой собственных солдат.

Как же отнесся к решению об уходе генерала М.В. Алексева с поста начальника штаба Ставки Керенский? В «Вестнике Временного правительства» по этому поводу было опубликовано официальное сообщение, которое отличалось краткостью и напыщенностью:

«В грозный для армии час, когда, благодаря открытому отказу от повиновения бывшего Верховного главнокомандующего, генерала Корнилова, армия русская подверглась великим испытаниям, генерал Алексеев самоотверженно принял на себя должность начальника штаба Верховного главнокомандующего и своим мудрым вмешательством быстро и бескровно восстановил порядок и деловую работу в самом жизненном центре армии — в Ставке Верховного главнокомандующего.

Ныне, исполняя эту исключительную по своей важности задачу, генерал Алексеев обратился ко мне с просьбой об освобождении его от должности начальника штаба Верховного главнокомандующего. Уступая желанию генерала Алексева, я просил Временное правительство об освобождении его от должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и о назначении его в распоряжение Временного правитель-

ства, дабы опыт в военных делах и его знания могли быть использованы и впредь на благо Родины.

Верховный главнокомандующий
А. Керенский.
9 сентября 1917 года».

Начальником штаба Ставки был назначен малоизвестный для русской армии и общественности страны генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин. До этого он чуть больше месяца был начальником штаба армий Западного фронта, а перед этим занимал такую же должность на Юго-Западном фронте. В Первую мировую войну Духонин отличился дважды. За проведение рекогносцировки у австрийской крепости Перемышль в сентябре 1914 года он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Нового Георгия, но уже более высокой степени — 3-й, командир 165-го пехотного Луцкого полка получил за бои в апреле 1915 года у населенных пунктов Бялы и Мокра. В первом случае пехотинцы полковника Н.Н. Духонина с «примерной» стойкостью прикрыли отход своей 42-й пехотной дивизии...

А следствие шло своим ходом. «Показание генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова, данное Чрезвычайной следственной комиссии 5 сентября 1917 года» известно нам благодаря книге бывшего генерал-лейтенанта пограничной стражи Е.И. Мартынова «Корнилов. Попытка военного переворота»:

«...Приказ о формировании Петроградской армии, как было сказано выше, мной был подписан 26 августа, так как только 24 августа, в телеграмме за № 10085—36848, мне было сообщено министром-председателем согласие правительства на подчинение мне всей территории Петроградского военного округа, которая должна была войти в район Петроградской армии.

Генерал Крымов отправился в район расположения своих частей вечером 25 августа. Перед отъездом, в дополнение к предписанию о подчинении ему Кавказской Туземной конной дивизии, я дал ему две задачи:

1) в случае получения от меня или непосредственно на месте сообщения о начале выступления большевиков, немедленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы,

2) по окончании исполнения этой задачи генерал Крымов должен был выделить одну бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и, по прибытии туда, потребовать от кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк.

Согласие министра-председателя на разоружение крепости Кронштадта и вывод его гарнизона последовали 8 августа, и доклад об этом Морского генерального штаба, с резолюцией министра-председателя, был предъявлен начальнику штаба Верховного главнокомандующего при письме адмирала Максимова.

На случай необходимости усилить войска генерала Крымова мной было приказано командиру 1-го конного корпуса поступить в распоряжение генерала Крымова с двумя полками 5-й кубанской дивизии, сосредоточенной в районе между Выборгом и Петроградом. Екатеринодарский казачий полк этой дивизии был оставлен в Гельсингфорсе по требованию генерал-губернатора Финляндии г. Стаховича для поддержания там порядка, ввиду ожидавшегося восстания большевиков.

Кроме того, флоту было приказано в случае, если в городе Гельсингфорсе возникнут беспорядки, то судовой артиллерии разгромить город. Телеграмма об этом приказании, за подписью генерала Лукомского, была мной одобрена, и на ней имеется вверху моя собственноручная подпись.

Ввиду ненадежности некоторых частей Ревельского укрепленного района я приказал перевести из города Проскурова, то есть глубокого резерва, стоявший в этом городе на отдыхе Корниловский пехотный полк, как одну из наиболее твердых и надежных частей. Головные эшелоны этого полка проходили через Могилев 27 августа, и полк мной был задержан ввиду разыгравшихся событий.

Генерала Крымова я больше не видел. Невыполнение им возложенной на него задачи я приписываю тому, что с ним была прервана связь и он не мог получить последних моих

указаний. Особых мер для поддержания с ним связи не было принято потому, что корпус направлялся в Петроград по требованию Временного правительства и я не мог предвидеть того положения дел, что связь его со Ставкой будет прервана распоряжением правительства же. 29 августа я послал ему приказание продолжать движение и, в случае дальнейшего прерыва связи, действовать сообразно с обстановкой, в духе моих первоначальных приказаний. Письмо было послано с офицером — летчиком, фамилии не помню, но доставлено ли ему это письмо — мне неизвестно.

30 августа, узнав из разговора по прямому телеграфному проводу о смерти генерала Крымова, я принял меры для бескровной и безболезненной для страны и армии ликвидации столкновения моего с министром-председателем г. Керенским.

Начиная с 27 августа я не прекращал управления армиями, следил за положением на фронтах и делал распоряжения, что видно из моих отметок на оперативных сводках. Ввиду того, что г. Керенским было сделано распоряжение о неисполнении моих оперативных распоряжений, я, как только вошел в связь с генералом Алексеевым, потребовал отмены этого распоряжения господина Керенского. (Справка: мой разговор по прямому телеграфному проводу с генералом Алексеевым 30 августа).

Затем я заявил через генерала Алексеева Временному правительству, что я приму немедленно меры к успокоению тех кругов, которые последовали за мной, как только выяснится, что Временное правительство стало на путь создания твердой власти, и, наконец, я настойчиво просил генерала Алексеева ускорить его приезд в Ставку. Как только я получил сведение, что он выехал, я незамедлительно отдал приказ частям могилевского гарнизона сохранять полное спокойствие и подчиниться генералу Алексееву по приезде его в Ставку.

Получив 30 августа распоряжение Временного правительства о том, что запрещение исполнять мои приказы отменено, я немедленно отдал приказание продолжать намеченные стратегические перевозки для усиления Северного фронта. Из этого следует, что генерал, обвиненный г. Керенским в измене и предательстве Родины, тем не менее до вечера 1 сентября оставался руководителем обороны государства.

Ни в каких заговорах я не состоял и не состою. Во всех своих разговорах с представителями различных политических партий я всегда заявлял, что ни к каким политическим партиям не принадлежал и не принадлежу, а всегда поддерживал и буду поддерживать те из них, которые стремятся, задаются одним намерением: спасти страну от гибели и вывести армию из состояния развала.

Я заявлял, что всегда буду стоять за то, что судьбу России и вопрос о форме правления страны должно решать Учредительное собрание, которое одно лишь может и должно выразить державную волю русского народа в его дальнейшей судьбе. Я заявляю, что никогда не буду поддерживать ни одной политической комбинации, которая имеет целью восстановление Дома Романовых, считая, что эта династия, в лице ее последних представителей, сыграла роковую роль в жизни страны.

Мне не было известно ни одной организации, которая бы стремилась к достижению тех же целей, во имя которых действовал я. Когда я выступил против министра-председателя, офицеры штаба, узнав об этом, немедленно и точно исполняли мои приказания. Приняв на себя такую ответственность, я не допускал и мысли, чтобы кто-нибудь не исполнил моих приказаний. Мотивы моего выступления и последовательность развития видны из приказов моих за № 897 и 900, отданных мной 28 и 29 августа, и из обращений к народу и казакам...»

Генерал от инфантерии Корнилов.
Председатель Комиссии Шабловский.
Члены Комиссии: полковник Украинцев,
полковник Раупах и Н. Колоколов».

Чрезвычайную следственную комиссию особо интересовали те лица, которые были (или как предполагалось в Зимнем дворце) главными соучастниками «мятежа» генерала Корнилова. Поэтому морской прокурор Шабловский задал Лавру Георгиевичу ряд наводящих вопросов с просьбой дать характеристику своих личных отношений с целым рядом лиц. Одной из таких интересующих следствие фигур был Верховский. Свои отношения с ним Корнилов объяснил так:

«Бывшего командующего войсками Московского военного округа полковника, ныне генерал-майора, Верховского я видел 26 августа: он был приглашен в Ставку для обсуждения вопроса о сокращении численности армий. В разговоре с ним я коснулся вопроса об установлении в стране диктатуры, как неизбежного следствия тяжелого положения страны и возможных результатов этой меры. Генерал-майор Верховский высказался, что, по его мнению, установление единоличной диктатуры могло бы вызвать большие потрясения в стране, диктатура же коллективная могла бы быть осуществлена с меньшими потрясениями. В беседе нашей ничего конкретного, ни имен, ни времени, не указывалось.

Я просил генерал-майора Верховского остаться в Ставке еще на следующий день, имея намерение переговорить с ним по вопросам, разрабатываемым в штабе, но ввиду его заявления, что он должен спешить в Москву, я распростился с ним».

Временное правительство очень интересовала степень участия казачества в «корниловском мятеже», вернее, единомыслие казачьих атаманов, прежде всего Каледина и Дутова, с бывшим Верховным главнокомандующим. Поэтому и такие вопросы были заданы генералу Корнилову членами Чрезвычайной следственной комиссии. На них Корнилов ответил так:

«С генералом Калединым мы старые боевые товарищи. Мы оба, командуя дивизиями, бились рядом в боях под Львовом. В мае этого года я принял после него 8-ю армию. Как старый боевой офицер, с болью в сердце смотрящий на развал нашей, некогда могучей, армии, и как казак по рождению, я с глубоким сочувствием отношусь к генералу Каледину — этому рыцарю нашего казачества.

Незадолго перед Московским совещанием председатель совета Союза казачьих войск, войсковой старшина Дутов, приезжавший ко мне в Ставку по делам Союза, просил меня послать телеграмму генералу Каледину с предупреждением, что его собираются арестовать в Москве, во время совещания. Послана ли была такая телеграмма, я не помню, но записка о просьбе войскового старшины Дутова сохранилась на отрывном блокноте, найденном у меня в кабинете.

С генералом Калединым я виделся 13 августа, когда он от имени казачества приветствовал меня по случаю приезда в гор.

Москву. Вечером того же дня он был у меня в вагоне, и мы беседовали с ним на тему о состоянии страны и армии и о содержании речей, с которыми мы предполагали выступить на совещании. 29 августа, с моим ординарцем В.С. Завойко, я послал генералу Каледину письмо, в котором ориентировал его о положении дел и просил его, со своей стороны, оказать содействие в моем давлении на Временное правительство. Дошло ли это письмо, мне неизвестно.

Ввиду получения мной от генерал-губернатора Финляндии сведений о тревожном положении в крае, 25 августа, телеграммой за № 6314, я предложил генералу Каледину одну из Донских казачьих дивизий, формировавшихся в области и предназначавшихся к отправлению на Кавказский фронт, направить в Финляндию через Москву. 30 августа, после переговоров моих с генералом Алексеевым, распоряжение это было отменено телеграммой № 11766».

Министр-председатель А.Ф. Керенский имел среди депутатов Государственной думы немало недоброжелателей. Поэтому он дал приказание морскому прокурору Шабловскому выяснить причастность ряда думских лиц к «корниловскому мятежу». Одним из таких депутатов был Аладьин:

«С членом Первой Государственной думы А.Ф. Аладьиным раньше я не был знаком. 3 августа, когда я был в Петрограде, он прибыл из Англии и тотчас же приехал ко мне в вагон с приветом от главнокомандующего английскими войсками в действующей армии генерала Робертсона, которому представлялся перед своим отъездом в Россию. Разговор наш продолжался несколько минут и касался исключительно состояния и организации английской армии, при которой А.Ф. Аладьин пробыв некоторое время.

Второй раз я его видел в Москве, во время Государственного совещания. Мы обменялись с ним нашими впечатлениями по поводу речей, произнесенных во время заседания. А.Ф. Аладьин показался мне человеком очень интересным, отлично ознакомленным с настроением политических кругов в России, Англии, Франции и Америки, почему я пригласил его навестить меня в Ставке.

Он приехал ко мне 24 или 25 августа, в точности не помню, остался моим гостем и был застигнут событиями в Мо-

гилеве. Когда возник вопрос о возможности изменений в составе правительства, я интересовался его мнением о представителях наших крупных политических партий».

Следствие обоснованно считало, что на генерала Корнилова сильное воздействие оказывал его ординарец Завойко, человек одаренный как политический деятель. Лавр Георгиевич откровенно рассказал о своих взаимоотношениях с этим человеком, которого в моголиевской Ставке за глаза называли «серым кардиналом». Но, правда, только в вопросах, которые не касались прямого командования войсками:

«С В.С. Завойко я познакомился в апреле этого года, в Петрограде. По имеющимся у меня сведениям, он несколько лет тому назад был предводителем дворянства Гайсинского уезда, Подольской губ., работал на нефтяных промыслах Нобеля в городе Баку и, по его рассказам, занимался исследованием горных богатств в Туркестане и Западной Сибири. В мае месяце он приехал в Черновцы и, зачислившись добровольцем в Дагестанский конный полк, остался при штабе армии в качестве личного при мне ординарца.

Отлично владеет пером: поэтому я поручал ему составление тех приказов и тех бумаг, где требовался особенно сильный, художественный стиль. По моему приказанию и по моим указаниям им составлены телеграммы к начальствующим лицам и обращения к народу, выпущенные мной 27 и 28 августа. Приказы за № 897 и 900, отданные 28 и 29 августа, были написаны по моему приказанию и по моим личным указаниям в штабе, а воззвание к казакам составлено лично мной».

Керенский в свое время приставил для присмотра за Верховным главнокомандующим в самом Моголиеве доверенного человека. Им стал соратник министра-социалиста штабс-капитан М.М. Филоненко, назначенный правительственным политическим комиссаром в Ставке. Поэтому Александра Федоровича очень интересовала его роль в августовском путче и степень верности Филоненко лично ему. Пролить свет на это Чрезвычайная следственная комиссия, разумеется, попросила арестованного генерала Корнилова:

«С штабс-капитаном Филоненко я впервые познакомился в мае настоящего года. Он прибыл в 8-ю армию, которой я командовал, в качестве комиссара Временного правительства.

В июне, во время подготовки армии к наступлению, он проявил много умения, энергии, настойчивости и решительности в деле согласования работы командного состава с комитетами и при водворении порядка в частях, в которых обозначилось резкое нарушение дисциплины и порядка, а в боях, во время Станиславского прорыва, принимая непосредственное участие в боевых действиях войск, проявил много личного мужества и воинской доблести.

С назначением меня главнокомандующим Юго-Западного фронта штабс-капитан Филоненко был назначен фронтовым комиссаром, а затем комиссаром Временного правительства при Верховном главнокомандующем. Он был открытым сторонником проведения твердых и решительных мер в деле оздоровления армии и страны, пользовался моим полным доверием и был посвящен в мои пожелания и предложения относительно необходимых изменений, которые, по моему мнению, могли обеспечить стране власть твердую, работоспособную и честную.

К некоторым моим сотрудникам по штабу и, в частности, к генералам Лукомскому, Тихменеву штабс-капитан Филоненко относился с недоверием и даже пытался подготовить почву для удаления генералов Лукомского и Тихменева из Ставки, но я этому решительно воспротивился, считая, что право и ответственность за выбор помощников должны лежать всецело на начальнике, и слаженность работы в штабах, особенно в высших, несравненно важнее, чем принадлежность к каким-либо политическим партиям.

Штабс-капитан Филоненко неоднократно докладывал мне, что деятельность Главного комитета Союза офицеров армии и флота внушает опасение и другим комиссарам. Поэтому я согласился на перевод Главного комитета в Москву и в этом направлении дал 21—22 августа указание председателю комитета, подполковнику Новосильцеву.

27 августа штабс-капитан Филоненко доложил мне, что он предполагает отправиться немедленно в Петроград. Находя, что присутствие его в Ставке, ввиду еще невыяснившегося положения в вопросе о сдаче мной должности Верховного главнокомандующего, представляется мне более полезным для дела и, кроме того, имея сведения, что против штабс-капитана Фи-

лоненко существует большое возбуждение в офицерских кругах, я предложил остаться ему в Могилеве или отложить свой отъезд до 28 августа, заявив, что ему 27 августа не будет предоставлено ни места в вагоне, ни автомобиля.

Штабс-капитан Филоненко доложил мне, что он получил приказание ехать в Петроград и желал бы получить удостоверение, что он не исполнил этого приказания не по своей вине. Тогда я послал телеграмму управляющему Военным министерством, что штабс-капитан Филоненко задержан мной. Ни какому аресту штабс-капитан Филоненко не подвергался, а в ночь с 27 на 28 августа ему для следования в Петроград был предоставлен экстренный поезд».

Объяснив таким образом свои действия в отношении полномочного комиссара Временного правительства, генерал Корнилов разъяснил Чрезвычайной комиссии и другой факт. Речь шла о якобы превентивном аресте помощника политического комиссара Фонвизина, когда тот был обезоружен и на какое-то время взят под стражу дежурным офицером Ставки:

«Помощник комиссара г. Фонвизин был задержан вследствие неправильно понятого дежурным офицером приказания. Как только мне было доложено о задержании г. Фонвизина, я пригласил его немедленно к себе, приказал освободить его и вернуть отобранный у него револьвер».

В этих корниловских показаниях обращает на себя внимание то обстоятельство, что генерал Корнилов брал всю ответственность на себя. На вопросы членов Чрезвычайной следственной комиссии он отвечал: «по моему приказу...», «по моему распоряжению...», «я дал ему задачу...», «приказ был подписан мной...», «я послал...» и так далее.

Все это свидетельствует о порядочности «несостоявшегося диктатора», который, не заботясь о своей судьбе, не хотел подвести под удар своих ближайших сподвижников, даже ушедшего из жизни генерала Крымова. В последующем, уже оказавшись в белой эмиграции, многие участники «корниловского мятежа» отметят в своих мемуарах эту черту генерала Корнилова.

При всех своих симпатиях к арестованным представителям Ставки Чрезвычайная следственная комиссия вела дело по юридически скрупулезно. Поэтому после «объяснительной за-

писки» генерала Л.Г. Корнилова на свет появилась запись его дополнительного допроса.

Этот документ интересен прежде всего деталями подготовки военного переворота. Он был полностью опубликован все в той же на шумевшей в 20-е годы книги небезызвестного Е.И. Мартынова, бывшего царского генерала: «Корнилов. Попытка военного переворота». Вот его полное содержание:

«ПРОТОКОЛ

1917 г., сентября 24, члены Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и др. допрашивали нижепоименованного.

Генерал Корнилов, показываю дополнительно:

Предъявляемое вами мне письмо от 30 августа на имя Крымова написано мною лично. По содержанию его на ваши вопросы отвечаю: под организациями, упоминаемыми в письме, я разумею офицеров, отправившихся в Петроград, ранее вызванных для обучения бомбометанию, а затем командированных в Петроград для того, чтобы их влить в полки петроградского гарнизона и удержать последние от содействия большевикам.

Генералу Каледину было отправлено два письма однородного содержания с двумя лицами — с Завойко и каким-нибудь офицером, которого я приказал назначить. Участь обоих писем мне неизвестна. Письма через Завойко в Асхабад не посылал. Упомянутая в письме инструкция заключалась в решительном подавлении большевиков, аресте Советов, если они поддержат это движение, разоружении рабочих и упразднении Кронштадта. Никаких действий против Временного правительства в инструкции не указывалось: содержание инструкции было известно Савинкову.

Письмом к Крымову я предлагал ему действовать как в том случае, если бы движение большевиков возникло. Письмо это я приказал отправить с кем-нибудь из офицеров; с кем оно было отправлено, не знаю наверное.

С генералом Калединым я два раза пытался говорить по прямому проводу, но оба раза неудачно: кто-то в пути перебивал. Посылались ли тогда же генералу Каледину телеграммы, не помню.

На ваш вопрос отвечаю: днем 26-го ко мне пришел кто-то из офицеров и сказал, что офицерам, отъезжающим в Петроград, нужно дать денег. Деньги нужно было выдать спешно, мне сказали, что достать их сейчас нельзя, и я выдал 5—6 тысяч рублей, бывших у меня в письменном столе, присланных мне для какой-то определенной цели и не переданных еще по назначению. Вместе с тем, я приказал, чтобы расход этих денег был потом как-нибудь оформлен.

Относительно вызова казаков с Западного фронта для рекогносцировки Финского побережья я ничего точного показать не могу. Вероятно, у меня спросили разрешения послать, я и послал. Нужно сказать, что в это время мною было приказано всеми мерами усилить оборону Ревельского района, рекогносцировать дороги, наметить позиции, предполагалось послать туда офицеров.

Георгиевские кавалеры вызывались с фронта потому, что мною было приказано заменить ими в Георгиевском батальоне нераненых и тех, кто был скомпрометирован принятием денег во время выборов.

23-го вечером, при обсуждении вопроса о выделении г. Петрограда, я помню, что меня в мысли о невозможности выделения Петрограда поддержал Барановский, но в каких именно выражениях — не помню.

Разговаривая с Савинковым о тех мероприятиях, которые должны быть приняты в случае выступления большевиков, я ни минуты не сомневался, что Савинков говорит со мною по поручению Временного правительства, в частности министра-председателя, что Савинков и подтверждал в разговоре со мною по прямому проводу 27 августа.

Когда 24 августа, часов в 11, ко мне пришел Львов, то он сразу сказал, что он явился от Керенского с поручением. На мой вопрос, в чем дело, он сказал, что А.Ф. Керенский просит меня высказать мое мнение о положении страны и желает знать, что, при создавшемся положении не следует ли ему уйти от власти; если же он может рассчитывать на мою поддержку, то он останется. При этом Львов мне сказал, что он однажды уже был посредником при организации власти Керенским. Содержание моего ответа Львову изложено в моем первом показании, и из него видно, что я Временному правительству ни-

каких ультиматумов не предъявлял, а лишь высказывал мое мнение на поставленные вопросы Львовым от имени Керенского.

Генерал Крымов двигался к Петрограду в качестве командира Конного корпуса, будучи осведомлен, что в случае формирования Петроградской армии, о чем шли сношения, он предназначается командующим ею. Савинков просил меня не присылать к Петрограду генерала Крымова и Туземной дивизии. Категорического обещания я ему не давал, я сказал «попробую».

Прочитано.
Генерал Корнилов».

...По делу о «корниловском мятеже» проводились аресты не только в могилевской Ставке, но и на фронтах. Прежде всего на Юго-Западном фронте, главнокомандующим армиями которого был «идейный корниловец» генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. Его министр-председатель А.Ф. Керенский опасался особо, больше других глав фронтов.

Деникин и начальник фронтового штаба генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков (бывший начальник штаба деникинской 4-й «Железной» стрелковой дивизии) в Бердичеве были арестованы первыми. В своих мемуарах «Очерки русской смуты» Антон Иванович Деникин вспоминал о тех днях нахождения под стражей:

«В тюрьму, кроме меня и Маркова,... были заключены следующие лица:

...3) командующий Особой армией генерал от инфантерии Эрдели;

4) командующий 1-й армией генерал-лейтенант Ванновский;

5) командующий 7-й армией генерал-лейтенант Селивачев;

6) главный начальник снабжения Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Эльснер.

Виновность перечисленных лиц заключалась в высказанной ими солидарности с моей телеграммой № 145, а последнего, кроме того, в выполнении моих приказаний об изолировании фронтового района в отношении Киева и Житомира;

7,8) помощники генерала Эльснера генералы Павский и Сергиевский — лица, уже абсолютно не имевшие никакого отношения к событиям;

9) генерал-квартирмейстер штаба фронта генерал-майор Орлов — израненный, сухорукий — человек робкий и только исполнявший в точности приказания начальника штаба;

10) поручик чешских войск Клецандо, ранивший 28 августа солдата на Лысой горе;

11) штабс-ротмистр князь Кропоткин — старик свыше 60 лет, доброволец, комендант поезда главнокомандующего. Совершенно не был посвящен в события. В случайной беседе с одним из наших адъютантов выяснилось, что в его распоряжении имеется дисциплинированная поездная охранная команда, которую и сменили за несколько дней до 27-го на большевистскую охрану дома главнокомандующего. Кроме того, князь Кропоткин говорил всем солдатам «ты», считая, что они ему годятся во внуки. Других преступлений следствие ему не инкриминировало.

Вскоре генералы Селивачев, Павский и Сергиевский были отпущены. Князю Кропоткину объявили об отсутствии состава преступления 6 сентября, но выпустили только 23-го, когда выяснилось, что нас не будут судить в Бердичеве...

В случайно, а может быть умышленно, попавшем в мою камеру единственном номере газеты на второй или третий день ареста я прочел указ Временного правительства правительствующему сенату от 29 августа:

«Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Деникин отчисляется от должности главнокомандующего с преданием суду за мятеж.

Министр-председатель А. Керенский.
Управляющий военным министерством
Б. Савинков».

Такие же указы в тот же день отданы были о генералах Корнилове, Лукомском, Маркове и Кислякове. Позднее состоялся приказ об отчислении генерала Романовского.

На второй или третий день ареста на гауптвахте появилась приступившая к опросу следственная комиссия под наблюдением

нием главного полевого прокурора фронта генерала Батога, под председательством помощника комиссара Кислицына и в составе членов:

Заведующего юридической частью комиссариата подполковника Шестоперова;

Члена Киевского военно-окружного суда подполковника Франка;

Членов фронтового комитета прапорщика Удальцова и младшего фейерверкера Левенберга.

Мое показание в силу фактических обстоятельств дела было совершенно кратко и сводилось к следующим положениям:

1) все лица, арестованные вместе со мною, ни в каких активных действиях против правительства не участвовали;

2) все распоряжения, отдававшиеся по штабу в последние дни в связи с выступлением генерала Корнилова, исходили от меня;

3) я считал и считаю сейчас, что деятельность Временного правительства преступна и гибельна для России...

Пройти прямым путем к вокзалу толпа не позволила. Повели кружным путем, в общем верст пять, по главным улицам города. Толпа растет. Балконы бердичевских домов полны любопытными: женщины машут платками. Слышатся сверху гор-танные голоса:

— Да здравствует свобода!

Вокзал залит светом. Там новая громадная толпа в несколько тысяч человек. И все слилось в общем море — бушующем, ревущем. С огромным трудом нас провели сквозь него, под градом ненавистных взглядов и ругательств. Вагон...

Ждем час, другой. Поезд не пускают — потребовали арестантский вагон. Его на станции не оказалось. Угрожают расправиться с комиссарами. Костицина слегка помяли. Подали товарный вагон, весь загаженный конским пометом, — какие пустяки! Переходим в него без помоста; несчастного Орлова с трудом подсаживают в вагон; сотни рук сквозь плотную и стройную юнкерскую цепь тянутся к нам... Уже десять часов вечера... Паровоз рванул. Толпа загудела еще громче. Два выстрела. Поезд двинулся...»

От самосуда толпы деморализованных солдат местного гарнизона генерала Деникина и других арестованных в Бердиче-

ве спасли юнкера Житомирской школы прапорщиков. Они были вызваны в штаб фронта для несения караулов в городе, и им пришлось обеспечивать провод арестованных «корниловцев» из тюрьмы на железнодорожный вокзал. Других дисциплинированных воинских подразделений в бердичевском гарнизоне на те дни уже не имелось.

Когда Чрезвычайная следственная комиссия деятельно приступила к своей работе, Лавр Георгиевич и его сподвижники, арестованные в Ставке, были переведены из-под домашнего ареста в гостиницу «Метрополь». Там арестованные содержались под усиленным — двойным (внутренним и внешним) — караулом из состава Георгиевского пехотного батальона.

Первые письменные корниловские показания через четыре дня были напечатаны в газете «Общее дело». Так россияне познакомились с «Объяснительной запиской генерала Корнилова». Публикация увидела свет благодаря помощи сына генерала от кавалерии В.М. Остроградского, умелого организатора рейдов конницы по вражеским тылам, погибшего в бою у озера Нарочь в 1916 году.

Уже 5 сентября Чрезвычайная следственная комиссия заканчивает доклад по «делу генерала Корнилова». Действия бывшего Верховного главнокомандующего расцениваются как насильственное посягательство на изменение в России или какой-либо ее части установленного основными государственными законами образа правления. Высшая мера наказания в этом особо опасном преступлении — бессрочная каторга.

Чрезвычайная следственная комиссия главного военно-морского прокурора Н.М. Шабловского представила доклад по делу генерала Корнилова на правительственное рассмотрение. В нем говорилось:

«Постановлением Временного правительства генерал Корнилов предан суду за мятеж. Принимая во внимание, что в уголовных законах отсутствует юридическое определение мятежа, комиссия обсудила вопрос о возможности предания генерала Корнилова военно-революционному суду. Согласно постановлению Временного правительства генерал Корнилов мог бы быть предан этому суду лишь в случае предъявления ему обвинений в военной или государственной измене или в организации восстания.

Обвинение в государственной измене могло бы иметь место лишь при наличии у генерала Корнилова намерения способствовать или благоприятствовать неприятелю в его военных или враждебных против России действиях или при допущении им таких деяний, которые могли бы способствовать неприятелю в его военных операциях. В добытом комиссией материале данных, изобличающих генерала Корнилова в намерении способствовать неприятелю, совершенно не имеется. Напротив, из обзора всех его распоряжений, относящихся к соответствующему периоду времени, и его объяснений следует, что все его действия имели своей целью успешную борьбу с неприятелем.

Что касается обвинения генерала Корнилова в измене при наличии эвентуального умысла, то комиссия полагает, что такое могло бы иметь место при условии фактического ослабления им фронта взятием с него войск для внутренней борьбы в Петрограде и оставления им армий без оперативного руководства в последних числах августа.

При исследовании этого вопроса оказалось: для направления на Петроград были предназначены 3-й Конный корпус и Курляндский уланский полк; гарнизон Могилева был усилен Корниловским ударным полком и двумя Польскими легионами. Из имеющихся в деле официальных документов видно, что 3-й Конный корпус был двинут к Петрограду по требованию Временного правительства; Корниловский ударный полк был взят не с фронта, а с тыла из Проскурова во время его укомплектования; Польские легионы также взяты с тыла, а уланский полк, по имеющимся сведениям, посылался по указанию управляющего делами военного министерства Савинкова.

Что же касается вопроса об оставлении армий без оперативного руководства, то такое руководство продолжалось непрерывно, за исключением Румынского фронта, который 30 августа сам прервал связь со Ставкой по распоряжению военно-революционного комитета этого фронта. Таким образом, для обвинения генерала Корнилова в измене не имеется данных.

Вторым основанием для предания генерала Корнилова военно-революционному суду могло бы быть обвинение его в явном восстании...

Как видно из положения 110-й статьи в Воинском уставе о наказаниях, находящейся в главе о нарушении воинского чинопочитания и подчиненности — статьей этой предусматриваются нарушения, направленные против воинской дисциплины. Хотя, согласно 20-й статье Положения о полевом управлении войск в военное время, Верховный главнокомандующий и находится в исключительном и непосредственном подчинении Временному правительству, однако комиссия полагает, что это подчинение является только политическим, и дисциплинарных отношений — в смысле воинском — между ними не существует. Такой взгляд подтверждается и самим наименованием «Верховный главнокомандующий».

Таким образом, действия бывшего Верховного главнокомандующего генерала Корнилова, направленные на изменение существующего государственного строя в России и на смещение органов Верховной государственной власти, должны быть квалифицированы не по 108-й статье Уголовного положения. Речь идет о насильственном посягательстве на изменение в России или какой-либо ее части установленного основными государственными законами образа правления. Высшая мера наказания в этом преступлении — бессрочная каторга.

...Ввиду изложенного и на точном основании закона от 12 июля 1917 года об учреждении военно-революционных судов дело о генерале Корнилове военно-революционному суду не подсудно. Не подсудно оно и военно-окружному или корпусному суду ввиду того, что город Могилев не находится в войсковом районе театра военных действий, а подлежит на общем основании направлению в суд гражданского ведомства после производства предварительного следствия...»

Генерал Корнилов, находясь под стражей, не терял присутствия духа. Он и его соратники, находившиеся под арестом в гостинице «Метрополь», почти неограниченно имели связи с внешним миром. На квартире адъютанта генерала Корнилова — ротмистра-текинца Хана Хаджиева — была организована «почтовая станция»: отсюда расходились письма и сюда же стекались ответные письма, газеты, посылки.

Главными адресатами генерала Корнилова и его ближайших помощников являлись три города страны. В столице области Войска Донского находился атаман генерал Алексей Макси-

мович Каледин, который открыто объявил себя противником Временного правительства. В Новочеркасск еще до своего ареста Корнилов отправил своего адъютанта Завойко (он был арестован по дороге и препровожден на Петроградскую гарнизонную гауптвахту) и младшего брата — штабс-ротмистра Петра Корнилова. В Петрограде контакты поддерживались с «Совещанием общественных организаций» и только что созданной «Алексеевской военной организацией». Когда узников уберут из Могилева, переписка будет вестись со Ставкой, в которой продолжало служить немало офицеров-корниловцев.

Между тем пребывание арестованных в Могилеве стало серьезно тревожить Временное правительство. В городе продолжал находиться Корниловский ударный полк. Ежедневно, возвращаясь с занятий в поле, ударники-корниловцы проходили маршем перед гостиницей «Метрополь» и дружными криками «ура!» приветствовали Лавра Георгиевича, стоявшего у окна. Продолжал нести охранную службу в Ставке и Текинский конный полк.

И в Зимнем дворце, и в кабинетах Ставки, где пребывали правительственные комиссары, было ясно, что если мятежный генерал захочет уйти, то это он сможет сделать когда захочет. И сможет даже посадить в гостиничный «тюремный» номер вместо себя прибывшего в Ставку министра-председателя А.Ф. Керенского, нового Верховного главнокомандующего. Чтобы снять опасность, было решено перевести арестованных в другое место.

Одновременно Керенским принимается решение «расчислить» неблагонадежный для правительства могилевский гарнизон. Корниловский ударный полк отправляют на Юго-Западный фронт. Текинский конный полк пока не тронули, поскольку один Георгиевский пехотный батальон справиться с гарнизонными караулами не мог.

В ночь на 12 сентября арестованных перевезли по железной дороге в город Быхов (Старый Быхов), находившийся в 50 километрах к югу от Могилева. Тюрьмой им стало здание городской женской гимназии, размещавшейся в бывшем католическом монастыре.

Для охраны арестованных из Могилева в Быхов была переведена часть Текинского конного полка (три сотни и пу-

леметная команда) и караул в 50 человек от Георгиевского пехотного батальона. Георгиевцами сперва командовал капитан Тарасевич, затем его сменил прапорщик Гришин. Текинцы (их полусотня размещалась в самом здании гимназии) несли внутреннюю охрану. От георгиевцев было выставлено пять караульных постов вокруг здания. Комендантом быховской тюрьмы был назначен полковник Текинского полка Григорьев, затем его сменил того же полка подполковник Эргардт.

Отношения между лично преданными Корнилову текинцами и солдатами-георгиевцами, стоявшими за Временное правительство, были враждебные. Дело доходило до того, что собрание караульных солдат-пехотинцев три раза обращалось к коменданту тюрьмы с заявлением, чтобы или их, или текинцев убрали из Быхова. Но комендант каждый раз отвечал, что это дело Чрезвычайной следственной комиссии.

Примерно через две недели, 28 сентября, в Быхов были доставлены из Бердичева еще семь подследственных, в том числе генералы Деникин, Марков, Эрдели, Ванновский. Антон Иванович Деникин вспоминал в своих мемуарах:

«Бердичевская группа арестованных ехала беспрепятственно в Старый Быхов...

Явился к Верховному:

— Очень сердитесь на меня за то, что я вас так подвел? — говорил, обнимая меня Корнилов.

— Полноте, Лавр Георгиевич, в таком деле личные невзгоды ни при чем.

Мы уплотнили население Быховской тюрьмы...»

Теперь список арестованных по делу о «корниловском мятеже», содержащихся в специально созданной по такому случаю Быховской тюрьме, был полон. Он содержал в себе фамилии 25 человек:

«Чины Ставки, арестованные в Могилеве»

1. Генерал от инфантерии Корнилов Лавр Георгиевич. Верховный главнокомандующий.

2. Генерал-лейтенант Лукомский Александр Сергеевич. Начальник штаба Верховного главнокомандующего.

3. Генерал-майор Романовский Иван Павлович. Генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего.

4. Генерал-майор Кисляков Владимир Николаевич. Помощник министра путей сообщения.

5. Капитан Брагин Александр Павлович. Заведующий типографией штаба Верховного главнокомандующего.

6. Без воинского звания. Аладьин Алексей Федорович. Член 1-й Государственной думы.

Главный комитет Союза офицеров армии и флота

7. Генерального штаба подполковник Пронин Василий Михайлович. Штаб-офицер управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего. Товарищ председателя главного комитета.

8. Подполковник Аракелов Г. М. Член главного комитета.

9. Подполковник Аловский Д. М. 110-го пехотного полка. Член главного комитета.

10. Генерального штаба подполковник Соотс Иван Генрихович. Штаба IX армии. Член главного комитета.

11. Подполковник Гринцевич Иван Иванович. Член главного комитета.

12. Есаул Родионов Иван Александрович. Штаба Юго-Западного фронта. Член главного комитета.

13. Генерального штаба капитан Ряснянский Сергей Николаевич. Штаба IX армии. Член главного комитета.

14. Генерального штаба капитан Роженко Владимир Ефремович. Штаба V армии. Секретарь главного комитета.

15. Штабс-капитан Андерсен Н.Х. Член главного комитета.

16. Штабс-капитан Чунихин Георгий Львович. Член главного комитета.

17. Прапорщик Никитин Сергей Федорович. 6-го запасного Саперного батальона. Член главного комитета.

18. Прапорщик Иванов Александр Владимирович. Штаба Верховного главнокомандующего. Секретарь главного комитета.

Арестован за агитацию:

19. Корнет Сабоцкий.

Чины штаба Юго-Западного фронта, арестованные в городе Бердичеве:

20. генерал-лейтенант Деникин Антон Иванович. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом.

21. Генерал-майор Марков Сергей Леонидович. Начальник штаба Юго-Западного фронта.

22. Генерал-майор Орлов Михаил Иванович. Генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта.

23. Генерал-лейтенант Эльснер Евгений Феликсович. Главный начальник снабжений Юго-Западного фронта.

24. Поручик Клецанда Владимир Войцехович. Переводчик при штабе Юго-Западного фронта.

25. Военный чиновник Будилович Борис Антонович. Переводчик в разведывательном отделении штаба Юго-Западного фронта...»

Официально арестованным и в Могилеве, и в Быхове запрещалось общаться с кем-либо со стороны. Но, фактически, к ним допускали всех желающих, и Корнилов находился в курсе всех событий в стране (особенно на Дону), столице и на фронте. В конце октября из Петрограда ему доставили около 40 тысяч рублей на «удовлетворение важнейших нужд». Лукомский вспоминал о тех днях:

«...Мы были в курсе всего того, что происходит, и вели переписку с нужными для нас лицами. Штаб верховного главнокомандующего также осведомлял нас по всем интересующим нас вопросам».

Единомышленники Лавра Георгиевича, называвшие себя потом «быховскими узниками», не сидели в тюрьме сложа руки, тем более что они имели полную свободу для общения друг с другом. А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» писал:

«Между тем в Быхове слагался определенный взгляд на характер дальнейшей деятельности.

Вскоре после прибытия бердичевской группы на общем собрании заключенных поставлен был вопрос:

— Продолжать или считать дело оконченным?

Все единогласно признали необходимым «продолжать». Загорелся спор о формах дальнейшей борьбы. По инициативе,

кажется, Аладьина нашлось немало защитников создания «корниловской политической партии». Я решительно протестовал против такой своеобразной постановки вопроса, так не соответствовавшей ни времени и месту, ни характеру корниловского движения, ни нашему профессиональному призванию...

В результате работы небольшой комиссии при моем участии появилась утвержденная Корниловым так называемая корниловская программа:

«1. Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций, впредь до Учредительного собрания.

2. Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.

3. Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и жизненные интересы России.

4. Создание боеспособной армии и организованного тыла — без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной.

5. Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления продуктивной работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

6. Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного собрания».

Так как технически было неудобно опубликовать «программу Быхова», то в печати она появилась недатированной, под видом программы прошлого выступления...

Куда уходить в случае нужды?

Только на Дон. Вера в казачество была сильна по-прежнему. Совет казачьих войск, находившийся в постоянных сношениях с Быховым, гальванизировал эту веру, добросовестно заблуждаясь и не чувствуя, что он, как и вся казачья старшина, оторваны от казачьей массы и давно уже не держат в своих руках ее реальные силы — войска...»

Впрочем, у Лавра Георгиевича была и другая мысль. Он не раз высказывал ее в Быхове: уйти следовало не на Дон, а в Сибирь или Туркестан. И там создать базы Белого движения для борьбы с большевиками. Но в конце концов Корнилов от этой мысли отказался и тоже высказался за тихий и вольный Дон.

Между тем и в Быхове с его железнодорожной станцией корниловцам, находившимся вроде бы под надежной охраной, угрожал самосуд со стороны солдат окончательно разложившихся воинских частей. Об этом А.И. Деникин писал следующее:

«Неоднократно проходившие через станцию Быхов солдатские эшелоны проявляли намерение расправиться с арестованными. Были случаи высадки и движения в город... Угроза самосуда все время висела над быховцами».

От самосуда заключенных Быховской тюрьмы спасала размещенная в городе 1-я пехотная дивизия 25-тысячного Польского корпуса русской армии, формирование которого началось по решению Временного правительства в августе 1917 года. Корпусной командир генерал-лейтенант Иосиф (Юзеф) Романович Довбор-Мусницкий приказал защищать арестованных, «хотя бы посредством вступления в бой».

Довбор-Мусницкий относился к числу сторонников генерала Корнилова. Участник русско-японской войны, он начал Первую мировую войну в должности командира 14-го Сибирского стрелкового полка. Став Георгиевским кавалером, командовал пехотными дивизиями. После Февральской революции получил в командование 38-й армейский корпус. Затем Главный польский военный исполком назначил его комиссаром для Петроградского военного округа. Отказался подчинить корпус (три пехотные дивизии) советской власти. Был объявлен мятежником. После этого Довбор-Мусницкий воевал против Красной армии, занимая в конце 1918 — начале 1919 годов пост главнокомандующего польской армии. Програв в конфликте с Пилсудским, генерал брони в 1920 году был вынужден выйти в отставку.

25 октября Временное правительство было свергнуто. Обезглавив армию, А.Ф. Керенский, сам желавший стать диктатором, лишился вооруженной поддержки. В день его устрани-

ния от руля государственной власти на защиту Зимнего дворца встали лишь столичные юнкера не всех училищ и женский батальон «смерти». Да и то в самом малом числе. Когда на «исторический» штурм Зимнего дворца пошли тысячи и тысячи красногвардейцев, балтийских моряков и солдат столичного гарнизона, сопротивления они почти никакого не встретили. Министр-председатель бежал из столицы на автомобиле американского посольства.

По иронии судьбы, Керенский нашел защиту только в лице все того же 3-конного корпуса, которым теперь командовал генерал-лейтенант Петр Николаевич Краснов. Когда он начал поход на красный Питер, там произошло слабо подготовленное выступление юнкеров, которое было сразу же подавлено революционными войсками. В Петрограде создали единый штаб обороны города от сил Керенского — Краснова. Его председателем стал левый эсер Муравьев, помощником — Антонов-Овсеенко, начальником штаба — полковник Вальден, комиссаром штаба — большевик Еремеев.

Было мобилизовано 20 тысяч человек на рытье окопов. К 30 октября в районе Пулковских высот было сосредоточено около 10 тысяч революционных войск. Генерал Краснов повел на штурм российской столицы около 1500 человек: 9 казачьих сотен при 18 орудиях и одном бронепоезде.

В бою под Пулковом «красновская рать» была разбита превосходящими силами противника и отступила в Гатчину. На этом, собственно говоря, и закончился для отечественной истории «мятеж Керенского — Краснова». В том походе у главы свергнутого Временного правительства был один неприятный эпизод. В городе Луге он решил поздороваться с сотником Карташевым, протянув ему свою руку. Но тот, вытянувшись во фронт, ответил:

— Господин Верховный главнокомандующий, я не могу подать Вам руки, я — корниловец...

После ареста генерала Краснова Керенский сумел избежать подобной же участи, которая лично для него ничего хорошего не обещала. Он вновь бежал, но теперь не из столицы, а от нее. Бежал на российский Юг, на Дон...

После Октябрьского переворота глава Чрезвычайной следственной комиссии морской прокурор И.С. Шабловский, явно

не симпатизирующий большевикам, стал выпускать арестованных на свободу целыми группами. К середине ноября в Быховской тюрьме осталось всего пять человек из числа главных участников августовского путча — генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, Деникин и Марков. Посовещавшись, «быховские узники» решили различными путями пробиваться на Дон, к атаману Каледину.

Теперь многое зависело от генерал-лейтенанта Николая Николаевича Духонина, нового начальника штаба Ставки, сменившего в середине сентября на этом посту генерала М.В. Алексеева, отказавшегося от занимаемой должности. После бегства Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского во время октябрьских событий Духонин принял на себя временное исполнение обязанностей главы Ставки.

В ночь на 9 ноября председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин вместе с И.В. Сталиным и прапорщиком Н.В. Крыленко (вступил в партию большевиков в ноябре 1917 года) по прямому проводу из Петрограда потребовали от Духонина немедленно прекратить боевые действия на фронте и начать с немцами переговоры о мире. Временно исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего категорически отказался исполнить такое приказание. Он отрицал за Совнаркомом право представлять центральную правительственную власть.

В тот же день генерал-лейтенант Н.Н. Духонин был смещен с поста и заменен прапорщиком Крыленко. Ленин лично продиктовал следующий приказ:

«Именем правительства Российской Республики, по поручению Совета народных комиссаров мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства... Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко».

В дополнение к этой срочной телеграмме в Ставку было сказано, что до прибытия Крыленко в Могилев генерал Духонин обязан был «по законам военного времени продолжать ведение дела».

Собственно говоря, «продолжать ведение дела» войны Ставке уже не приходилось. Совет народных комиссаров во главе с Лениным стал воплощать в жизнь «Декрет о мире». 13 нояб-

ря на позициях 19-го армейского корпуса Западного фронта из русских окопов в сопровождении трубача с развевающимся белым флагом к германским окопам двинулись три советских парламентаря. Это были член комитета 5-й армии поручик Шнеур, военный врач Сагалович и вольноопределяющийся Мерен. Они имели при себе официальные полномочия народного комиссара по военным делам и Верховного главнокомандующего на ведение переговоров об установлении перемирия на Восточном (или Русском) фронте.

Через сутки парламентары вернулись к своим. Немецкая сторона предлагала начать сепаратные мирные переговоры 19 ноября в Ставке своего верховного главнокомандования, которая находилась в городе Брест-Литовске.

Последний Верховный главнокомандующий России в Первой мировой войне прапорщик Николай Васильевич Крыленко, который в 1938 году, будучи наркомом юстиции СССР, станет жертвой сталинских репрессий, тут же отдал приказ о прекращении огня на всех фронтах. В приказе среди прочего говорилось:

«Всякого, кто будет срывать или противодействовать распространению этого приказа, предаю революционному суду местных полковых комитетов вне обычных формальностей...»

В той ситуации судьба «быховских узников» зависела прежде всего лично от генерала Духонина. Дело было в том, что по инициативе казачьего совета атаман Каледин просил отпустить арестантов на поруки Донского войска, предоставив для их пребывания станицу Каменскую. Ставка колебалась, но наконец Духонин 18 ноября решил отправить всех пятерых генералов специальным поездом в Новочеркасск под охраной эскадрона текинцев и полуроты пехотинцев-георгиевцев.

Однако он в тот же день отменил это распоряжение. Ему стало известно, что назначенный Верховным главнокомандующим большевик прапорщик Крыленко с эшелоном революционных балтийских моряков, отрядом резервного гвардейского Литовского полка и разведчиками выехал из Петрограда в Могилев для занятия Ставки. Информация об этом для Духонина оказалась запоздалой.

В город по своей инициативе с фронта прибыло шесть ударных батальонов, силой почти в 2,5 тысячи отборных бойцов,

готовых защищать Ставку от сил большевиков. Но Духонин отказал в этом ударникам-смертникам, заявив полковнику Бахтину, командиру 1-го Ударного полка подполковнику Манакину и командиру Сводного ударного отряда полковнику Янкевскому:

— Я приказываю вашим батальонам сегодня же покинуть Могилев. Я не хочу братоубийственной войны. Тысячи ваших жизней будут нужны Родине. Настоящего мира большевики России не дадут. Вы призваны защищать Родину от врага и Учредительное собрание от разгона...

Деникин в своих мемуарах «Борьба генерала Корнилова» так описал последние часы пребывания последних «быховских узников» в женской гимназии, превращенной в тюрьму для корниловцев:

«...Утром 19-го в тюрьму явился полковник Генерального штаба Кусонский и доложил генералу Корнилову:

— Через четыре часа Крыленко приедет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов.

Генерал Корнилов пригласил коменданта, подполковника Текинского полка Эргардта, и сказал ему:

— Немедленно освободите генералов. Текинцам изготовиться к выступлению к двенадцати часам ночи. Я иду с полком...»

Первыми уехали из Быхова генералы Марков, Романовский, Деникин и Лукомский. Все они переоделись на квартире коменданта тюрьмы подполковника Эрхардта, получив там фальшивые документы, изготовленные в штабе Польского корпуса. Лукомский превратился в «немецкого колониста». Марков стал солдатом, уволенным со службы и едущим домой. Романовский сменил генеральские погоны на прапорщические. Деникин получил документы на имя поляка, начальника перевязочного пункта А. Домбровского. Путь все четверых лежал на Дон.

В Быхове остался только один Корнилов. В первом часу ночи на 20 ноября генерал пришел в караульное помещение солдат Георгиевского пехотного батальона, несших внешнюю охрану быховской тюрьмы. Офицеры караула капитан Попов

и прапорщик Гришин перед этим объявили подчиненным, что по решению Чрезвычайной следственной комиссии последние арестованные освобождаются. Корнилов был в папахе и одет по-походному. Он тепло попрощался с георгиевскими кавалерами, выдав им за службу «наградных» две тысячи рублей.

Текинский конный полк в составе 1-го, 2-го и 3-го эскадронов, пулеметной команды под командованием полковника Кюгельгена уже находился в готовности к выступлению. Лавр Георгиевич привычно вскочил на коня, снял папаху, перекрестился и, дав знак рукой к движению, взял направление на юг. Текинский полк ушел за ним из Быхова, не скрываясь, обычным походным порядком, со своим обозом. Всего походная колонна состояла из 24 офицеров (в том числе присоединившийся к текинцам георгиевец прапорщик Гришин) и 400 всадников.

Уже на следующий день кавалер трех боевых георгиевских наград генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин, встречавший на могилевском вокзале нового Верховного главнокомандующего прапорщика Крыленко, был буквально растерзан толпой матросов и солдат из прибывшего эшелона. Он был убит ударом штыка в спину балтийцем в вагоне Крыленко и оттуда был уже бездыханным выброшен под ноги толпе, которая набросилась на него со свирепостью голодной волчьей стаи. Вне всякого сомнения, такая же участь ожидала и всех «быховских узников»...

Текинскому полку, если считать по прямой от Быхова до Новочеркаска, предстояло пройти около 900 километров. К столь долгому походу, да еще в зимнюю пору, полк был не подготовлен. В первые семь дней было пройдено в юго-восточном направлении, 180 километров, в действительности же — гораздо больше, потому что за неимением карт корниловцы часто сбивались с верного пути и блуждали. От такого походного движения, при наступивших сильных морозах, в гололедицу на дорогах, без дневок и при плохо организованном снабжении, люди и лошади были совершенно измучены. К тому же русские обозники при первом же переходе бежали.

Узнав о бегстве генерала Корнилова во главе Текинского конного полка, Верховный главнокомандующий прапорщик Крыленко потребовал от всех телеграфных станций района,

примыкавшего к Быхову, сообщить в Ставку о движении конной части. Совет народных комиссаров в Петрограде прекрасно понимал, что нельзя было пропускать несостоявшегося военного диктатора в казачьи области Юга России.

Крыленко и совнарком беспокоило и то, что ушедшие из Ставки ударные батальоны тоже двинулись в сторону Дона. Первый бой красным войскам они дали под городом Жлобным, после чего пошли на юго-запад, преследуемые большими силами красногвардейцев. Близ города Белгорода в начале декабря ударники, потрепанные в нескольких боях, рассеялись, перестав существовать как воинские части.

На седьмой походный день, 26 ноября, в день георгиевского праздника беглецы вышли к линии Московско-Брестской железной дороги у станции Унеча севернее города Стародуба Черниговской губернии. Имея местного крестьянина-проводника, текинцы в лесу у села Писаревка нарвались на засаду, которая встретила их ружейными залпами. При переходе через железнодорожное полотно близ станции Песчанка полк попал под сильный пулеметный и пушечный огонь красногвардейского бронепоезда и понес большие потери. Текинский полк рассеялся и с трудом был собран, под Корниловым убита лошадь».

После переправы через реку Сейм конный полк попал в не совсем замерзшее болото. Мороз держался крепкий, а всадники-туркмены были плохо одеты. С трудом добывалось продовольствие, фураж для коней, у которых посбивались подковы. Местное население неизвестную «иноземную» кавалерийскую часть встречало настороженно.

Корнилов, полагая, что текинцам будет безопаснее идти одним, без него, оставил свой преданный полк. Большая часть полка двинулась через Трубчевск на Киев. С генералом осталась небольшая группа из 11 офицеров и 32 всадников. В селе Погары Лавр Георгиевич простился и с ними, приказав им догонять свой полк.

Местный житель И. Манжа доставил Корнилова, переодетого в крестьянскую одежду, с паспортом на имя беженца из Румынии Лариона Иванова, на станцию Холмечи, где тот сел на поезд, отправлявшийся через город Конотоп в южном направлении, на Новочеркасск. Лавр Георгиевич отправился

на Дон один. Спустя неделю после немалых дорожных трудностей он оказался в столице Донского казачьего войска.

Что же стало с Текинским конным полком? Обе его части соединились в Погарах. Устроив там постой, чтобы дать лошадям необходимый отдых, текинцы затем перебрались в город Новгород-Северский. До Киева дошла только часть полка, но большая. Там она вскоре была расформирована и «после долгих мытарств отправлена в Ахал», то есть на родину, в южную Туркмению. Другая, меньшая часть полка оказалась плененной и была отправлена в Брянск. В годы Гражданской войны только единицы текинцев служили впоследствии в рядах белой Добровольческой армии. Там они вновь стали телохранителями, Лавра Георгиевича.

Так Текинский конный полк, отличившийся в Первой мировой войне в боях на полях Галиции, прекратил свое существование в рядах старой русской армии. Но больше он известен в истории как преторианская гвардия несостоявшегося военного диктатора генерала Л.Г. Корнилова.

«Исход» Текинского конного полка из Быхова в истории Белого движения стал легендой. Два корниловца-поэта, «быховских узника», посвятили походу текинцев под командой любимого ими генерала Корнилова свои стихи. Одним из авторов был капитан Александр Брагин:

Слава вам, текинские джигиты,
Вы России гордость сберегли.
Подвиг ваш отныне знаменитый
Вспомнит летопись родной земли.

Вторым быховским поэтом оказался Борис Будилович, переводчик из разведывательного отделения денкинского штаба Юго-Западного фронта. Он писал:

Он (Текинский полк. — *А.Ш.*)
от врагов коварной мести
Вождя Корнилова спасал,
Поход тяжелый совершал,
Готовый смерть принять на месте ..
И он погиб в борьбе кровавой,
Свой до конца исполнив долг...

Часть IV

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, ИСПЕЛИВШЕЙ РОССИЮ

Глава 12

СТОЛИЦА ДОНА НОВОЧЕРКАССК. ВО ГЛАВЕ БЕЛОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

В донской столице Новочеркасске к приезду Корнилова уже действовала «Алексеевская организация», ставшая основой будущей белой Добровольческой организации. Бывший Верховный главнокомандующий России генерал Алексеев прибыл на Дон несколько раньше. Отправляясь туда, он отдал приказание членам созданной им в Петрограде, Москве и ряде дру-

гих городов подпольной белогвардейской, преимущественно офицерской организации пробираться на свободный от большевиков Дон, к атаману Каледину.

Прибыв в Новочеркасск, генерал Алексеев обосновался в двухэтажном кирпичном доме № 39 на Барачной улице — в бывшем военном госпитале. Там он стал формировать первый добровольческий отряд из офицеров, юнкеров, кадет и других волонтеров. К началу декабря 1917 года под его командованием находилось уже около 300 вооруженных добровольцев. Оружие (винтовки, пулеметы и патроны) им предоставил с войсковых складов донской атаман.

В самом начале своего пребывания на Дону генерал Алексеев «определяется в новой стратегии» Белого движения. Составляется план ближайших действий. С доверенным человеком в Могилев отправляется письмо на имя генерал-майора Михаила Константиновича Дитерихса, соратника по Юго-Восточному фронту и сослуживцу по штабу Ставки:

«...Дело спасения государства должно где-либо зародиться и развиться. Само собой ничего не произойдет...

Только энергичная, честная работа всех, сохранивших совесть и способность работать, может дать результаты...

Слабых мест у нас много, а средств мало, давайте группировать средства главным образом на юго-восток, проявим всю энергию, стойкость...

Откуда-то должно идти спасение от окончательной гибели, политической и экономической. Юго-восток имеет данные дать источники такого спасения. Но его нужно поддерживать, спасти самого от потрясения. Вооружимся мужеством, терпением, спокойствием сбора сил и выжиданием...»

Алексеев надеется, что это послание обязательно попадет к «быховским узникам», судьба которых его сильно тревожила. Дитерихс действительно сумел передать алексеевское послание генералу Корнилову и другим арестованным.

Зная, что Юг становится прибежищем большого числа офицеров-корниловцев, по разным причинам оставивших свои части, генерал Алексеев пишет статью для новочеркасской газеты «Вольный Дон». С ее страниц он обращается к армейскому офицерству со страстным призывом «спасения Родины»:

«Русская государственность будет создаваться здесь. Обломки старого русского государства, ныне рухнувшего под небывалым шквалом, постепенно будут прибиваться к здоровому государственному ядру юго-востока...»

Тех, кто тогда рвался на вольный Дон, в истории Гражданской войны в России назовут «первопоходниками». О них историк белой эмиграции А.А. Керсновский скажет такие слова:

«...Кроме виновников русская революция знала еще и героев. В Содоме не нашлось и трех праведников. В России семнадцатого года их были тысячи.

Этими праведниками всероссийского Содома были офицеры русской армии и увлеченная ими русская учащаяся молодежь. Только они вышли из огневого испытания не истлевшими, прошли через кровь не запятнанными и через грязь не замаранными.

Петровская армия отошла в вечность. И с последним ее дыханием забилося сердце Добровольческой армии. Русская армия продолжала жить...»

С помощью атамана Каледина генералу Алексееву удалось получить помещение для белых воинских формирований. Так у добровольцев в Новочеркасске по адресу: улица Барочная, дом номер 2 (на углу с Платовским проспектом) появилось помещение, сразу же превращенное в «замаскированное» офицерское общежитие № 1 на 250 человек.

Этот дом и стал колыбелью Добровольческой армии. Штаб генерала Алексеева размещался на той же Барочной улице, в доме номер 56.

Первое добровольческое воинское формирование было создано уже 4 ноября, на третий день после приезда генерала Алексеева в столицу донского казачества. Это была Сводно-офицерская рота, в которой числились и юнкера. Ротой командовал убежденный монархист штабс-капитан Василий Дмитриевич Парфенов, служивший ранее в лейб-гвардии Измайловском полку. На фронт Первой мировой войны пошел добровольцем, заслужив воинской доблестью первый офицерский чин. Фронтные рекомендации у него были выше всяких похвал.

К середине ноября в Новочеркасске уже находилось 180 человек добровольцев. Большинство из них называли себя «кор-

ниловцами». С этого времени запись в Алексеевскую военную организацию на Дону велась уже официально, без «сокрытия».

Путь в Новочеркасск у всех был разный. О том, как конце 1917 года отправлялись добровольцы на Дон, рассказал в «Записках юнкера 1917 года» Иван Лисенко из петроградского Константиновского артиллерийского училища, участник октябрьских боев:

«...Училище доживало последние дни. Юнкера несли все внутренние наряды и уборку лошадей. Производилась сменная езда. Солдаты ничего не делали, митинговали и формировали батарею для посылки в Москву, где еще дрались. Наконец перед фронтом училища генералом Бутыркиным был прочитан декрет Совнаркома о расформировании училища. Причем юнкера, достигшие призывного возраста, должны были отправиться в части, а остальные по домам. Генерал Бутыркин со слезами благодарил нас и говорил, что мы с честью держались до конца. Бесконечно грустно и тяжело было на душе.

В училище юнкер Янишевский сообщил мне, что идет запись юнкеров и офицеров для отправки в Новочеркасск, где генерал Алексеев будет вместе с атаманом Калединым формировать добровольческие части или вливать добровольцев в казачьи полки, и что формирование явится кадром для восстановления армии.

Запись и выдачу денег производил юнкер Мино. Мы немедленно же записались, получив деньги и удостоверения, что мы казаки Донской области, окончившие агитаторские курсы. Удостоверения были на бланках Союза казачьих войск. Последние дни в училище проходили в сборах и приготовлениях к отъезду, записалось около 150 юнкеров. С увлечением рвались красные плакаты на лампы, а вечером 10 ноября наша партия, 20 юнкеров, выехала с Николаевского вокзала, имея льготные билеты до Новочеркасска и словесное приказание явиться на Барочную улицу, номер 54...»

Свидетельство того, как пробирались на Дон руководители «корниловского мятежа» и волонтеры Белого движения, оставил в своих «Воспоминаниях» генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, один из «быховских узников», чьи организаторские способности генштабиста высоко ценил Корнилов:

«...Я поехал через Рязань и Воронеж в Новочеркасск.

Этот переезд был для меня очень тяжелым. Вагон был страшно переполнен, и я от Москвы до станции Лисок, то есть более 36 часов, принужден был стоять, не имея возможности ни разу присесть.

В вагоне, в котором я помещался, ехало человек 10 молодежи в солдатской форме. Всю дорогу они держали себя довольно разнузданно, но манера себя держать не соответствовала их физиономиям, и мне казалось, что они умышленно себя держат как распушенные солдаты и явно шаржируют.

Так как в Лисках (на границе Донской области) они остались в вагоне, то для меня стало ясно, что это юнкера какого-нибудь военного училища или молодые офицеры, пробирающиеся на Дон.

После отхода поезда от станции Лиски эта молодежь стала устраиваться на освободившихся местах. Я подошел к одной из групп и попросил уступить мне верхнее место.

— А ты кто такой? — услышал я от одного из них в ответ на мою просьбу.

Я тогда сказал:

— Ну вот что, господа, теперь вы можете уже смело перейти на настоящий тон и перестать разыгрывать из себя дезертиров с фронта. Последняя категория и та сбавляет тон на донской территории. Я — генерал, очень устал и прошу мне уступить место.

Картина сразу изменилась. Они помогли мне устроиться на верхнем месте, и я с удовольствием улегся. Ноги мои от продолжительного стояния опухли и были как колоды...»

В пределы Донской области вело шесть железнодорожных линий. С севера: Москва — Воронеж — Новочеркасск; с запада: Харьков — Лихая — Новочеркасск и Синельниково — Ростов; с юга — Владикавказская и с востока две линии от Царицына, с пересадками на станции Лихая и на станции Тихорецкая. Передвижения добровольцев должны были неизбежно вызвать интерес революционных властей.

Вначале местные Советы осуществляли слабый, поверхностный контроль, который в дальнейшем был ужесточен. Проводился он красногвардейцами местных отрядов. Вооруженные патрули, осуществлявшие проверку пассажирских поез-

дов, обращали внимание на одежду, военную выправку, манеру говорить...

Едущим на Дон добровольцам надо было быть готовым ко всему.

Совет народных комиссаров в конце 1917 года был озабочен упрочением собственной власти в столице, где политические страсти все не утихали. Местные Советы в ноябре и даже декабре месяце не имели строжайших предписаний от имени В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого о введении «революционного контроля» на железных дорогах, которые вели на Дон. И им приходилось по «своему разумению» проводить «зачистку» станций и поездов «от контрреволюционного элемента».

Благодаря такой неразберихе в Новочеркасск из Петрограда смог, например, пробраться маленькими группами весь старший курс Константиновского артиллерийского училища, известного своей привязанностью к идеям корниловщины. С сотней с лишним юнкеров не оказалось ни одного их курсового офицера. Видимо, у них было своеобразное представление о своем долге, о своих правах и обязанностях.

Современников поражало то, что на вольный Дон рвалась прежде всего военная молодежь, не обремененная семейными обязанностями, с болью в душе воспринявшая развал русской армии и «падение» Российской державы. Журналист Б. Суворин, свидетель создания Добровольческой армии, описал такой случай своей жизни в Новочеркасске:

«...Как то раз я вышел из гостиницы. В гору поднималась кучка кадет. Старшему было не больше 17 лет, другим лет 14—15. Они нерешительно подошли к гостинице и, не доверяя «штатскому» («вольному», как говорили солдаты), стали рассматривать список живущих в гостинице. Я вернулся и спросил их:

— Что вам нужно, молодые люди?

Кадеты, посмотрев на меня, почему-то назвали первое попавшееся имя, которого, конечно, не было в списке проживавшего в гостинице:

— Мы ищем господина Хорькова.

Тогда я спросил их в открытую:

— А вы разве не ищите армию генерала Алексева?

Глаза кадет, по виду старшекласников, загорелись «прекрасным молодым блеском». Они молча смотрели на меня. Впереди меня стоял мальчик в знакомом мне мундире. Я спросил его:

— Вы кадет Михайловского Воронежского корпгуса? Мой отец был кадетом первого выпуска вашего корпуса.

От этого вопроса «лед недоверия» ко мне со стороны юношей сразу растаял. Кадет-михайловец ответил:

— Так точно!

Сразу же заговорили другие его товарищи:

— А я из Орловского корпуса.

— А мы вот вдвоем из второго Московского...

После этого кадеты весело сознались, что приехали в Новочеркасск из разных мест России, как-то разом встретились на местном вокзале и теперь желают поступить в Добровольческую армию генерала Алексеева...»

Добровольцы прибывали в Новочеркасск ежедневно. Во второй половине ноября алексеевцы (треть их составляли офицеры) имели уже три формирования. Помимо Сводно-офицерской роты были созданы Юнкерский батальон (сперва отдельная рота) и Сводная Михайловско-Константиновская батарея, основу которой составили юнкера двух петроградских артиллерийских училищ — Константиновского и родного генералу Корнилову Михайловского.

Начала формироваться Георгиевская рота (в середине ноября в ней числилось до 60 человек, преимущественно нижних чинов — георгиевских кавалеров).

Одновременно шла запись в белую студенческую дружину. Она пополнялась ростовской и новочеркасской учащейся молодежью. Основу дружины, которая в скором времени превратится в Студенческий батальон, составили 180 человек Ростовского среднего коммерческого училища — три его старших класса.

В мемуарах белоэмигрантов сохранились свидетельства того, как проводилась агитация среди ростовской учащейся молодежи в Добровольческую армию:

«...Офицеры пришли в среднее коммерческое училище, которое они окончили 2—3 года назад и объясняют директору свою миссию: призвать молодежь к защите Родины, Дона,

Ростова, семьи, Церкви. Наконец — к защите самой школы. Директор колеблется и вызывает инспектора и священника. Священник, не раздумывая, твердо заявляет:

— Вы хотите звать молодежь на убийство? — и требует, чтобы офицеры оставили свою мысль.

Директор поддерживает священника особым доводом:

— Если уйдут старшие ученики, с кем останется училище?

Инспектор молчал.

Офицеры возражали, утверждая, что их доводы в настоящее время совсем не убедительны, так как красная власть разрушает все законы Божеские и человеческие, все традиции... Семью, школу.

Наконец, уступив настойчивости офицеров, начальство училища дало им разрешение переговорить с учениками.

Для молодежи не нужно было много слов, не нужно было красноречие, чтобы, обратившись к внутреннему, сокровенному, святому ее чувству, увлечь ее на служение и неизбежные жертвы для Родины. Три старших класса коммерческого училища записались добровольцами в армию...»

Первые формирования Добровольческой армии, как отдельные воинские части, росли быстро. Сводно-офицерская рота, сформированная 4 ноября, уже 15-го числа выделила из своего состава Юнкерскую роту. Местом проживания ей выделили лазарет № 23 на Грушевой улице, поскольку лазарет на Барочной улице был переполнен.

К этому времени в обеих ротях — Офицерской и Юнкерской было приблизительно равное число бойцов, по 150 человек. Командовать первой генерал Алексеев назначил боевого фронтовика-корниловца штабс-капитана Некрашевича, погибшего в марте 1918 года при штурме Екатеринодара.

Юнкерской ротой, развернутой вскоре в батальон, командовал штабс-капитан Василий Парфенов, личность героическая. Перед тем как получить производство в офицеры, доброволец команды конных разведчиков лейб-гвардии Измайловского полка был награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней. На фронте он своей солидарности с «корниловщиной» не скрывал. Откровенный монархист, он оказался деятельным участником подпольной Алексеевской военной организации. Погиб полковник Парфенов, назначен-

ный командиром пехотного полка врангелевской русской армии, летом 1920 года в Крыму.

Парфеновская рота первоначально состояла из четырех взводов. Первый составили юнкера пехотных училищ, главным образом из столичного Павловского. Второй взвод состоял из юнкеров артиллерийских училищ, третий («флотский») — из гардемарин и морских кадет, четвертый — из кадет и учащейся молодежи. Но в таком составе Юнкерская рота просуществовала всего четыре дня.

19 ноября в Новочеркасск прибыло около сотни юнкеров столичных Константиновского и Михайловского артиллерийских училищ. Они принимали самое активное участие в октябрьских событиях в Петрограде и оружия в борьбе с Советской властью слагать не собирались. По решению генерала М.В. Алексеева из Юнкерской роты был выделен второй взвод, который вместе с прибывшими добровольцами образовал особую часть — Сводную Михайловско-Константиновскую батарею, получившую свое название по артиллерийским училищам Петрограда.

Вооруженная только трехлинейными винтовками, батарея, пока еще не имевшая ни одного орудия, насчитывала до 250 человек. 60 юнкеров были михайловцами, остальные — константиновцами. Сводной батареей стал командовать штабс-капитан Николай Шаколи, курсовой командир Михайловского артиллерийского училища. Это был единственный курсовой офицер из двух училищ, последовавший на Дон за своими воспитанниками и подтвердивший свою запись в Алексеевскую военную организацию делом.

Отделившись, Сводная Михайловско-Константиновская батарея разместилась в здании Платовской гимназии. А Юнкерская рота, отдавшая ей свой взвод артиллеристов, уже через несколько дней снова выросла до 150 человек и была развернута в трехротный Юнкерский батальон. Две ее роты были юнкерские, а третья называлась Кадетской.

Уже после гибели Корнилова все три первые части Добровольческой армии, создаваемой его единомышленником генералом М.В. Алексеевым, организационно слившись, образуют Офицерскую дивизию генерала Маркова. Но это произойдет не на Дону, а во время боев на Кубани. Георгиевская же рота позднее волеется в Корниловский полк...

Подавляющее большинство добровольцев прибывали на Дон без оружия. Поэтому вопрос об оружии для них стал сразу. Только часть офицеров-добровольцев имела личное оружие. Атаман Каледин заверил генерала Алексеева, обратившегося с просьбой помочь вооружить членов его военной организации в том, что Донское правительство и он лично такую помощь белым волонтерам окажет без проволочек.

Атаман Войска Донского сдержал свое слово. Он помогал добровольцам, своим потенциальным союзникам в отстаивании вольного Дона от большевиков «самым широким способом». Вот всего лишь две справки о том, как вооружались в Новочеркасске первые прибывшие туда алексеевцы:

«8 ноября из арсенала было получено для общежития № 1 24 винтовки, по 30 патронов на каждую, в общежитии же насчитывалось к этому дню 41 человек».

«10 ноября через артиллерийское управление было проведено разрешение атамана на выдачу организации 274 винтовок, по 120 патронов на каждую, а также 18 револьверов (в револьверах была острая нужда и в частях Войска Донского), каковые и были получены».

Но это было еще не все. В эти же дни атаман А.М. Каледин обещал передать алексеевской организации половину пулеметов, которые были отобраны у гарнизона Хутунка (там стояли запасные пехотные полки) при его разоружении. Но, несмотря на бдительный надзор, хутунским большевикам удалось скрытно увезти пулеметы еще до начала разоружения в близкий Ростов. Там пулеметы были надежно спрятаны.

После разоружения калединскими казаками гарнизона Хутунка в середине ноября винтовки и патроны доставлялись алексеевцам подводами и автомобилями в количестве, далеко превышающем потребности наличного состава. Это делалось по прямому распоряжению атамана Каледина. Поэтому к началу первых боев с красногвардейскими отрядами добровольцы оказались хорошо вооружены винтовками. После разоружения запасных пехотных полков в Хутунке у добровольцев появились первые ручные гранаты.

Оружие добывалось и другими путями. В первых числах ноября военным комендантом станции Шахтная поручиком Федоровым по собственной инициативе было роздано проезжа-

ющим на Дон под знамена генерала Алексеева офицерам-корниловцам 120 винтовок и около двух с половиной тысяч патронов. Это вызвало негодование атамана Каледина в связи с тем, что передача оружия добровольцам совершалась открыто, на глазах у всех.

Атаман Алексей Максимович Каледин продолжал вооружать нарождавшуюся белую армию до последних своих дней. 17 ноября в распоряжение особой команды добровольцев был передан броневой автомобильный дивизион, имевший несколько двухпулеметных и однопушечных броневиков. Однако материальная часть их оказалась изношенной, и бронемашины часто выходили из строя.

К 18 ноября весь личный на тот день состав формируемой Добровольческой армии — около 800 бойцов — был вооружен. Винтовок хватало и для формирующейся белой студенческой дружины, и на прибывающих каждодневно добровольцев.

Войска Красной армии, посылаемые против Дона с конца 1917 года, были вооружены намного лучше добровольцев и казачков-калединцев. Прежде всего у них были артиллерия и пулеметы.

...Прибывавшие на Дон белогвардейцы столкнулись с немалыми трудностями. Все вновь прибывшие в Новочеркасск подписывали особые заявления о своем желании служить добровольцами в течение ближайших четырех месяцев. Денежного оклада первое время не полагалось. Все «армейское» содержание ограничивалось лишь пайком, о скудности которого говорить не полагалось.

Затем добровольцам стали выплачивать в качестве жалования (по тому времени действительно «нищенского») небольшие денежные суммы ассигнациями в размере от ста до 270 рублей офицерам, от 30 до 150 рублей солдатам. Кроме того, тем добровольцам, которые привезли с собой семьи, начислялась небольшая, чисто символическая, надбавка.

Один из ближайших помощников Алексеева в те «новочеркасские дни» Л.В. Половцев, написавший в эмиграции воспоминания о Гражданской войне в России — «Рыцари тернового венца», — так рассказывает о первых днях зарождения белой Добровольческой армии:

«Ближайшими сотрудниками ген. Алексеева были в то время: его адъютант рот. Шапрон, начальник штаба полк. Веденяпин, подп. Лисовой и кап. Шатилов; начальник строевой части, бежавший из быховской тюрьмы ген. граф И.Г. Эрдели; начальник хозяйственной части — член Госдумы Л.В. Пловцев (автор воспоминаний. — *А.Ш.*), по политическим вопросам — член Госдумы Н.Н. Львов, С. С. Щетинин и А.А. Ладыженский.

В Ростове и Таганроге работал председателем общества заводчиков и фабрикантов В.А. Лебедев.

Для сбора добровольцев с фронта в Киеве была создана особая организация, во главе которой стоял ген.-кав. А.М. Драгомиров и член Госдумы В.В. Шульгин.

На первый призыв ген. Алексеева отозвалось около 50 офицеров и юнкеров, бежавших в Новочеркасск из Петрограда и Москвы после октябрьских стычек с большевиками. Из них были составлены кадры первых воинских частей: офицерского и юнкерского батальонов.

Прибывали добровольцы и из соседних местностей — ободранные, без белья, без сапог, в каких-то опорках. Их надо было разместить, одеть, обусть и кормить, а денег было мало.

Получив самые широкие обещания денег со стороны различных общественных организаций в Москве и Петрограде, ген. Алексеев приступил к выполнению своего плана, имея в кармане 10 000 руб., занятых им у частного лица. На эти деньги и жили несколько дней кадры будущей армии.

Постепенно стали поступать в кассу местные пожертвования, но в ничтожных размерах. Наконец наступил момент, когда стало ясно, что завтра надо бросить все дело, потому что денег больше нет.

Помочь делу решили сами добровольцы. Наиболее состоятельные из них, не имея сами наличных денег, воспользовались своими кредитоспособными именами и выдали векселя. По учете векселей, при содействии Н.Н. Львова, в местных банках получилась сумма около 350 000 руб., которые и спасли дело на некоторое время.

Одному Богу известно, какие мучительные часы пережили Алексеев и его сотрудники в это время.

Поставив на карту все — и доброе имя, и жизнь, и все свое прошлое, — увидев полную возможность осуществления своей мечты о великом деле, ген. Алексеев мог оказаться в самом ужасном положении.

Ведь от великого до смешного один только шаг. А разве не смешно было бы для бывшего Верховного главнокомандующего собрать армию в 50 человек и затем распустить ее.

Но ген. Алексеева эта мысль не пугала. Он хлопотал, просил, умолял, и хотя с величайшими затруднениями, но армия создавалась и увеличивалась...»

О том же писал и боевой соратник Корнилова по Первой мировой и Гражданской войнам «быховский узник» генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин в своих «Очерках русской смуты»:

«Было трогательно видеть, как бывший верховный главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей...».

...Отдавая дань исторической правде, следует сказать следующее. Положение белых добровольцев, и тем более корниловцев, в столице превеликого Войска Донского виделось шатким. Атаман А.М. Каледин остро чувствовал настроение казачества, уставшего от войны и желавшего вернуться к мирной жизни. Он знал, что население испытывает симпатии к оседавшим на Дону офицерам-добровольцам.

Атаману Каледину на заседаниях Донского правительства, на встречах с атаманами донских столиц приходилось убеждать многих, что добровольцы прибывают как союзники казачества. Как люди, готовые с оружием в руках постоять за исторические вольности Дона. Но это действовало не на всех.

В Новочеркасск же, в основном по железной дороге, продолжали каждодневно стекаться добровольцы Белого движения. И далеко не все они были членами подпольной алексеевской военной организации. Прибывали и недавние быховские арестанты, соратники Корнилова. Один из них,

генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, так описал в воспоминаниях свое появление в столице Донского казачьего войска:

«В Новочеркасск поезд пришел поздно вечером 23 ноября (6 декабря) 1917 года.

На вокзале был дежурный офицер, который указывал приезжавшим офицерам и юнкерам, где им можно остановиться.

Я поехал переночевать в общежитие, а утром 24 ноября (7 декабря) перебрался в гостиницу.

Первое лицо, которое я увидел в гостинице, был председатель Государственной думы М.В. Родзянко, которого под видом тяжелобольного и в заgrimированном виде доставили из Москвы в Новочеркасск.

Затем я встретился с генералами Деникиным, Романовским и Марковым, добравшимися накануне благополучно до Новочеркаска.

От них я узнал, что в Новочеркасске — генерал Алексеев, который в полном согласии с атаманом Донского казачьего войска приступил к формированию добровольческой армии для борьбы с большевиками.

Генерал Алексеев приехал в Новочеркасск в первых числах ноября.

Я пошел к нему.

М.В. Алексеев сказал мне, что он решил сформировать на Дону добровольческую армию; что в Петрограде и Москве им образованы общества для помощи офицерам; что эти общества поддерживают тесное общение с общественными организациями, помогающими им материально, и они будут направлять на Дон всех желающих офицеров, юнкеров и кадетов старших классов; что Союз общества офицеров, со своей стороны, примет все меры для облегчения желающим офицерам возможности пробраться на Дон и из других районов.

Я на это ответил, что мне представляется необходимым, чтобы он кликнул клич, призывающий офицеров немедленно направляться на Дон; что его имя среди офицеров очень популярно и на его клич потекут на Дон не сотни, а десятки тысяч офицеров.

Генерал Алексеев на это мне ответил, что сам он об этом думал, но сделать это он пока не смеет.

— Как же я могу обратиться с таким воззванием к офицерам, раз в моем распоряжении нет средств? Ведь теперь, когда имеется всего около пятисот офицеров и юнкеров, я не сплю по ночам, как мне их прокормить, как их одеть.

На это я ответил, что — будет сила, будут и деньги.

— Рискнуть надо; без этого вы, Михаил Васильевич, армии не сформируете. Ведь надо знать нашу общественность: они не дают и не дадут больших средств, пока не будут уверены в успехе, пока в вашем распоряжении не будет достаточной силы. А вы не можете собрать эту силу, не имея средств. Получается заколдованный круг. Повторяю, что не только можно, а должно рискнуть.

Генерал Алексеев сказал, что он еще подумает.

Прощаясь со мной, генерал Алексеев сказал, что нам надо в ближайшие дни условиться относительно дальнейшей совместной работы.

25 ноября (8 декабря) генерал Деникин и я пошли к донскому атаману генералу Каледину.

Генерал Каледин принял нас очень серьезно, сказал, что, работая в полном согласии с генералом Алексеевым, он убежден, что генералу Алексееву удастся сформировать хорошую добровольческую армию, а ему — донскую. Затем он сказал, что очень рад приезду на Дон целой группы генералов, которые могут наладить организационную работу, но, — прибавил генерал Каледин, — «имена генералов Корнилова, Деникина, Лукомского и Маркова настолько для массы связаны со страхом контрреволюции, что я рекомендовал бы вам обоим и приезжавшему генералу Маркову пока активно не выступать; было бы даже лучше, если бы вы временно уехали из пределов Дона».

После этого генерал Каледин добавил:

— Я отнюдь не настаиваю, чтобы вы уезжали с Дона. Если вас это не устраивает, то оставайтесь, и вы будете гостями донского казачества...»

«Быховские узники» А.И. Деникин и С.Л. Марков, пока оставаясь без конкретных должностей в алексеевской военной организации, уехали налаживать связи прежде всего с местными военными людьми, по духу корниловцами, в столицу Кубанского казачьего войска город Екатеринодар. Генерал А.С. Лукомский отправился еще дальше, к терским казакам,

в город Владикавказ. Но уже вскоре им суждено было возвратиться назад, в Новочеркасск.

Сам Алексеев пытался не раз наладить деловые отношения с Кубанью. Туда он инкогнито совершил две деловые поездки. В 20-х числах ноября побывал в Екатеринодаре на заседании правительства Юго-Восточного союза. Но поездка оказалась малопродуктивной. Кубанская казачья старшина тогда больше думала об автономии области от России, чем о судьбе государства.

Из Новочеркаска Алексеев направил несколько доверенных лиц на российские окраины. В начале января 1918 года в район Кавказских Минеральных Вод командирован полковник Яков Александрович Слащев, недавний командир гвардейского Московского полка. Ему ставилась задача создать на Северном Кавказе офицерские организации, которые бы стали источником пополнения Добровольческой армии.

На миссию Слащева возлагались большие надежды. В Пятигорске и других городах Кавказских Минеральных Вод скопилось большое число офицеров только что развалившегося Кавказского фронта. Там же проживали соратники бывшего Верховного главнокомандующего по Первой мировой войне — генералы Рузский, Радко-Дмитриев и другие.

Полковник Слащев выглядел достаточно авторитетной фигурой для обращения к фронтовому офицерству: за войну был пять раз ранен и дважды контужен, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и георгиевским оружием, участвовал почти во всех боях лейб-гвардии Финляндского полка, в рядах которого он прошел почти всю Первую мировую войну, прежде чем стал командиром другого, не менее известного полка русской гвардии.

Посланцы Алексеева, пока не «встал» сплошной линией Донской фронт, регулярно пробирались по железной дороге в Москву и Петроград. Генерал Алексеев стремился создать там сильное антибольшевистское военное подполье, на которое можно было бы опереться в грядущих боях. Особые надежды возлагались на деятельность подпольного Национального центра, общее руководство которым осуществлял Н.Н. Щепкин. Поддерживалась связь и с могилевской Ставкой, вернее с тем, что от нее еще оставалось.

Военной организацией Национального центра руководил хорошо знакомый Корнилову и Алексееву генерал-лейтенант Генерального штаба Николай Николаевич Стогов. Георгиевский кавалер, командующий Юго-Западным фронтом в январе 1918 года прибыл в Москву и поступил там в Красную армию как военный специалист. Военспец Стогов с мая по август того же года был начальником Всероссийского главного штаба. И одновременно с полковником В. В. Ступиным возглавлял... подпольную Добровольческую армию Московского района.

Стогов оказал немало ценных услуг командованию белой Добровольческой армией в лице Корнилова, Алексеева и Деникина, поставляя информацию разведывательного характера. Когда осенью 1919 года чекисты начали аресты руководителей Национального центра, генералу Стогову удалось бежать из Москвы и с риском для жизни перейти линию фронта на юге.

Оказавшись в эмиграции, во Франции, Стогов постоянно сотрудничал с такими белоэмигрантскими изданиями, как журнал «Часовой». Он возглавлял Общество офицеров Генерального штаба в Париже и Объединение офицеров лейб-гвардии Волынского полка, был почетным председателем Союза российских кадетских корпусов и Союза георгиевских кавалеров.

Еще до прибытия на Дон генерала Корнилова Алексеев сумел связаться со своими единомышленниками и в далекой от Дона Сибири, куда так рвался в первое время своего пребывания в Новочеркасске Лавр Георгиевич. Вскоре официальным посланцем Добровольческой армии в белой Сибири стал генерал Василий Егорович Флуг.

Известность в русской армии Флуг получил, когда был генерал-квартирмейстером полевого штаба царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Алексева, а затем генерал-квартирмейстером 2-й Маньчжурской армии. В 1914 году командовал 10-й армией Северо-Западного фронта. Но за успешные действия против германской 8-й армии и взятие города Сувалки был отчислен от занимаемой должности со следующей формулировкой — «за опасную активность». Отчисление явилось следствием интриг генерал-квартирмейстера штаба фронта генерала М. Д. Бонч-Бруевича, ставшего после октября 1917 года одним из ближайших военных советников председателя Совнаркома В. И. Ульянова-Ленина.

С подложными документами Флуг прибыл в Новочеркасск в декабре 1917 года и сразу «поступил» в распоряжение Корнилова и Алексеева. Те довольно скоро подобрали ему весьма ответственное задание, исходя из «данных» фронтового генерала: представлять Юг России среди единомышленников в Сибирском крае.

Генерал Флуг в начале 1918 года тайно пробрался в Сибирь. В июне он вошел в состав «Делового кабинета» генерала Хорвата во Владивостоке. Там налаживал контакты с союзниками старой России по Антанте. Участвовал в формировании белогвардейских частей, которые затем вошли в состав колчаковской Сибирской армии. В самом конце того же 1918 года Флуг, по заданию омского правителя адмирала Александра Васильевича Колчака, вернулся на юг России, будучи назначен в распоряжение генерала Деникина.

Стогов, Слащев и Флуг были самыми именитыми представителями «зачинателей белого дела» на местах. Десятки и десятки офицеров и людей далеко не военных профессий по заданиям командования Добровольческой армии совершали тайные поездки по ту сторону фронтов Гражданской войны. Все они имели одну задачу: организацию Белого движения...

Белые волонтеры не мыслили себя вне воинской организации. Добровольцы во время «постоя» в Новочеркасске (а потом и Ростове) жили по воинским уставам старой русской армии. Обязательным было воинское обучение, несение караулов и дневальной службы. Генерал Алексеев взыскательно следил за тем, чтобы такой ритм жизни, пока еще отчасти мирной, первых добровольческих частей не менялся...

В вышедших в 1925 году в Ленинграде «Очерках истории Гражданской войны» (их автором был преподаватель Военно-политической академии имени тов. Толмачева РККА и РККФ Ан. Анишев) добровольческие воинские формирования назывались «типичными отрядами черной гвардии». О начале вооруженного противостояния на юге России говорилось:

«Активной действующей силой не местного значения в вооруженной борьбе на Дону и Кубани были буржуазно-помещичья гвардия, с одной стороны, и рабочая Красная гвардия — с

другой. Все остальное как с той, так и с другой стороны было только обстановкой, в которой эта борьба протекала...

Задача пролетарских отрядов Красной гвардии была... расширение влияния пролетарских центров на окраины».

Время торопило и белых, и красных. События на российском Юге, где зачиналась Гражданская война, стали развиваться стремительно и часто спонтанно. Прапорщик Крыленко, ставший «на час» Верховным главнокомандующим Советской России, направлял на границы Дона красногвардейские отряды с карательными задачами.

В числе первых советских войск, прибывших бороться с «калединщиной», были красногвардейские отряды Выборгского и Володарского районов Петрограда, объединенные Московские отряды под командой Саблина, отряд Харьковской пролетарской артиллерии Рухимовича, отряды рудничной Красной гвардии Донецкого бассейна, матросские формирования, красные латышские стрелки...

Ставший больше чем наполовину советским, а меньшей своей частью украинским националистическим, Черноморский флот прислал донскому атаману Каледину ультиматум. Революционные моряки из Севастополя грозно требовали от него «полного и безвозвратного» отречения от атаманской власти:

«...Немедленно признать власть за Советами рабочих и солдатских депутатов».

На что войсковой атаман Донского казачества, прочитавший телеграмму, с явным неудовольствием заметил по поводу «матросской угрозы» из недалекого Севастополя:

— Менять волю казачества Дона, избравшего меня атаманом, — это не топить турецкие парусные шхуны-угольщики на войне...

С каждым пассажирским поездом, прибывавшим на местный вокзал, число добровольцев в Новочеркасске увеличивалось. Большой радостью для генерала Алексеева стало то, что в ноябре из Могилева прибыл, а вернее сказать — пробился Георгиевский пехотный батальон, полностью солдатский, сохранивший свои кадры.

Он был сформирован из раненых фронтовиков — георгиевских кавалеров, которые проходили после выздоровления тщательный отбор. По замыслу императора Николая II, тако-

му батальону предстояло стать элитной частью сражающейся русской армии, поскольку каждый его боец являлся действительно доблестным воином. Причем, многие солдаты являлись обладателями полного банта «Егориев» — крестов всех четырех степеней.

Для начала первой части георгиевских кавалеров была доверена охрана могилевской Ставки. Последующие революционные события не позволили командованию использовать отдельный батальон на фронте как ударную, штурмовую часть. Он так и остался в прифронтовом тыловом Могилеве, будучи в своем большинстве верным Временному правительству, а не мятежному Верховному главнокомандующему генералу Корнилову. Но потом, после прибытия прапорщика Крыленко в Ставку, «маятник» в политическом умонастроении солдат-георгиевцев резко качнулся вправо.

Все до единого опытные фронтовики, бойцы Георгиевского батальона, отличались «примерной» бодростью духа, пехотной выучкой и дисциплинированностью. Это были подлинные рядовые герои Первой мировой войны. Они стали первыми нижними чинами русской армии (не считая разве небольшого числа ударников), которые в Новочеркасске пополнили ряды создававшейся белой Добровольческой армии.

Горя желанием с оружием защитить Россию, добровольцы тем не менее находились, скажем прямо, в угнетенном состоянии. Им казалось, что не только солдатская масса, но и большая часть России выступает против Белого движения. Но это мнение серьезно изменилось, когда в начале декабря 1917 года стали известны результаты выборов в Учредительное собрание. Центральный Комитет партии большевиков и Совнарком не решились отменить выборы, назначенные еще Временным правительством.

В большинстве избирательных округов выборы состоялись во второй половине ноября. Партия большевиков в итоге набрала 24 процента голосов, победив в некоторых крупных промышленных центрах и воинских гарнизонах. Правые партии, ведущей из которых являлась конституционно-демократическая (кадетская), набрали только 17 процентов. Партии социалистов-революционеров (эсеров), меньшевиков и других демократов получили 59 процентов голосов. В ходе выборов в

Учредительное собрание партия эсеров получила подавляющее число голосов избирателей — более 40 процентов. Но к тому времени в их рядах уже не было единства: социалисты-революционеры с их «крестьянской» программой раскололись на ряд течений: левых, правых, максималистов, интернационалистов.

Как бы потом ни толковали итоги выборов в Учредительное собрание в конце 1917 года, было ясно, что партия большевиков не дотянула даже до четверти голосов. И потому она могла управлять государством только во временном союзе с партией левых эсеров. Совет народных комиссаров постановил открыть Учредительное собрание 5 января 1918 года.

В день открытия Учредительного собрания в Петрограде состоялась массовая манифестация под лозунгом: «Вся власть Учредительному собранию!». Собравшись на Марсовом поле, демонстранты двинулись к Таврическому дворцу. Однако путь им преградили отряды красногвардейцев, солдат и матросов, которые подчинялись большевистскому Чрезвычайному штабу, созданному «для защиты власти Советов от всех покушений контрреволюционных сил». По манифестантам был открыт огонь.

По некоторым данным, в день открытия Учредительного собрания в Петрограде было убито от 8 до 20 демонстрантов, ранено более 200 человек. В ходе Гражданской войны это был первый случай, когда по приказу советской власти стреляли в народ. При этом человеческих жертв оказалось больше, чем при штурме Зимнего дворца.

Представители Совета народных комиссаров в своих выступлениях утверждали, что антисоветская манифестация была устроена усилиями «буржуев». Однако это не соответствовало действительности: в рядах демонстрантов было много питерских рабочих и солдат столичного гарнизона. Об этом во всеуслышаньи было сказано писателем Максимом Горьким, который в газете «Новая жизнь» писал:

«Правда» лжет, когда пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д. и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи», «калединцы». «Правда» лжет — она прекрасно знает, что «буржуям» нечего радоваться по поводу открытия Учредительного собрания, им не-

чего делать в среде 246 социалистов одной партии (эсеров. — А.Ш.) и 140 большевиков. «Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красным знаменем Российской социал-демократической партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет позорного факта».

Второго заседания Учредительного собрания не было. После того, как оно 237 голосами правых эсеров и меньшевиков против 146 голосов большевиков и левых эсеров отказалось обсуждать «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», предложенную большевистским ВЦИК, судьба нового российского парламента была решена. Этот отказ стал для Учредительного собрания, которое правомочно считало себя верховной властью в стране, равносильным «смертному приговору».

Большевики и левые эсеры покинули зал заседания Учредительного собрания. Когда началось обсуждение проекта о земле, к трибуне подошел начальник охраны Таврического дворца, балтийский матрос анархист Анатолий Железняков, который произнес свою историческую фразу:

— Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал.

С разгоном законноизбранного Учредительного собрания вся полнота государственной власти фактически оказалась в руках ленинского Совнаркома. Под руководством Троцкого начинает действовать Революционный военный совет (РВС). В экстренном порядке идет формирование Красной армии, главный враг которой находился на российском Юге. Отменяются солдатские комитеты, устанавливается единоначалие командиров, подоотчетных комиссарам. Вводится строжайшая революционная дисциплина, смертная казнь на фронте через расстрел становится нормой военного времени...

В ночь на 26 ноября в соседних с Новочеркасском городах области Войска Донского Ростове и Таганроге вспыхнули вооруженные восстания, подготовленные местными большевиками-подпольщиками. Но удержать Ростов и Таганрог

в своих руках военно-революционные комитеты смогли только несколько дней. Даже несмотря на то, что в Ростове высадились матросские отряды, прибывшие на яхте «Колхида» и других судах. А небольшой по числу жителей Таганрог находился под прицелом орудий миноносца, подошедшего из Севастополя.

Для Донского правительства это был гром среди ясного неба. Атаман Каледин оказался в сложном положении. Подавить вооруженные выступления в Ростове и Таганроге можно было только военной силой. А еще совсем недавно на третьем войсковом кругу генерал говорил, что «ему страшно пролить первую кровь». И когда он решился, то казаки за ним не пошли. Недавние фронтовики воевать не хотели: они от войны уже устали.

Однако надо было подавить восстание большевиков как можно скорее. В полночь из Новочеркасска в Ростов отправили железнодорожным составом со сводным добровольческим отрядом, пополненным «калединцами»: местной казачьей молодежью, студентами, пришедшими со своими винтовками и кое-как обмундированными, юнкерами Новочеркасского казачьего училища. Отрядом командовал полковник князь Иван Хованский, выходец из лейб-гвардии Литовского полка.

«Первая кровь» пролилась в ростовском пригороде, на железнодорожной станции Нахичевань. Командир Юнкерского батальона Мстислав Мезерницкий, закончивший Гражданскую войну в чине полковника и вернувшийся в Россию из эмиграции в ноябре 1921 года вместе с генералом Я.А. Слащевым, в своих воспоминаниях так описывал это событие:

«...К станции подъехали четыре красноармейца. Увидя нас, один крикнул: «Золотопогонная сволочь уже здесь! Бей их, и айда к нашим!» Но было уже поздно. На выстрелы вбежали юнкера, и через минуту двое из красных валялись с пробитыми лбами, а другие двое бились в руках державших их юнкеров...»

Разгрузившись, добровольцы заняли позицию под Ростовом. Красные отряды начали атаку железнодорожной станции Нахичевань со стороны города: «Но сразу было видно, что это не организованная часть, а масса, валяющая вперед густой толпой». Атакующие, попав под ружейный и пулеметный огонь, отхлынули обратно на окраину Ростова.

Пока под городом шел жаркий бой, атаману А.М. Каледину силой своей власти удалось «призвать к исполнению казачьего долга» несколько войсковых частей из числа тех, кто еще не разошелся по домам, по станицам и хуторам. Они недавно вернулись с фронта и оказались «менее распропагандированными». Теперь судьба Ростова и Таганрога была решена.

Подошедшие к этим городам «своей» Донской области, под которыми уже не первый день шли упорные бои, калединские казаки подавили восстание. В уличных боях особенно отличилась Сводно-офицерская рота добровольцев, спешно переброшенная из Новочеркаска. Выучка и дисциплина, боевой дух первых белых офицеров сказали здесь едва ли не самое решающее слово.

Один из очевидцев тех ноябрьских боев за город Ростов так описывал ход событий:

«...Первый бой под Кизитеринкой оказался нерешительным.

Хотя добровольцы и продвинулись вперед под Нахичевань, но посланные совместно с ними казачьи части действовали вяло и неопределенно. Наступление прекратилось. Надо было хотя бы удержать занятые позиции, но это было очень трудно. Враг был впереди, но недрузья были и сзади; не раз свистели над добровольцами пули, летевшие со стороны казачьих частей.

Подвоза патронов не было, а на другой день добровольцы не получили даже пищи...

Ввиду бездействия казачьих частей противник наступал свободно, добровольцам угрожала гибель.

Отстреливаясь направо и налево, отряд в течение трех дней не сдает, однако, своих позиций и стойко отбивает атаки неприятеля.

Но вот засвистели пули и с тыла.

Обошли. Отступления нет.

«Умирать, так умирать с честью», — решили добровольцы и бросились в последнюю смертельную атаку на неприятеля.

Буря огня несется им навстречу. Не добежать до штыкового удара, все полягут.

Но вдруг огонь противника стихает; в цепях его видно какое-то смятение.

Бум, бум — слышится в тылу красных, и над их резервами рвутся шрапнели неизвестного происхождения.

Все в недоумении.

Добровольцы удваивают усилия.

Неприятель отступает, а потом обращается в паническое бегство. Добровольцы преследуют солдат по пятам и врываются в Ростов; но союзник их невидим, и лишь снаряды, летящие с Таганрогской дороги, свидетельствуют, что там стоит какая-то часть.

Между тем солдаты запасных полков, добежав до своих казарм, бросили оружие и объявили, что они сдаются...»

Один из крупнейших городов российского Юга Ростов был взят в первый декабрьский день. Впереди атакующих шел «блиндированный» поезд, вооруженный пулеметами. Их расчеты укрывались за штабелями шпал, которые и являлись «броней» этого первого, безмянного бронепоезда белых в Гражданской войне. Машинистами на паровозе были юнкера, знакомые с его управлением, поскольку настоящие машинисты сбежали.

Пять дней боев за Ростов обернулись для добровольцев при их малочисленности тяжелыми потерями почти в 150 человек. Список потерь со смертельным исходом насчитывал до 40 человек.

Так белыми в первый раз в Гражданской войне штурмом был взят город Ростов-на-Дону. Бой за него, исход которого долго был не ясен, решила воинская команда под начальством генерал-майора Генерального штаба А.М. Назарова, который командовал таганрогским гарнизоном. Он подоспел на помощь добровольцам с двумя полевыми пушками, прислугу которых составили несколько офицеров-артиллеристов, команда фельдшеров и таганрогские гимназисты.

По дороге из Таганрога в Ростов 2-я орудийная батарея казачьих обстреляла на реке Дон отряд судов Черноморского флота, который шел с десантом революционных моряков-севастопольцев на помощь восставшим рабочим и солдатам-запасникам. Метким огнем батареи одно судно было потоплено, остальные повернули назад, в сторону Азовского моря.

Отряд генерала Назарова, числом всего в 50 человек, подошел к месту боя в самую его критическую минуту. Орудия раз-

вернулись в открытом поле и открыли прицельный огонь по защитникам Ростова, оказавшись у них в ближнем тылу. Беглый артиллерийский огонь и решил исход штурма.

Судьба генерал-майора Анатолия Михайловича Назарова сложилась трагично. 15 декабря 1917 года он становится походным атаманом Донского казачьего войска, ближайшим помощником Каледина. После самоубийства Каледина Большой войсковой круг 30 января 1918 года избрал генерала Назарова войсковым атаманом. Когда Донской фронт под натиском красных войск рухнул, Назаров отказался покинуть Новочеркасск с отрядом нового походного атамана генерала Попова. На заседании Войскового круга он мужественно встретил командующего донской Красной гвардии войскового старшину Голубова, обещавшего амнистию всем калединцам накануне захвата Новочеркасска. 18 февраля по приказу Голубова казачий генерал-майор Назаров был расстрелян. Согласно рассказам очевидцев, команду на расстрел войсковой атаман подал сам.

Войсковой старшина Голубов, инициатор массовых расстрелов без суда раненых в боях офицеров, не ушедших с добровольцами за Дон (расстрелы проводились в Нахичеваньской роще), не избежал кары за содеянное. Во время весеннего восстания донского казачества весной 1918 года во время митинга в одной из станиц он был застрелен студентом, братом расстрелянного Голубовым офицера...

Отношение атамана Каледина к добровольцам окончательно изменилось в самую лучшую сторону. Он оказался в двусмысленном положении. Казачество Дона в конце 1917 года в своем большинстве неодобрительно относилось к появлению на донской земле офицерской Алексеевской организации. С другой стороны, войсковой атаман видел в добровольцах реальную воинскую силу, верного союзника, который не покинет фронт против «совдепов» в трудные дни испытаний. Каледин понимал, что в складывающейся в области ситуации добровольцы становятся главной воинской силой Донского правительства.

Отпевание убитых при штурме Ростова юнкеров состоялось в новочеркасском соборе. Среди погибших оказались и донские казаки из Новочеркасского училища. Поэтому на похо-

ронах народу было много. Бывший Верховный главнокомандующий России генерал Алексеев произнес, как писали потом очевидцы, «исключительно сильную» речь. Обращаясь к лежащим в гробах добровольцам, он сказал:

— Орлята! Где были ваши орлы, когда вы умирали...

Эти слова укора прозвучали в адрес казаков-фронтовиков, которых в тот день оказалось много в войсковом соборе. Им тогда действительно стало не по себе, поскольку произнесенные хорошо известным генералом слова затрагивали их казачью честь...

Участник боев за Ростов юнкер Константиновского артиллерийского училища Виктор Ларионов, получивший тяжелое ранение, в своих эмигрантских мемуарах «Последние юнкера» писал о пребывании в новочеркасской «Больнице общества донских врачей»:

«...Добровольная сестра милосердия, дочь Верховного главнокомандующего генерала Алексеева, Клавдия Михайловна Алексеева, была моим ангелом-хранителем, дни и долгие вечера боролась она за мою жизнь. Всегда бодрая, энергичная, она не отступала перед трудностями жизни, и, глядя на нее, верилось в лучшее будущее и в конечную победу.

Ее младшая сестра, Вера Михайловна, такая же идейная и целеустремленная, готовая жертвовать всем для раненого, просиживала ночи над тяжелораненым юнкером Малькевичем, стараясь его спасти.

Третьей добровольной сестрой нашей палаты была дочь генерала Корнилова, Наталья Лавровна...

Довелось мне увидеть в лазарете и ... глубоко уважаемых мною людей. Посетил нашу палату бывший Верховный, начальник штаба государя, генерал Алексеев. Очевидно, дочери ему успели подробно рассказать о раненых, ибо он обращался к каждому как к знакомому, спрашивал о здоровье, о настроении, об училище.

Старый Верховный главнокомандующий российской армии производил огромное впечатление УМОМ, своим обращением, дружеской непринужденностью...»

Во второй половине ноября положение на Дону осложнилось и ухудшилось. Тысячи и тысячи дезертиров с фронтов Первой мировой войны ехали домой через область Войска Дон-

ского. На каждой железнодорожной станции они грабили обывателей, добывая себе пропитание. Железнодорожное начальство дезертиры под угрозой оружия принуждали отправлять первыми именно их поезда, не считаясь с установленным расписанием. Также они захватывали вагоны, паровозы и паровозные бригады.

Устоявшийся порядок жизни на тихом Дону рушился. У областного правительства и войскового атамана не было сил. Такой ситуацией воспользовались большевистские Советы, настраивавшие массу самовольно покидавших войну фронтовиков против «контрреволюционного» Дона и казачества в целом.

Атаман Каледин обратился за помощью к добровольцам. В тот же день генерал Алексеев распорядился выделить в распоряжение Донского правительства необходимое число добровольцев для несения патрульной службы на железнодорожных станциях области. Группами по пять и более человек, под командой казачьих офицеров, получив винтовки и патроны и по десять рублей суточных на десять дней, добровольцы отправлялись нести службу на самых различных узловых станциях. Причем атаман Каледин брал под контроль станции не только Дона, но и ближайшие к его границе.

Уже первые подобные командировки в «приграничье» показали, насколько они опасны. Добровольческим патрулям сразу же пришлось столкнуться в лучшем случае с «глухим» сопротивлением. Вооруженные дезертиры выкрикивали в адрес людей в офицерских погонах оскорбления, но до применения оружия дело не доходило. Пребывание на казачьей земле сдерживало буйные толпы беглецов с фронтов, «не позволяло» выплескивать буйство наружу.

Но так было далеко не на всех станциях. В Дебальцево патруль добровольцев с казачьим офицером так и не смог водворить порядок даже на вокзале. Более того, его под угрозой оружия вынудили покинуть станцию, где скопилось сразу несколько эшелонов с фронта, для которых требовались паровозы. Вслед «золотопогонникам» с железнодорожных путей стреляли.

На станции Иловайской добровольческий патруль, появившийся на перроне, едва не был растерзан толпой вооруженных дезертиров, в которой оказалось немало пьяных и озлобленных людей. Положение спас сотник Греков, который сле-

довал с фронта с командой кубанских казаков, имевших личное оружие. И хотя до кровопролития дело не дошло, людям в погонах пришлось покинуть Иловайскую.

После инцидента на Иловайской сотник Греков сформировал конный партизанский отряд, в который по своей воле вошли и люди из Алексеевской военной организации. Он подчинил его донскому войсковому атаману и стал наводить порядок на железной дороге. Грековские партизаны совершали налеты на станции окраин Донецкого угольного бассейна, где останавливались слишком буйные эшелоны с дезертирами. Порядок наводился силой оружия и реже угрозой его применения.

Вскоре забот у сотника Грекова, отряд которого отличался большой дерзостью, прибавилось. В районе каменноугольных шахт стали создаваться местные Советы рабочих депутатов, стоявшие на «большевистской платформе». В шахтерских городках и поселках появились красногвардейские, пока свои — местные отряды, еще разрозненные, без единого командования. Благо оружия повсюду в России имелось много: оно само просилось в руки. Белые партизаны повели войну с ними...

Посылка патрулей из добровольцев на железнодорожные станции Донской области продолжалась до января следующего года. Корнилов одобрил такую практику. Были случаи, когда командированные на станции офицеры и юнкера не возвращались в Новочеркасск, становясь жертвами конфликтов «с кровопролитием», которые все чаще разыгрывались на узловых станциях российского Юга, охваченных беспределом толп людей с оружием...

Подпольные антисоветские организации направляли на Дон все новых и новых добровольцев, хотя «просачиваться» по железным дорогам становилось все труднее. Поручик Бенедиктов из «декабрьского» пополнения так описывал свое прибытие в столицу Донского казачьего войска:

«Вечером, 5 декабря, я вышел из поезда на станции Новочеркасск. По рассказам и слухам, я представлял себе Новочеркасск вооруженным и переполненным юнкерами и офицерами лагерем. Я думал, что большинство членов Союза офицеров армии и флота пробрались уже в Новочеркасск. На вокзале действительно было много юнкеров и кадет.

После явки у коменданта станции мне и другим прибывшим дали провожатого. Был хороший, морозный зимний вечер. По колена в снегу мы подымались от вокзала на гору. Провинциальная тишина, от которой уже отвыкли наши уши. Триумфальная арка; направо огромный собор; Платовский бульвар с одиночными, мирно воркующими парочками. Давно забытая обстановка мирного времени. Не думали, вероятно, барышни, что их кавалеры через несколько дней сменят свои ученические шинели на чернецовские овчинные полушубки. На улицах была совершенно мирная обстановка, не соответствующая тому, что мы ожидали видеть.

Но вот мы пришли на Барочную, 36. Там мы сразу же увидели то, что соответствовало нашему представлению о добровольческом лагере. В дверях нас встретил довольно строгий часовой с Георгиевским крестом на шинели — добровольца Александра, как потом оказалось. В вестибюле вывешены объявления с условиями принятия в Добровольческую организацию: 4 месяца службы; казарменное общее помещение, общее питание и жалованье — 200 рублей офицерам, рядовым соответственно меньше.

Представление дежурному офицеру; предъявление документов, у кого они были; краткий допрос и... любезное приглашение пользоваться тем, что есть, до утра. Кружка чая и кусок хлеба в столовой, где на столах уже расположились прежде прибывшие.

После нескольких суток сидячей, стоячей, ходячей жизни, среди кошмара, через который пришлось переехать, — наслаждением было растянуться на столе в спокойном сознании, что я — у себя дома.

Холодно было утром вставать по раздавшейся команде, но хорошо, бодро чувствовалось. Воинский дух, дисциплина, сознание чувства долга, готовность ко всему...

Утром начался прием в бюро записи в организацию. Довольно просторная анкета; среди вопросов были такие: в каком состоянии находился фронт к моменту вашего его оставления и — цель приезда в Новочеркасск? На последний вопрос все давали один ответ:

«Для активной борьбы с большевиками».

Мой явочный номер был — 1801. Меня поразила малочисленность нашей организации. Затем вновь прибывшие по-

лучили назначение: 5-я особая офицерская рота — Грушевская, 23.

Перед отправкой на Грушевскую мне предложили побыть некоторое время при входе для дачи объяснений вновь прибывающим. Я уже видел, что движение имеет хороших руководителей, повинующихся долгу и чести. Я убедился воочию, что налаживается дело надежными и чистыми руками.

Затем все записавшиеся явились в роту, представились ее командиру, капитану Некрашевичу, его помощнику капитану Наинскому, фельдфебелю роты штабс-капитана Козыра; своим взводным командирам. От «протирки», бравого портупей-юнкера Козлова, принимавшего участие в защите Зимнего дворца, получили винтовки и по 5 патронов.

У нас в роте большей частью были фронтовые офицеры, но немало было людей, случайно оказавшихся военными...»

6 декабря в Новочеркасск прибыл переодетый в простого мужика, беженца из Румынии, генерал Корнилов. Из последних «быховских узников» путь на Дон для него оказался самым тернистым и долгим. Для добровольцев приезд «народного героя» стал настоящим событием.

После получения такого сообщения в красном Петрограде забили тревогу. Там поняли, что на казачьем Дону собирается главная антибольшевистская сила. А не на Волге или в Сибири, хотя и там противники советской власти взялись за оружие, действуя все более организованно, а на российском Юге...

После прибытия генерала Корнилова стало ясно, что между Алексеевым и Корниловым существуют противоречия. По своему характеру они мало подходили друг к другу. Тот и другой, имея за плечами опыт Верховного главнокомандования в Первой мировой войне, оба были готовы возглавить Белое движение. Закрытые совещания генералов и оказавшихся в Новочеркасске общественных деятелей из столиц, думских политиков (атаман А.М. Каледин на них не присутствовал) только обострило эту проблему.

Антон Иванович Деникин в мемуарах «Борьба генерала Корнилова» писал о тех днях, когда решался вопрос о командовании Добровольческой армией:

«...Когда мы (быховские узники. — А.Ш.) съехались в Новочеркасске, там много изменилось.

Каледин признал окончательно необходимость совместной борьбы и не возбуждал более вопроса об уходе с Дона Добровольческой армии, считая ее теперь уже единственной опорой против большевизма.

6 декабря приехал Корнилов, с нетерпением ожидавшийся всеми. После первого свидания его с Алексеевым стало ясно, что совместная работа их, вследствие взаимного предубеждения друг против друга, будет очень нелегкой. О чем они говорили, я не знаю, но приближенные вынесли впечатление, что «расстались они темнее тучи»...

В Новочеркасске уже образовалась «политическая кухня», в чаду которой наезжие деятели сводили старые счета, намечали новые вехи и создавали атмосферу взаимной отчужденности и непонимания совершавшихся на Дону событий. Собрались и лица, игравшие злосчастную роль в Корниловском выступлении. Б. Савинков с безграничной настойчивостью, но вначале безуспешно добивался приема у генералов Алексеева и Корнилова...

Завойко я уже не застал. Он вызвал всеобщее недоумение монополией сбора пожертвований и плел какую-то нелепейшую интригу с целью свержения Каледина и избрания на должность Донского атамана... генерала Корнилова. Ознакомившись с его деятельностью, Корнилов приказал ему в 24 часа покинуть Новочеркасск.

Приехали и представители «Московского центра». Организация эта осенью 1917 года образовалась в Москве из представителей кадетской партии, совета общественных организаций, торгово-промышленников и других буржуазно-либеральных и консервативных кругов. Первоначально были присланы делегатами М.М. Федоров и А.С. Белецкий и еще двое. Позднее из этих лиц остался при Добровольческой армии только М.М. Федоров, а остальных заменили князь Г.Н. Трубецкой, П.Б. Струве и А.С. Хрипунов.

Пригласив к себе на конспиративную квартиру генерала Алексеева, делегация обратилась к нему с глубоко прочувствованным словом, растрогавшим генерала. Задачу делегации Федоров в общих чертах определил так:

«Служить связью Добровольческой организации с Москвой и остальной общественной Россией, всемерно помогать генералу Алексееву в его благородном и национальном подвиге своим знанием, опытом, связями; предоставить себя и тех лиц, которые могли быть для этого вызваны, в распоряжение генерала Алексеева для создания рабочего аппарата гражданского управления при армии...»

У Алексеева появились, таким образом, надежды расширить значительно масштаб Добровольческой организации — надежды, весьма скоро обманувшие его.

18 декабря состоялось первое большое совещание московских деятелей и генералитета. Предстояло решить основной вопрос существования, управления и единства Алексеевской организации. По существу, весь вопрос сводился к определению роли и взаимоотношений двух генералов — Алексеева и Корнилова. И общественные деятели, и мы были заинтересованы в сохранении их обоих в интересах армии. Ее хрупкий еще организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них: в первом случае (уход Алексеева) армия раскололась бы, во втором — она бы развалилась. Между тем обоим в узких рамках только что начинавшегося дела было, очевидно, слишком тесно.

Произошла тяжелая сцена. Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным иначе управлять ею и заявив, что в противном случае он оставит Дон и переедет в Сибирь; Алексееву, по-видимому, трудно было отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. Краткие, нервные реплики их перемешивались с речами общественных деятелей (в особенности страстно реагировал Федоров), которые говорили о самопожертвовании и о государственной необходимости соглашения...

После второго заседания оно как будто состоялось: вся военная власть переходила к Корнилову. Недоразумения начались вновь при приеме Алексеевской организации, когда выяснилась полная материальная необеспеченность армии не только в будущем, но даже и в текущих потребностях. Корнилов опять отказался от командования армией, но после новых уговоров было достигнуто соглашение.

На Рождество был объявлен секретный приказ о вступлении генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова в

командование армией, которая с этого дня стала именоваться официально Добровольческой. Командовать ему ее судьбой было отведено всего три месяца.

Предстояло разрешить еще один важный вопрос — о существовании и формах органа, возглавляющего все движение. Принимая во внимание взаимоотношения генералов Алексеева и Корнилова и привходящие интересы Дона, форма «верховой власти» естественно определялась в форме «триумвирата» Алексейев — Корнилов — Каледин.

Так как территория, подведомственная «триумвирату», не была установлена, а мыслилась в пределах стратегического влияния Добровольческой армии, то «триумvirат» представлял из себя в скрытом виде первое общерусское антибольшевистское правительство. В таком эмбриональном состоянии оно просуществовало в течение месяца, до смерти Каледина.

Конституция новой власти все еще обсуждалась и грозила внести новые трения в налаживающиеся с таким трудом отношения. Поэтому я набросал проект конституции приблизительно по следующей схеме:

1. Генералу Алексееву — гражданское управление, внешние сношения и финансы.
2. Генералу Корнилову — власть военная.
3. Генералу Каледину — управление Донской областью.
4. Верховная власть — «триумvirат». Он разрешает все вопросы государственного значения, причем в заседаниях председательствует тот из триумвиров, чьего ведения вопрос обсуждается...»

Так первым командующим белой Добровольческой армии стал генерал Корнилов.

Корнилов сам выбрал себе помощника на должность начальника штаба армии. Его предложение без всяких на то раздумий принял генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, пользовавшийся доверием Корнилова.

На совещании генералитета (Корнилов, Алексейев, Лукомский, Деникин, Романовский и Марков) была выработана задача дня: создать мощную вооруженную силу Белого движения, «чтобы этим путем остановить потоп, заливающий» казачьи области юга России «с севера».

Цели, которые преследовала Добровольческая армия, впервые были обнародованы ее штабом 27 декабря 1917 года:

1. Создание «организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию. Добровольческое движение должно быть всеобщим. Снова, как в старину, 300 лет тому назад, вся Россия должна подняться всенародным ополчением на защиту своих оскверненных святынь и своих погранных прав».

2. «Первая непосредственная цель Добровольческой армии — противостоять вооруженному нападению на юг и юго-восток России. Рука об руку с доблестным казачеством, по первому призыву его круга, его правительства и войскового атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецко-большевистского ига, — все русские люди, собравшиеся на юге со всех концов нашей Родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление свободной Великой России.

3. Но рядом с этой целью ставится Добровольческой армии. Армия эта должна быть той действенной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства свободной России.

Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным собранием».

В заключение воззвания командование Добровольческой армией призывало «встать в ряды Российской рати... всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истомилась к ней сыновней болью».

В числе людей, имевших непосредственное отношение к этому воззванию, был один из ближайших единомышленников Корнилова — начальник его штаба генерал-лейтенант А.И. Деникин, написавший в своих мемуарах:

«Отозвались... офицеры, юнкера, учащаяся молодежь и очень, очень мало прочих «городских и земских» русских людей. «Всенародного ополчения» не вышло. В силу созданных условий комплектования армия в самом зародыше своем таила глубокий органический недостаток, приобретающий характер классовый. Нет нужды говорить, что руководители ее вышли из народа, что офицерство в массе своей было демократично, что все движение было чуждо социальным элементам борьбы, что официальный символ веры армии носил все признаки государственности, демократичности и доброжелательства к местным областным образованиям...

Печать классового отбора легла на армию прочно и давала повод недоброжелателям возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения и противопоставлять ее цели народным интересам.

Было ясно, что при таких условиях Добровольческая армия выполнить свои задачи в общероссийском масштабе не может. Но оставалась надежда, что она в состоянии будет сдерживать напор неорганизованного пока большевизма и тем даст время окрепнуть здоровой общественности и народному самосознанию, что ее крепкое ядро со временем соединит вокруг себя пока еще инертные или даже враждебные народные силы.

Лично для меня было и осталось непререкаемым одно весьма важное положение, вытекающее из психологии октябрьского переворота. Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока.

К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу».

Глава 13

ПЕРВЫЕ БОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ. ДОНСКОЙ ТРИУМВИРАТ

В середине декабря создается Донской гражданский совет, или, как его еще называли, Всероссийское правительство. Его возглавили три генерала — М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов и А.М. Каледин. Это был, по сути дела, триумvirат — первое в годы Гражданской войны антибольшевистское правительство.

В Гражданский совет на правах «рядовых» членов вошли М. Федоров, князь Г. Трубецкой, П. Струве, П. Милюков и... известный террорист-«бомбист» Борис Савинков, ближайший соратник министра-председателя и социалиста Керенского, недавний управляющий Военным министерством России.

Его появление в Новочеркасске оказалась для многих белых деятелей большой неожиданностью. А когда Савинков ультимативно поставил вопрос о своем участии в Донском гражданском совете, то ему было сказано, что один раз он уже сыграл отрицательную роль в «корниловском выступлении». Генерал-майор И.П. Романовский по-дружески посоветовал ему:

— Уезжайте отсюда безотлагательно... Здесь ваши враги сильнее ваших друзей...

Объявившись в столице Дона, Савинков нанес визит вежливости войсковому атаману А.М. Каледину. Разговор у них шел без свидетелей и, по всей вероятности, не сложился. Казачий генерал к людям, подобным Борису Савинкову, симпатии не испытывал, считая их прямыми виновниками всех бед России.

После посещения атаманского дворца Савинков отправился на Барачную улицу, в офицерское общежитие. С непод-

дельным интересом он смотрел, как на улице строились по-ротно добровольцы, «блистая выправкой и духом». Все добровольцы были в новых, хотя и залежавшихся на новочеркасских войсковых складах неофицерских шинелях, при погонах.

Дежурный по общежитию поручик из гвардейцев, косо поглядывая на известную ему личность эсера-боевика, все же без лишних слов проводил гостя к генералу Алексееву. «Бомбист» чувствовал неприязнь к себе, однако это не остановило его в поисках союзников в борьбе с большевиками.

На следующий день Алексеев и атаман Каледин обратились к генералу Корнилову с предложением о сотрудничестве с Савинковым и теми силами, которые стояли за ним. Сначала генерал Корнилов ответил категорическим отказом: он не без оснований считал известного террориста одним из главных виновников неудачи «корниловского мятежа».

Генералу Алексееву и донскому атаману Каледину стоило немалых трудов уговорить командующего белой Добровольческой армией согласиться с их предложением.

Члены триумвирата решили создать при генерале Алексееве политическое совещание. В его состав вошли: Алексеев (председатель), Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Романовский, Струве, Милюков, князь Григорий Трубецкой, Федоров и Савинков. Из одиннадцати человек шесть носили генеральские погоны. Остальные были известными в России общественными деятелями.

Генерал Деникин категорически отказался участвовать в работе политического совещания. За все короткое время его существования Антон Иванович ни на одно заседание так и не приходил.

Борис Савинков настоял на том, чтобы в политический совет были введены его люди. Речь шла о трех социалистах: бывшем политическом комиссаре Временного правительства в 8-й армии Юго-Западного фронта Вензягольском, «донском демагоге» Агееве и председателе крестьянского съезда, бывшем ссыльном и эмигранте Мазуренко.

Политический совет не просуществовал и месяца. После переезда штаба Добровольческой армии в Ростов, он перестал функционировать.

Генерал-лейтенант Деникин так охарактеризовал «новочеркасское участие» Бориса Савинкова в формировании Добровольческой армии:

«Участие Савинкова и его группы не дало армии ни одного солдата, ни одного рубля и не вернуло на стезю государственности ни одного донского казака, вызвало лишь недоумение в офицерской среде...»

Экс-террориста еще при жизни обвиняли в том, что своими действиями против советской власти он принес Белому движению только вред. А.И. Деникин в писал о Борисе Савинкове:

«Удостоверение за подписью Алексеева открывало ему новые возможности. Его именем он начал собирать офицерство, расплывая наши силы, и организовывать восстания, которые были скоро и кроваво подавлены большевиками».

Первую половину января 1918 года генерал М.В. Алексеев, по поручению командующего армией, готовил «Воззвание к народам Юга и Юго-Востока России», в котором разъяснялись цели и организационные основы белой Добровольческой армии. В воззвании было заявлено, что создаваемая на казачьем Дону армия есть:

«...Организованная военная сила, способная противостоять надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию.

Первая непосредственная цель Добровольческой армии — противостоять рука об руку с доблестным казачеством вооруженному нападению на Юг и Юго-Восток России. Все русские люди, собравшиеся здесь со всех концов нашей Родины, должны защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление Свободной Великой России...»

Автор воззвания писал дальше о патриотическом долге всех сынов российского Отечества. Они должны:

«...Встать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство избранного Учредительного собрания свою державную волю, перед которой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет слу-

жить создаваемая армия, все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным собранием...»

«Воззвание к народам Юга и Юго-Востока России» заканчивалось призывом ко всем, кто исповедовал верность Свободной Великой России, считать своим долгом: «...Встать в ряды Российской рати...»

Командование Добровольческой армии призывало к оружию «всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истомилась к ней сыновней болью».

...Заканчивался 1917 год. Формирование Добровольческой армии шло медленно. Красноармейские заставы все более умело вели «чистку» железнодорожных составов, которые направлялись на юг, прежде всего в Донскую область. Выявленных при проверке документов офицеров и юнкеров зачастую расстреливали на месте, прямо на железнодорожных станциях. Далеко не всем добровольцам удавалось пробираться в Новочеркасск.

Были и исключения. Порой прибывали большие группы. Удивительные организаторские способности проявила Мария Антоновна Нестерович, по мужу Берг (Нестерович-Берг), одна из самых замечательных женщин — участниц Белого движения, член подпольной Алексеевской военной организации. В октябре — декабре 1917 года она вывезла из Москвы, в которой только-только закончились ожесточенные бои, на Дон и в Оренбург, где власть находилась в руках войскового атамана генерал-лейтенанта А.И. Дутова, более двух с половиной тысяч офицеров и юнкеров. В мае 1918 года она занималась созданием русских офицерских добровольческих дружин в Киеве. В рядах Добровольческой армии — с декабря 1916 года.

В 1914 году 18-летней девушкой Мария Нестерович пошла добровольцем на фронт Первой мировой войны. В одном из боев сестра милосердия попала в неприятельский плен.

После возвращения из плена сестра милосердия-фронтовичка работала в московском отделении комитета «Союза бежавших из плена», созданного не правительством, а солдатами. Нестерович-Берг пользовалась в комитете огромным влиянием и по его документам смогла переправить из Москвы в

Донскую и Оренбургскую казачьи области большое число белогвардейцев, участников боев с Красной Гвардией в столице.

Работа Марии Нестерович была связана с риском. В день сдачи Александровского военного училища, которое являлось оплотом антибольшевистских сил во время октябрьских боев в Москве, к ней за помощью обратились 32 офицера и несколько юнкеров. Они просили ее помочь им выехать из Москвы в казачьи области. Сестра милосердия сразу же взялась за дело.

Прибыв в комитет «Союза бежавших из плена», она ознакомила солдат-комитетчиков с «планом работы». В тот же день было устроено заседание комитета, и белые офицеры, передетые нижними чинами, получили документы бывших пленных, подписанные председателем комитета Крыловым.

Нестерович была откровенна с фронтовиками-комитетчиками, многие из которых участвовали в боях на стороне белых. Мария Антоновна заявила солдатам:

— Дорогие мои, я хочу быть вполне откровенной. Ведь у меня с вами была одна цель — помочь оставшимся в плену. Вам известно, что с первого дня войны, — мне было восемнадцать лет, — я уехала на фронт и служила вам. Многие из вас знают, сколько из-за вас я выстрадала в плену и как на вас же продолжала работать, освободившись из плена. Вы помните, что я застала в комитете, и видите — что оставляю, уходя из него. А уйти необходимо. С болью покидаю вас, но теперь мой долг — помочь несчастным офицерам и их семьям.

Когда Мария Нестерович закончила, солдаты-комитетчики долго молчали. Трудно было сделать выбор: на чью сторону встать? Первым заговорил председатель комитета Крылов:

— Мария Антоновна! Неужели вы нас считаете такими же подлецами, как тех, что с красным бантом ходят? Неужели мы не заслужили вашего доверия и тех офицеров, с которыми дрались против большевиков? Рассчитывайте на нас — все сделаем, что вы скажете, и пойдём, куда скажете.

В тот же день на бланках комитета «Союза бежавших из плена» были оформлены проездные документы на двести человек. Вечером 142 человека поездом отправились в сторону Новочеркаска. Ехали они с разных московских вокзалов

«врассыпную». От Нестерович каждый отъезжающий получил на дорогу по сто рублей.

Сама Мария Нестерович в 1917 и 1918 годах совершила несколько поездок на Дон и в Оренбург, сопровождая группы добровольцев, которые уезжали из Москвы по подложным документам. Ей не раз приходилось спасать офицеров от верной гибели.

Работой комитета «Союза бежавших из плена» интересовались не только атаманы Дутов и Каледин, но и генералы Корнилов и Алексеев. Для них фронтовая сестра милосердия служила не только источником достоверной информации, но и курьером. Подыскать более надежного связника было трудно.

Показываясь в Москве, Мария Нестерович наносила «визиты вежливости» богатейшим людям первопрестольной русской столицы с одной-единственной просьбой: помочь деньгами Добровольческой армии. Такие финансисты и промышленники, как братья Гучковы и Оловянишников, ей не отказывали. А Гучковы сделали Белому движению даже весомый подарок. Они сумели отправить на Дон прекрасно оборудованный фронтовой санитарный поезд с медперсоналом и солидными запасами медикаментов и перевязочных материалов.

Миновав все красногвардейские заставы, «Санитарный поезд императрицы Александры Федоровны» благополучно прибыл из Могилева в Новочеркасск. Медики и казачьего Войска Донского, и Добровольческой армии получили благодаря одному из братьев Гучковых значительную помощь.

После Оловянишникова и Гучкова связная командования Добровольческой армии посетила немало московских толстосумов из числа банкиров и промышленников. Большинство из них в помощи не отказывали, но денег давали мало. Так, граф Дмитрий Адамович Олсуфьев передал три тысячи рублей. Состоятельнейший Второв — десять тысяч.

Большая часть собранных денег пошла на отправку новых партий офицеров и юнкеров в Новочеркасск и в кассу Добровольческой армии. Посильная денежная помощь была оказана семьям тех добровольцев, которые уже находились на Дону.

Нестерович действовала, на удивление, успешно. Так, 14 ноября 1917 года в Новочеркасск и Оренбург ею было отправле-

но «врассыпную» 297 человек. Она сама сопровождала тех, кто убывал на Дон. Под платьем она везла шесть браунингов и мешочек патронов к ним, письма от офицерских семей. Патроны для браунингов стали подарком офицерам Георгиевского батальона. У них такое оружие было, но не было патронов к нему...

В один из приездов в Новочеркасск командир Георгиевского батальона (составленного из кадров 1-го запасного Георгиевского полка, который так и не успел сформироваться в Киеве) полковник Иван Касианович Кириенко приподнес Марии Антоновне стихи:

— Это лично вам. Найдены в документах погибшего поручика Тимофеева из моего батальона. Читайте...

Нестерович стала читать тетрадный лист бумаги, исписанный чернильным карандашом:

«Посвящаю дорогой сестре М.А. Нестерович».

Долины залиты братской кровью,
 Вся русская стонет земля...
 Тогда к вам с сердечной любовью
 На помощь сестрица пришла.
 Жалея солдат, изнуренных походом,
 Израненных в тяжком бою,
 Посвятила сестрица Мария заботам
 Всю добрую душу свою...

...Зимой поток желающих сражаться под знаменами Белого движения не иссякал. В среднем за день приезжали в Новочеркасск и записывались в ряды белой армии 75—80 добровольцев. Генералов-единомышленников Алексеева и Корнилова при такой малочисленности пополнения утешало то обстоятельство, что это были дисциплинированные бойцы, на которых можно положиться в самом трудном деле и которых не надо было гнать в бой, уговаривать и агитировать. Грозить добровольцам карами перед боем тоже не приходилось. В атаку они поднимались по первому же приказу. В своем подавляющем большинстве добровольцы были профессионалами.

Нижних чинов их числа фронтовиков прибывало мало. В самом начале 1918 года белую армию пополняли моло-

дые офицеры, юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старших классов. Многих тянула «романтика» начинавшейся Гражданской войны.

Сложность формирования Добровольческой армии состояла и в другом. Винтовок, огнестрельных припасов, обмундирования, обуви и другого снаряжения на войсковых складах Дона почти не оставалось. Хуже всего было с орудиями и снарядами к ним.

Оружие и патроны для добровольцев добывали как только могли: отбирали у проходивших через Ростов и Новочеркасск воинских эшелонов, едущих с фронта «по домам», покупали и меняли на продукты питания через скупщиков в железнодорожных поездах, проходивших через область Войска Донского.

Для захвата оружия у красных стали посылать небольшие отряды в соседнюю Ставропольскую губернию. На ее территории в начале 1918 года стали сосредоточиваться большевистски настроенные воинские части, которые прибывали сюда с развалившегося Кавказского фронта.

Новочеркасск оказался на российском Юге едва ли не единственным центром, где создавались добровольческие формирования. Правда, такие же добровольческие части появились и на Кубани, в ее столице Екатеринодаре. Но они предназначались главным образом для защиты города от войск красных. Те стали угрожать Екатеринодару со стороны Тихорецкой, важного узла железных дорог, и портового Новороссийска, в котором «властвовали» революционные моряки Черноморского флота, пришедшие сюда на кораблях из Севастополя.

У атамана А.М. Каледина формирование полков, отдельных сотен и конно-артиллерийских батарей белоказачьей Донской армии подвигалось плохо. Это беспокоило генералов Корнилова и Алексеева: создаваемая ими армия самостоятельной грозной силы собой еще не представляла. А время работало против белых.

Русский фронт прекращал свое существование. Прибывавшие на Дон казачьи части в своем большинстве воевать не хотели. Казаки стремились поскорее разъехаться по станицам и хуторам, возвратиться к своим семьям, которых не видели несколько лет.

Во многих станицах, особенно на Верхнем Дону, классовая борьба приняла самый ожесточенный характер. При этом стороны были круты на расправу друг с другом, брались за винтовки и шашки.

Для борьбы с красными войсковой атаман Каледин формировал добровольческие, так называемые «партизанские» отряды, в которые охотно шли казацкие офицеры, донские юнкера и гимназисты. Но среди командиров таких «летучих» отрядов оказалось немало авантюристов, поощрявших грабежи местного населения.

Но были среди калединцев и такие командиры белых «партизан», которые оказались, как говорится, на своем месте. В боях с красными отрядами на границах Донской области отличались войсковой старшина Иммануил Семилетов и бесстрашный есаул Чернецов, прозванный за свои молодецкие набеги «белым дьяволом».

Фигура Василия Чернецова, родом из станицы Усть-Белокалитвинской, была характерна для белого казачества начального периода Гражданской войны на Дону. После окончания Новочеркасского казачьего юнкерского училища Чернецов попал на Первую мировую войну. Осенью 1915 года он стал сотником 26-го Донского казачьего полка из 4-й Донской казачьей дивизии. Был организатором и командиром сводной партизанской сотни при штабе этой дивизии или, говоря более современным языком, — конного разведывательно-диверсионного отряда.

В начале 1917 года после очередного ранения есаула Василия Чернецова эвакуировали для лечения на родной ему Дон. После выздоровления был назначен военным комендантом на Макеевские угольные рудники. Там и застал боевого фронтового офицера Октябрь. Уже в конце ноября Чернецов сформировал на Дону один из первых партизанских отрядов для борьбы с Советами.

Первоначально отряд насчитывал около 250 человек. Это были офицеры-добровольцы, преимущественно из казаков, а также учащаяся молодежь. Особенно большое пополнение в чернецовский отряд дала Новочеркасская имени атамана Платова гимназия. Ее старшие классы почти поголовно записались в белые «партизаны».

В декабре партизанский отряд есаула Чернецова совершил первый рейд в соседний Донецкий каменноугольный бассейн, где он вел бои против отрядов Красной Гвардии, беспощадно расправляясь с местными большевиками. После возвращения в Новочеркасск отряд был переформирован, и в него влилась пулеметная команда 17-го Донского казачьего полка. В последних числах декабря 1917 года чернецовцы захватили узловую железнодорожную станцию Дебальцево.

Произведенный Донским войсковым кругом сразу в полковники, Чернецов свои набеги на территорию Донецкого угольного бассейна совершал из Новочеркаска. Получив сведения, что на такой-то железнодорожной станции появился красногвардейский отряд или мародерствующие дезертиры с фронта, он спешил туда. В тот же день бойцы его отряда, получив винтовки и патроны и взяв из дома пропитание на несколько дней, грузились в теплушки, и «партизанский» поезд с новочеркасского вокзала отправлялся в бой.

Не доезжая до нужного места версту или две, чернецовцы выгружались из теплушек, разворачивались в цепь и штурмовали железнодорожную станцию. В таких набегах партизан полковника Чернецова поддерживали оружейные расчеты юнкеров-добровольцев из петроградских Константиновского и Михайловского училищ, выполняя боевые приказы сперва генерала Алексеева, а затем командующего белой армией Корнилова. Вскоре войсковым атаманом Чернецову с его отрядом поручается «держат» Донской фронт в районе железнодорожных станций Лихая — Каменская.

В те дни не менее известным стал и партизанский отряд кубанского сотника Грекова, который сформировался как отдельная воинская часть в Новочеркасске, на улице Барачной, дом 36. Отряд состоял из 65 семинаристов, 5 девушек-гимназисток и трех лиц начальствующего состава: самого сотника по прозвищу «белый дьявол», начальника подрывной команды подпоручика Гернберга и урядника Егорова, недавнего студента-вольноопределяющегося. Перед оставлением Ростова грековский партизанский отряд вырос до 150 штыков и сабель.

Начальный период Гражданской войны часто называют «эшелонной войной». Это было действительно так. Отряды

противоборствующих сил были сильно привязаны к железным дорогам. Они наступали и отступали эшелонами, которые становились для них не только средством передвижения, но и основной тыловой базой.

Обычно белые или красные на поездах подъезжали к железнодорожной станции, которая находилась в руках противника, и высаживались. После этого следовала перестрелка и обычно атака станции. В случае неудачи атакующие усаживались снова в вагоны и уезжали обратно, на «свою» станцию. Иногда воинские отряды передвигались даже в пассажирских поездах, так как движение поездов в начале 1918 года через призрачную линию фронта еще не прекращалось...

Формирование Добровольческой армии затрудняло отсутствие денег. Частные пожертвования на месте, доставка собираемых средств из Москвы не решали проблемы. Тогда генералы Алексеев и Корнилов договорились с донским атаманом и представителями Государственного банка на Юге о том, что они возьмут из местных банковских отделений и ростовского казначейства тридцать миллионов рублей.

Половина этой суммы пошла на нужды формирующейся Донской армии, другая досталась Добровольческой армии, тоже находившейся на стадии формирования. Так рачительный и экономный М.В. Алексеев, «помощник командующего и по финансовой части» оказался «обладателем» пятнадцати миллионов рублей.

Донской триумвират решил печатать новые денежные знаки при ростовском отделении Государственного банка. Была создана «экспедиция заготовления денежных знаков». Но «денежное» дело дальше рисунков не пошло. Установили печатные машины и изготовили клише только к середине февраля 1918 года, когда неблагоприятная обстановка вынудила Добровольческую армию оставить Ростов и двинуться в поход на Кубань.

В самом конце декабря «объявились» союзники России по Антанте. В Новочеркасс из Москвы прибыли представители военных миссий Великобритании и Франции. Они интересовались ходом формирования Добровольческой армии, бойцы которой открыто говорили о своем союзническом долге перед Антантой. Корнилов и его единомышленники осуждали сепар-

ратный мир с Германией и считали, что Россия должна быть среди победителей в Великой войне.

Союзники пообещали командованию белой армии помощь пока только деньгами. Договорились, что сумма в сто миллионов рублей будет передаваться генералу Корнилову по десять миллионов в месяц, начиная с января 1918 года. Однако из-за развернувшихся боев получить эти деньги от Антанты белые добровольцы не смогли.

К середине января Добровольческая армия насчитывала около пяти тысяч человек. Она была слабо вооруженной и снаряженной, но сильной в моральном отношении, дисциплинированной.

На Дон прибыл, не растеряв своего оружия, Славянский ударный полк, которому вернули его прежнее название — Корниловский ударный. Вместе с полковым командиром Митрофаном Осиповичем Неженцевым в Новочеркасск «просочились» полтысячи нижних чинов и полсотни офицеров. Почти все они были георгиевскими кавалерами. Капитан Генерального штаба Неженцев пользовался большой любовью генерала Л.Г. Корнилова еще тогда, когда был начальником разведывательного отделения штаба его 8-й армии.

В «Истории Корниловского ударного полка», увидевшей свет в 1936 году в Париже, рассказывается о том, как ударники-фронтовики собирали вновь свои полковые ряды:

«В душе корниловцев горела любовь к России, вера в Корнилова и верность своему Корниловскому полку.

Это настроение у офицеров подверглось испытанию еще в Новочеркасске. Офицеры приезжали в свой полк и почти все становились на положение рядовых в офицерской роте. «Произвели нас в командиры отдельных винтовок», — как они сами шутили над собою.

Прапорщик Сорокин заносит в свой дневник:

«21 января 1921 г. Командир полка полковник Неженцев меня предупредил, что должностей у него нет, и я должен буду служить рядовым. Я сказал, что, поступая в Добровольческую армию, я не думал о том, какую займу должность, я думал лишь о России»...

Теперь в состав армии кроме Корниловского ударного полка входили Офицерский, Юнкерский и Георгиевский батальоны,

четыре артиллерийские батареи, инженерная рота, офицерский кавалерийский эскадрон и рота гвардейских офицеров, морская рота, дивизион смерти Кавказской дивизии, несколько партизанских отрядов, другие части. Из учащейся молодежи Ростова формировался Ростовский добровольческий полк. Но эти формирования не являлись постоянными: они то и дело переформировывались, сливались в более крупные части, возникали новые.

Структура Добровольческой армии во время ее пребывания на Дону постоянно менялась. Роты превращались в батальоны. Создавались новые отряды, которые часто назывались по именам своих командиров. Численность рот, батальонов и полков была различной. И почти никогда не «дотягивала» до штатов старой русской армии военного времени.

Вскоре добровольцы получили отличительный знак новой русской армии. Это был нашиваемый на рукав угол из трех лейт национальных цветов — белого, синего и красного — ушедшей в историю старой России.

Когда новочеркасские склады Донского казачьего войска стали пустеть, вопрос с вооружением добровольческих частей стал остро. Генералы Алексеев и Корнилов так наставляли командиров добровольческих отрядов:

— Вам в части вооружения разрешаем все. Оружие для своих бойцов добывайте любыми известными способами. Покупайте, отбивайте, выпрашивайте...

Первые два артиллерийских орудия Добровольческой армии были «добыты» в ставропольском селе Лежанка, где стояла одна из батарей артиллерийской бригады 39-й пехотной дивизии, самовольно ушедшей с Турецкого фронта. План налета был составлен лично бывшим Верховным главнокомандующим России генералом Алексеевым, который всего несколько месяцев тому назад разрабатывал стратегические операции на Русском фронте Первой мировой войны.

Руководство операцией поручалось лейтенанту Евгению Герасимову, инженер-механику Балтийского флота, будущему начальнику белоказачьей Донской флотилии, происходившему из казаков всевеликого Войска Донского. Кандидатура его для проведения такого рискованного дела оказалась как нельзя лучшей.

В налете участвовали 32 офицера, юнкера и вахмистр княжна Черкасская, которая выступала в роли разведчицы. Отряд добровольцев по приказу донского атамана конвоировал обоз с оружием из новочеркасского арсенала в станицу Великокняжескую для местных казаков-каледиинцев.

Остановившись в семи верстах от Лежанки, добровольцы разведали местонахождение батареи. Налет был совершен удачно глубокой ночью, не вызвав тревоги в селе. Лишь под утро хватились пропажи двух полевых орудий образца 1900 года, четырех зарядных ящиков, телефонной двуколки и нескольких подвод с пятью сотнями артиллерийских снарядов и прочим военным имуществом.

Ездовыми стали разбуженные по такому случаю солдаты-батарейцы. Потом «пленных» ездовых батареи 39-й артиллерийской бригады из Новочеркасска отпустили по домам.

В ходе ночного налета был такой эпизод, запечатленный в мемуарах. Один из юнкеров, Пассовский, вошел в дом, где квартировал командир батареи, и разбудил его. После этого он со всей вежливостью доложил офицеру Кавказского фронта в капитанском звании:

— Господин капитан, ваша батарея через двадцать минут выступает из Лежанки.

— Как? По-чьему приказанию?

— По приказанию генерала Алексеева.

— Вы юнкер?

— Так точно, господин капитан.

— Какого училища? Не могу разглядеть ваши погоны.

— Михайловского артиллерийского.

Увидев на юнкере действительно погоны Михайловского артиллерийского училища, капитан, командир «уже пропавшей» батареи, сказал:

— Как обидно, что меня разоружает мой младший однокашник.

Делать было нечего — капитан сдал юнкеру Пассовскому свое личное оружие.

Уйдя от запоздалой погони, организованной солдатами Дербентского пехотного полка, лейтенант Герасимов со своим отрядом через три дня прибыл в Новочеркасск. В казачьих станицах, которые лежали по пути, было, как ни странно, хоро-

шо известно о молодецком деле добровольцев. Казаки тепло приветствовали юнкеров-артиллеристов.

Добытые трофеи вызвали ликование в Добровольческой армии и, вполне естественно, у генерала Алексеева, автора плана ночного налета на гарнизон села Лежанки. Флотскому инженер-механику из казачьего сословия Михаил Васильевич лично объявил благодарность:

— От лица Добровольческой армии благодарю вас, господин лейтенант. Вас и ваших бойцов-юнкеров...

Участники ночного налета проезжали по улицам донской столицы с разудалой песней столичных юнкеров-артиллеристов:

Скачет и мчится лихая батарея,
Стальные пушки на солнце блестят!
Эй, песнь моя, любимая!
Буль-буль-буль бутылочка
Казенного вина.
Справно повзводно сидеть молодцами,
Не горячить понапрасну коней...

В своих мемуарах генерал-лейтенант А.И. Деникин писал о том, как собиралось артиллерийское вооружение белой армии:

«Высокопоучительна история создания добровольческой артиллерии. Одну батарею (два орудия) украли в 39-й дивизии, ушедшей самовольно с Кавказского фронта и обратившей Ставропольскую губернию в свой лен. Сборный офицерско-юнкерский отряд произвел ночной набег на одно из селений, расположенных в районе Торговой (Ставропольской губернии, верстах в полтораста от Новочеркасска), где квартировала батарея, отбил у солдат два орудия и привез их в Новочеркасск.

Два орудия мы взяли в донском складе с разрешения комитета для отдания почестей на похоронах добровольческого офицера и «затеряли».

Одну батарею купили у вернувшихся с фронта казаков-артиллеристов, послав к ним полковника Тимановского, который спойл команду и уплатил ей около 5 тысяч рублей. Можно себе представить наше огорчение, когда донцы неожидан-

но отказались от сделки ввиду того, что войсковой штаб назначил в батарею пополнение и неизвестно было, как оно отнесется к самоупразднению. Послали телеграмму в донской штаб, который поспешил отменить свое распоряжение.

Наконец, в начале января команда в составе около 40 офицеров и юнкеров была откомандирована в Екатеринодар за уступленными нам кубанским атаманом пушками. На узловой станции Тимашевской вагон с добровольцами окружили казаки местного Кубанского полка, и, когда после долгих споров добровольцы, не желая пролития крови, согласились сдать оружие с тем, что их пропустят в Екатеринодар (в этом их заверил и штаб-офицер Кубанского полка), казаки перецепили вагон и под сильным конвоем отправили его... в Новороссийск, сдав добровольцев военно-революционному комитету.

Несколько человек на полном ходу прыгнули из вагона и вернулись в Ростов, остальные томились почти восемь месяцев в Новороссийской тюрьме в ожидании той участи, которая постигла там вскоре несчастных офицеров Варнавинского полка.

(Команда контрминоносца «Керчь» совместно с советскими властями города сняла с транспорта, отходившего от пристани с 491-м Варнавинским полком, выданных солдатами после некоторого колебания всех офицеров полка. В тот же день, 18 февраля, офицеры, помещенные на баржу, были раздеты, связаны, изувечены, изрублены, расстреляны, а затем сброшены в море. Через несколько месяцев трупы несчастных стали всплывать на поверхность воды...)

По счастливой случайности артиллеристы остались целы и были выручены вступившими в Новороссийск в августе 1918 года частями Добровольческой армии...»

Еще перед 1-м Кубанским «Ледяным» походом у Добровольческой армии появились и свои «военно-воздушные силы». В городе Таганроге находился небольшой авиаремонтный завод, на который под видом рабочих устроились два белых летчика из числа фронтовиков. Под предлогом испытания отремонтированного аэроплана они поднялись в воздух, сделали круг над Таганрогской бухтой и беспрепятственно удалились в сторону Новочеркасска...

Красные войска наступали на Дон с четырех сторон. В один из январских дней 1917 года состоялся военный совет Добровольческой армии, на который был приглашен атаман А. М. Каледин. Обсуждался один-единственный вопрос: оперативная ситуация, которая складывалась вокруг Донской области. Военный совет вел командующий Л. Г. Корнилов. Доклад делал начальник армейского штаба генерал-лейтенант А. С. Лукомский.

Военный совет констатировал факт сужения nepřиятельского кольца вокруг Донской области. Главная угроза шла от красногвардейских отрядов, действовавших в Донецком каменноугольном бассейне. Они наступали по железным дорогам (шла так называемая «эшелонная война»), ведущим на Таганрог, Батайск и Новочеркасск, на станции Зверево и Лиски. Движение красных войск шло со стороны Воронежа, станций Торговой и Тихорецкой.

Основная угроза калединскому Дону и, естественно, Добровольческой армии тогда шла со стороны Царицына и Ставрополя. В последнем расположились на постой полки туркестанских стрелков, ушедших с Кавказского фронта. Там же находилась большевистски настроенная 39-я пехотная дивизия. Эти воинские части сохранили, как минимум, половину своего штатного состава. Солдаты имели немалый фронтовой опыт.

Белое командование беспокоило то, что в казачьих областях действовало много красноармейских отрядов из иногородних. В этих отрядах присутствовал и «казачий элемент». Красные не испытывали недостатка в артиллерии и воинских эшелонах. К тому же в руках Советов оказались почти все тыловые запасы Кавказского фронта по северную часть Кавказских гор.

Генерал-лейтенант Лукомский считал, что Добровольческая армия сможет начать наступательные действия только тогда, когда ее численность достигнет, как минимум, десяти тысяч бойцов. Пока не набиралось и половины этой цифры. Ужесточение красных заслонов на железных дорогах заметно снизило приток добровольцев в Новочеркасск. В силу этого начальник корниловского штаба предложил перенести центр формирования Добровольческой армии из Новочеркасска в Ростов.

После развала Русского фронта в области Войска Донского, и прежде всего в городах Ростове и Таганроге, осело примерно семнадцать тысяч офицеров. Только они являли собой значительные людские резервы Белого движения. Но основная масса этого офицерства все еще колебалась, не спеша принимать участия в начинавшейся Гражданской войне.

Против ухода добровольческих формирований из донской столицы выступил атаман Каледин. Он брал на себя охрану границ области, но при этом просил оставить в Новочеркасске часть сил добровольцев, которые, как он считал, должны были стать боевым ядром создаваемой белоказачьей Донской армии.

Генерал Корнилов в помощи атаману не отказал. В Новочеркасске оставались Офицерский батальон и артиллерийская батарея для прикрытия города со стороны Донецкого бассейна. Добровольцы брали на себя и защиту Таганрога — дальнего рубежа на подступах к Ростову.

В середине января 1917 года генералы Корнилов и Алексеев, штаб Добровольческой армии переехали в Ростов. Сюда же перешли основные силы белой армии. В городе Таганроге расположился Офицерский батальон полковника лейб-гвардии Преображенского полка А.П. Кутепова, который поддерживала своими штыками 3-я Киевская школа прапорщиков. Она была переведена из Киева в Таганрог в начале ноября 1917 года и стояла там гарнизоном. Школа состояла из двух рот общей численностью 400 человек.

На левый берег Дона, в Батайск, был переброшен дивизион полковника Ширяева, который позднее усилили Морской ротой, сформированной преимущественно из флотских офицеров. От Батайска вперед по линии железной дороги к станции Степной выдвинули крепкую заставу.

Морской ротой командовал капитан 2-го ранга Владимир Николаевич Потемкин, один из героев Русско-японской войны 1904—1905 годов. В Цусимском морском сражении 19-летний мичман принял командование над гибнущим миноносцем «Громкий» после того, как командир и все другие офицеры корабля погибли. Получив тяжелое ранение в ногу, бросился в морскую воду только тогда, когда миноносец стал тонуть. Был подобран японцами, которые и сообщили рус-

скому командованию о героической гибели «Громкого» и доблести командовавшего им офицера. После возвращения из плена Потемкин был награжден Золотым оружием.

С началом Первой мировой войны капитан 2-го ранга Потемкин командовал эсминцем на Балтике. Стал одним из первых добровольцев, бежав из Гельсингфорса, где находился под арестом. Во время обороны вокзала в Батайске получил тяжелое ранение в голову и потерял глаз. По этой причине участия в 1-м «Ледяном» Кубанском походе не принимал. Впоследствии командовал бронепоездом «Князь Пожарский», чья команда отличилась в боях за Харьков. В Крыму командовал военным транспортом «Ялта»...

Оградившись таким образом от возможных внезапных нападений, Добровольческая армия на считанные дни «замерла» в Ростове. Население большого города и находившееся там Донское правительство будоражили различные слухи. Враждебное отношение к добровольцам-корниловцам высказывалось на собраниях, митингах, сходах.

В такой митинговой обстановке министры Донского областного правительства (в том числе и избранные от местных крестьян-иностранцев) и глава ростовской думы пригласили к себе для беседы генерала Алексеева. Таким «мероприятием» они решили успокоить местное население. «Законных поводов» было два:

Во-первых, рабочие манифестации в эти дни принимали резолюции такого содержания:

«Пусть армия существует, но, если она пойдет против революции, она должна быть расформирована».

Во-вторых, состоявшийся крестьянский съезд иностранцев Донской области тоже принял схожую политическую резолюцию:

«Добровольческая армия должна быть под контролем объединенного правительства и в случае установления в ней элементов контрреволюционных, таковые элементы должны быть удалены немедленно за пределы области».

Генерал М.В. Алексеев не отказался от приглашения. Он получил прекрасную возможность рассказать жителям крупнейшего города Дона о целях создания им Добровольческой армии. На встрече впервые было официально объявлено, что

командующим белой Добровольческой армией является Лавр Георгиевич Корнилов. Как сказал на встрече Алексеев, «шила в мешке» теперь таить уже не имело смысла.

Богатый торговый Ростов продолжал жить шумной жизнью. Работали торговые конторы, банки, магазины, лавки. Процветала спекуляция. В ночных клубах и игорных домах местные воротилы сорили деньгами. Были открыты двери кинематографов, театров, ночных притонов. Давались концерты. Казалось, что о борьбе с большевиками состоятельная часть горожан и не думала.

Один из участников Гражданской войны на Дону, оказавшись в эмиграции, писал в своих мемуарах о тех днях так:

«Богатый Ростов смотрел на своих защитников как на лишнюю обузу, может быть и справедливо считая, что горсть героев все равно не спасет его от большевиков, а вместе с тем помешает как-нибудь договориться с ними...»

Но был и другой Ростов. Генерал Африкан Петрович Богавский, избранный в феврале 1919 года войсковым атаманом всевеликого Войска Донского и остававшимся им до конца своей жизни, в своих «Воспоминаниях» писал о том пребывании добровольцев в этом городе следующее:

«Положение становилось все более и более тяжелым... Рабочие же и всякий уличный сброд с ненавистью смотрели на добровольцев и только ждали прихода большевиков, чтобы расправиться с ненавистными кадетами.

Малопонятное озлобление против нас со стороны рабочих было настолько велико, что иногда выливалось в ужасные, зверские формы. Ходить в темное время по улицам города, а в особенности в Темернике, было далеко не безопасно. Были случаи нападений и убийств...

...Был печальный случай, имевший характер настоящей провокации. В одной из железнодорожных мастерских Ростова происходил разрешенный властями митинг рабочих. Народу было очень много. Для поддержания порядка в мастерской присутствовал юнкерский караул. Во время речи одного из ораторов раздался ружейный выстрел, ранивший кого-то из рабочих, как выяснилось впоследствии, дробью. Толпа пришла в бешенство и бросилась на юнкеров, решив, что выстрел сделан ими. Вынужденные к самообороне, юнкера сдела-

ли несколько выстрелов и убили трех, или четырех человек. Не ожидая такого решительного отпора, рабочие разбежались.

Конечно, поднялся страшный скандал... В городе, и в особенности в рабочих кварталах, было невероятное возбуждение...

Посоветовавшись с Корниловым, ради предотвращения возможных эксцессов я (генерал-майор Богаевский был командующим белыми войсками Ростовского района. — *А.Ш.*) объявил город на «военном положении»...

Из своей ростовской штаб-квартиры генерал Алексеев «не уставал» писать письма с просьбами оказать материальную, денежную помощь Добровольческой армии. Шли призывы делать «патриотические пожертвования» на Белое движение. Коммерческие банки Ростова согласились дать Алексееву под векселя 350 тысяч рублей ассигнациями. На большее ростовские банкиры не пошли.

Тем временем в столице области Войска Донского ситуация складывалась для добровольцев самым критическим образом. Атаман Каледин так и не смог сформировать казачью армию. Полки и отдельные сотни, продолжавшие прибывать с фронтов в область, в своем подавляющем большинстве расходились по домам. Воевать никому не хотелось. К тому же большевистская агитация в то время действовала заметно эффективнее атаманских приказов, исходивших из Новочеркасска.

Развязка наступила быстро. Около двух часов 29 января в атаманском дворце застрелился генерал-лейтенант Алексей Максимович Каледин. Перед этим атаман собрал членов Донского правительства и сказал им следующее:

— Господа казаки. На сегодняшний день для защиты Донской области на фронте имеется всего лишь 147 штыков.

Ответом на эти слова было полнейшее молчание областных министров. Атаман, не опуская глаз, продолжил:

— Положение безнадежно...

Ростов не стал для корниловцев «родным домом». Более того, они не могли в нем прокормиться. Когда добровольцы в начале 1918 года оставят его, то те же коммерческие банки Ростова по первому же требованию командования красновардейских отрядов, занявших город, и созданного большевиками местного Совета выдадут им 18 млн рублей на содержание Красной армии...

После самоубийства атамана Каледина, надежного союзника генералов Корнилова и Алексеева, положение белых сил на юге становилось все более сложным. Началась агония Донского фронта. Его теперь удерживали только отчаянно дравшиеся белые партизанские отряды, Офицерская донская казачья дружина и части Добровольческой армии. Но они проигрывали наступающему противнику в численности бойцов, тяжелом вооружении и наличии боеприпасов. Белые не уступали красным в одном: в боевом духе, в стойкости. Но для победы этого оказалось недостаточно.

Железные дороги, ведущие из Европейской России в Ростов и Новочеркасск, были в руках большевиков, установивших на станциях жесточайший контроль за пассажирами. Приток добровольцев почти прекратился. «Выявленных» корниловцев расстреливали прямо на железнодорожных станциях. Теперь на Дон просачивались только отдельные смельчаки. Донское казачество в своем большинстве все еще надеялось «остаться в стороне» от происходящих событий.

Скоро стало ясно, что, оставаясь на насиженном за зиму месте и отбивая атаки красных войск теперь уже с трех сторон, Добровольческая армия сознательно обрекала себя на поражение. Генералы из окружения командующего все чаще и чаще высказывались за начало похода в Кубанскую область. Генерал Алексеев считал, что только «атакующий» поход может спасти Добровольческую армию от разгрома.

Командование Добровольческой армии искало союзников на Юге. В город Екатеринодар был послан полномочным представителем «быховец», генерал-лейтенант Иван Георгиевич Эрдели. Ему поручалось поддерживать связь с Кубанским правительством и атаманом Кубанского казачьего войска. Генерал Корнилов надеялся, что кубанское казачество в своей массе «колыхнется» в сторону Белого движения. И оказался прав. Но это произойдет уже после его гибели.

В ряд областей Северного Кавказа откомандировали доверенных офицеров, знакомых с местными условиями. Корнилова и Алексеева не оставляла надежда получить помощь от кавказских горцев. Они знали, что вернувшиеся с фронта всадники Черкесского, Кабардинского, Осетинского, Ингушского, Чеченского и двух Дагестанских конных полков, состав-

лявших две Кавказские Туземные («Дикие») конные дивизии, симпатий к большевикам не питали.

Обнадеживало и то, что со второй половины декабря 1917 года в рядах Добровольческой армии действовала целая воинская часть из горцев — прибывший с фронта в Ростов Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии. Его командиру полковнику Ширяеву и помощнику ротмистру Дудареву удалось сохранить дивизион в числе 80 человек — трети списочного состава — и привести его на Дон в распоряжение генерала Корнилова. За неимением коней горцы первое время воевали в пешем строю. Для руководства ими в пехотных боях были приданы офицеры-добровольцы.

В середине января из Екатеринодара в Ростов пришла телеграмма от генерала Эрдели. Он сообщал, что выезжает в штаб Добровольческой армии вместе с князем Девлет-Гиреем (Девлет-хан-Гиреем), который обещал ему выставить до десяти тысяч черкесов на войну с красными. Эрдели радостно телеграфировал генералу Алексееву:

«...Князь Девлет-Гирей предлагает нам помощь и готов поднять на борьбу с большевиками весь черкесский народ».

По прибытии Девлет-Гирея в Ростов с ним состоялась встреча, в которой участвовали генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Лукомский и Эрдели. Встреча больше напоминала переговоры за «круглым» столом и за закрытой дверью. Хан (князь) из рода Гиреев заявил о том, что в первые две недели может поставить в строй две тысячи конных, вооруженных за свой счет черкесских джигитов. Остальные встанут под его знамена за полтора, самое большее — через два месяца. Тогда пламя войны против большевиков охватит горы Кавказа.

Девлет-Гирей «бессребреником» не был. Он просил за «пламя войны в горах Кавказа» одновременно около миллиона рублей (!) и девять тысяч винтовок. Остальные деньги готов был получить несколько позднее.

Было сомнительно, что князь Девлет-Гирей сможет собрать в горах Черкесии десять тысяч всадников. Вспомнили, что добровольческий Черкесский полк Кавказской Туземной дивизии насчитывал всего четыре конные сотни. Но перед встречей белые генералы решили, что с Девлет-Гиреем стоит рис-

кнуть. Однако из этого ничего не вышло: касса Добровольческой армии была почти пуста.

Князь Девлет-Гирей в сопровождении свиты телохранителей уезжал из Ростова в Екатеринодар крайне обиженным. Вяжываться в войну между белыми и красными «за просто так» он не желал. Советская власть его пока ничем не обидела. Еще не успела «прижать» как классового врага и заставить взяться за оружие уже «во имя спасения собственной жизни».

Последующие события Гражданской войны показали, что «проект Девлет-Гирея» был неосуществим. Когда черкесы выступили против большевиков за страшные по своим последствиям реквизиции скота и прочего провианта, вооруженные отряды горцев занялись только упорной защитой своих аулов. «Вытащить» же горскую конницу на равнину оказалось безнадёжной задачей.

...В последних числах января красные овладели Батайском, расположенным напротив Ростова на левом берегу Дона. Оттуда после жестокого боя был выбит сводный отряд добровольцев генерала С.Л. Маркова.

Советскими отрядами был занят и Таганрог, в котором большевики подняли восстание рабочих. В ходе уличных боев таганрогский гарнизон силой всего в четыреста штыков (3-я Киевская школа прапорщиков) был большей частью истреблен. Только небольшой части юнкеров удалось с боем вырваться из города к станции Марцево на соединение с добровольцами. Киевские юнкера влились в состав Юнкерского батальона, понесшего к тому времени в боях большие потери.

Под этим приморским городом добровольцы выдержали первый серьезный бой. Полковник Кутепов, чей Офицерский батальон был подкреплён частью Георгиевского полка и донским партизанским отрядом войскового старшины И.Ф. Семидетова (две конные и три пешие сотни казачьей молодежи при двух орудиях и 13 пулеметах), дважды разбил отряды красного военачальника бывшего прапорщика Рудольфа Сиверса у железнодорожной станции Матвеев Курган.

Первый победный бой сложился так. Утром 12 января густые цепи красных смело перешли в наступление. Их батарея открыла огонь по редкой цепи залегших в заснеженной степи офицерских рот. По атакующим стреляло одно-единственное

орудие белых. Казалось, что именно это обстоятельство заметно подбадривало сиверцев. Офицерская цепь молчала: ей было приказано открыть стрельбу с дистанции в 200 шагов.

Наконец, когда красноармейцы с криками «ура» бросились вперед в последнем броске, корниловцы встали и открыли прицельный огонь, затрещали пулеметные очереди. После этого офицерские роты перешли в штыковую контратаку, стремительную и беспощадную. После короткой штыковой схватки противник обратился в бегство, попав к тому же под пулеметные выстрелы броневедомобиля белых, вырвавшегося вперед.

Преследование силами двух офицерских рот велось буквально на плечах бегущих на расстоянии до четырех верст. Оно было остановлено только по приказу полковника Кутепова. В том бою добровольцы потеряли всего 50 человек. Они вернулись на исходные позиции, получив в качестве трофеев немало винтовочных патронов, найденных в подсумках убитых.

Победа далась легко, поскольку яростному напору плохо управляемых, преимущественно недисциплинированных матросских отрядов добровольцы противопоставили воинскую выучку и воодушевление офицерских рот. Поражало соотношение сил: красных войск насчитывалось до 10 тысяч человек, а добровольцы имели всего по 50 патронов на винтовку.

Победы у Матвеева Кургана положения белых не выправили. Со стороны Донецкого каменноугольного бассейна начали оперировать отряды красной конницы. На действиях Добровольческой армии начало сказываться почти полное отсутствие кавалерии — конный дивизион полковника Гершельмана имел не более 50—60 шашек.

Фронт на юге России принимал четкое очертание, хотя сплошным еще не был. Основным направлением, где вели бои добровольцы, стало таганрогское. С 30 декабря 1917 года его прикрывал сводный отряд полковника А.П. Кутепова. В своем большинстве он состоял из сводных рот различных частей Добровольческой армии, преимущественно офицерских.

К началу 1918 года генерал Л.Г. Корнилов имел под своим командованием следующие отдельные части: 1-й, 2-й и 3-й Офицерские, Юнкерский и Студенческий батальоны, 3-ю и 4-ю Офицерские, Ростовскую и Таганрогскую офицерские, Морскую,

Георгиевскую и Технические роты, Отряд генерала Черепова, Офицерский отряд полковника Симановского, Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии, 3-ю Киевскую школу прапорщиков, 1-й кавалерийский дивизион, 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион и Корниловский ударный полк.

Вторым направлением являлось новочеркасское. Здесь бои вели доңские партизанские отряды, наиболее крупным из которых являлся отряд полковника В.М. Чернецова. Часть из этих отрядов была сведена в Партизанский полк, который затем уйдет под знаменами Корнилова в 1-й Кубанский поход. Добровольцам приходилось постоянно выделять часть своих сил для обороны Новочеркасска.

Вокруг Ростова-на-Дону стало образовываться кольцо окружения. К началу весны 1918 года оно стало неудержимо замыкаться. В те дни генерал М.В. Алексеев в письме родным откровенно признавал:

«Горсточка наших людей, не поддержанная совершенно казачками, брошенная всеми, лишенная артиллерийских снарядов, истомленная длительными боями, непогодю, морозами, по-видимому, исчерпала до конца свои силы и возможности борьбы. Если сегодня-завтра не заговорит казачья совесть, если хозяева Дона не станут на защиту своего достоинства, то мы будем раздавлены численностью хотя бы и ничтожно нравственно врага.

Нам нужно будет уйти с Дона при крайне трудной обстановке. Нам предстоит трудный, по всей вероятности, пеший путь и неведомое впереди, предначертанное Господом Богом. Трудно сказать, как все устроится.

Если мне Богом суждено погибнуть, то со мной погибнут и те, кто несет на себе тот же крест. Всю жизнь прожил честно. Хуже то, что погибнет такое дело, от которого ожидалось известные результаты. За это будут нарекания. Но если бы кто знал ту невыразимо тяжелую обстановку, при которой прожиты последние три месяца.

Это было сплошное мученье. Голова забита, и я не могу молиться так, как я умел молиться в былые тяжелые дни моей жизни. Я всегда получал облегчение моему сознанию, моей душе...»

Командующему Добровольческой армии было уже ясно, что калединцам не удержаться на сей раз против натиска красных. Поводов к такому неутешительному выводу было два.

Во-первых, всех поразила гибель «белого дьявола» Чернецова. Этот кумир белого Дона, командуя сводным добровольческим отрядом из офицеров, новочеркасских юнкеров, гимназистов, кадет, студентов только-только разбил в станице Каменской части казачьего Военно-революционного комитета. Но ответным ударом красные разгромили чернецовцев, а сам командир белых «партизан» был изрублен шашками.

Обстоятельства гибели «белого дьявола» были таковы. 21 января одна из двух сотен чернецовского отряда вместе с командиром в результате боя с 27-м Донским казачьим полком была захвачена в плен. В тот же день большинство пленных было расстреляно и зарублено. Самого полковника Василия Чернецова зарубил лично председатель Донского казачьего военно-революционного комитета подхорунжий Подтелков. Спустя недолгое время сам Подтелков будет повешен донскими казаками, поднявшимися на антибольшевистское восстание.

Во время своего последнего приезда в Новочеркасск, на одном из митингов «тлевших» казаков, все еще веривших в то, что начавшаяся Гражданская война обойдет тихий Дон стороной, полковник Чернецов бросил в ответ своим оппонентам такие слова:

— Да, я погибну! Но также погибнете и вы! Разница между моей и вашей смертью будет в том, что я буду знать, за что я умираю. И умру с восторгом. А вы не будете знать, за что умираете, и погибнете в глухом подвале, с тупым молчанием, как овцы на бойне...

Более боевого командира у А.М. Каледина, имевшего редкий для казачьих атаманов чин полного генерала, не имелось. А.И. Деникин писал в мемуарах:

«Со смертью Чернецова как будто ушла душа от всего дела обороны Дона. Все окончательно развалилось».

Во-вторых, вернувшиеся с фронта казачьи полки, мобилизованные на войну с большевиками, расходились по домам. Генерал А.С. Лукомский описывал в своих мемуарах такой разительный пример:

«4 февраля в Новочеркасск пришел походным порядком из Екатеринослава, в блестящем виде, 6-й Донской полк.

Просто не верилось глазам.

Все офицеры на местах, полная дисциплина, никаких комитетов.

Полк заявил, что он хочет сейчас же идти на фронт.

Полку была устроена торжественная встреча.

После молебствия на соборной площади атаман (А.М. Назаров. — А.Ш.) и председатель донского правительства благодарили полк, прибывший в таком блестящем виде...»

6-й Донской казачий полк, носивший имя одного из самых прославленных военачальников Дона генерала Краснощекова, убыл на фронт против красных войск в полном составе. А через несколько дней в Новочеркасск пришло известие, что полк разошелся по станицам, отказавшись воевать против Советов.

Атаман А.М. Каледин перед самоубийством написал предсмертное коротенькое письмо. Адресовалось оно не Корнилову, а генералу М.В. Алексееву. Это было откровение человека мужественного, понявшего безвыходность своего собственного — атаманского положения:

«Уважаемый Михаил Васильвич!

Казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого предводителя своих интересов, и отходят от него. Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага...

Генерал Каледин».

Револьверный выстрел в атаманском дворце имел сильное звучание. Калединское самоубийство на какой-то миг «качнуло» донское казачество на сторону Белого движения. Большой войсковой круг избрал новым войсковым атаманом А. М. Назарова, а походным — решительного генерала П. Х. Попова. Корнилов назначил представителем Добровольческой армии при Донском правительстве генерал-лейтенанта Лукомского,

который передал должность начальника армейского штаба генерал-майору Ивану Павловичу Романовскому.

Самоубийство донского атамана, одним из первых поднявших знамя вооруженной борьбы с властью Советов, в столице новой России восприняли как знаменательный факт. Газета «Правда» в номере за 7 февраля 1917 года писала:

«Борьба клонится к концу. Буржуазно-помещичья контрреволюция в агонии; она умирает, разбитая и обессиленная, и выстрел Каледина в свой собственный череп символизирует эту лицемерную смерть...»

Тем временем события разворачиваются стремительно. 9 февраля красные войска под предводительство Рудольфа Сиверса начали штурм внешних полевых укреплений (окопов) Ростова. Город обстреливала тяжелая артиллерия. Окружение в нем немногочисленных добровольцев стало реальностью. Их ряды уже не пополнялись, а боеприпасы оказались на исходе.

О командующем колонной красногвардейских отрядов (за тем 5-й советской и 2-й ударной армиями) бывшем прапорщике 26-летнем Рудольфе Фердинандовиче Сиверсе среди добровольцев ходили легенды: о его большевистской ненависти к белым и желании изничтожить их «на корню». Сиверс являлся руководителем операции по ликвидации на Дону «каледищины».

Зам. председателя Государственной думы Н.Н. Львов, избранный в эмиграции членом ЦК Русского народно-монархического союза, писал о нем в своих мемуарах «Свет во тьме» так:

«В их (Красной армии. — А.Ш.) действиях сказывалась уже известная планомерность. Руководящая рука направляла их к определенной задаче окружения Дона. С северо-запада наступала армия Сиверса, того самого, который издавал «Окопную правду» и вел пропаганду братания с немцами...»

Сиверс имел значительные силы, превосходившие белых, — 17,5 тысячи человек. Его армия состояла из 3-го Курземского и 6-го Тукумского латышских стрелковых полков, двух интернациональных бригад, в которые входили мадьяры, немцы, китайцы и другие (в своем большинстве бывшие военнопленные), отрядов балтийских моряков, петроградских и донецких рабочих, вооруженных рабочих восставшего против

добровольцев Таганрога. Кавалерии набиралось до тысячи сабель.

Белые могли только мечтать о вооружении, которое имели красные: четыре «настоящих» бронепоезда, 48 орудий, четыре бронеавтомобиля и более сорока пулеметов. Не было недостатка ни в снарядах, ни в патронах. К тому же во главе советских войск стояли толковые, знающие командиры: военные действия велись по всем правилам военного искусства. Сиверсцы наступали на Таганрог, а затем на Ростов и Новочеркасск сильными колоннами.

К 27 января отряд полковника Кутепова был отведен от Таганрога к станции Морской. Отвод был вызван угрозой обхода с правого фланга: у Сиверса появились части бывшей 4-й кавалерийской дивизии. Пришедшая на фронт из Ростова первая конная часть Добровольческой армии — сотня полковника Гиршельмана в 50 всадников — противостоять красной коннице, естественно, не могла. К тому же ни один из белых кавалеристов не имел сабель.

Командующий белой армией усилил кутеповский отряд ротой Корниловского ударного полка в 100 штыков с двумя орудиями. Это был взвод 1-й Юнкерской батареи, которая получила пушки и снаряды от донцев. Однако сдержать натиск красных отрядов не удалось, и 27 января кутеповцы, отразив первую атаку, были вынуждены отступить к станции Синявской, на следующий день — к станции Хопры. До Ростова оставалось всего десять верст.

Генерал Корнилов приказал заменить обескровленный отряд кутеповцев отрядом генерал-майора Александра Николаевича Черепова, георгиевского кавалера за бои в Карпатах, закончившего Первую мировую войну начальником пехотной дивизии. В Добровольческой армии он тоже дослужился до командира 2-й пехотной дивизии, которая в ходе Гражданской войны «прикрывала Новороссийск со стороны Грузии». В эмиграции командовал батальоном и полком Русского охранного корпуса Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии). В Ростове отведенный на краткий отдых кутеповский отряд был сведен в 3-й Офицерский батальон, состоявший из четырех рот, одна из которых была Гвардейской.

Отряд генерала Черепова численностью в 820 штыков и сабель при двух орудиях 2-й Офицерской батареи и бронированного поезда был сводным. Он состоял из Корниловского ударного полка, казаков-стариков близкой старинной станицы Гниловской, решивших защищать свою станицу от красных, и двух донских партизанских отрядов:

«Около станции Синявка красные отгеснили отряд полковника Кутепова, но в этот момент совершенно неожиданно подошли на подмогу две сотни казаков из станицы Гниловской. Впереди казаков шел священник с крестом в руках. «Православные, ратуйте за церковь Христову, за дом Богоматери!» — призывал священник. «Тут казаки и мы, — вспоминает корниловец-ударник, — набрались духу от поднятия креста и перешли в наступление. Ну и начался бой!.. Мы немало побили латышей и даже взяли у них 12 пулеметов».

Одним из этих отрядов был отряд «белого дьявола», сотника Грекова. Он славился не только дерзкими налетами на красных, но и «дикими реквизициями» провианта. Генерал Корнилов хотел было расстрелять всех офицеров этого партизанского отряда, а сам отряд расформировать. Но тяжелое положение под станцией Хопры побудило его отказаться от такой дисциплинарной меры.

Сотник Греков, желая искупить вину перед Корниловым, в первую же ночь на новой позиции совершил внезапное нападение на железнодорожную станцию Хопры, нанес стоявшему на ней красногвардейскому отряду ощутимые потери и отошел, сам потеряв в бою немало людей. Для добровольцев главным итогом боя стало то, что вся подготовка противника к утреннему наступлению оказалась расстроенной. Лавр Георгиевич все же расформировал грековский партизанский отряд. Но произошло это только через две недели. Большинство партизан «белого дьявола» были влиты в части, которые позднее стали называться «марковскими».

Когда отряды красных латышских стрелков (они составляли ударную силу армии Сиверса) попытались было подступить к ростовским переправам через Дон, то оказалось, что их успел прикрыть Юнкерский батальон. От мысли взять город в тот день Сиверсу и его командирам пришлось отказаться. Их отряды тоже понесли ощутимые потери в людях. Но в бли-

жайшие дни ожидался подход резерва, которого у добровольцев не было вообще...

А как вели себя в эти дни руководители Белого движения? В книге «Ледяной поход» Р. Гуль так описывает свою встречу с генералом Корниловым в январские дни 1918 года, который в Новочеркасске руководил белой армией:

«...Я с полковником С(имановским) выехал в штаб армии. Там суета. Полковника вызвал Корнилов. «Сейчас же поедете на Таганрогский фронт. Знаю, что вы устали, измучены, с фронта, но больше некого послать, а там неладно».

На другой день от офицеров отряда я и штабс-капитан князь Чичуа выехали в Ростов к генералу Корнилову просить его не разлучать нас с нашим начальником полковником С.

Было около 9 часов утра, когда пришли в переднюю штаба и вызвали адъютанта Корнилова, подпоручика Долинского. Он провел нас в приемную, соседнюю с кабинетом генерала.

В приемной, как статуя, стоял текинец. Мы были не первые. Прошло несколько минут, дверь кабинета отворилась: вышел какой-то военный, за ним Корнилов, любезно провожая его.

Л(авр) Г(еоргиевич) был одет в штатский потертый костюм, черный в полоску, брюки заправлены в простые солдатские сапоги, костюм сидел мешковато.

Он поздоровался со всеми. «Вы ко мне, господа?» — спросил нас. «Так точно, Ваше Превосходительство». — «Хорошо, подождите немного», — и ушел.

Дверь кабинета снова отворилась: Корнилов прощался со штатским господином. «Пожалуйста, господа». Мы вошли в кабинет — маленькую комнату с письменным столом и двумя креслами около него. «Ну, в чем ваше дело? Рассказывайте», — сказал генерал и посмотрел на нас. Лицо у него — бледное, усталое. Волосы короткие, с сильной проседью. Оживлялось лицо маленькими, черными как угли глазами.

«Позвольте, Ваше Превосходительство, быть с вами абсолютно искренними». — Только так, только так и признаю», — быстро перебивает Корнилов.

Мы излагаем нашу просьбу. Корнилов, слушая, чертит карандашом на бумаге, изредка взглядывая на нас черными про-

ничительными глазами. Рука у него маленькая, бледная, сморщенная, на мизинце — массивное, дорогое кольцо с вензелем.

Мы кончили. «Полковника С. я знаю с очень хорошей стороны. То, что у вас такие отношения с ним, — меня радует, потому что только при искренних отношениях и можно работать по-настоящему. Так должно быть всегда у начальников и подчиненных. Просьбу вашу я исполню». Маленькая пауза.

Мы поблагодарили и хотим просить разрешения встать, но Корнилов нас перебивает: «Нет, нет, сидите, я хочу поговорить с вами... Ну, как у вас там, на фронте?» И генерал расспрашивает о последних боях, о довольствии, о настроении, о помещении, о каждой мелочи. Чувствуется, что он этим живет, что это для него «все».

В моем рассказе промелькнуло: «Я видел убитых на платформах». Корнилов встрепенулся, вспыхнул, блеснувшие глаза остановились на мне. «Как на платформах! В такую погоду! Почему?! Разве нет вагонов?!» Ответить на вопросы я не могу. Корнилов взволновался, быстро пишет что-то на клочке бумаги. Разговор продолжался. В конце его Корнилов спросил, где мы служили на фронте, и, когда узнал, что в его армии, задержал нас, расспрашивая, а были там-то? А были в таком-то деле?

Генерал прощался. «Кланяйтесь полковнику С.», — говорил он нам вслед. Выходя из кабинета, мы столкнулись с молодым военным с совершенно белой головой. «Кто это?» — спрашиваю я адъютанта. Он улыбается: «Разве не знаете? Это — «белый дьявол», сотник Греков. Генерал узнал, что он усердствует в арестах и расстрелах, и вызвал, кажется на разнос».

Пройдя блестящий зал штаба, мы вышли. Корнилов произвел на нас большое впечатление. Что приятно поражало всякого при встрече с Корниловым — это его необыкновенная простота. В Корнилове не было ни тени, ни намек на бурбонство, так часто встречаемое в армии. В Корнилове не чувствовалось «Его Превосходительство», «генерала от инфантерии». Простота, искренность, доверчивость сливались в нем с железной волей, и это производило чарующее впечатление.

В Корнилове было «героическое». Это чувствовали все и потому шли за ним слепо, с восторгом, в огонь и воду.

Казак Корнилов казался «национальным героем». Кругом же были «просто генералы». И когда я узнал от близких к Корнилову лиц про интриги вокруг него, я понял, что это происходит именно поэтому...»

Приток людей в ряды белой армии в ходе боев за Ростов почти прекратился, хотя только в Ростове имелись тысячи офицеров и других противников советской власти. Один из белых мемуаристов писал об этом так:

«Как в московских боях, так и в поступлении в Добровольческую армию офицерство держалось странной политики сидения по домам, в кладбищенских склепах и даже в чрезвычайках, куда оно покорно шло на регистрации и расстрелы, в армию же шли очень немногие, по большей части приезжие извне. В этом основная причина неудач — как московского восстания, так и первой защиты Дона от красного наводнения».

Ситуация для добровольцев складывалась губительной. Верховный руководитель Добровольческой армии М.В. Алексеев встретился с ее командующим Л.Г. Корниловым.

Они решили, что спасением Добровольческой армии и Белого движения на Юге России может быть только поход, вернее, прорыв с боями, в Кубанскую область. К тому времени Батайск уже был отрезан. Оставался единственный путь — через Аксайскую станицу, по льду вставшего Дона, по которому могли пройти обозные сани и орудийные упряжки.

Корнилов понимал, что оставаться в Ростове было нельзя. Генерал дал добровольцам день на сборы, назначив выступление в поход ровно в полночь. Беспокоила судьба многочисленных раненых и больных. Их было решено разместить у надежных обывателей, а часть оставить в городских лазаретах под видом простых солдат. Все понимали, что когда красные войдут в Ростов, то многих они расстреляют без всякого суда. Но взять с собой этих людей армия не могла.

Дня на подготовку к выступлению из города вполне хватило, так как добровольцы большого обоза не имели. Генерал Алексеев в прощальном письме своим близким написал:

«Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы».

Многие добровольцы уходили из Ростова в 1-й Кубанский «Ледяной» поход, в неизвестность, в тяжелом состоянии духа, поскольку оставляли свои семьи на произвол судьбы. Генерал Деникин в своих «Очерках Русской смуты» писал:

«Там (в большевистском тылу. — *А.Ш.*) были... брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя...»

В Ростове оставалась его молодая супруга Ксения Васильевна. Она жила в городе с паспортом на свое девичье имя в одной армянской семье, которая немало рисковала.

Оставлял семью и генерал Л.Г. Корнилов. Деникин писал: «В письме, посланном друзьям накануне похода, он (*Корнилов. — А.Ш.*) говорил с тревожным беспокойством о своей семье, оставленной без средств на произвол судьбы среди чужих людей, и о том, что больше, вероятно, встретить их не придется».

Когда начинался 1-й Кубанский поход, семья Корнилова — жена, дочь и сын — скрывалась у верных людей в одной из Терских казачьих станиц. Корнилов получал оттуда лишь редкие известия. Он так и не решился вызвать оттуда семью к себе ни в Новочеркасск, ни в Ростов.

Оставалась на Дону и жена бывшего Верховного главнокомандующего России Анна Николаевна Алексеева. Она получила от мужа фальшивые паспорта на имя Афанасьевых и с двумя дочерьми скрывалась в отдаленной от железных дорог степной станице Мелиховской в «надежной» казачьей семье.

Но Гражданская война не обошла станицу Мелиховскую. Когда стала слышна артиллерийская канонада, местные казаки, опасаясь «карающей руки» красного террора, о котором они уже были наслышаны, всполошились. Дочь генерала Алексеева, Вера Михайловна, вспоминала:

«Станичники и станичницы атаковали нашу хозяйку — кто мы такие, откуда мы, как она наспустила. Пришлось возвращаться в Новочеркасск, где наша старая хозяйка отвела нас к своей знакомой на окраине города. У этой доброй женщины мы провели первые, самые страшные, дни большевистской расправы над Новочеркасском...».

Глава 14

1-Й КУБАНСКИЙ «ЛЕДЯНОЙ» ПОХОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

В полночь 9 февраля 1918 года генералы Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев, заместитель командующего генерал А.И. Деникин в окружении немногих штабных офицеров в молчании встретились в вестибюле просторного дома ростовского миллионера Парамонова. Здесь был штаб белой армии, а вскоре разместится ростовское ВЧК. Посмотрев на часы-луковку, вытасенные из нагрудного кармана кителя, Лавр Георгиевич сказал:

— Пора выступать, Михаил Васильевич.

— Пора, Лавр Георгиевич.

Разобрав стоявшие в козлах винтовки и кавалерийские карабины, закинув за плечи «тощие» вещевые мешки, генералы и офицеры армейского штаба вышли на ночную улицу и торопливо зашагали мимо утонувших в ночной темени домов туда, где уже выстраивались в походном порядке части белой Добровольческой армии. Она оставляла Ростов, чтобы в скором времени, с боем вернуться в него.

Идущий за генералом Корниловым текинец нес трехцветный флаг, сшитый за несколько часов до выступления в поход из девяти аршин белой, синей и красной материи. «До тех пор пока флаг этот развевался — Россия еще существовала». Этот стяг государственных цветов неизменно следовал за Лавром Георгиевичем до самой его гибели под Екатеринодаром. Дальнейшая судьба этой белогвардейской святыни не известна.

Ростов в ту ночь казался вымершим. Добровольцы уходили из негостеприимного города в полном молчании, готовые в

любую минуту дать отпор внезапно появившемуся противнику. Но обошлось без пролития крови. Лишь где-то в ночи то там, то здесь на городских окраинах слышались одиночные выстрелы. Большинству думалось одно: куда мы идем, что ждет нас впереди?

Из Ростова в грозном, тревожном молчании уходили в морозную, заснеженную донскую степь Корниловский ударный полк подполковника Неженцева, Георгиевский полк полковника Кириенко, Офицерские батальоны полковников Кутепова, Борисова, Тимановского, Лаврентьева, Юнкерский батальон капитана Парфенова, Ростовский добровольческий полк генерала Боровского, кавалерийские дивизионы полковников Гершельмана и Глазенапа...

Преемник Лавра Георгиевича на посту командующего Добровольческой армией генерал-лейтенант А.И. Деникин так описывал в своих воспоминаниях уход добровольцев из Ростова:

«Мы уходили.

Покружив по вымершему городу, мы остановились на сборном пункте — в казармах Ростовского полка (ген. Боровского), в ожидании подхода войск. Еще с утра Боровский предложил ростовской молодежи — кто желает — вернуться домой: впереди тяжелый поход и полная неизвестность. Некоторые ушли, но часть к вечеру вернулась: «все соседи знают, что мы были в армии, товарищи или прислуга выдадут».

Долго ждем сбора частей. Разговор не клеится. Каждый занят своими мыслями, не хочется думать и говорить о завтрашнем дне. И как-то странно даже слышать доносящиеся иногда обрывки фраз — таких обыденных, таких далеких от переживаемых минут.

Двинулись, наконец, окраиной города. По глубокому снегу. Проехали мимо несколько всадников. Один остановился. Доложил о движении конного дивизиона. Просит Корнилова сесть на лошадь.

— Спасибо, не надо.

Из боковых улиц показываются редкие прохожие и, увидев силуэты людей с ружьями, тотчас же исчезают в ближайших воротах. Вышли в поле, пересекаем дорогу на Новочеркасск. На дороге — безнадежно застрявший автомобиль генерала Бо-

ровского. С небольшим чемоданчиком в руках он присоединяется к колонне. Появилось несколько извозчичьих пролеток. С них нерешительно сходят офицеры, по-видимому, задержавшиеся в городе. Подошли с опаской к колонне и, убедившись, что свои, облегченно вздохнули:

— Ну, слава те, Господи! Не знаете, где 2-й батальон?

Вышли на дорогу в Аксайскую станицу. Невдалеке от станицы встречает квартирьер:

— Казаки «держат нейтралитет» и отказываются дать ночлег войскам.

Корнилов нервничает:

— Иван Павлович, поезжайте, поговорите с этими дураками.

Не стоит начинать поход «усмирением» казачьей станицы. Романовский повернул встречные сани, пригласил меня, поехали вперед. Долгие утомительные переговоры сначала со станичным атаманом (офицер), растерянным и робким человеком, потом со станичным сбором: тупые и наглые люди, бестолковые речи. После полуторачасовых убеждений Романовского согласились впустить войска с тем, что на следующее утро мы уйдем, не ведя боя у станицы. Думаю, что решающую роль в переговорах сыграл офицер-ординарец, который отвел в сторону наиболее строптивного казака и потихоньку сказал ему:

— Вы решайте поскорее, а то сейчас подойдет Корнилов — он шутить не любит: вас повесят, а станицу спалят.

Утомленные переживаниями дня и ночным походом, добровольцы быстро разбрелись по станице. Все спят. У Аксая — переправа через Дон по льду. Лед подтаял и трескается. Явился тревожный вопрос — выдержит ли артиллерию и повозки.

Оставили в Аксайской арьергард для своего прикрытия и до окончания разгрузки вагонов с запасами, которые удалось вывезти из Ростова, и благополучно переправились. По бесконечному гладкому снежному полю вилась темная лента. Пестрая, словно цыганский табор: ехали повозки, груженные наспех ценными запасами, плелись какие-то штатские люди; женщины в городских костюмах и в легкой обуви вязли в снегу. А вперемежку шли небольшие, словно случайно затерянные среди «табора», войсковые колонны — все, что осталось от великой некогда русской армии... Шли мерно, стройно. Как они

одеты! Офицерские шинели, штатские пальто, гимназические фуражки; в сапогах, валенках, опорках... Ничего — под нищенским покровом живая душа. В этом — все.

...Солнце светит ярко. Стало теплее. Настроение у всех поднялось: вырвались из Ростова, перешли Дон — это главное, а там... Корнилов выведет.

Он здоровается с проходящими частями. Отвечают радостно. И затем, пройдя несколько шагов, продолжают нескладную, но задумчивую песню:

Дружно, корниловцы, в ногу,
С нами Корнилов идет;
Спасет он, поверьте, отчизну,
Не выдаст он русский народ.

Молодежь, порыв, вера в будущее и вот эта крепкая здоровая связь с вождем проведут через все испытания...»

Поздно вечером основные силы Добровольческой армии сосредоточились в большой задонской станице Ольгинской. Здесь командующий армией генерал Корнилов, дав своим бойцам четыре дня на отдых, провел реорганизацию войск:

— Белая армия должна иметь стройность. Как старая русская армия. Организационную неразбериху мы оставим красным...

Вся пехота добровольцев сводилась в три полка, которые по численности равнялись разве что батальону по штатам военного 1914 года. Офицерским полком силой в 570 штыков командовал генерал С. Д. Марков, бывший начальник штаба фронта. Он был сформирован из понесших в последних боях тяжелые потери 1-го, 2-го и 3-го Офицерских батальонов, Военно-морской роты, дивизиона смерти Кавказской кавалерийской дивизии, ставшего пешим.

Во главе Партизанского полка (около тысячи человек) был поставлен генерал А.П. Богаевский. Полк был создан из пеших донских партизанских отрядов.

Во главе Корниловского ударного полка (тоже около тысячи штыков) остался полковник М.О. Неженцев. В ряды ударников-корниловцев были влиты остатки Георгиевского полка (первоначально сформирован в Киеве перед октябрём 1917 года)

полковника А.К. Кориенко и партизанский отряд полковника Симановского.

Юнкерский батальон был отдан под командование генерал-майора Боровского. Он был составлен из прежнего Юнкерского батальона капитана Парфенова и Ростовского студенческого полка. Полк такое название получил при своем формировании, хотя собственно студентов в нем было мало.

Кавалерию объединили в четыре отряда (дивизиона) примерно равной численности. Всего набралось более 800 конников. Один отряд был офицерским, второй состоял из конных партизан полковника Чернецова, третий — из донских казаков партизанских отрядов Краснянского, Бокова, Лазарева и других, присоединившихся к Добровольческой армии в станице Ольгинской, четвертый отряд был сводным.

Был создан артиллерийский дивизион в составе десяти расчетов трехдюймовых орудий. На каждый ствол имелось всего по шесть снарядов. Дивизионом командовал полковник С.М. Икишев. По воспоминаниям Деникина, дивизион состоял из четырех батарей по два орудия в каждой. Их командирами были Миончинский, Шмидт, Ерогин и Третьяков. По Деникину, артиллерийских снарядов в начале похода имелось не более 600—700.

В составе армии появился чехословацкий инженерный батальон. Он был отдан под политическое «управление» штатского инженера Краля. Командовал им капитан австро-венгерской армии чех Иван Францевич Немчек, сдавшийся в плен русским в крепости Перемышль.

На то время белая Добровольческая армия была по численности меньше пехотного полка образца военного 1914 года более чем на полторы тысячи человек. По численности кавалерии — меньше кавалерийского или казачьего шестисотенного полка. В артиллерийском дивизионе полевых орудий имелось на треть меньше, чем было положено по штатам военного времени...

В станице Ольгинской командующий Корнилов приказал штатским оставить армию. Многие из них были членами семей офицеров.

Состав белой Добровольческой армии, этого детища Алексева и Корнилова, был поразителен не только для отечествен-

ной военной истории. Из 3700 бойцов ее, которые покидали Ростов-на-Дону, 36 были генералами и 242 — штаб-офицерами, то есть старшими офицерами. 20 из них числилось за Генеральным штабом.

Половина армии — 1848 человек заслужили офицерские погоны на фронтах Первой мировой войны. Из них штабс-капитанов было 251, поручиков — 394, подпоручиков — 535, прапорщиков — 668, в том числе произведенных из юнкеров старших курсов.

Нижних чинов в белой армии числилось 1067 человек. Из них кадетов и юнкеров — 437. При войсках находилось 118 гражданских беженцев и большое число врачей и медицинских сестер.

Реорганизация Добровольческой армии лишний раз продемонстрировала силу воли ее командующего. Причин для недовольства Корниловым в этом случае было немало. Командиры отдельных батальонов переходили на положение ротных, многие ротные — на положение командиров взводов. Однако понижение в должности многих начальников протеста не вызвало, поскольку офицеры-добровольцы были людьми воинского долга.

Генерал-майор Марков, к примеру, так высказался по поводу понижения командиров:

— Не много же вас здесь, — обратился он к собравшимся в первый раз офицерским батальонам. — По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь. Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем, а то все равно скажу, что идем к черту за «синей птицей». Теперь скажу только, что приказом командующего армией, имя которого хорошо известно всей России, я назначен командиром 1-го Офицерского полка, который сводится из ваших трех батальонов и из роты моряков, хорошо известной нам по боям под Батайском. Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров; но и тут, господа, не огорчайтесь. Ведь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешел на батальон.

...Четверо суток стоянки в станице Ольгинской ушли не только на реорганизацию армии, но и на спешное комплек-

тование обозов. Без них добровольческие части могли оказаться в крайне затруднительном положении, особенно в случае транспортировки раненых и больных. В то же время «серьезных» запасов патронов, снарядов и провианта армия не имела.

Обозных лошадей и повозки покупали у местного населения с большим трудом и за большие деньги. Реквизиций не проводилось. Генералы Корнилов и Алексеев единодушно отказались от такого способа снабжения армии.

Из-за инфляции, особенно за время существования правительства А.Ф. Керенского, бумажный рубль равнялся пяти довоенным копейкам. Станичники и местные крестьяне-иногородние под любым предлогом уклонялись от продажи хлеба, лошадей, скота, фуража и других продуктов за обесцененные ассигнации. И с удовольствием соглашались на натуральный обмен на промышленные товары, то есть какие-то вещи.

В казне у генерала Алексеева находилось кредитных билетов и казначейских обязательств всего на 6 млн рублей. Они легко умещались в его походном чемодане и карманах нескольких его адъютантов-«деньгонош». Но для содержания даже такой небольшой армии, по численности меньшей одного пехотного полка первых трех лет Первой мировой войны, этих миллионов давно обесцененных бумажных денег было совершенно недостаточно.

Один из корниловцев, полковник А.А. фон Лампе, возглавлявший подпольный Добровольческий центр в Харькове, который занимался переброской белых офицеров на Дон, оставил после себя сборник статей под общим названием «Пути верных», опубликованный в Париже только в 1960 году. В одной из них он пытается объяснить поражение армий Белого движения в Гражданской войне. Его рассуждения прямо касались существования Добровольческой армии при первом ее командующем Л.Г. Корнилове:

«...Окраины (России. — А.Ш.), естественно привлекавшие к себе взгляды тех русских людей, которые не захотели подчиниться установленной в центре диктатуре, не знали большевизма, то есть, вернее, не знали результатов практического его применения к шкуре обывателя. Они не испытали прелестей советского рая и не смогли дать полного напряжения,

чтобы предотвратить надвигавшиеся на них испытания и мучения.

Население этих областей, конечно, знало войну, которая утомила всю Россию; население знало и революцию, которая дала так называемые «свободы», принесенные ею! Население с легкой руки солдат, знавших на фронте только декларацию прав, но не обязанностей солдата, знало только о своих правах и совершенно не представляло себе, что права эти все еще связаны с какими-то обязанностями.

На территории этого населения шла настоящая война, Гражданская война с ее выстрелами, которые не всегда попадают только в тех, кто борется на линии огня; с ее репрессиями не только по отношению к людям и их имуществу, но и самим селениям, которые иногда, в процессе боя, беспощадно и неизбежно сравниваются с землей...

Население должно было поступиться своими правами, своими удобствами. Армия белых не была той снабженной и организованной армией, которую мы привыкли представлять себе, произнося это слово; немедленно по соприкосновении с населением она вынуждена была брать у него подводы, лошадей, запасы и, наконец, самих людей!

...Все это сводилось к тому, что неудобства, приносимые белыми, восстанавливали население против них.

...Вот почему так легко верили красной пропаганде, изображавшей полуголод и голод (и в прошлом, и в настоящем) русское офицерство, составлявшее кадры белых армий, как «помещиков», «банкиров» и т.д.

Недостатки... в сфере административного управления, финансовых мер и аграрных распоряжений — принимались как злонамеренность; и в результате население, не только в лице крестьянской массы, но порой и городской интеллигенции... сначала не шло дальше пожелания проходившим белым — «Помоги вам Пресвятая Богородица», и совершенно не хотело принять на себя хоть часть этой «помощи», а потом начинало мечтать об избавлении, которое, конечно, должно было прийти с красной стороны, ибо иного ничего не было!

В конечном результате получилось совершенно нелепое, но одинаково типичное для всех белых фронтов положение:

Когда уходили красные — население с удовлетворением подсчитывало, что у него осталось...

Когда уходили белые — население со злобой высчитывало, что у него взяли...

Красные грозили и грозили весьма недвусмысленно взять все и брали часть — население было обмануто и... удовлетворено. Белые обещали законность, брали немногое — и население было озлоблено...

Белые несли законность, и потому им ставилось всякое лыко в строку...

Если красные «работали» дубиной по обывательским головам, несли революционный режим, грабили «награбленное», уничтожали остатки старого режима и... казнили и убивали за все без исключения, за всякий намек на сопротивление, то белые, быть может в силу своего наименования (данного им, как и их противникам, самую жизнью), «работали» в белых перчатках, насаждали законы, призывали к их исполнению и тем самым сами же связывали себе руки и не получали сочувствия уже распущенного и развращенного демагогией населения.

Красные обещали все, белые только то, что полагалось по закону...

Красные в виде аргумента и меры убеждения имели террор и пулеметы; белые угрожали... законом.

Красные отрицали решительно все и возвели в закон произвол; белые, отрицая красных, конечно не могли не отрицать и применяемые красными методы произвола и насилия...»

Белогвардеец А.А. фон Лампе, побывавший в свое время в застенках гестапо, отказавшийся служить Гитлеру, в течение двенадцати возглавлявший в эмиграции Российский общевойсковой союз (РОВС), сумел понять «прозу» Гражданской войны.

Во время отдыха в донской станице Ольгинской состоялся военный совет, который обсудил дальнейшие планы. В работе совета приняли участие генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский, Лукомский, Марков и несколько строевых офицеров, приглашенных лично командующим. Присутствовал и походный атаман Донского казачьего войска генерал Попов.

Обсуждалось будущее Белого движения на российском Юге. Нужно было выработать стратегию и тактику, от которых во многом зависел исход начавшейся Гражданской войны.

Военный совет открыл генерал Корнилов. Он предложил обсудить два варианта плана ближайших действий Добровольческой армии. В одном случае она шла походом на Кубань для соединения с местными белыми добровольцами. Во втором случае — уходила в зимовники Донского войска, располагавшиеся к юго-западу от станицы Великокняжеской.

Такое предложение внесли походный атаман донского казачества генерал-майор П.Х. Попов и его начальник штаба В.И. Сидорин. Их отряд в составе 1500 бойцов при 5 орудиях и 40 пулеметах уходил в зимовники. Они звали с собой союзников-добровольцев, чтобы весной начать оттуда наступление против советских войск и поднять общедонское казачье восстание.

При походе на город Екатеринодар добровольцам предстояло два раза переходить железную дорогу. Вернее — прорываться через нее около станций Кагальницкой и Сосыка. Но в таком случае противник будет отлично осведомлен о движении белых и преградит им путь бронированными поездами, которых у него имелось достаточно.

Поход в Кубанский край предстоял трудный. Начинаясь весенняя распутица, при условии, что половина обоза на полозьях, затрудняла бы движение. Заменять лошадей будет трудно. Санитарный обоз был просто не в состоянии принять большое число раненых.

Еще меньше тактических выгод давало предложение Попова и Сидорина. В зимовниках Добровольческая армия была бы вскоре захата вскрывшимся Доном и железной дорогой Царицын — Торговая — Тихорецкая — Батайск. Все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог были бы заняты большевиками. Это лишило бы армию возможности получить пополнение людьми, оружие и продовольствие.

Генералы Корнилов и Лукомский были за уход в зимовники вместе с отрядом Попова. Против этого решительно выступили Алексеев и Деникин. Они считали, что Степной район годен только для партизанских действий. Монолитность Добровольческой армии в случае зимовки в задонской степи

будет нарушена. Зимовники удалены друг от друга, не обеспечены жильем и топливом.

Корнилову пришлось согласиться с доводами Деникина и Алексева. Степной район, кроме немолотого зерна, сена и скота, не давал ничего для удовлетворения армейских нужд. Наконец, трудно было рассчитывать на то, что большевики оставят белогвардейцев в покое в зимовниках, а не постараются уничтожить по частям разрозненные части армии корниловцев.

Перспектива продолжения вооруженной борьбы против Советов на Кубани представлялась более реальной. Добровольцы ожидали встретить там не только богатый край, но и сочувственно настроенное казачество, борющуюся против сил красных местную власть и добровольческие силы, которые, как показали последующие события, «значительно преувеличивались молвой».

На военном совете в станице Ольгинской командующий Добровольческой армией генерал Л.Г. Корнилов утвердил решение идти на Кубань, в поход на столицу Кубанского казачьего войска город Екатеринодар.

Донской отряд походного атамана Петра Харитоновича Попова уходил в зимовники. Но большая часть донских партизанских отрядов по своей воле оставалась под корниловскими знаменами. Это был, как потом писалось, «выбор души» калединских партизан, которые всю зиму сражались бок о бок с добровольцами.

Корнилов сделал предложение Попову присоединиться к Добровольческой армии. Но походный атаман ответил вежливым отказом. Он объяснил, что, считаясь с настроением своих войск и начальников, не может покинуть землю родного Дона. А потому решил в его степях подождать пробуждение казачества, которое обязательно должно подняться против власти большевиков.

Правда, партизаны-калединцы говорили, что атаманское честолюбие удерживало Попова от подчинения Корнилову.

На четвертый день генерал Корнилов отдал приказ выступить из Ольгинской. На центральной станичной улице армия построилась полками, батальонами, батареями отрядами. Конники спешили. В морозном воздухе раздался далеко слы-

шимый призывный сигнал — звук серебряной георгиевской трубы:

«На молитву!»

В замерших рядах белой армии добровольцы, от седого генерала до юного кадета, сняли фуражки и папахи. На плечи в погонах упали башлыки. В установившейся тишине эхом пронеслось:

«Отче наш....»

Так начинался 1-й Кубанский поход корниловской Добровольческой армии, получивший в истории Гражданской войны в России название «Ледяного».

Отправился из Ольгинской в свой степной поход и донской атаман, будущий генерал Попов. До весны он соберется в зимовниках с силами, а затем совершит конный рейд по станциям нижнего Дона, в которых была установлена советская власть. В Сальских степях он сразу же начнет деятельную подготовку антибольшевистского восстания в покинутых белыми казаками станицах и хуторах...

Народному комиссару по военным и морским делам В.А. Антонову-Овсеенко, который командовал советскими войсками, направленными на подавление «калединщины», стало известно о выступлении Добровольческой армии из станицы Ольгинской в тот же день. 28 февраля он отдал красному командиру Ласкину следующее телеграфное распоряжение «об уничтожении корниловцев, отступающих из станицы Ольгинской»:

«Отправьте несколько истребителей для уничтожения колонны корниловцев, идущих по дороге из станицы Ольгинской через Хомутовскую и Кагальницкую, проверьте и направление от Ольгинской на Манычскую. Корниловцы идут подводами, истреблять их без пощады. Ольгинская и так далее, в 20 или 30 верстах к востоку от железной дороги Ростов — Тихорецкая, наши войска занимают железную дорогу. Извести меня о получении этой телеграммы.

Нарком Антонов».

...Белоэмигрантские военные историки по-разному оценивают решение вождей Белого движения Корнилова и Алексе-

ева выступить в 1-й Кубанский поход. Авторитетный исследователь русского зарубежья генерал Н.Н. Головин считал принятое в станице Ольгинской решение «редкой стратегической ошибкой».

На Северном Кавказе, в Кубанской области добровольцы встретили серьезного противника. Эвакуированные зимой того года с Кавказского фронта войска оказались там «запертыми». Они (прежде всего ушедшая с фронта 39-я пехотная дивизия) и стали основой формирования 11-й Красной армии.

Пока добровольцы шли по Кубани, председатель Реввоенсовета Республики Советов Лев Троцкий сформировал в центре России огромную и хорошо вооруженную Рабоче-Крестьянскую Красную армию. С ней и столкнется белая Добровольческая армия, когда начнет наступление с кубанской земли...

Перед выступлением в поход командующий и верховный руководитель Добровольческой армии предупреждали своих командиров:

— Казачество Кубанской области если не теперь, то в скором будущем станет опорой Белого движения...

— Необходимо особенно осторожное отношение к станицам. Реквизиций не применять... Доносить до кубанцев идеи Белого движения надо словом, а не угрозой оружия...

Генерал Деникин так впоследствии отзывался об этих требованиях Корнилова и Алексева:

«...Мера, психологически полезная для будущего, ставила в тупик органы снабжения. Мы просили крова, просили жизненных припасов — за дорогую плату, не могли достать ни за какую цену сапог и одежды, тогда еще в изобилии имеющих в станицах, для босых и полуодетых добровольцев; не могли получить достаточно подвод, чтобы вывести из Аксая остатки армейского имущества.

Условия неравные: завтра придут большевики и возьмут все — им отдадут даже последнее беспрекословно, с проклятиями в душе и с униженными поклонами.

Скоро на этой почве началось прискорбное явление армейского быта — «самоснабжение». Для устранения или, по крайней мере, смягчения его последствий командование вынуждено было перейти к приказам и платным реквизициям...»

Из Ольгинской Добровольческая армия выступила в направлении станицы Егорлицкой. До нее было 88 верст санного пути. Степь была покрыта, куда ни глянь, снежной белизной. Генерал Алексеев сначала бодро шел в голове походной колонны, опираясь на палку. Но годы давали себя знать, как и запущенная болезнь почек с ее тяжелыми приступами. Когда он почувствовал себя в пути плохо, его адъютант ротмистр Шапрон настоял на том, чтобы Михаил Васильевич сел на повозку:

— Ваше превосходительство. Прошу вас от имени Лавра Георгиевича отдать мне ваш карабин и сесть на сани. Ложитесь, будьте любезны, не упорствуйте.

— Спасибо за заботу, Алексей. Придется выполнить приказание командующего. Мне действительно сегодня дурственно.

— Устраивайтесь поудобнее, Михаил Васильевич. Сейчас я найду вам для постели хоть какой-нибудь клочок сена...

Над походной колонной добровольцев, не теряясь в красках морозного дня, реял трехцветный российский флаг. Авангард составил Корниловский ударный полк. Его бойцы имели малиново-черные фуражки и погоны с «ударными» красно-черными знаками-углами (шевронами) на рукавах шинелей и гимнастерок. Часть пути генерал Корнилов проделал в рядах элитного полка старой русской армии, носившего его имя.

За корниловцами-ударниками двигался другой полк. Основными цветами марковского Офицерского полка были черный и белый. Черный означал «Смерть за Родину». Белый цвет — «Воскресение России».

88 верст «Ледяного» похода стали для добровольцев тяжелейшим испытанием, но их бодрость духа была удивительной. Они шли по заснеженной дороге с песней, которая называлась «Молитвой офицера».

После начальных, печальных строк:

На родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же, на нас же восстал.
Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью нас всех закидал.

Последние слова «Молитвы офицера» белой Добровольческой армии звучали так:

...Когда по окопам от края до края
Отбоя сигнал прозвучит,
Сберется семья офицеров родная
Последнее дело свершить.
Тогда мы оружие свое боевое,
Награды, что взяты, что взяты в бою,
Глубоко зароем под холодной землею
И славу схороним свою...

Описание начала боев в 1-м Кубанском походе Добровольческой армии оставил генерал А.И. Деникин:

«...У Хомутовской Корнилов пропускает колонну. Маленькая фигура генерала уверенно и красиво сидит в седле на буланом английском коне. Он здоровается с проходящими частями. Отвечают радостно. Появление Лавра Георгиевича, его вид, его обращение вызывают у всех чувство приподнятости, готовности к жертвам. Корнилова любят, перед ним благоговейют.

В станице Егорлицкой Добровольческую армию встретили достаточно приветливо. Многие семьи проявили заботу о раненых, выделили продовольствие для войск. На полном станичном сборе выступили Алексеев и Корнилов, объяснив положение в России и цели Добровольческой армии.

Егорлицкая была последней станицей Донской области. Дальше начиналась Ставропольская губерния, занятая частями ушедшей с фронта 39-й пехотной дивизии. Здесь еще не было советской власти, но были местные советы, анархия и ненависть к кадетам. Корнилов потребовал ускорить движение, по возможности избегать боев.

...В Лежанке путь преградил красногвардейский отряд с артиллерией. По команде генерала Маркова офицерский полк развернулся и, не останавливаясь, пошел в атаку, прямо на деревню, опоясанную линиями окопов. Огонь батареи становится беспорядочным, ружейный и пулеметный — все более плотным. Цепи останавливаются и залегают перед болотистой, оттаявшей речкой.

В обход села выдвигается Корниловский полк. За ним с группой всадников устремляется и сам Лавр Георгиевич с развернутым трехцветным флагом. В рядах волнение. Все взоры обращены туда, где виднеется фигура главнокомандующего. Вдоль большой дороги совершенно открыто юнкера подполковника Миончинского подводят орудия прямо к цепи. Наступление, однако, задерживается.

Но вот офицерский полк не выдерживает: одна из рот бросается в холодную, липкую грязь речки и переходит вброд на другой берег. По полю бегут в панике люди, мечутся повозки, скачет батарея. Корниловский полк, вышедший к селу с запада через плотину, вместе с офицерским преследуют красноармейцев...»

В тех же «Очерках Русской смуты» описывается такой эпизод после боя за ставропольское село Лежанку:

«У дома, отведенного под штаб, на площади, с двумя часовыми-добровольцами на флангах, стояла шеренга пленных офицеров-артиллеристов квартировавшего в Лежанке большевистского дивизиона.

Вот она, новая трагедия русского офицерства!..

Мимо пленных через площадь проходили одна за другой добровольческие части. В глазах добровольцев — презрение и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы. Лица пленных мертвенно бледны. Только близость штаба спасает их от расправы.

Проходит генерал Алексеев. Он взволнованно и возмущенно упрекает офицеров. И с его уст срывается тяжелое бранное слово. Корнилов решает участь пленных:

— Предать полевому суду.

Оправдания обычны: «не знал о существовании добровольческой армии...», «не вел стрельбы...», «заставили служить насильно, не выпускали...», «держали под надзором семью...»

Полевой суд счел обвинение недоказанным. В сущности, не оправдал, а простил. Этот первый приговор был принят в армии спокойно, но вызвал двойное отношение к себе. Офицеры поступили в ряды нашей армии...»

В последующих боях Добровольческой армии в ходе Гражданской войны пленные офицеры, мобилизованные в ряды Красной армии, как правило, сразу же «призывались» в ряды

белых. Расстрелу подлежали только члены партии большевиков, участники октябрьского переворота или те, чья вина в развале русской армии на фронте была доказана их бывшими сослуживцами.

Что же касается пленных красноармейцев из числа рядовых, а также мобилизованных противной стороной специалистов (врачей, фельдшеров, инженеров, телеграфистов, паровозных бригад и т.д.), то они после «чистки», проводимой контрразведкой, становились пополнением белых армий. Из бывших красноармейцев формировались не только отдельные роты и батальоны, но и целые полки, входившие в состав Добровольческой армии.

Подобная кадровая политика с неизбежной «чисткой» военнопленных, впрочем, проводилась и советским командованием. В рядах Красной армии, особенно к концу Гражданской войны, воевали многие десятки тысяч бывших белых военнослужащих, в том числе и офицеры, сдавшиеся в плен или перешедшие на сторону красных войск.

Командование Добровольческой армии всерьез ожидало, что противная сторона встретит белых сразу же на границе Кубанской области. Или же, по крайней мере, выставит сильные, маневренные заслоны с артиллерией, которая у красных насчитывала больше ста стволов. На коротком военном совете Алексеев сказал:

— Не надо быть большим стратегом, чтобы понять простую истину: красному командованию нет резона пускать добровольцев на Кубань...

Армейский командующий Корнилов приказал быть осторожнее. Вперед, по степной дороге, были высланы конные разъезды. Они «добежали» до ближайших хуторов и осмотрели с холмов округу. Вернувшись, доложили:

— Ваше превосходительство. Путь для армии чист. На десять верст вперед и больше никаких войск не замечено...

Это было серьезной ошибкой командования советских войск. Ему не следовало «выпускать» корниловцев с Дона. Добровольцы вступили в богатый Кубанский край. Он встретил их радушно, накормив и напоив измученных переходом по зимней степи людей. В отличие от Дона первые же станицы и хутора дали белой армии долгожданные пополнения в людях.

Например, станица Незамаевская выставила конный казачий отряд в полторы сотни шашек. Кубанские пластуны-фронтовики начали пополнять добровольческую пехоту. Приветливо встретило белую армию население станиц Старо-Леушковской и Иркиевской.

Станичные сходы здесь были враждебно настроены по отношению к большевикам и потому тепло встретили генерала Корнилова, «прирожденного казака» из сибирских земель. Но так было не везде, о чем Корнилова не раз предупреждал в походе генерал Алексеев.

Генерал Алексеев оказался прав. 1 марта 1918 года при подходе к станице Березанской авангард добровольческих войск был обстрелян из окопов, вырытых за одну ночь. В них засели не красногвардейцы или солдаты, ушедшие с Кавказского фронта, а местные казаки-кубанцы и иногородние, проживавшие в этой станице и решившие отбиться от «кадетов». Такое решение было принято на станичном сходе.

Бой за Березанскую был краток. Добровольческая артиллерия, экономя снаряды, сделала прицельно залп-другой по линии окопов и удачно накрыла их. После этого, утопая по колено в весеннем, начавшем подтаивать снегу, в атаку на взгорье дружно пошли цепи корниловцев и марковцев, готовые к самой крайности — рукопашной схватке. Патроны было приказано беречь.

Взятием станицы Березанской руководил генерал-майор Сергей Леонидович Марков.

Когда он, приметный по своей огромной белой папахе, в сопровождении конных адъютантов влетел на окраину станицы, то сразу понял, что сопротивления не будет. Марков приказал одному из адъютантов:

— Господин поручик. Лети к командующему. Скажи Лавру Георгиевичу, что Березанская взята. Потери — считанные единицы...

Победа получилась почти бескровной и достаточно убедительной. Те из местных казаков, что сидели в окопах, после второго орудийного залпа разошлись по домам, попрятав оружие. Иногородним рассчитывать на снисхождение не приходилось, и они покинули станицу, уйдя на близкие Выселки.

Корнилов с Алексеевым «доверили» наказание казаков, сидевших в окопах, станичным старикам, представшим перед генералами в полной казачьей форме, при шашках и кинжалах, с Георгиевскими крестами и медалями за последнюю Турецкую войну на груди, а кое-кто и за Кавказскую. Командующий Добровольческой армией только и сказал станичной старшине, которую казаки-фронтовики обидно не уважили на последнем сходе:

— Старики. Вы — казаки и я, генерал Корнилов, — казак. Провинившихся сегодня судите сами. Даю вам на то полное право. Как скажете — так и будет.

Те оказались коротки на казачью расправу. Весь вечер в станичном правлении старики пороли ногайками «молодежь», забывшую присягу «Богу, царю и Отечеству»...

Действия командующего Добровольческой армией по организации похода на Кубань, умелое маневрирование походной колонной получили высокую оценку даже советских специалистов. В 20-е годы в Москве вышел труд под названием «Гражданская война. 1918—1921», авторами которого являлись два полковника старой русской армии, два генштабиста, служившие в Красной армии (первый командующим армией, второй главнокомандующим Вооруженными силами республики, в конце 30-х годов оба они были репрессированы), — Н.Е. Какурин и И.И. Вацетис. Они писали:

«При своем движении Корнилову пришлось считаться с опасностью встречи с советскими войсками в районе железной дороги Ростов — Тихорецкая — Торговая или опасаться их возможного преследования. Искусно избегая встречи с крупными советскими силами, располагавшимися в эшелонах по железнодорожным линиям и в крупных узлах путей, Корнилов вступил в пределы Кубанской области...»

За станицей Журавской добровольцев ожидало первое серьезное «фортификационное препятствие». Но все обошлось. В один день была удачно преодолена железная дорога, по которой ходили бронированные поезда красных с артиллерийскими установками. Один такой бронепоезд все же вышел на колонну белых, но его остановили на безопасной дальности, взорвав железнодорожное полотно.

Одержав верх в скоротечном бою у станицы Усть-Лабинской, добровольцы вышли на берега Кубани и с ходу форсиро-

вали ее. После этого белая армия, не обремененная обозами и артиллерией, повернула на юг. Вот здесь-то она и встретила действительно упорное, ожесточенное сопротивление.

Перед этим у станицы Кореновской белым пришлось выдержать тяжелый бой с красногвардейским отрядом численностью до десяти тысяч бойцов. Им командовал красный кубанский казак из станицы Петропавловской, бывший военный фельдшер, есаул Иван Лукич Сорокин.

Офицер-фронтовик Сорокин в течение 1918 года последовательно занимал следующие должности: командир казачьего революционного отряда, помощник командующего Юго-Восточной революционной армией, помощник главнокомандующего войсками Кубанской Советской республики, командующий Ростовским боевым участком, главнокомандующий Красной армией Северного Кавказа, временно исполняющий дела 11-й Советской армии.

Большевицкие правительства Кубанской Советской республики, Кубано-Черноморской Советской республики и Северо-Кавказской Советской республики относились к бывшему казачьему офицеру с недоверием. Член партии социалистов-революционеров (эсеров) Иван Сорокин стремился выйти из-под политического контроля всех этих правительств, стремясь захватить на Северном Кавказе, Кубани и Тереке неограниченную личную власть.

Такое стремление обернулось для него скорой гибелью. После того, как по его приказу в городе Пятигорске в октябре 1918 года была арестована группа советских и большевицких руководителей, он был объявлен вне закона как предатель и смещен с должности. Сорокин был арестован в Ставрополе, заключен в местную тюрьму, где его застрелил «по невыясненной причине» один из конвоиров...

Имя генерала Корнилова становилось все более популярным на благодатном российском Юге. Заседавший в Армавире Кубанский военно-революционный комитет, проводивший в крае большевицкую линию, встревожило появление белых.

В поселках иногородних и во многих станицах стали спешно формироваться красногвардейские отряды. В них записалась и часть казаков-фронтовиков. Эта воинская сила сразу же приступила к решению «задач местного значения». Начались

аресты офицеров, «крепких стариков», изъятие хлебных излишков. Но прежде всего занялись разоружением казачьих станиц. Изымалось все оружие, вплоть до пик и кинжалов. Были произведены первые расстрелы, зачастую без суда и следствия.

Кубанский ревком знал, что делал. Когда началось антибольшевистское восстание одиннадцати станиц Ейского отдела и казачье ополчение двинулось на городок Ейск, то оно оказалось почти безоружным. Один из белоэмигрантов так описывал это событие:

«У казаков было не более десяти винтовок на сотню, остальные вооружались чем могли. Одни прикрепили к длинным палкам кинжалы или заостренные полоски железа, другие сделали из железных вил что-то вроде копий, третьи вооружались острой, а иные просто захватили лопаты и топоры...»

Связи с белыми кубанцами все не было. Посланные к ним для связи из Ольгинской генералы Лукомский и Ронжин, переодетые в штатское, были арестованы в селе Гуляй-Борисовке и едва спаслись от расстрела. В обстановке неизвестности командующий Добровольческой армией стремился пробиться в предгорья Кавказа, в район черкесских аулов. Туда же звали непроверенные слухи о том, что крупный кубанский добровольческий отряд действует в горных лесах. И сейчас находится где-то близ Горячего Ключа.

Но все же главной целью 1-го «Ледяного» Кубанского похода оставался город Екатеринодар, в котором у власти находилось правительство так называемых «автономистов» во главе с Лукой Бычом. Но военной силы правительство Кубанской области почти не имело. А на полпути к Екатеринодару, в недалеком от него Майкопе, сосредоточивались красногвардейские отряды, чтобы стать заслоном перед корниловской армией.

Ситуация менялась на глазах. Многолюдные кубанские станицы, через которые проходили добровольцы, все реже давали серьезные пополнения, хотя и встречали здесь белых с чувством откровенной радости. Так было, например, в большой станице Некрасовской на берегу реки Лабы, которую отряд красногвардейцев после бурного митинга оставил без

боя. Он отошел к селу иногородних Филипповскому, из которого округой управлял «Армейский военно-революционный комитет».

Однако далеко не все командиры красных отрядов поступали так. Когда авангард белой армии подступил к переправе через реку Лабу, из камышей и с ближайшей высоты по добровольцам был открыт сильный ружейный и пулеметный огонь. Генерал Корнилов, прискакавший к месту начавшегося боя, приказал форсировать реку только ночью.

Подходившие к Лабе добровольческие части благодаря такой «встрече» получили день отдыха. На одном из приречных хуторов собрался военный совет армии. На нем решался только один вопрос: как перехитрить большевиков, переиграть их неожиданной тактической задумкой? Было решено ночью форсировать реку, оставив противника в уверенности, что белые идут еще дальше на юг. Перейти реку Белую и оттуда резко повернуть на запад в область черкесских аулов и местонахождения отрядов кубанских добровольцев.

— Нам надо переиграть противника, пока тот не силен в тактике. Есть предложение, Лавр Георгиевич.

Военный совет Добровольческой армии единогласно принял план, предложенный генералом Алексеевым. Во время заседания в дверях появился дежурный офицер корниловского походного штаба. Он доложил, что Корниловский полк после небольшой огневой стычки овладел селом Филипповским. Отряды Сорокина отошли, но начали скапливаться поблизости. Так что предстоял скорый бой...

Оказавшись в Закубанье, Добровольческая армия столкнулась с бедами, от которых во время пребывания в Новочеркасске и на Дону их «спасал» атаман Каледин. Армейское интендантство только налаживалось. Походных кухонь и котлов было мало. Приходилось рассчитывать только на гостеприимство казачьих станиц.

К середине похода в казне, которая хранилась у генерала Алексеева, не осталось мелких разменных денег. Приварочные деньги и оклады стали выдавать коллективно на 5—8 человек сперва тысячерублевыми купюрами, а потом и пятидесятичными. Такие крупные банковские билеты, которые не имели хождения среди селян, вызывали недоверие местного

населения, когда добровольцы пытались купить у него продукты питания, одежду и обувь.

Выход в таких случаях находился помимо воли командования. Гражданская война поразила противоборствующие стороны болезнью, которая в приказах называлась «самообеспечением». Генерал А.И. Деникин писал:

«Голод, холод и рваные отрепья — плохие советчики, особенно, если село брошено жителями на произвол судьбы. Нужда была поистине велика, если даже офицеры, изранив вконец свои полубосые ноги, не брезговали снимать сапоги с убитых большевиков».

Областными белыми добровольцами командовал достаточно решительный и смелый человек — военный летчик и георгиевский кавалер, штабс-капитан Виктор Леонидович Покровский, бывший командир 17-го армейского авиационного отряда в Риге, имевший самые лестные отзывы о боевой работе в воздухе. Правительство Кубанской области за победу в бою у станции Эйнем произвело штабс-капитана, воздухоплователя-фронтовика сразу в казацки полковники. Вскоре Кубанская рада произвела его в генерал-майоры. Деникин отзывался о нем так:

«Покровский был молод, малого чина и военного стажа и никому не известен. Но проявлял кипучую энергию, был смел, жесток, властолюбив и не очень считался с «моральными предрассудками»...

Как бы то ни было, он сделал то, чего не сумели сделать более солидные и чиновные люди: собрал отряд, который один только представлял собой фактическую силу, способную бороться и бить большевиков».

Еще в феврале М.В. Алексеевым был послан порученец, который сумел 25-го числа пробраться в город, окруженный почти со всех сторон войсками красных. Атамана Кубанского казачьего войска, пока полковника, в будущем генерал-лейтенанта Александра Петровича Филимова, имевшего три диплома: московского Александровского училища, Военно-юридической академии и Императорского Археологического института, просили любой ценой продержаться в столице Кубани до подхода Добровольческой армии. В противном случае ее 1-й «Ледяной» Кубанский поход терял первоначальный смысл и цель.

Казалось бы, что стоило кубанским добровольцам удержать город считанные дни. Но вечером 28 февраля областное правительство, атаман и добровольцы Покровского, уже генерал-майора, оставили Екатеринодар, переправившись на левый берег реки Кубань.

На следующий день, 1 марта, в Екатеринодар без боя вступили красные войска. Потеря столицы Кубанского края сильно ударила по престижу Белого движения на юге России.

Деникин писал: «Это был тяжелый удар для всей армии. Терялась идея всей операции, идея простая, понятная всякому рядовому добровольцу, накануне ее осуществления: до Екатеринодара оставалось всего два-три перехода. Гипноз «Екатеринодара» среди добровольцев был весьма высок, и разочарование, казалось, должно было отразиться на духе войск...»

Генерал Корнилов и его генералитет поняли: Добровольческая армия, говоря языком оперативников Генерального штаба, попала в «стратегическое окружение». Вырваться из него можно было только ценой жизни многих добровольцев.

5 марта с наступлением сумерек корниловская армия, соблюдая полнейшую тишину, двинулась за усть-лабинскую переправу. Марш совершался холодной ночью. Было решено остановиться на привал в станице Раздольной, но на рассвете отряды красных заняли соседнюю станицу Кореновскую, установили на ее окраине батарею и стали обстреливать добровольческий арьергард, состоявший из Юнкерского батальона генерал-майора Боровского. Походная колонна двинулась дальше.

Верстах в двух от станицы Усть-Лабинской армейский авангард остановился. Разведка донесла, что на ее окраине расположились крупные неприятельские силы. Большевиками занята и железнодорожная насыпь, которая господствовала над низменной местностью. С нее ружейным и пулеметным огнем хорошо простреливалась вся приречная низина.

Уже после Гражданской войны исследователи скажут, что тот маневр Добровольческой армии, осуществляемый по тактическому замыслу ее командующего, «отличался смелостью почти безрассудной».

Ситуация складывалась критическая. Сзади напирала отряды Сорокина, грозившие вот-вот опрокинуть Юнкерский

батальон. Впереди находились занятая врагом станица, длинная, узкая дамба в виде железнодорожной насыпи длиной в 2—3 версты и большой мост через реку, который мог в любую минуту быть взорван или сожжен. К Усть-Лабинской шла железная дорога от Екатеринодара и станции Кавказской, откуда красные могли подбросить значительные подкрепления и бронепоезда.

Начался бой в северном и южном направлении от остановившейся походной колонны белых. К востоку и западу от нее на виду у всех маячили конные разъезды красных, грозя появлением значительных сил кавалерии. Кольцо окружения все теснее и теснее сжималось вокруг нескольких тысяч добровольцев, которые теперь защищали свой обоз, остановившийся посреди поля и уже обстреливаемый артиллерией. А в обозе кочующей армии тогда находилось уже до 500 раненых и больных. К концу «Ледяного» похода их число достигнет полутора тысяч, не считая беженцев и так называемого «небоевого элемента» в виде общественных деятелей, следовавших за Добровольческой армией и ждавших своего «победного часа».

Генерал Корнилов чутко относился к раненым и болел за них душой. Одним своим видом командующий вносил успокоение в сердца страдальцев, лишенных элементарной медицинской помощи, так как не было ни медикаментов, ни хирургического инструмента, ни перевязочного материала, ни антисептических средств.

Раненые добровольцы испытывали невероятные страдания не только от постоянных перевозок. Они умирали от заражения крови и от невозможности сделать им операции. «Смерть витала над лазаретом, и молодые жизни боролись с ней не раз исключительно только силою своего духа».

Иногда в походе обстановка в армейском лазарете была настолько тяжелой, что раненые, теряя самообладание, угрожали лазаретному персоналу револьверами.

Чтобы прорваться через Усть-Лабинскую, генерал Корнилов послал в атаку полк ударников и юнкеров. Они овладели железнодорожной насыпью и стали охватывать станицу с двух сторон. От Усть-Лабы показался конный парламентар: станичники соглашались пропустить «кадетов» без боя. Но в это время к мосту подошел бронепоезд красных, пушки которого пове-

ли огонь шрапнелью. Со станции Кавказской подошел эшелон, который стал спешно разгружаться. Вскоре со станичной окраины по подходившим добровольцам ударили с новой силой пулеметные очереди, затрещали ружейные выстрелы.

«Опять Корнилов в жестоком огне, и Марков горячо нападает на штаб:

— Уведите вы его, ради бога. Я не в состоянии вести бой и чувствовать нравственную ответственность за его жизнь.

— А вы сами попробуйте, Ваше Превосходительство...»

К тому времени Корниловский ударный полк уже ворвался в станицу, захватил полностью дамбу и перешел по мосту реку Кубань. Армейская походная колонна тронулась вперед. Добровольцы вырвались из кольца окружения, получив возможность продолжать свой марш-бросок. Командующий решил остановиться на ночлег только в станице Некрасовской, когда за сутки с боем было пройдено 40 верст. Уставшие люди, не дожидаясь квартирьеров, засыпают прямо на улицах, чтобы утром проснуться от артиллерийских залпов своих преследователей.

Некоторое время спустя генералу Корнилову доставят номер официального рупора Екатеринодарского Совета газеты «Известия». На первой полосе говорилось о последних событиях Гражданской войны в Кубанской области:

«После обхода станции Тихорецкая Корнилов продвинулся к Выселкам. Советские войска умелым маневром окружили здесь корниловцев. К сожалению, по топографическим условиям местности, не удалось создать тесного кольца... и Корнилов вынужден был (пойти) через имевшуюся отдушину к востоку по дороге со станции Кореновской на станцию Усть-Лабинскую, имея своей задачей пробиться к Майкопу...»

Белогвардейцы снова заперты в кольце войск, еще более тесном...

Они мечутся, стараясь нащупать наиболее слабое место среди кольца революционных войск, чтобы, найдя его, пробиться к какому-нибудь мало-мальски крупному городскому центру, где можно было бы хоть временно опереться...

Час расплаты Корнилова, Алексева и всех главарей, находящихся в его отряде, стал ближе».

Что касается отрядов войскового атамана Филимонова и генерала Покровского, то в «Известиях» писалось, что, «разбитые под Екатеринодаром, они рассеялись по направлению Эйнама и Георгие-Афипской к востоку... и никакой угрозы собой представлять не могут».

10 марта при переправе через реку Белую добровольцам пришлось выдержать один из самых серьезных боев за все время «Ледяного» похода. Под жестоким огнем по переправе на противоположный берег перешли Корниловский ударный и Партизанский полки, Чехословацкий инженерный батальон. На горном гребне, который тянулся вдоль дороги на станицу Рязанскую, завязалась огневая схватка. Вскоре чехословаки, расстреляв все патроны, стали отходить с высот. Их командир капитан Немчек кричит солдатам:

— Дале изем немохль уступоват. Я зустану зде до целе сам («Дальше я не могу отступать: останусь здесь хотя бы один»).

Корнилов, руководивший боем, посылает на помощь бойцам капитана Немчека свой личный конвой. Затем без промедления шлет «психологическое подкрепление»: команду в 100—120 человек из обозников, «по наружному виду способных драться». Части раненых в санитарном обозе раздаются винтовки.

Боевая ценность такого «психологического подкрепления» была невелика. Корнилов это понимал прекрасно. Но появление на поле брани всякой новой «силы» одним своим видом всегда производит впечатление на своих и чужих. Чехословакам доставляют из обоза немного патронов.

Бой шел весь день с неопределенным «перемещающимся» успехом: слишком неравными были силы сторон. Весь день батареи красных обстреливали горный гребень, место речной переправы и лощину, где словно врос в землю и замер обоз белых. Орудия добровольцев отвечали редко, одиночными выстрелами. В артиллерийском отделе тыла угрожающе таял и без того небольшой запас патронов и снарядов. Под вечер корниловцы нанесли контрудар и отбросили неприятеля от реки. Кольцо окружения вновь было прорвано. Походная колонна стала втягиваться в образовавшуюся «отдушину».

Добровольческая армия встала на ночевку в брошенной жителями станице Рязанской. Здесь корниловский штаб полу-

чает подтверждение: кубанские добровольцы из отряда Покровского ведут бои в районе аула Шенджи верстах в 40—60 от Рязанской. Но чтобы вовремя соединиться, требовалось спешить. И генерал Корнилов вновь ведет армию по тяжелым дорогам так быстро, как позволяли ему «путы» в виде обоза и походного лазарета...

Генерал-майор Покровский, численность отряда которого все время колебалась от двух до четырех тысяч (за счет ухода и прихода станичников), захватив Пашковскую переправу, попытался было удержаться на противоположном от города берегу Кубани. Но после двухдневных боев, отчаявшись в ожидании подхода корниловцев, Покровский снял заслон у екатеринодарского железнодорожного моста. Он отступил от речного берега и увел своих добровольцев к черкесскому аулу Вочепший.

Подошедшие туда красные отряды нанесли кубанским «кадетам» поражение. Тем пришлось, бросив обозы, по бездорожью уходить в горы к станице Калужской. После жаркого боя, в котором приняли участие даже спешно вооруженные обозники и члены Кубанской рады, она была взята. Здесь к атаману Филимонову и генерал-майору Покровскому прибыл конный разъезд Добровольческой армии.

14 марта в соседнем со станицей черкесском ауле Шенджи состоялась встреча командного состава Добровольческой армии и белых кубанцев. На встречу с кубанцами прибыли генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский и Эрдели. Вопрос обсуждался только один: об объединении.

Шенджийская встреча началась как деловое совещание командного состава Добровольческой армии с командиром Кубанского белого отряда. Корнилова прежде всего интересовала практическая сторона дела: состояние кубанских добровольцев, их численность и организация, вооружение. Только потом Лавр Георгиевич сказал, обращаясь к Покровскому:

— Мы готовы влить белые кубанские войска в состав Добровольческой армии при одном непременно условии.

— Каким именно?

— При полном подчинении ваших войск командующему армии.

Последние слова, как было видно, смутили казачьего генерала. Он начал скромно и настойчиво возражать против такого требования, высказанного бывшим Верховным главнокомандующим как нельзя категорично:

— Но правительство Кубанской области желает иметь собственную армию. Это соответствует конституции края...

— Господин генерал! О какой конституции Кубанского края может сейчас идти речь, когда кругом льется кровь.

После этих слов Лавр Георгиевич поднялся с лавки и сказал генералу Покровскому внушительно и резко:

— Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству.

Докладывать Кубанскому правительству генерал-майору Покровскому не пришлось: оно уполномочило его принять решение об объединении двух белых воинских сил. Хотя вопрос формально оставался еще какие-то дни открытым, стратегическая ситуация требовала немедленных совместных действий. Тут же было решено, что обозы на следующий день, 15-го числа, соединятся в станице Калужской, а добровольцы и кубанцы с двух сторон атакуют станицу Ново-Дмитриевскую. После разгрома в ней крупных сил большевиков и произойдет фактическое объединение.

Станица Ново-Дмитриевская была взята без помощи кубанских добровольцев — отчаянной атакой Офицерского полка генерал-майора Маркова. Он не стал дожидаться начавшейся в пять часов утра переправы через речку Партизанского донского казачьего полка и подхода застрявших где-то в черноземной грязи батарей. Марков решил за всех сам:

— Ну, вот что, батальонные. Ждать нам некогда. В такую ночь без крыш тут все подохнем на морозе в поле. Идем в станицу.

И Офицерский полк, развернутый в цепь, двинулся по пахоте, еще подернутой ночным ледком, к Ново-Дмитриевской. С ее окраины ударил убийственный огонь пулеметов и многих сотен винтовок. Добровольцев выручило то, что немалая часть красного отряда, не ожидавшего столь внезапной штыковой атаки, грелась в ту морозную ночь по домам...

Только ночь прервала жаркий бой. Утром красные войска со стороны соседней станицы Григорьевской беспорядочно

атаковали Ново-Дмитриевскую, но были отброшены, понеся большие потери.

После проигранного боя в поле красные батареи со стороны Григорьевской стали обстреливать оставленную ими станицу. Так продолжалось все дни, пока белые оставались в Ново-Дмитриевской. Батареи добровольцев молчали: снаряды были на исходе.

Через день после боя в станицу Ново-Дмитриевскую на новое совещание по поводу соединения двух армий — Добровольческой и Кубанской приехали представители Кубани. Хотя армиями они были только по названию.

Как оказалось, краевое правительство и законодательная рада «политической» ситуацией в своих войсках не владели. Перед ними в станицу прискакали два добровольца из отряда генерала Покровского: совсем молодые пехотный подпоручик и казачий хорунжий. Но оба с Георгиевскими крестами. Попросились к командующему, но Корнилов в это время находился на передовой, в марковском полку. В станичном правлении, где разместился армейский штаб, прибывших кубанских добровольцев принял генерал Алексеев:

— Кубанский отряд прислал нас сказать, что мы готовы подчиниться только генералу Корнилову.

На продолжение переговоров приехали войсковой атаман Филимонов, генерал-майор Покровский, глава краевого правительства Быч, председатель Кубанской рады Рябовол и его заместитель Султан-Шахим-Гирей, происходивший из знатного черкесского рода. Более представительной делегации от несоветской Кубани быть просто не могло.

От Добровольческой армии переговоры вели трое: Корнилов, Алексеев и Деникин. Последний больше молчал, чтобы через несколько лет в своих мемуарах «Поход и смерть генерала Корнилова» написать следующее:

«Начались томительные и нудные разговоры, в которых одна сторона вынуждена была доказывать элементарные основы военной организации, другая в противовес выдвигала такие аргументы, как «конституция суверенной Кубани», необходимость «автономной армии» как опоры правительства и т.д. Они не договаривали еще одного своего мотива — страха перед личностью Корнилова: как бы вместе с кубанским отрядом он не

поглотил и их призрачной власти, за которую они так цепко держались. Этот страх сквозил в каждом слове.

На нас после суровой, жестокой и простой обстановки похода и боя от этого совещания вновь повеяло чем-то старым, уже, казалось, похороненным, напоминавшим лето 1917 года, — с бесконечными дебатами революционной демократии, докончившей разложение армии. Зиму в Новочеркасске и Ростове — с разговорами донского правительства, дум и советов, подготавливавшими наступление на Дон красных войск Сиверса...»

Закончили совещание... разрывы снарядов на станичной площади. Это батареи красных у станицы Григорьевской дали очередной залп по станице Ново-Дмитриевской. Осколок разбил оконное стекло. Разрывом другого снаряда снесло ворота дома, в котором шли переговоры. Генерал Алексеев сказал гостям, показав на окна, выходящие на станичную площадь:

— Надо решать, господа кубанцы, сейчас же. Большевики не ждут, и война идет не за вашей спиной...

Итоговый протокол объединительного совещания в станице Ново-Дмитриевской выглядел так:

«...1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход кубанского правительственного отряда в полное подчинение генерала Корнилова, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзывается в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии.

Подписали:

генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей».

Началось соединение двух добровольческих армий. В ближайшие дни, в ходе которых не стихали бои за обладание Ново-Дмитриевской, в станицу прибывали кубанские добровольческие части. Они насчитывали 2185 человек, из них офицеров — 1835, казаков — 350 человек.

Командующий Добровольческой армией генерал Л.Г. Корнилов провел реформирование наличных сил. Теперь белая армия получила следующую, четкую, организацию:

1-я бригада, которой командовал генерал-майор С.Л. Марков, состояла из следующих частей:

Офицерский полк.

1-й Кубанский стрелковый полк.

1-я инженерная рота.

1-я и 4-я артиллерийские батареи.

2-я бригада, которой командовал генерал-майор А.П. Богаевский, состояла из следующих частей:

Корниловский ударный полк.

Партизанский полк.

Пластунский батальон.

2-я, 3-я и 5-я артиллерийские батареи.

Конная бригада, которой командовал генерал-майор И.Э. Эрдели, состояла из следующих частей:

1-й Конный полк.

Кубанский полк (сперва — отдельный дивизион).

Черкесский конный полк.

Конно-артиллерийская батарея.

В состав ни одной из этих трех бригад не был введен Чехословацкий инженерный батальон. Он начал формироваться в Ростове в декабре 1917 года из добровольцев Чехословацкого корпуса — чехов и словаков, проживавших в этом городе. На начало февраля следующего года он насчитывал около ста человек при двух пулеметах. Кроме того, в марте в его состав вошел Карпато-русский добровольческий отряд (41 человек). Часть чинов батальона составляла личный конвой генерала Алексева.

Командовал батальоном бывший капитан австро-венгерской армии чех Иван Францевич Немчек. После возвращения

на родину он дослужился до звания полковника чехословацкой армии, служа в штабе Пражского военного округа. Политическим руководителем воинской части был штатский инженер Краль. Белые чехи и словаки сражались в рядах Добровольческой армии до марта 1919 года, когда после оборонительных боев под городом Мариуполем они эвакуировались из России вместе с французскими частями.

...После проведенной реорганизации Добровольческая армия, состоявшая теперь из трех бригад, имела в своих рядах до 6 тысяч бойцов. Командование армии беспокоило то, что численность обоза удвоилась, а это самым негативным образом влияло на маневренность армии.

Корнилов собрал военный совет армии. На нем предстояло решать судьбу Екатеринодара: брать город кровопролитным штурмом или в походном движении обойти его стороной? Было известно от агентурной разведки, допросов пленных, взятых под Ново-Дмитриевской, что в столице Кубани сосредоточены значительные красноармейские силы, которые все время наращивались. В руках большевиков находилась и вся железнодорожная сеть Северного Кавказа.

Военный совет принял следующее решение: бороться с Советами сегодня можно только одним способом — по-суворовски атаковать и только атаковать. План штурма Екатеринодара был составлен лично генералом Корниловым. Город являлся целью «Ледяного» похода. В случае успеха Екатеринодар становился белой столицей, откуда Добровольческая армия могла начать борьбу за Кубань и Терек, за Дон... и за Москву. Таковы были планы Лавра Георгиевича, его единомышленника М.В. Алексева, «быховских узников».

Цель Екатеринодарской наступательной операции, по замыслу командующего Добровольческой армией генерала Корнилова, заключалась в следующем:

Во-первых, следовало разбить крупные отряды противника, действовавшие южнее Екатеринодара, для того, чтобы обеспечить возможность переправы на левый берег реки Кубань и увеличить запасы патронов и снарядов за счет большевистских складов.

Во-вторых, внезапным ударом захватить большую станицу Елизаветинскую в 18 верстах к западу от Екатеринодара. Это

был пункт, в котором имелась только паромная переправа, но белых здесь красные не ожидали. Кроме того, елизаветинские казаки сторонниками большевиков не считались, и можно было рассчитывать на их поддержку.

В-третьих, переправиться, пусть даже с боем, через реку Кубань и атаковать сам город Екатеринодар, штурмуя его без устали до победного конца.

Закончив изложение плана екатеринодарской операции, генерал Корнилов заметил следующее:

— Ближайших к Екатеринодару переправ имеется две. Это деревянный мост у станицы Пашковской, где вел бой Покровский. Но там большевики должны нас поджидать. И железнодорожный мост у самого города. Но атака его, как мне подсказали наши инженеры, представляет непреодолимые технические трудности. Сегодня же командиры бригад получают от меня боевые распоряжения.

Генерал Алексеев сказал:

— Мы с Лавром Георгиевичем верим в ваших бойцов. В их мужество, стойкость в бою, в твердость духа. И в то, что их не надо агитировать за кровавый штурм...

Бои за столицу Кубанского казачьего войска оказались намного тяжелее, чем предполагало белое командование.

Екатеринодарская операция началась успешно. В двадцатых числах марта бригада генерала Богаевского после упорного и кровопролитного боя захватила станицы Григорьевскую и Смоленскую. Конная бригада генерала Эрдели налетом успешно овладела большой станицей Елизаветинской, часть казаков которой сразу же примкнула к белым, вооружившись припрятанными винтовками и шашками и сев на коней.

Но на рассвете 24-го числа внезапной атаки станицы Георгие-Афипской бригадой генерала Маркова не получилось. Когда голова наступающей колонны подошла к станице, быстро рассвело. Дозоры красных сразу же заметили наступающих в открытом поле. Была объявлена тревога.

Марковцев, еще не успевших развернуться для атаки, накрыл убийственный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь. В обстреле участвовал и показавшийся за поворотом бронепоезд. Из станицы, расположенной на возвышенном

месте, хорошо просматривались группы людей на заснеженном поле. В числе первых пулевое ранение в ногу получил генерал Романовский, находившийся в окружении командующего армией.

Положение спас бригадный командир. Генерал Марков приказал колонне укрыться за высокой насыпью железной дороги, которая проходила поблизости по заливным лугам. Эта насыпь и надежно укрыла добровольцев от обстрела на несколько часов. Впереди виднелась окраина станицы, опоясанная протекавшей в совершенно отвесных, хотя и в не очень высоких, берегах речки Шебш с единственным через нее мостом.

Только начинающееся наступление на Екатеринодар приостановилось. Тогда генерал Корнилов приказал генералу Богаевскому обойти станицу Георгие-Афипскую с запада.

Станица Георгие-Афипская была взята атакой двух пехотных бригад добровольцев. Ее гарнизон насчитывал свыше пяти тысяч красногвардейцев с артиллерией и бронепоездами. На железнодорожной станции белые захватили склад боеприпасов с почти 700 артиллерийскими снарядами. Они и оказались самыми драгоценными трофеями. Снаряды у добровольцев были уже на исходе.

На площади Георгие-Афипской станицы генералы Корнилов и Алексеев провели благодарственное построение бригад, участвовавших в победном бою. Когда Лавр Георгиевич стал благодарить командира Партизанского донского казачьего полка генерала Бориса Ильича Казановича, командовавшего на фронте дивизией сибирских стрелков, за взятие станицы и железнодорожной станции, тот ответил так:

— Никак нет, ваше превосходительство. Всем успехом мы обязаны Митрофану Осиповичу Неженцеву, командиру ударного полка, который носит ваше имя...

Войска Добровольческой армии стали стягиваться к станице Елизаветинской, к паромной переправе через Кубань. Встал вопрос, какими силами форсировать реку и переходить на левобережье, где стоял Екатеринодар. Было решено переправить на противоположный берег бригаду генерала Богаевского и конницу генерала Эрдели. Они составляли первый атакующий эшелон. Марковцам предстояло прикрывать армейские тылы

со стороны аула Панахес, где скапливались силы красных. В такой ситуации треть войск добровольцев оставлялась на левобережье. Они могли принять участие в общем штурме только тогда, когда армейский обоз, сотни раненых окажутся на противоположном берегу.

Переправа Добровольческой армии через полноводную Кубань в станице Елизаветинской шла трое суток, днем и ночью. Местный паром брал или около 15 конников, или 4 повозки с лошадьми, или полсотни человек с оружием. Обнаружили еще один небольшой паром, правда с неисправным тросом, а также с десятков рыбацких лодок.

За трое суток на противоположный берег перевезли около девяти тысяч добровольцев, обозников, беженцев, до четырех тысяч лошадей и 600 повозок, артиллерийских орудий с упряжками, зарядных ящиков. Красные батареи подошедшего к станице Елизаветинской отряда сорокинских войск стали обстреливать место переправы только в самый последний день, 27 марта. Но было уже поздно.

В тот день командование белых вместе с кубанским правительством обсудило вопросы, связанные с занятием Екатеринодара. О том, что он будет взят, в Добровольческой армии говорили как о чем-то неизбежном и не допускающем сомнений. Кубанцы-автономисты больше слушали своих коллег, сами предлагали мало. Совещание в отсутствие Корнилова вел генерал Алексеев. Оно закончилось назначением генерал-лейтенанта А.И. Деникина екатеринодарским генерал-губернатором.

В тот же день генерал Л.Г. Корнилов приказал правлениям окрестных станиц выставить и немедленно прислать в состав Добровольческой армии определенное число вооруженных казаков, пеших и конных. Больше всего людей, как и ожидалось, выставила станица Елизаветинская.

Это был хороший признак: Кубанский казачий край откликнулся на призыв командующего белой армией. Теперь многое зависело от того, будет или не будет взята столица Кубани.

Глава 15

ШТУРМ ЕКАТЕРИНОДАРА. ГИБЕЛЬ. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Атака Екатеринодара началась еще до окончания переправы всех армейских сил и обозов. Наступление на город повела бригада генерала Богаевского. Корниловский ударный и Партизанский полки, пластунский батальон кубанцев, развернувшись в цепи, пошли вперед. Красногвардейцы стали отступать и остановились только в трех верстах от окраины Екатеринодара на линии пригородных хуторов. Здесь они имели выигрышную позицию.

Партизанские батальоны донцев генерала Казановича, наступавшие вдоль дороги на Екатеринодар, захватили пригородный кирпичный завод. К ночи командир 2-й бригады оставил здесь только усиленное боевое охранение с пулеметами, а остальных людей, измотанных за день боя, отвел на ночлег в близкую станицу Елизаветинскую.

Под вечер в армейский штаб пришло донесение, что действующие на правом крыле добровольческие батальоны в жестком бою на городской окраине взяли кожевенный завод. В схватке за него отличился батальон 1-го Кубанского стрелкового полка под командованием полковника П.К. Писарева, бывшего помощника 42-го Донского казачьего полка, в начале Гражданской войны записавшегося рядовым в партизанский отряд Краснянского. Во врангелевской русской армии он был комендантом Севастополя и командиром 1-го армейского (Добровольческого) корпуса.

Затем начались кровавые схватки за одиноко стоявшую на берегу Кубани образцовую ферму екатеринодарского сельскохозяйственного общества. Ее брали комбинированной атакой ударники-корниловцы Неженцева, кубанские пластуны пол-

ковника Улагая и донские партизаны Барбовича. В том бою с обеих сторон «пало много храбрых».

Корниловский штаб незамедлительно перебрался на ферму и разместился в ее единственном небольшом жилом домике в четыре комнаты, замаскированном небольшой рощицей безлистных тополей. Было тревожно: от конной бригады генерала Эрдели, которая пошла в обход Екатеринодара, до сих пор не поступало никаких известий. А штурм города откладывать никак было нельзя. Упущенное время с самого начала боев за столицу Кубанского края играло против белой армии.

С фермы открывалась панорама многолюдного города. Отчетливо виднелись контуры отдельно стоявших домов предместий, кладбище и Черноморский вокзал. Все это опоясывала неровная линия окопов. По частым вспышкам оружейных выстрелов угадывались позиции артиллерийских батарей. В отличие от противника, красные пушкарки снарядов не жалели. От больших потерь добровольцев спасала только низкая точность стрельбы.

На рассвете следующего дня 2-я бригада генерала Богаевского, покинув гостеприимных елизаветинцев, стала вновь выдвигаться на позиции для атаки. Стоявшие на высоте у фермы генералы Корнилов, Алексеев, Деникин и Романовский в напряженном ожидании начала нового боя наблюдали, как недалеко от фермы, утопая в грязи, проходили роты Корниловского ударного и Партизанского полков.

Перед атакой Корнилов усилил ударников Неженцева двумя сотнями пеших кубанских казаков: полк его имени в предыдущий день понес большие потери. Лавра Георгиевича беспокоило то, что среди мобилизованных казаков оказалось мало фронтовиков, все больше молодежь, которая хотела драться с большевиками, но боевого опыта не имела.

Наконец от генерала Эрдели, не сразу розыскав армейский штаб, прискакал долгожданный гонец. Он доложил о том, что белая конница захватила северное городское предместье под названием «Сады», перерезала там железнодорожный путь и сейчас направляется к станции Пашковской, стоявшей на речном берегу к востоку от Екатеринодара, в десяти верстах от него. Станица была известна своим враждебным отношением к советской власти.

Это была обнадеживающая весть. От пашковцев добровольцы ожидали весомой помощи. Действительно, казачье восстание в ближнем тылу у многотысячного екатеринодарского гарнизона сулило белым самые благоприятные перспективы.

Посовещавшись со штабистами, генерал Корнилов назначил штурм Екатеринодара на 16 часов 30 минут. Переправившаяся через Кубань последней 1-я бригада генерала Маркова должна была атаковать полевые позиции красных у артиллерийских казарм. Генерал Богаевский должен был наступать на хорошо видимый с поля Черноморский вокзал.

Начался штурм Екатеринодара. Белые батареи редким огнем подготовили штурм артиллерийских казарм на окраине города. Марковцы яростной атакой берут окопы и закрепляются у оставленных противником казарм. Дальше для добровольцев последовали полные драматизма события.

Во время атаки Корниловского полка погиб его командир — полковник Митрофан Осипович Неженцев, когда он поднимал своих бойцов в атаку на окопы красных, которые опоясывали рваной линией городскую окраину. Потеря Неженцева значила для добровольцев страшно много.

Смерть командира полка ударников потрясла Лавра Георгиевича. Он лишился не только бесстрашного человека, но и одного из самых способных своих военачальников. Корнилов сразу стал угрюм и задумчив. Ни разу с момента получения печального известия шутка не срывалась с его уст, никто не видел больше его улыбки. Когда к штабу на повозке подвезли тело полковника Неженцева, командующий склонился над ним, долго с глубокой тоской глядел ему в безжизненное лицо. Потом перекрестил погибшего и поцеловал его, прощаясь как с любимым сыном...

Партизанский полк генерала Казановича с ходу ворвался в город, дошел до Сенной площади и в суматохе боя оказался в тылу у екатеринодарского гарнизона, который почти весь «сидел» в окопах. Белым партизанам-донцам пришлось с боем прорываться из Екатеринодара назад: поддержать их успех было некому.

Четвертый день кровопролитных боев за столицу Кубани результата штурмующим добровольцам не дал. Вечером в тес-

ной комнатке командующего на ферме собрался военный совет. Присутствовали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский, Марков, Богаевский и донской атаман полковник Филимонов.

Помрачневший за эти дни Корнилов предоставил слово начальнику штаба армии Романовскому. Тот доложил военному совету, что, по данным разведки штаба, силы большевистского командования составляют в боевой линии до 18 тысяч бойцов при 2—3 бронепоездах, 2—4 гаубицах и 8—10 легких орудиях. Отряды противника постоянно пополняются и сменяются в окопах.

Дальше Романовский обрисовал безрадостную картину состояния Добровольческой армии. Противник во много раз превосходит белогвардейцев. Корниловские войска понесли тяжелые потери, в особенности в командном составе. Части до крайности утомлены физически и морально трехдневным боем.

Офицерский полк еще сохранился. Кубанский стрелковый сильно потрепан. От Партизанского в строю оставалось чуть более 300 штыков. Еще меньше людей набиралось в Корниловском ударном полку. Полк понес наибольшие потери. Корниловцев после гибели Неженцева принял полковник Кутепов.

Генерал Романовский был откровенен:

— Замечается редкое для добровольцев явление — утечка из боевой линии в тыл. Мобилизованные казаки расходятся по домам.

Боевое обеспечение армии выглядело просто удручающим. Снарядов в обозе уже не имелось: последний их запас разделили между батареями. Такая же картина была и с винтовочными патронами: их раздали бойцам. Романовский не скрывал правды, что и без того скудный армейский боезапас к этому дню был исчерпан. Этой фразой начальник штаба Добровольческой армии и закончил свой доклад.

В комнате наступило молчание. Все понимали, что командующий, заставив начальников лишний раз прочувствовать бедственную картину положения, не отказался от штурма Екатеринодара. Корнилов глухим голосом, но резко и отчетливо сказал:

— Положение действительно тяжелое. И я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра

на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

Все участники военного совета, кроме одного генерала Алексеева, ответили отрицательно. Михаил Васильевич сказал тихим, но твердым голосом:

— Город Екатеринодар является целью Кубанского похода Добровольческой армии. Если мы откажемся от назначенной цели, значит, признаем поход нашей боевой и моральной неудачей.

Генерал-лейтенант А.И. Деникин так описывает тот военный совет:

«Мы чувствовали, что первый порыв прошел, что настал предел человеческих сил и об Екатеринодар мы разобьемся: неудача штурма вызовет катастрофу; даже взятие Екатеринодара, вызвав новые большие потери, привело бы армию, еще сильную в поле, к полному распылению ее слабых частей для охраны и защиты большого города. И вместе с тем мы знали, что штурм все-таки состоится, что он решен бесспорно.

Наступило тяжелое молчание. Его прервал Алексеев:

— Я полагаю, что лучше будет отложить штурм до послезавтра; за сутки войска несколько отдохнут, за ночь можно будет произвести перегруппировку на участке Корниловского полка; быть может, станичники еще подойдут на пополнение.

На мой взгляд, такое половинчатое решение, в сущности прикрытое колебание, не сулило существенных выгод: сомнительный отдых в боевых цепях, трата последних патронов и возможность контратаки противника. Отдаляя решительный час, оно сглаживало лишь психологическую остроту данного момента. Корнилов сразу согласился.

— Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 1 апреля.

Участники совета разошлись сумрачные. Люди, близкие к Маркову, рассказывали потом, что, вернувшись в свой штаб, он сказал:

— Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем.

После совещания мы остались с Корниловым вдвоем.

— Лавр Георгиевич, почему вы так непреклонны в этом вопросе?

— Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодара, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

— Этого вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся.

— Вы выведете...

Я встал и взволнованно проговорил:

— Ваше превосходительство! Если генерал Корнилов пончик с собой, то никто не выведет армии — она вся погибнет.

Кто-то вошел, и мы уже не dokonчили этого разговора.

В тот же вечер Корнилов как будто продолжил его с прибывшим с позиций в резерв Казановичем:

— Я думаю, — сказал Корнилов, — завтра повторить атаку всеми силами. Ваш полк (Партизанский. — *А.Ш.*) будет у меня в резерве, и я двину его в решительную минуту. Что вы скажете?

Казанович ответил, что, по его мнению, тоже следует атаковать, и он уверен, что атака удастся, раз Корнилов лично будет руководить ею.

— Конечно, — продолжал Корнилов, — мы все можем при этом погибнуть. Но, по-моему, лучше погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели: без снарядов и патронов это будет медленная агония».

В последующем исследователи Гражданской войны скажут, что генерал Алексеев на том военном совете поддержал Корнилова только из солидарности.

Новый штурм города не состоялся. На рассвете 31 марта артиллерия красных обстреляла район фермы, где находился штаб белых. Один из снарядов пробил стену в комнате, где за столом сидел Корнилов, и разорвался. Один осколок поразил Лавра Георгиевича в висок, второй ударил в правое бедро. Через несколько минут военного вождя Белого движения не стало.

«Неприятельская граната попала в дом только одна, только в комнату Корнилова, когда он был в ней, и убила только его одного».

Тело Корнилова вынесли на носилках из штабного домика. Вокруг него собрались все, кто находился в эти минуты на ферме. Подъехал генерал Алексеев, который с утра был у бойцов донского Партизанского полка. О смерти Корнилова он узнал только в последнюю минуту. Михаил Васильевич, стараясь не терять присутствия духа, обратился к помощнику погибшего командующего Добровольческой армией генерал-лейтенанту Деникину:

— Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помоги вам Бог!

Первым нарушил молчание Михаил Васильевич:

— Скрыть гибель Лавра Георгиевича от бойцов армии до вечера мы не сможем. Надо готовить приказ по армии о нашей общей с вами утрате.

Такой приказ был написан, незамедлительно разослан в добровольческие части и там оглашен при полном молчании слушавших его людей. Приказ гласил:

«Параграф 1.

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 часов 30 минут 31 сего марта убит генерал Корнилов. Пал смертью храбрых человек, который любил Россию больше себя и который не смог перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине. Бегство из неприятельского плена, августовское наступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею — известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову — нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

Параграф 2.

В командование армией вступить генералу Деникину...»

Этот приказ внес известную долю успокоения в сердца добровольцев. В тяжелую минуту добровольцы потеряли своего военного вождя. Не случайно Добровольческая армия называлась корниловской. От смерти Корнилова в рядах белых бойцов — «Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собой шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых стали закрадываться страх и мучительное сомнение...»

Так писал доброволец прапорщик Роман Гуль, рядовой Корниловского ударного полка:

«...Подходит бледный, взволнованный капитан Ростомов. «Ты ничего не знаешь?» — «Нет. Что?» — «Корнилов убит, — глухо говорит он, — но, ради Бога, никому не говори, просят скрывать...»

Куда-то оборвалось, покатилося сердце, отлила кровь от головы. Нельзя поверить! ...»

В ночь на 2 апреля тела генерала Л.Г. Корнилова и полковника М.О. Неженцева, двух кавалеров ордена Святого Георгия, были тайно преданы земле на пустыре за немецкой колонией Гнадау в 50 верстах севернее Екатеринодара. На месте захоронения не поставили ни полагающихся по такому случаю даже безымянных крестов, не устроили обязательных могильных холмиков. Лишь разрытая земля свидетельствовала о существовании здесь захоронений.

Была составлена карта местности с координатами захоронения, которая была размножена в трех экземплярах. Карты отдали на хранение трем разным лицам, которые никак не могли погибнуть все вместе. Число лиц, посвященных в эту тайну, было небольшим.

...Вопрос о возобновлении штурма Екатеринодара уже никто из генералов не поднимал. Об этом не говорили вслух, но каждый понимал, что армия должна уйти от города. Новый командующий А.И. Деникин обсудил ситуацию с генералом М.В. Алексеевым, за которым он безоговорочно признавал авторитет зачинателя Белого движения. Они, хорошо понимая друг друга и настроение добровольцев, и решили не терять больше бойцов в безуспешных атаках.

От Екатеринодара Добровольческая армия совершила быстрый марш-бросок на север, к станции Старовеличковской. Командование красными войсками прозевало отход белых и потому организовать преследование не смогло.

Была еще и другая, не менее веская причина. В красном лагере в эти дни царила эйфория по поводу успешной защиты Екатеринодара от «кадетов» и гибели самого «белого» вождя генерала Корнилова. В газетах печатались сообщения о «разгроме и ликвидации белогвардейских банд, рассеявшихся по всему Северному Кавказу».

В Совет народных комиссаров из Екатеринодара было отправлено телеграфное донесение об отражении нападения контрреволюционера генерала Корнилова:

«г. Екатеринодар.
18 апреля 1918 г.
9 час. 20 мин.

Только что вернулся с обследования фронта. Сегодня в ночь произошли крупные перемены: наши в ночной энергичной атаке отбросили контрреволюционные войска Корнилова от Екатеринодара на 12 верст и окружили его кольцом. Контрреволюционеры понесли большие потери. В настоящее время банды Корнилова преследуются. Я находился в штабе. В станице Елизаветинской наши войска надеются сегодня в ночь выбить противника. Ввиду открытых позиций наступление тормозится за неимением бронированных автомобилей.

В беседах главнокомандующий Автономов жалуется на недостаток снаряжения и неимение в достаточном количестве винтовок, автомобилей и аэропланов, а также неимение денег. Силы имеются — свыше 75 тысяч, содержать нечем.

Прошу при получении немедленно разобраться и выслать деньги на содержание армии срочно, промедление высылки задержит борьбу с контрреволюционерами.

Ответственный комиссар
Юго-Восточного района России,
член Центрального исполнительного комитета
Тарасов».

...В станице Егорлыцкой в Добровольческую армию пришло «стороной» известие, немало поразившее всех, от кадетов до заслуженных фронтовых генералов. Совет народных комиссаров РСФСР и ВЦИК утвердили подписанный в Брест-Литовске сепаратный мир с Германией и ее союзниками — Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Добровольцы расценили такой политический акт одностороннего выхода России (теперь Советской) из Первой мировой войны как прямое предательство союзников по Антанте, полное нарушение союзнических обязательств. Как позорный для России мир.

С еще большим возмущением узнали они о том, какой ценой покупался этот сепаратный мир с неприятелем. Германии и Австро-Венгрии отдавали всю Прибалтику, большую часть украинских и белорусских земель, корабли Балтийского и Черноморского флотов.

Договор считался позорным для России еще и потому, что она выплачивала Германии, которая победительницей в войне не была, «скрыто» наложенную на нее контрибуцию в размере 6 млрд марок золотом «за все финансовые обязательства, предусмотренные договором...»

В счет этой огромной суммы советское правительство успело выплатить проигравшей Первую мировую войну Германии только 325 млн рублей золотом. Впоследствии это золото по Версальскому мирному договору перешло к бывшей российской союзнице по Антанте Франции.

Брест-Литовский сепаратный мир не остановил Берлин и Вену в планах относительно территориальных приобретений России. Когда белая Добровольческая армия, которая считала Антанту своей союзницей по еще продолжавшейся Первой мировой войне, вышла к станице Егорлыцкой, в Ростове-на-Дону уже стояли немецкие войска...

«Ледяной» 1-й Кубанский поход принес корниловской Добровольческой армии боевую славу, но не дал ей желанной победы на кубанской земле.

3 октября 1918 года командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант А.И. Деникин учредил серебряный «Знак отличия 1-го Кубанского похода». Он представлял собой меч в терновом венке. Знак, приравненный к орденской награде,

носился, естественно, на почетнейшей среди русских военных черно-оранжевой Георгиевской ленте.

Всего было зарегистрировано 3698 участников «Ледяного» похода, так называемых «первопроходцев». Знак за № 1 по праву принадлежал первому командующему армией белых добровольцев генералу Лавру Георгиевичу Корнилову. Это была дань его светлой памяти.

Сменивший его на командном посту «быховец» А.И. Деникин всегда был верен памяти зачинателя Белого движения, ставшего одной из первых «именитых» жертв Гражданской войны. В одном из своих обращений к армии и согражданам он говорил:

«От Добровольческой армии»

Полный развал армии, анархия и одичание в стране, предательство народных комиссаров, разоривших страну дотла и отдавших ее на растерзание врагам, привели Россию на край гибели.

Добровольческая армия поставила себе целью спасение России путем создания сильной, патриотической и дисциплинированной армии и беспощадной борьбы с большевизмом, опираясь на все государственно мыслящие круги населения.

Будущих форм государственного строя руководители армии (генералы Корнилов, Алексеев) не предрешили, ставя их в зависимость от воли Всероссийского Учредительного собрания, созванного по водворении в стране правового порядка.

Для выполнения этой задачи необходима была база для формирования и сосредоточения сил. В качестве таковой была избрана Донская область, а впоследствии, по мере развития сил и средств организации, предполагалась вся территория так называемого Юго-Восточного союза. Отсюда Добровольческая армия должна была идти историческими путями на Москву и Волгу...

Расчеты, однако, не оправдались...»

Дальше генерал-лейтенант А.И. Деникин указал на мотивы «исхода» армии белых добровольцев с тихого Дона. Затем следовал краткий очерк 1-го «Ледяного» Кубанского похода. В конце политического обращения к русским людям новый командующий Добровольческой армией подчеркивал:

«...Предстоит и в дальнейшем тяжелая борьба. Борьба за целостность разоренной, урезанной, униженной России; борьба за гибнущую русскую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни.

Борьба до смерти.

Таков взгляд и генерала Алексеева, и старших генералов Добровольческой армии (Эрдели, Романовского, Маркова и Богаевского), таков взгляд лучшей ее части. Пусть силы наши невелики, пусть вера наша кажется мечтанием, пусть на этом пути нас ждут новые тернии и разочарования, но он — единственный для всех, кто предан России.

Я призываю всех, кто связан с Добровольческой армией и работает на местах, в этот грозный час напрячь все силы, чтобы немедленно организовать кадры будущей армии и в единении со всеми государственно мыслящими русскими людьми свергнуть гибельную власть народных комиссаров.

Командующий Добровольческой армией
генерал-лейтенант Деникин».

...В штабе Добровольческой армии подводили итоги 1-го Кубанского похода, который «первопроходцы» обычно называли «Ледяным». Было над чем, на будущее, задуматься белым военачальникам, которые прекрасно понимали, что Гражданская война еще не «набрала для российской истории оборотов».

И Деникина, и Алексеева, и их сподвижников по Белому движению, по белому воинству интересовали прежде всего реальные, потенциальные возможности созданной их трудами армии корниловцев-добровольцев. От этого зависели их планы на дальнейшее ведение Гражданской войны.

Белая Добровольческая армия, ведомая на Кубань генералом Корниловым и уводимая с нее другим командующим, выступила в поход 9 февраля 1918 года и вернулась на Дон 30 апреля того же года.

«Первопроходцы» прошли (именно прошли, поскольку конницы у них было мало) по основному маршруту 1050 верст труднейшего пути зимнего времени и начавшейся весенней

распутицы. Поход проходил по задонским и кубанским степям, отчасти по предгорьям Главного Кавказского хребта.

За восемьдесят походных дней Добровольческая армия 44 дня вела бои с превосходящими силами противника. То есть почти весь поход она, как говорится, не выходила из боя.

Вышла армия из Ростова в составе четырех тысяч бойцов, а вернулась на донскую земли в составе пяти тысяч, пополнившись кубанцами — добровольцами и казаками. То есть большие людские потери, прежде всего в ходе неудачного штурма Екатеринодара, не сократили численность армии, что было немаловажно для последующих событий в Гражданской войне.

Начала поход с несколькими сотнями снарядов, имея по 150—200 патронов на человека. Вернулась армия почти с тем же: все снабжение для войны белые добровольцы добывали ценой собственных смертей. И только в неравных боях.

В кубанских степях Добровольческая армия лишилась своего испытанного вождя, потеряв до полутысячи человек. Она вывезла с собой на Дон свыше полутора тысяч раненых бойцов.

Добровольческая армия после неудачного штурма Екатеринодара по собственной воле ушла с Кубани обратно на Дон. Потери в людях для нее, и без того малочисленной, были огромны. Но все же на первом военном совете, который состоялся в станице Мечетенской, генерал Алексеев мог сказать присутствующим:

— Наша армия пришла с Кубани более сильной, чем вышла из нее. В этом заслуга прежде всего ее первого командующего. Добровольчество не ослабло даже с учетом утраты генерала Корнилова Лавра Георгиевича...

И закончил свое выступление Михаил Васильевич следующими словами:

— Выйдя из одного похода, нам надо готовиться к новому. Главная борьба еще впереди.

На Дону белая Добровольческая армия соберется с новыми, значительными силами. Перед 2-м Кубанским походом она будет состоять из трех пехотных дивизий, одной конной и одной кубанской конной бригады. Поход «прикрывался» четырьмя бронепоездами: «Офицер», «Единая Россия», «Гене-

рал Корнилов» и «Вперед за Россию». Сохранял свое название Корниловский ударный полк, который будет развернут сначала в пехотную бригаду, а затем в одну из четырех «цветных» дивизий Добровольческой армии. Ими были Корниловская, Алексеевская, Марковская и Дроздовская пехотные дивизии.

Имя Лавра Георгиевича Корнилова осталось почитаемым в рядах белой Добровольческой армии до последних дней ее существования. В огненном вихре Гражданской войны добровольцы-корниловцы пытались увековечить память о нем на родной земле, но не смогли устроить даже перезахоронение останков героя Белого движения. Тому были свои причины.

В декабре 1918 года по при главнокомандующем Добровольческой армии на Юге России генерал-лейтенанте А.И. Деникине была создана так называемая Особая комиссия. В ее задачу входил сбор материалов о преступлениях большевиков в освобожденных от них областях. Состав комиссии отличался представительностью: здесь были опытные юристы, известные общественные деятели, офицеры Генерального штаба, бывшие сотрудники Министерства иностранных дел, члены союзных миссий...

Работа Особой комиссии велась в строгом соответствии с Уставом уголовных преступлений. Производился опрос свидетелей и потерпевших, изучались документальные материалы. Члены комиссии работали добросовестно и скрупулезно. Сами ее сотрудники говорили, что задача у них чисто пропагандистская, агитаторская — показать «злодеяния большевизма».

Особой комиссией было вскрыто немало фактов массовых убийств и истязаний, гонений на русскую православную церковь. Из собранных материалов белых следственных органов сложились, к примеру, такие громкие дела, как дело об убийстве в Екатеринбурге царской семьи и дело распространенной на советской Кубани «социализации девиц от 16 до 25 лет» (официально санкционированное властями изнасилование девушек и молодых женщин из «буржуазных классов»). Известность приобрело и расследование кровавых дел в городе Таганроге, где военным комиссаром был бывший каторжник, отбывавший наказание за убийство, а председателем контрольной комис-

сии по перевозке «бриллиантов для диктатуры пролетариата» — известный в недавнем прошлом грабитель по кличке «Пузырь».

Работниками Особой комиссии среди прочего было проведено расследование факта «глумления большевиков над телом убитого генерала Корнилова». Этот материал стал одним из многих в архиве «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков» и сохранился до наших дней. Вот его содержание:

«31 марта 1918 года под городом Екатеринодаром, занятым большевиками, был убит командующий Добровольческой армией, народный герой генерал Корнилов.

Тело его было отвезено за 40 верст от города в колонию Гнадау, где оно и было 2 апреля предано земле, одновременно с телом убитого полковника Неженцева.

В тот же день Добровольческая армия оставила колонию Гнадау, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики в предшестве разъездов Темрюкского полка.

Большевики первым делом бросились искать якобы «зарытые «кадетами» кассы и драгоценности». При этих розысках они наткнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны, и тут же большевики, увидев на одном из трупов погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Общей уверенности не могла поколебать замедлившаяся по нездоровью в Гнадау сестра милосердия Добровольческой армии, которая при предъявлении ей большевиками трупа для опознания хотя и признала в нем генерала Корнилова, но стала их уверять, что это не он. Труп полковника Неженцева был обратно зарыт в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринодар на повозке колониста Давида Фрука.

В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на Соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами; воздух оглашался отборной бранью — ругали покойного. Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогли; настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель.

Один из представителей советской власти Золотарев появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез тело Корнилова, но в это время Сорокин стал оспаривать у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а темрюкцами. Появились фотографии, и с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам.

С трупа была сорвана последняя рубашка, которая рвалась на части и обрывки разбрасывались кругом. «Тащи на балкон, покажи с балкона, кричали в толпе, но тут же слышались возгласы: не надо на балкон, зачем пачкать балкон. Повесить на дереве». Несколько человек оказались уже на дереве и стали поднимать труп. «Тетя, да он совсем голый», — с ужасом заметил какой-то мальчик стоявшей рядом с ним женщине.

Но тут же веревка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела. С балкона был отдан приказ замолчать, и когда гул голосов стих, то какой-то находившийся на балконе представитель советской власти стал доказывать, что привезенный труп без сомнения принадлежит Корнилову, у которого был один золотой зуб. «Посмотрите и увидите» — приглашал он сомневающихся. Кроме того, он указывал на то, что на покойнике в гробу были генеральские погоны и что в могиле, прежде чем дойти до трупа, обнаружили много цветов, «а так простых солдат не хоронят», — заключил он.

И действительно, приходилось считать вполне установленным, что все это безгранично дикое глумление производилось над трупом генерала Корнилова, который был тут же опознан лицами, его знавшими.

Глумление это на Соборной площади, перед гостиницей Губкина, продолжалось бесконечно долго.

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Толпа задвигалась, но в это время с балкона послышался грозный окрик: «стой — буду стрелять из пулемета», — и толпа отхлынула.

Не менее двух часов тешился народ. Отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Вновь тронулась вперед все та же повозка, с той же печальной поклажей. За повозкой двинулась огромная, шумная толпа, опьяненная диким зрелищем

и озверевшая. Труп был уже неузнаваем: он представлял собой бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю и пр. Но этого все еще было мало: дорожной глумление продолжалось: к трупу подбегали отдельные лица, наносили удары шашкой, бросали камнями и землей, плевали в лицо. При этом воздух оглашался грубой бранью и пением хулиганских песен.

Наконец, тело было привезено на городские бойни, где его сняли с повозки, и, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти. Языки пламени охватили со всех сторон обезображенный труп; подбежали солдаты и стали штыками колоть тело в живот, потом подложили еще соломы и опять жгли. В один день не удалось закончить все работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растапывали ногами.

Имеются сведения, что один из большевиков, рубивший труп генерала Корнилова, заразился трупным ядом и умер.

Через несколько дней по городу двигалась какая-то шутовская процессия ряженых, ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать похороны Корнилова. Остановливаясь у подъездов, ряженые звонили и требовали денег «на помин души Корнилова».

5 апреля в екатеринодарских «Известиях» на видном месте была помещена заметка, начинавшаяся следующими словами: «...в 12 часов дня отряд т. Сорокина доставил в Екатеринодар труп героя и вдохновителя контрреволюции — ген. Корнилова». Далее в заметке говорилось: «после фотографирования труп Корнилова был отправлен за город, где и был предан сожжению».

Когда 6 августа 1918 года представители Добровольческой армии прибыли в Екатеринодар в колонию Гнадау для поднятия останков генерала Корнилова и полковника Неженцева, то могила Корнилова оказалась пустой; нашелся в ней один только небольшой кусок соснового гроба.

Председатель Особой комиссии по расследованию
злodeяний большевиков, состоящей
при главнокомандующем Вооруженными силами
на юге России
(штамп, подпись)».

После гибели при штурме Екатеринодара Лавр Корнилов не удостоился ни положенных ему воинских почестей, ни даже простого деревянного могильного креста.

Восстановленный в рядах Добровольческой армии в конце декабря 1917 года под своим названием — Славянский корниловский ударный — полк принял участие в 1-м Кубанском «Ледяном» и 2-м Кубанском походах. Вскоре с началом боев он получил свое прежнее, первое название — Корниловский ударный. История Гражданской войны свидетельствует, что это была одна из самых стойких, боеспособных частей белых войск.

Корниловский ударный полк имел собственный марш, который стал маршем и для всех последующих корниловских воинских формирований Добровольческой армии. Вот его слова:

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет —
Нас, корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Припев: Вперед на бой!
Вперед на бой!
На бой, кровавый бой!

Русь поймет, кто ей изменник,
В чем ее недуг,
И что в Быхове не пленник
Был, а верный друг.

Припев

За Россию и свободу,
Если в бой зовут,
То корниловцы и в воду,
И в огонь пойдут.

Припев

Верим мы, близка развязка
С чарами врага.

Упадет с очей повязка
У России, да!

Припев

Загремит колоколами
Древняя Москва,
И войдут в нее рядами
Русские войска!

Припев.

В июле 1918 года формируется 2-й Корниловский ударный полк, а в августе — 3-й. Они составили Корниловскую ударную бригаду 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии. В декабре того же года формируется 4-й полк, который в феврале 1919 года в тяжелом бою был фактически уничтожен красными и после этого больше не воссоздавался.

14 октября 1918 года корниловцы выводятся из состава 1-й пехотной дивизии. Из них формируется так называемая «цветная» (по цвету фуражек и погон — красно-черные) Корниловская ударная дивизия. 10 ноября создается Артиллерийская генерала Корнилова бригада. Она составила дивизионную артиллерию. При дивизии имелась отдельная Инженерная рота.

В годы Гражданской войны Корниловская ударная дивизия имела семь боевых знамен. Первой святыней, разумеется, являлось знамя, полученное ударниками капитана М.О. Неженцева с надписью «Корниловский ударный отряд». Имелось три наградных знамени, к трем орденам Святого Николая Чудотворца, пожалованных 30 мая 1920 года. В апреле того же года дивизии приказом главнокомандующего русской армией были переданы знамена пехотных 75-го Севастопольского и 133-го Симферопольского полков. 1 сентября 1920 года корниловцы получили знамя Георгиевского пехотного батальона.

Артиллерийская генерала Корнилова бригада в Гражданской войне тоже имела боевые награды. Ими стали Николаевские орденские трубы, которые получили за отличия в боях 1-я, 5-я, 6-я и 7-я батареи бригады ударников-корниловцев.

Трубы были сродни таким же наградным серебряным георгиевским трубам Российской Императорской армии и Российского Императорского флота. В старой русской армии такая почетная «полковая музыка» считалась предметом гордости воинской части.

Корниловцы имели свою отличительную форму одежды: черные гимнастерки с белыми выпушками, цветные красно-черные фуражки. Погоны у пехотинцев и конников были черно-красные, у артиллеристов — черные. Но поскольку пошив одинаковой униформы в годы Гражданской войны для белых был практически невозможен, то корниловцы носили не только гимнастерки «своего» черного цвета. Чаще носили обычные защитные рубахи, белые косоворотки и английские кители покроя «френч», произвольно украшенные выпушками белого или черного цвета.

После эвакуации из Крыма врангелевской белой русской армии остатки дивизии были сведены в Корниловский ударный полк. А ее артиллеристы составили Корниловский артиллерийский дивизион. Свою полковую историю корниловцы получили уже в эмиграции. Она была опубликована в Париже. Ее написал полковник М.Н. Левитов, который закончил Гражданскую войну командиром 2-го Корниловского ударного полка.

Корниловцы имели свой кодекс чести на войне. Он был изложен в двух наставлениях. Первый назывался «Наказ корниловцам о законах и обычаях сухопутной войны»:

«1. Воюешь с неприятельскими войсками, а не с мирными жителями. Неприятели могут быть и жители неприятельской страны, но лишь в том случае, когда видишь их с оружием в руках.

2. Безоружного врага, просящего пощады, не бей.

3. Уважай чужую веру и ее храмы.

4. Мирных жителей неприятельского края не обижай, их имущества сам не порти и не отнимай, да и товарищей удерживай от этого. Жестокость к обывателям только увеличивает число наших недругов. Помни, что солдат — Христов воин.

5. Когда кончилось сражение, раненого жалеи и старайся по мере сил помочь ему, не разбирая — свой он или неприятельский. Раненый уже не враг твой.

6. С пленными обращайся человеколюбиво; не издевайся над его верою; не притесняй его.

7. Обирание пленным, а еще хуже того раненых и убитых — величайший стыд для честного солдата, польстившемуся на такое действие грозят тягчайшие наказания, как за разбой.

8. Если приставлен будешь к пленным, охраняй их от приставания посторонних. При попытке пленного бежать — задерживай его, зови на помощь, в крайности действуй оружием.

9. Палатки и дома, где находятся раненые и больные, обозначены всегда белым флагом с красным крестом, — в эти места не стреляй и не ломись.

10. Не трогай людей, хотя бы и в неприятельской форме, у которых на рукаве белая повязка с красным крестом, — они ухаживают за больными и ранеными и лечат их.

11. Увидишь неприятеля с белым флагом — не стреляй в него, а направь к начальству — это переговорщик — лицо неприкосновенное...»

Второе наставление называлось так: «Поучение воину-корниловцу — перед боем». Оно имело и второе название (или подзаголовок): «Каждый воин должен твердо усвоить следующие руководящие основания для боя»:

«1. Сам погибай, а товарища выручай.

2. Иди вперед, хотя бы передних и били.

3. Не бойся гибели, как бы ни приходилось трудно, наверное побьешь.

4. Если тебе трудно, то неприятелю не легче, а может труднее твоего. Только свое трудное ты видишь, а неприятельского не видишь, но оно непременно есть, и потому никогда не унывай, будь дерзок и настойчив.

5. При обороне надо бить, а не только отбиваться. Лучший способ обороны — самому напасть.

6. В бою бьет тот, кто упорнее и смелее, а не кто сильнее и искуснее. Победа сразу не дается, враг тоже бывает стоек: иной раз не удастся взять и с двух и с трех раз — тогда нужно лезть и в четвертый и далее, пока не добьешься своего.

7. Более или менее искусные распоряжения облегчают достижение цели с меньшими потерями, но только облегчают;

достигает же ее только тот, кто решился скорее погибнуть, чем не добиться своего.

8. Какие бы неожиданные препятствия ни встретились на пути к цели, надо думать о том, чтобы их преодолеть, а не о том, что дело плохо.

9. У порядочной части нет ни тыла, ни флангов, а везде фронт, откуда неприятель.

10. Как бы неожиданно ни появился неприятель, не нужно забывать одного: его можно бить штыком или огнем. Из двух выбор не труден, а строй — уже дело второстепенное. Если враг близко — всегда штык; если подальше — сначала огонь, а потом штык.

11. Нет того положения, из которого нельзя было бы выйти с честью.

12. В бою нет смены. Раз попал в бой, останешься в нем до конца: поддержка будет, смена никогда.

13. Пока дерешься, выручай здоровых; только побив врага, вспоминай о раненых. Кто о них хлопочет во время боя и оставляет ряды — трус, а не сердобольный человек. Для подбора раненых всегда есть особые команды.

14. Будучи начальником, не залезай в дело младшего, когда видишь, что его толково ведут, в бою и своего дела довольно будет. Кто погонится за тем, что другие должны делать, упустит свое. Всякий чин должен иметь свой круг самостоятельности и ответственности. Не признавая первой, снимаешь и вторую. Но начальник должен следить, чтобы всякий делал свое дело и спуску не давал...»

Эти два наставления белогвардейцам-корниловцам по духу своему схожи с содержанием известной суворовской «Науки побеждать». Такое не случайно: творение «препрославившегося в свете всегдашними победами генералиссимуса российских войск князя Италийского графа Суворова-Рымникского» на протяжении более чем столетия являлось настольной книгой для русского офицерства. И в Красной армии на основе идей полководца Александра Васильевича Суворова была создана в виде боевого наставления «Книжка красноармейца».

Корниловцы, доблестно воевавшие за Белое движение в рядах вооруженных сил Юга России, не раз блиставшие стойко-

стью и победами в составе южной группы войск Добровольческой армии, до самого своего «ухода» из Крыма заставляли говорить о себе. И противника, и своих военачальников.

Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель в своих «воспоминаниях» всегда тепло отзывался о действиях корниловцев в рядах русской армии. Вот как он описывает их перед началом белого наступления в Северной Таврии:

«...Вечером мы (Врангель и представители союзнических миссий. — А.Ш.) прибыли в Мелитополь, где в штабе 1-й армии начальник штаба армии генерал Достовалов сделал краткий доклад о нашем общем положении и познакомил слушателей с историей борьбы войск генерала Кутепова в Северной Таврии. После ужина мы вернулись в поезд и выехали на станцию Федоровка, откуда 1 сентября утром проехали на автомобилях в колонию Кронсфельд, где смотрели оттянутую в резерв командуемую армией Корниловскую дивизию.

От края до края огромной площади растянулись ряды войск. На середине площади поставлен аналой и в блестящих ризах духовенство служит молебен. В тихом осеннем воздухе несутся звуки церковного пения, и где-то в небесной выси вторит им запоздалый жаворонок.

Загорелые, обветренные лица воинов, истоптанные порыжевшие сапоги, выцветшие истертые рубахи. У многих верхних рубах нет, их заменяют шерстяные фуфайки. Вот один, в ситцевой пестрой рубахе с нашитыми полотняными погонями, в старых выцветших защитных штанах, в желтых английских ботинках, рядом другой и вовсе без штанов, в вязаных кальсонах. Ужасная, вопиющая бедность. Но как тщательно, как любовно пригнана ветхая амуниция, вычищено оружие, выровнены ряды.

После молебна я вручаю 1-му Корниловскому полку Корниловское знамя, знамя 1-го батальона имени генерала Корнилова.

Это знамя, сохраненное одним из офицеров полка, вырвавшимся от большевиков, является для полка дорогой реликвией.

Части проходят церемониальным маршем. Один за другим идут стройные ряды, бодрый, твердый шаг, веселые радостные лица и кажется, что встали из могилы старые русские полки...»

Гражданская война «смертельным колесом» прошла по всему сибирскому казачьему роду Корниловых. Беженцами стали дети Лавра Георгиевича — дочь Наталья и сын Юрий. Они в полной мере хлебнули эмигрантского горя на чужбине. Хотя всегда чувствовали поддержку и сострадание боевых товарищей своего отца.

В Белом движении и Гражданской войне участвовал и родной брат Корнилова — полковник Петр Георгиевич, фронтовик со стажем. В 1920 году в Туркестанском крае он поднял восстание против власти большевиков, но повстанцы были разгромлены. Корнилов вместе с женой укрылся в Ташкенте, но был схвачен и расстрелян в том же 20-м году.

Сестра генерала Корнилова — Анна Георгиевна стала школьной учительницей. Но имя брата, от которого она упорно не отказывалась, все время висело над ней. В 1926 году она была арестована и приговорена к расстрелу за «антисоветскую агитацию». Другой меры наказания карающие органы советской власти к родной сестре «самого Корнилова» применить не могли.

...Начиная с августа 1917 года по самый конец XX столетия россияне знали Лавра Георгиевича Корнилова как отпетого, идейного врага трудового народа, одного из вождей белогвардейского лагеря. Боевой генерал с полководческими задатками, участник трех войн, представлялся обычно как защитник «буржуазии, помещиков и капиталистов». Но только не как защитник старой российской государственности, старой русской армии. Замалчивался даже тот факт, что он происходил из семьи простого, трудового казака.

Однако правда истории рано или поздно берет свое. Россия теперь знает генерала Л.Г. Корнилова как Верховного главнокомандующего в Первой мировой войне. Как подлинного государственника, кавалера ордена Святого великомученика и Георгия Победоносца на двух войнах. Как талантливого военного разведчика и ученого, владевшего в совершенстве шестью иностранными языками и награжденного малой серебряной медалью Русского географического общества. Как человека офицерской чести и личного бескорыстия. И наконец, как бескомпромиссного патриота России, в которого верила и которого боготворила часть наших соотечественников.

Но как российского правителя история Отечества Лавра Георгиевича Корнилова не знает. А по пути к этому титулу в 1917 году с его двумя революционными потрясениями несостоявшийся диктатор шел волей судьбы дважды: в августе и декабре. Но переустроить Россию на «белый» лад он не сумел даже ценой собственной жизни, которую выходец из сибирского казачьего сословия положил на алтарь Гражданской войны без колебаний.

Корнилов привнес в историю Российского государства в начале прошлого века собственное «я», хотя и проиграл на военном поприще в противостоянии Белого и Красного движений. Проиграл, но не морально, не нравственно. Этой по крайней мере непреложной истины не могут отрицать ни друзья, ни враги его. Ни тогда, ни сегодня. В этом и состоит историческая правда о генерале Корнилове.

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

ЧАСТЬ I СЛУЖЕНИЕ БОГУ, ЦАРЮ И ОТЕЧЕСТВУ

Глава 1 СЫН КАЗАКА-ХОРУНЖЕГО С ГОРЬКОЙ ЛИНИИ СИБИРИ. ПУТЬ В ОФИЦЕРЫ	7
---	---

Глава 2 ТУРКЕСТАН. РАЗВЕДЧИК РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА	16
---	----

Глава 3 НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ. ПЕРВЫЙ СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ	31
---	----

Глава 4 АГЕНТ В КИТАЕ. ЗАМУРСКИЙ КОРПУС ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ	57
--	----

ЧАСТЬ II ВЕЛИКАЯ ВОЙНА, НЕ СТАВШАЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Глава 5 МИРОВАЯ ВОЙНА. КОМАНДИР «СТАЛЬНОЙ» СУВОРОВСКОЙ ДИВИЗИИ. КАРПАТЫ	69
---	----

Глава 6 АВСТРИЙСКИЙ ПЛЕН. ПОБЕГ. ПИК ПОПУЛЯРНОСТИ	87
---	----

Глава 7 КРУШЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ. ПРИКАЗ № 1 ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА	96
---	----

Глава 8 КОМАНДУЮЩИЙ 8-Й «БРУСИЛОВСКОЙ» АРМИЕЙ. НАСТУПЛЕНИЕ. ОТСТУПЛЕНИЕ	123
---	-----

ЧАСТЬ III ПУТЬ В ДИКТАТОРЫ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ РОССИИ

Глава 9 ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РОССИИ. НОВЫЕ СОЮЗНИКИ – КЕРЕНСКИЙ И САВИНКОВ	168
---	-----

Глава 10 «КОРНИЛОВСКИЙ МЯТЕЖ». ПОХОД 3-ГО КОННОГО КОРПУСА НА ПЕТРОГРАД	202
--	-----

Глава 11 БЫХОВСКАЯ ТЮРЬМА. СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА. БЕГСТВО НА ЮГ	259
--	-----

ЧАСТЬ IV НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, ИСПЕПЕЛИВШЕЙ РОССИЮ

Глава 12 СТОЛИЦА ДОНА НОВОЧЕРКАССК. ВО ГЛАВЕ БЕЛОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ	292
--	-----

Глава 13 ПЕРВЫЕ БОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ. ДОНСКОЙ ТРИУМВИРАТ	328
--	-----

Глава 14 1-Й КУБАНСКИЙ «ЛЕДЯНОЙ» ПОХОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ	363
--	-----

Глава 15 ШТУРМ ЕКАТЕРИНОДАРА. ГИБЕЛЬ. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ	399
---	-----

Шишов А. В.
Ш 65 Корнилов. Несостоявшийся диктатор. — М.: Вече, 2004. — 432 с.,
илл. (16 с.) (Досье без ретуши)

ISBN 5-94538-419-4

Новая книга из серии «Досье без ретуши» — это не просто биография, а своего рода «портрет на фоне эпохи» одного из лидеров Белого движения в России Лавра Георгиевича Корнилова. Ловкий и бесстрашный разведчик российского Генерального штаба, герой русско-японской войны и Верховный главнокомандующий к концу Первой мировой войны, инициатор 1-го Кубанского «Ледяного» похода белой Добровольческой армии — таковы вехи его жизненного пути.

Термином «корниловец» — синонимом махрового контрреволюционера — в годы революции и Гражданской войны красные клеймили всех, кто выступал за старую Россию. Во многих случаях это было равнозначно смертному приговору. Но для соратников по Белому движению генерал Корнилов был народным героем, авторитетным военным вождем, человеком чести, храбрым и бескорыстным, верным солдатскому долгу. Он смело поднял голос против надругательства над российской государственностью, развала русской армии и очернения фронтового офицерства. Корнилов восстал против сил, которые после Февраля 1917 года вели воюющую республиканскую Россию к катастрофе. Попытавшись установить военную диктатуру, он хотел остановить разложение внутри страны, восстановить боеспособность армии.

ШИШОВ Алексей Васильевич

КОРНИЛОВ. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ДИКТАТОР

Генеральный директор *Л.Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *Е.Д. Страхов*

Корректор *Г.Н. Страхова*

Верстка *И.М. Сорокина*

Разработка художественного оформления и подготовка к печати —
«Вече-графика» — *Е.А. Бессонова*

Гигиенический сертификат

№ 77.99.02.953.П.002268.12.02 от 09.12.2002 г.

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

www.100top.ru

Подписано в печать 24.11.2003. Формат 60x90 1/16.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 27,0. Тираж 7000 экз. Заказ № 0315040.

Отпечатано на MBS в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.